

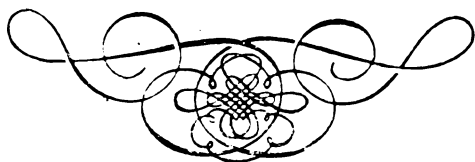

ФАНТАСТИКА

* 79 *

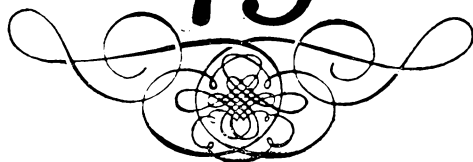

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979

ФАНТАСТИКА
79

СОСТАВИТЕЛИ:

*А. Козлов
А. Осипов*

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:**

*Север Гансовский
Василий Захарченко
Александр Казанцев
Алим Кешоков
Юрий Медведев
Сергей Павлов
Виталий Севастьянов
Аскольд Якубовский*

Наши авторы

О. Алексеев
М. Грешнов
Е. Гуляковский
А. Дмитрук
Г. Зайцева
А. Казанцев
Д. Зиберов
О. Корабельников
О. Ларионова
Г. Максимович
Ю. Медведев
А. Нечипоренко
А. Осипов
Л. Панасенко
В. Родиков
А. Соколов
В. Савченко
Р. Сагабалин
В. Севастьянов
С. Смирнов
Н. Советов
Г. Хромушин
Х. Шайхов
В. Шукшин
А. Щербаков
В. Щербаков
Ю. Яровой

Днепропетровск
Ереван
Иркутск
Киев
Красноярск
Лабинск
Ленинград
Москва
Саратов
Свердловск
Ташкент

70302 — 275
Ф 078(02)—79 238 — 79.4702000000

ЛЕТИ, СТРЕЛА ВРЕМЕНИ!

Предисловие

Что такое научная фантастика, в чем ее притягательная сила?

По-разному пытаются ответить на эти вопросы читатели, почитатели, исследователи НФ. Как читатель попробую дать такое определение: «Научная фантастика — это литературный жанр, описывающий события, явления, которые подвластны законам еще не открытым или недостаточно исследованным.

В самом деле, когда Жюль Верн мысленно конструировал подводный корабль в романе «80 000 километров под водой», законы создания таких аппаратов были еще мало исследованы.

Когда Герберт Уэллс сочинял рассказ «Зеленая дверь», законы быстрого проникновения из одного мира, взаимно сопряженного с другим, были никому не известны. Не открыты они и доселе. Однако настанет срок, каким бы далеким он ни был, и мечта писателя осуществится.

Когда Алексей Толстой «снаряжал» инженера Лося для путешествия в железном снаряде на Марс, большинству ученых это казалось забавной выдумкой. Однако прошло всего полвека — и земные корабли двинулись к Марсу, бороздя космические волны.

Подобных примеров можно привести немало.

Принято считать, что НФ — своеобразный полигон для испытания всевозможных моделей будущего. Такая точка зрения представляется мне механистической, односторонней.

Действительно, одна из задач писателя-фантаста состоит в творческом осмыслении проблем завтрашнего дня. Что там, в призрачной дымке грядущего? Какие светозарные города взвьются к заоблачным высям? Орбиты каких кораблей, подобно лепесткам диковинного цветка, украсят звездные луга вселенной? Как справится человек с загрязнением окружающей среды, с голодом и болезнями, с войнами и нищетой?

Ответы на эти и на другие бесчисленные вопросы уже заложены в настоящем. Здесь, в нашей жизни. Талант фантаста в том и состоит, чтобы по еле заметному зеленому ростку предугадать облик прекрасного дерева грядущего.

Но разве само настоящее, сущее бытие не дает пищу фантасту для размышлений? Разве мало еще загадок в природе,

нуждающихся в объяснениях, догадках, пусть даже фантастических.

А история всех без исключения народов! Сколько в ней романтического, таинственного, пробуждающего воображение! Как объяснить загадку огромных рисунков в пустыне Наска, или существование растений-гигантов на Сахалине, или удивительные математические закономерности пирамид? Как, откуда несколько тысячелетий назад могли появиться электролитические элементы, модели летательных аппаратов, совершенные астрономические календари?

Как видим, оперативный простор для писателя-фантаста поистине необъятен, поскольку раздвинут горизонтами всех трех времен — прошедших, идущих, будущих. Тем труднее и ответственнее задачи настоящего художника-творца: развивая любую тему, погружаясь воображением в любую эпоху, помнить о главном — о пропаганде передовых научных идей, об объективном истолковании картины мироздания, о развитии воображения читателя, о величайшей осмотрительности при решении глобальных вопросов бытия.

На мой взгляд, научная фантастика должна отвечать трем необходимым условиям.

Условие первое. Писателю-фантасту следует по преимуществу выбирать героев из среды своего народа, из своего социалистического (а в недалеком будущем и коммунистического) общества. Это тем более важно, что до недавнего времени фантасты часто грешили тем, что поголовно выносили действие своих произведений на капиталистический Запад. При этом выходило порою и так, что обличение пороков капитализма невольно перерастало в их смакование, а существование самого несправедливого общественного устройства на Земле как бы проецировалось чуть ли не на тысячелетия вперед. Разумеется, произведения-памфлеты, сатиры, развенчивающие истинный облик капитализма, его потребительское, торгашеское нутро, играют немалую роль, однако научно-фантастическая литература, как и всякий другой жанр литературы, не может состоять из одних только разоблачений. Тем более что конец капитализма исторически предопределен.

Условие второе. Фантастика должна быть гуманной в основе своей. Схватки галактических банд, апокалиптические видения, жестокие истязания землян пришельцами со звезд — весь этот псевдолитературный хлам мало что дает уму и воображению читателя, наоборот, приносит немалый вред, лишает социальной перспективы. Драматических и даже трагических ситуаций как при освоении солнечной системы, так и на самой Земле будет еще немало, но это драматизм и трагизм совсем иной. Это драматизм «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова, «Человека-амфибии» Алек-

сандра Беляева, «Аэлиты» Алексея Толстого, «Бегства мистера Мак-Кинли» Леонида Леонова.

Условие третье. Фантастика должна быть высокохудожественной, то есть ни в чем не уступать другим литературным жанрам.

Тот, кто полагает, что главное в НФ — необыкновенная гипотеза или лихо закрученный сюжет, глубоко ошибается. Главное — Слово, вмещающее в себя и радость, и красоту, и боль, и ярость художника. И здесь у начинающего писателя-фантаста есть замечательные образцы для подражания, для воспевания идеала прекрасного. Приведу хотя бы одну мысль нашего замечательного ученого и фантаста Ивана Антоновича Ефремова:

«Прекрасное служит опорой души народа. Если сломить, разбить, разметать красоту, то ломаются устои, заставляющие людей биться и отдавать за родину жизнь. На изгаженном, вытоптанном месте не вырастет любви к своему народу, своему прошлому, воинского мужества и гражданской доблести. Забыв о своем славном прошлом, люди обращаются в толпу оборванцев, жаждущих лишь набить брюхо.

Поэтому важнее всего для судьбы людей и государства — нравственность народа, воспитание его в достоинстве и уважении к предкам, труду, красоте».

Именно этим непреходящим идеям посвящены появившиеся в последние годы фантастические произведения мастеров реалистической прозы: Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Петра Проскурина, Сергея Залыгина, Юрия Куранова, Олега Алексеева. Кстати, в наш сборник включены новая работа О. Алексеева — историко-фантастическая повесть «Крепость Александра Невского» и одно из последних произведений В. Шукшина «До третьих петухов» — фантастическая сказка, чем-то напоминающая бессмертные творения Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова.

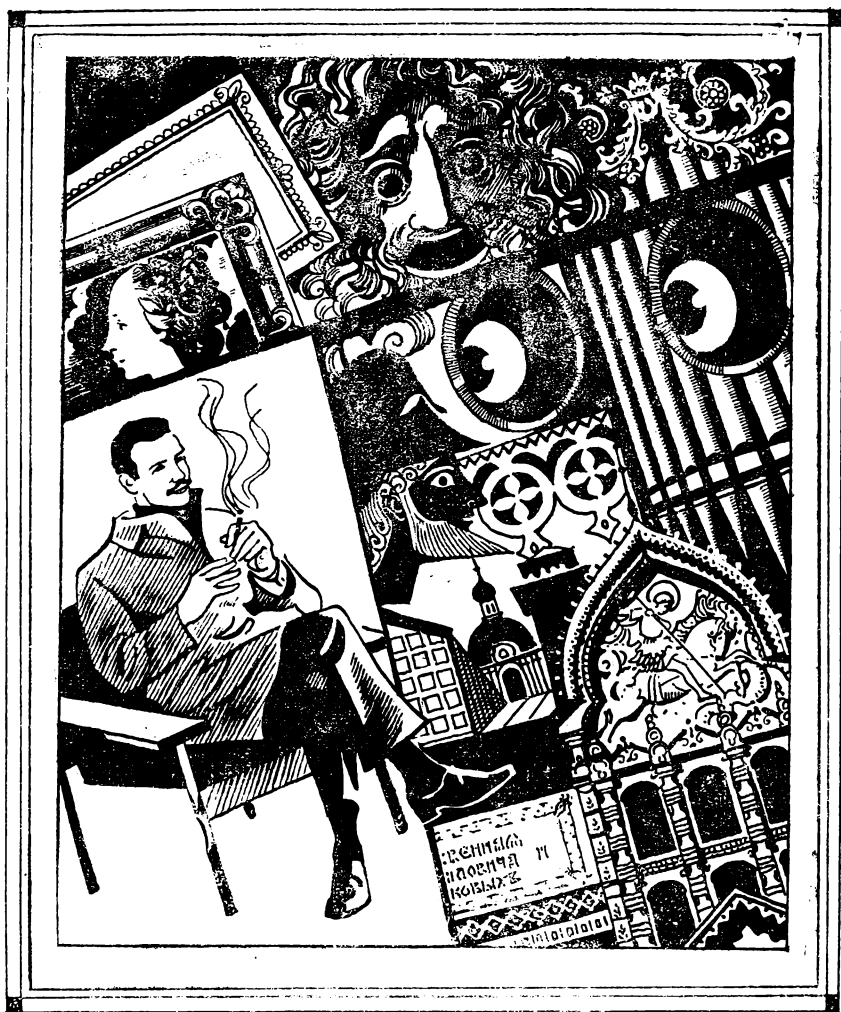
Мне радостно сознавать, что за последнее десятилетие в нашей стране появился целый отряд молодых фантастов, чье творчество так или иначе отвечает трем вышеназванным условиям. Самое отрадное то, что этот отряд многонационален: здесь и русские, и казахи, и литовцы, и украинцы, и армяне, и узбеки — буквально во всех республиках нашего Отечества подрастают молодые силы.

Некоторые из произведений молодых представлены в настоящем сборнике. Прежде всего хочу отметить повесть Е. Гуляковского «Атланты держат небо», рассказы О. Корабельникова «Воля летать», А. Дмитрука «Ночь молодого месяца», Р. Сагабалаяна «Аукцион», С. Смирнова «Зеркало».

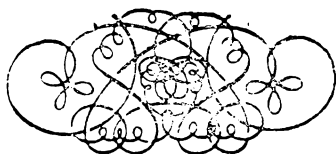
Попробуй и ты, читатель, стать одним из авторов нашего сборника. Дерзни приоткрыть волшебную дверь, опиши, что

ты увидел там, в незапамятной древности или в голубом сиянии завтрашнего дня, куда вечно нацелена летящая стрела времени. Твои прадеды создали поразительные по выдумке сказания о путешествиях смельчаков среди звезд, о вечно живом окяне-море и застывших каменных великанах-горах. Осмысли эти сказания, эти легенды. Может быть, в них ключ к волшебной двери.

Виталий СЕБАСТЬЯНОВ,
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

КРЕПОСТЬ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1

Я учился в институте и на летние каникулы получил задание собирать и записывать материалы для словаря Псковской области.

Вместе с товарищами приехал в Порхов. Поселили нас в школе, в огромном классе с партами и портретом Пушкина. Рядом со школой — через реку — была древняя крепость. Я сразу же отправился туда...

Крепость с белыми известняковыми стенами и белой перекровкой стояла на холме, на крутом берегу реки. В стене был узкий проход, и я очутился в овальной каменной чаше. Дно чаши густо заросло травой, в траве темнели корявые валуны. Крепостной двор пересекала тропа, возле тропы стояли увешанные спелыми плодами яблони. Местами виднелись остатки старых каменных фундаментов. Вверху над каменными стенами и башнями ярко синело небо...

Крепость осталась такой, какой ее построили по приказу князя Александра Невского, лишь местами потрескались и порушились стены.

Тропа свернула в сторону, и я оказался около крутой белой стены. Солнце нагрело плиты, и от стены веяло зноем, как от натопленной печи. Близился вечер, а в крепости было все еще тепло и светло. Каменная чаша, словно медом, была налита светом...

Около одной из башен я увидел следы раскопок и реставрационных работ. Возле покореженной стены горою лежали известняковые плиты, стояли бочки из-под раствора...

Рабочий день закончился, реставраторы, кроме одного, ушли, но и этот оставшийся ничего не делал, просто сидел на суборе валунов.

Брезентовая роба, грубые брюки и бумажная пилотка рабочего были белы от известняковой пыли. В древности такую пыль называли порхом, от этого слова и пошло название города...

На солнце набежало облако, и в косой полосе света я вдруг увидел древнего воина: запорошенная пилотка стала похожа на шлем, серая роба обернулась кольчугой...

Я подошел к башне, вошел в проем. Внутри было знойно, душно, из бойниц бил редкий свет. Я представил деревянный

настил, медные пушки, каменные ядра, бочки зернистого дымного пороха...

Когда вышел из башни, солнце уже зашло за каменную стену, и весь крепостной двор оказался в тени, лишь вверху ярко разливалось сияние...

Рабочий ушел, а на его месте стояли четверо мальчишек. Один из них был в пластмассовом шлеме с пластмассовым щитом и мечом, в руках у другого была саперная лопатка военного времени.

Негромко переговариваясь, мальчишки обступили огромный валун, налегли на него, пытались сдвинуть...

Вечером товарищи собрались на танцы; мне не хотелось идти, но меня потащили чуть не силой...

Вечер был теплым, в парке играла веселая музыка, на тесовой танцплощадке творилось настоящее столпотворение...

Я встал в стороне, но тут же ко мне подошла девушка, радостно назвала меня по имени. Девушка была красива; я растерялся, пытаюсь вспомнить, где и когда ее видел.

— Наверное, я ошиблась... — смутилась девушка.

— Нет, это мое имя...

— Вы из Синегорья?

— Да, я там жил до десяти лет. Потом мы уехали...

— Вы не уехали, вас выселили фашисты, — нахмурилась девушка. — Они тогда всех выселяли... Нашу семью тоже схватили. Меня, сестер, бабушку... Бабушка была, правда, в лесу; фашисты стали кричать, чтобы все выходили... Бабушка вышла, а матери выходить запретила. Так нас с бабушкой и увезли в немецчину. Я кораблей боялась. Говорили, что всех на корабль посадят и увезут за море... А вы, говорят, бежали?

— Два раза убегали... На латвийской границе.

— Меня Зиной зовут. Я из Усадина. Вы со мной дружили, приходили к нам... Недавно я в Синегорье вас видела, шли с автобуса...

Зина открыто улыбнулась, я попросил ее перейти на «ты».

К Зине пробился парень, пригласил на танец, но девушка мотнула головой, хмуро глянула, и парень отошел. Я поискал глазами друзей, они были рядом...

— Айда гулять, — предложила Зина.

Я помнил Зину так, как помнил себя. Тоненькую, смуглую, с тяжелыми черными косами. Помнил, как ходили с ней за малиной и Зина испугалась змеи. Я выломил прут, в ярости застегал гада. Мы дружили, и я готов был умереть за

свою подружку. Мальчишки боялись толкать ее на зимней горе, потому что сразу начиналась драка... В бору я бросился бы с палкой на волка, если бы он вдруг напугал Зину. В грозу, когда мы спрятались под копной сена, Зина в страхе прижималась ко мне. Мы даже целовались в окопе на берегу озера...

Но девочки больше не было, рядом со мной шла девушка. Я растерялся, не зная, как вести себя и что говорить...

— У тебя каникулы? — весело спросила Зина.

— Нет, практика...

— А у меня каникулы...

Оказалось, что Зина учится в Ленинграде, в Порхове гостит у подруги и вскоре снова поедет в деревню к матери.

— И зимой приезжала... С лыжами, я в лыжной секции, первый разряд, скоро кандидатом в мастера буду...

— Здорово! — вырвалось у меня.

— Понимаешь, от нашей деревни до школы километра четыре, и все холмы... Вот я и научилась бегать на лыжах. Мать говорит: ты не бегаешь, а летаешь...

Разговаривая, мы вышли к реке. На берегу шумело гулянье. Веселье тут было иным, чем на танцплощадке. Девушки и парни прогуливались под вековыми деревьями, затевали игры, танцевали, просто стояли над рекой.

Возле столетней липы кружилось несколько пар, мы с Зиной закружились тоже...

Неожиданно погас свет. Музыка продолжала играть, но пары замерли, и в темноте пронеслось страшное слово «буря»...

Зина в испуге прижалась ко мне, замерла, как тогда, в грозу...

Город тонул в темноте, нигде не было ни огонька. Сумасшедшие рванул ветер. С грохотом летели сорванные с крыши листы жести, затрещали сломанные буревалом деревья. В темноте Порхов стал похож на дикий ночной лес...

Бежать было почти невозможно, ветер становился все сильнее. Рослые деревья, будто трава, согнулись, прижались к земле. Как ядра проносились сорванные ветром яблоки, картечью сыпались сбитые с веток гроздья рябины.

Стало страшно, вернулся позабытый страх, тот, что я мальчуганом чувствовал на войне.

И вправду, то, что мы видели, напоминало войну, только не ту, которую я видел, а давнюю, далекую — с громом осадных орудий и высвистом ядер.

— В крепость! — крикнула вдруг Зина, потащила меня за собой.

Крепость была рядом, темнела, будто огромная крутая гора. Мы нырнули в проход, прижались к еще не успевшей

остыть каменной стене. Камни, глубоко прогретые за день, обжигали, будто широкие печные кирпичи...

Ветер бесился, ударяясь о крепостную стену, шипел, грохотал, но стена стояла непоколебимо. Полыхнула молния, и близко-близко я увидел лицо Зины — бледное, испуганное. Развевались густые волосы — ветер разрушил прическу, расплескал мягкие, как кудель, темные пряди. Когда моя мать была молодой, у нее были такие же густые и длинные волосы...

Пушечными раскатами накатился гром, снова полыхнуло, и вновь я увидел корявую древнюю стену и девушку с густыми волосами. Страх в глазах Зины уже не было...

Показалось, что мы вернулись в незапамятное время... Шел страшный бой, по крепости били пушки, враг рвался к воротам, но трусов в крепости не было. Даже девушки поднимались на грозную стену защищать свой край и свой город...

Крепость не раз подвергалась осаде. Грозный Витовт ждал, что ему вынесут ключи от города, но не дождался и приказал своему войску стереть с лица земли маленький город. Сорок лошадей подтащили гигантскую пушку, пушкари зарядили ее бочкой пороха и громадным ядром. Выстрел был громче грома, ядро проломило башню, повредило церковь и, перелетев через крепость, убило литовского воеводу... Но пороховичи не дрогнули, а пушка взорвалась после второго выстрела. Взяв небольшой откуп, Витовт снял осаду...

Я увидел себя древним воином — в стальном шлеме, в похожем на шинель кафтане, с пороховницей на поясе, с тяжелым мушкетом...

Страшная ночь прошла.

Над безмолвной крепостью стоял рассвет. Мы взяли за руки, пошли. Порхов было не узнать. На дороге лежали листы жести, обломки шифера, в траве белели яблоки.

Тропинку перегородила поваленная ураганом липа. Я встал на ее ствол, помог подняться Зине.

— Что это? — вскрикнула девушка.

На том месте, где прежде стояло дерево, зияла глубокая яма. Когда я заглянул в нее, яма показалась бездонной...

— Подземный ход! — вскрикнула Зина. И прежде чем я успел что-то сообразить, сбросила туфли, прыгнула вниз...

Все было просто. Липа стояла над забытым подземным ходом и, рухнув, открыла его.

Не раздумывая, прыгнул и я в темноту, замер, огляделся. Косой сноп света тускло освещал земляные своды, потемневшие от времени дубовые плиты. В глубине хода смутно светлела кофточка Зины.

У меня были спички, я достал из кармана коробок, зажег одну, двинулся к Зине. Ход был невысок, идти можно было

лишь пригибаясь... Пахло гнилью, мышами, чем-то незнакомым, древним. Мы во второй раз вернулись в прошлое...

— Что это? — остановилась Зина.

Из земли торчал бок корявого шара. Спичка погасла, и я в темноте, на ощупь вывернул каменное ядро...

— Посвети... — шепотом попросила Зина.

Я зажег спичку, и мы рассмотрели ядро. Древние псковитяне часто употребляли ядра из камня, считали, что они лучше металлических...

— А вот еще ядро. — Зина наклонилась, но вместо ядра вывернула из земли пехотную каску.

Я ничего не понимал...

Осталась всего одна спичка. Я достал из кармана записную книжку, вырвал несколько листов, скрутил их, поджег... В полосу света рядом с каской лежал ржавый железный крест...

Взяв каску и крест, мы с Зиной вернулись к провалу, я уцепился за крепкое корневище, выбрался наверх, лег возле провала, протянул руки Зине, и она подала находки.

Выбираясь, Зина оступилась, и под ее ногами, словно вода, потекла рыхлая земля. Мне стало страшно: черный поток захлестывал Зину, затягивал, словно болотная топь.

Каким-то чудом я вырвал Зину из-под земли, оттащил в сторону. Провала уже не было, на его месте темнела воронка. Внизу загрохотало, я понял, что подземный ход обвалился.

Мы вернулись в настоящее, но в руках у нас оказались ржавая каска и ржавый крест. Я присмотрелся к кресту внимательней и вдруг увидел, что это небольшой грубойковки кинжал. Откован кинжал был, видимо, не очень умелым мастером, может быть, даже ребенком. Не было ни камней, ни украшений, лишь на одной из четырех граней клинка я отыскал буквы, выцарапанные чем-то острым.

— «Ждан», — прочла надпись Зина.

Теперь мы знали, что владельца самодельного кинжала звали Жданом... Видимо, это был мальчуган, отрок.

Потрясенные случившимся и неожиданными находками, мы вернулись в крепость, постучали в древние двери хранилища...

2

Впервые про подземные ходы я услышал от матери. Шел второй год войны, разгоралось пламя партизанской борьбы, и тихий наш край стал огненным. Сказать, что бой был каждый день, — сказать неправду; иногда в день рядом бывало два-три боя...

Наш дом стоял около озер, на перекрестье дорог. Мать помогала партизанам, а на руках у нее было трое детей, мне, самому старшему, шел девятый год... Страх не покидал мать ни на минуту...

— Раньше люди под землю уходили... — вздыхала мать. — Деться теперь некуда.

— Как это... под землю? — удивился я.

— В древности под землей рыли ходы. Каменный свод выкладывали... В Острове, говорят, несколько таких ходов было, даже под рекой ход проходил — в каменной плите выбили... И в Порхове — подземный ход, только, говорят, обрушился...

Больной отец продолжал рассказ матери:

— Все правда. Даже выход был раскопан. Увидели: выбита рыба на камне. Решили — клад. Давай копать. Клада не нашли — нашли выход.

Что еще говорили отец и мать про подземные ходы, я помнил смутно, но начало разговора запомнил слово в слово.

Ночью на печи я обдумывал фантастический проект: мы с отцом берем лопаты, прокапываем в холме проход, устраиваем каменный схрон, переносим в него стол, стулья, кровати, живем, не боясь врага...

По ночам мать водила партизан, возвращалась иногда перед самым рассветом. Когда я рассказал свой «проект» матери, она улыбнулась...

В музее нам с Зиной сказали, что мы нашли не подземный ход, а обычный тайник, в конце которого в древние времена был колодец. Когда я завел речь о раскопках, заведующая улыбнулась:

— О, у нас археологов хватает... Вчера сторож прогнал сразу четверых, с лопатой пришли, даже с каким-то планом... Не было в Порхове никакого подземного хода...

Занятия по сбору материалов для словаря я, не раздумывая, отложил, купил блокнот и на первой странице вывел печатными буквами: «Подземные ходы».

Вскоре появились первые записи.

Припомнился вдруг рассказ деда о том, что в древности был подземный ход из Печорской крепости в Псковскую длиною в целых пятьдесят верст. Дед утверждал, что слышал это от своего деда. Ход тесен, идти можно лишь пригибаясь, но были пещеры для отдыха — с запасами пищи, со свечами и родниками...

Конечно, это была выдумка — плод народной фантазии. Под Печорской крепостью до сих пор целы пещеры и подземные ходы.

Есть много преданий про ушедшие под землю церкви. А может, храмы специально строили в земле? На моей родине до сих пор живо предание, что в сельце Владимирец ушла под землю церковь. Говорят, приди на холм-городок в пасху, прильни к земле и услышишь, как где-то под землей поет хор...

Известно, что в древнем Владимире были тайник из камня-плитняка, вылазы, возможно, были подземные хоромы и подземные ходы...

Я вспомнил, что подземный ход описан в повести Гоголя «Тарас Бульба». Не раздумывая, отправился в библиотеку...

Со мной пошла Зина. С того часа, как встретились на танцплощадке, мы расставались лишь на короткое время. Просыпаясь, я сам торопился на дальнюю, заросшую одуванчиками улицу, к старому, крытому тесом, покосившемуся дому. Завидев меня, Зина выбегала навстречу, открывала калитку....

— Пришел! — удивлялась она, словно и не знала, что я непременно приду...

В библиотеке мне дали второй том Сочинений Гоголя, и я нетерпеливо присел к столу...

Нужное место нашлось сразу, хотя и открыл книгу наугад. «Обрывистый берег весь оброс бурьяном, и по небольшой ложине между ним и протоком рос высокий тростник, почти в высоту человека... Пробираясь меж тростником, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода — отверстие, мало чем больше отверстия, бывающего в хлебной печи...»

Вход в подземелье был рядом с зарослями камыша, на заросшем бурьяном пустыре, под кучей ненужного хвороста. Видимо, так же маскировали выходы и вылазы древние псковичи...

Пробежав глазами, я вспомнил, что читал когда-то, еще мальчишкой, совсем иное.

Торопливо принялся листать книгу, в конце ее была первая «миргородская» редакция «Тараса Бульбы».

Снова легко нашлось нужное место. «Татарка, закутавшись крепче в кобеняк, полезла под телегу; небольшой четвероугольник дерну приподнялся, и она ушла в землю... Небольшое отверстие вдруг открылось перед ним и снова захлопнулось...»

Описание входа было неправдоподобным; видимо, Гоголю указали на это, и Гоголь узнал точно, какими бывали подземные ходы и выходы...

— Видишь, и у Гоголя не сразу получилось, — сказала в задумчивости Зина. — Нужно идти в древлехранилище, читать старые книги.

— Нет, надо ехать в Синегорье...

Деревни, в которой мы жили в войну, не было. После войны мы поселились в городе, но я часто бывал на родине, неделями жил у одинокой Просы. В доме у Просы лежало мое ружье, хранились вещи, пылился под лавкой чемодан с записями погибшего отца и моими дневниками.

— Что ж, поезжай, — вздохнула Зина.

Я взглянул на часы: до отхода автобуса оставалось четыре минуты...

Успел. Автобус, как всегда, двинулся в путь с опозданием, набитый битком. В темноте, в толкотне я гадал, есть ли в бумагах отца хоть одна запись про подземные ходы...

Старая Проса, увидев меня, не удивилась, ушла по своим делам. Я выволок из-под лавки чемодан, высыпал тетради и связки бумаг на пол.

Как я и думал, записей было мало, три выдержки из писцовой книги... «И велено мне, холопу твоему, в городе во Гдове досмотрети... Есть ли в городе колодцы и тайники, и какова в них вода, и в осадное время не будет ли водою скудно...»

«И как государь укажет тайнику быть, и лесу надобно на обе стены до воды и на верхний мост полутора сажон, в отрубе 6-ти вершков, 250 бревен, да на тайник на бычок такова же лесу 120 бревен».

Залиси относились к 1636 и 1639 годам.

Третью выписку — про тайник и подземный ход во Владимирце я помнил наизусть...

Про подземный ход в Порховской крепости никаких записей не было...

За ужином я рассказал старой Просе про свою новую заботу.

— Старики не раз про ходы говаривали. И в Выборе был ход, и во Владимирце. — Проса охотно ушла в прошлое. — Слыхала что-то и про Порхов. А что, убей, не вспомню... Всякое говаривали. Ходов-то этих было без счета. Дело нехитрое. Вчера в бор ходила, так там у лисовина вся гора в норах. Костя Цвигузовский, охотник, говорит, что лисовин с одной стороны в гору войдет, с другой выйдет... Видишь гору за озером? Борзун живет, тоже норы глубокие... И человек в старое время в землю хоронился... — Проса помолчала, негромко молвила: — Твой отец тоже меня про подземные ходы расспрашивал. Поищи в чемодане. Отец-то мудрой был, все, что узнает, сразу запишет. А что писано пером, не вырубишь топором.

Я во второй раз выволок чемодан, достал связки тетрадей, и в глаза сразу бросилась сделанная наискосок тетрадной обложки разгонистая надпись: «Порховская крепость».

Записи были отрывочными, сделаны разными чернилами.

«На уровне бойниц второго яруса средняя башня имеет два входа (с юга и с севера) с верха крепостной стены... Около ворот был раскат для обстрела подходов к воротам...»

— Нашел? — спросила Проса из-за спины.

— Нет, про подземные ходы пока нету.

Отдельные записи были сделаны карандашом, почти стерлись, и я с трудом разбирал буквы и слова...

«В писцовой книге Шелонской пятины конца XV в. Порхов упоминается одной фразой: «Город Порхов каменн, на реце на Шелоне, дворов 68».

«В 1430 г. стены крепости, имевшие толщину 1,8 м, были утолщены до 4,5 м. В 1457 г. замок здешний поновлен...

В начале XVII в. в Порховской крепости имелось 3 пушки полуторных и 28 пищалей затинных с запасом ядер к ним, а также «тюфяк» железной дробовой...»

Я догадался о том, что этот-то тюфяк и устанавливали на раскате.

«Порховская крепость лежит на правом берегу Шелони в месте ее изгиба, так что две стороны крепости (западная и южная) омываются рекой. С севера и востока до крепости находится ложбина. В половодье она полностью заливается водой...»

«Сложена крепость из местного известняка (плитняка). Раствор — белая известь с очень мелким песком. Цвет камня — серый, желтоватый, коричневый; редки камни красноватого и голубоватого оттенка».

«Башни крепости: Малая, Средняя, Никольская и Псковская стрельница...»

Но вот, кажется, и то, что я искал:

«Для снабжения водой во время осады в крепости был устроен тайник к реке Шелони. Тайник этот оказался «водою скуден», а копать больше нельзя, пришла плита». Поэтому был сделан новый тайник «ис под раскату по подземелью...».

Далее шли записи о другом:

«Гарнизон Порховской крепости в XVII веке, не считая посадских людей, состоял из 50—60 стрельцов...»

В сметной книге Порхова записано: «И всех в городе Порхове стрельцов пятьдесят человек, пятидесятник, да четыре человека десятники, да рядовых сорок пять человек. А бою у тех стрельцов у всех пищали, а топорки и бердыши покупали оне на себя... Три человека пушкаррей... Два человека воротников... И всех в городе Порхове посадских людей... сто двенадцать человек. А было у тех посадских людей своего ружья: сорок два человека с пищалями, сорок восемь человек с топорки, пятнадцать человек з бердыши, три человека с копы...»

Далее следовала почти стершаяся запись, и я присел с тет-

радьё к окну. Вскоре я прочел: «Из крепости, сквозь западную стену Средней башни ведет полузасыпанный землей проход...»

Больше никаких записей в тетради не было...

— Только за этим и приехал? — спросила Проса, когда, просмотрев бумаги, я собрался на вечерний автобус. — Крутодел.

Я рассказал про областной словарь, попросил хозяйку помочь.

— Приезжала тут одна дамочка, все расспрашивала. Слово скажу — пером зачуфыкает. Бывалошние слова выспрашивала... Как старики говорили. Теперь, скажем, ягненочек, а раньше говорили — баранец... Костя дом ставил, коловорот принес. Прежде такого слова не было — свердел, по стариношке — бурав, буравец... В деревне верткий мужик был в войну, Буравцом и прозвали.

Я спросил Просу, помнит ли она наговоры, присловья.

— Помню одно. В крещение снег на росстани пололи, гадали. Гадаем да припеваем:

Полю, полю, белый снег,
Где залает бурый псек...

Проса вдруг замолчала, закрыла лицо ладонью.

— Что-то хотела тебе сказать нужное, а забыла... Нет, даже и не припомнить...

3

Вечерний автобус был пуст. Кроме меня, пассажиров не оказалось, и шофер погнал машину на высокой скорости.

Въехали в лес. Громадные темные ели подступали к самой дороге, нависали над ней, грозно темнели. Я вспомнил отцовские записи, бурю, каменную крепость и вдруг увидел себя на крутой крепостной стене. Я был не взрослым воином, а совсем маленьким мальчуганом, таким, как в Отечественную войну...

Я узнал, что в древние времена в трудный час становились на защиту крепостей женщины и дети. На счету был каждый воин, каждое копьё. В отцовских записях была выписка из писцовой книги семнадцатого века: «Подъячий Данилка Исаков, в бою у него пищаль птичья да топорок... Пономарей и звонарей 5 человек, бою у них по копьё...» Даже священнослужители не могли уклониться от выполнения воинского долга. Птичья же пищаль — охотничье ружьё того времени.

Я легко представил себя мальчуганом Смутного времени. На мне были домотканые порты и рубаха, на ногах — крепкие босовики — плетенные из лыка лапти с голенищами. Рубаху перехватывал крученный льняной пояс с кистями, за пояс

был заткнут игрушечный деревянный меч. Я стоял на крепостной стене и смотрел в воду. В воде отражались облака, белела крепостная стена. На стене вниз головой стоял я сам — щекастый, белоголовый, с длинными, как у журавля, ногами. Из-за длинных ног мальчишки прозвали меня Жоровом. Снизу меня окликнули, и я увидел возле стены своего товарища Ждана. Через минуту он был наверху.

Отец Ждана командовал «десяткой», с советом его считался даже воевода. Ждан подражал отцу, старался выглядеть гордым и суровым...

Одет Ждан был совсем не так, как я: на голове кожаная, отороченная мехом шапка, куртка и штаны тоже кожаные, сапожки вышиты красными шерстяными нитками. За широкий пояс Ждана был заткнут коротенький, похожий на крест кованый кинжальчик. На клинке Ждан выцарапал писалом свое имя.

Мы учились вместе со Жданом, дружили, не расставались с утра до вечера. Отец Ждана брал нас на охоту, мы по очереди носили и заряжали тяжелую пищаль, влет били по диким уткам. Ждан был сильнее меня, ходил и бегал быстрее, стрелял метче, но в драках с посадскими мальчишками он робел, если не было рядом меня. Ждан знал, что я не побегу со страха, мы становились спина к спине и легко отбивались... Ждан любил писать и рисовать. Писало у него было костяное, с резной головкой барса наверху. Весь стол моего друга был завален белыми полосами бересты. Ждан писал буквы, рисовал пушки и мушкеты...

В 1615-м под Порхов подошли войска шведского короля Густава-Адольфа. Это было самое суровое испытание ее защитникам. Вместе со всеми встретили это испытание и мальчишки крепости Порхов...

Шведы пришли от Новгорода. Пешее войско двигалось берегом реки, пушки и припасы везли в ладьях по Шелони.

Весть о том, что идут враги, привез гонец на узком челне, выдолбленном из старой лесины. Гонец рассказал, откуда идут враги и как велика их сила. О том, что враги идут, знал весь край: на холмах горели костры, в небо поднимались столбы дыма.

Мы со Жданом были на крепостной стене. Нас никто не гнал: защитником крепости считали каждого, кто мог подняться на стену, держать в руках оружие. На стене отец Ждана что-то объяснял пушкарям, приказывал; лицо его было хмурым.

Мой отец возился возле пушки, ему помогали мать и старшая сестра, одетые в мужскую одежду. Младшая сестра осталась с бабкой в деревне...

Со стены было видно на несколько верст. Когда показа-

лись лады, в крепости грохнули пушки. В полдень шведы ворвались в пролом. Кованые их шлемы катились сорвавшейся с горы лавиной...

На стене стонали раненные, кто еще мог стрелять — бил по врагу. Выстрелив в последний раз, отец Ждана бросил мушкет вниз, в реку. Пушкарки подорвали пушку, и на головы шведов посыпались тяжелые медные обломки. Со страшным грохотом взорвался пороховой погреб, горой поднялась земля, за клубилась туча горячего дыма...

Ждан, как и отец, швырнул мушкет, заплакал черными от сажи слезами.

Шведы были уже на стене. От пороховой гари лица их стали черными и страшными. Градомцы палили в упор в тех, кто был с оружием, раненых и безоружных, крича, сбрасывали со стены...

Я зарядил пицаль, выстрелил, прыгнул вниз. Грохнуло в круглой башне. Защитники ее, видимо, успели уйти в подземный ход, а выход взорвали, и его завалило... Всем остальным уходить было некуда. Защитница-крепость стала вдруг огромным каменным мешком. Шведы перекрыли выходы и вылазы, заняли галереи и лазы... Захватчики врывались в дома, выгоняли людей, хватали и волокли к стене девушек.

Дико закричала сестра Ждана. Отец Ждана, раненный в бок и в ногу, привстал, вырвал из-за пазухи пистоль, выстрелил. Подбитый швед по-заячьи заорал.

Канонира убили в упор — сразу тремя выстрелами. Ждан хотел вытащить свой кинжалчик, но я успел обхватить его, крепко прижал к земле.

Одна из девушек вырвала у схватившего ее шведа тяжелый нож, ударила насильника в грудь и тут же закололась... Другая взбежала на стену, бросилась со стены на камни...

Шведы выкатили бочку браги, вышибли дно... Брагу пили шлемами, крича, хохоча...

На берегу реки запылали дубы. От старых людей я знал обычаи шведов: приходить по воде, нападать сильно и решительно и пировать потом среди горящих дубов...

Горели дубы, горели подожженные дома посада: от огня река стала красной, словно текла не вода, а пролитая кровь...

В себя я пришел лишь в темнице — в каменном подвале угловой башни. Подвал был битком набит пленными. Сидели так тесно, что можно было спать сидя. Шведы закрыли железную дверь, стало темно и душно...

Люди задохнулись бы, погибли от жажды, если бы не труба самотечного водопровода. Из трубы тянуло свежим воздухом, тоненькой струйкой бежала вода, собираясь внизу, в каменном котле... Воду пили горстями, сложив их корцом.

Вырваться из погреба было невозможно: пол, стены, пото-

лок — все было каменным... Сидели молча, даже раненые не стонали.

Сквозь дрему я услышал чей-то негромкий голос:

— Попытка — не пытка. Вы оба как вербочки, тонки станом, плечи отроческие... Аки змейки поползете!

— Разбужу товарища, — так же негромко ответил Ждан.

Будить меня было не нужно. Я все понял с полуслова, пополз к водоводу, вставил голову в деревянную трубу, с трудом втиснулся сам. Плечи сдавило, рубаха на груди стала мокрой и холодной от воды. Ползти оказалось просто, я извивался, прижимался к гладкому дереву, скользил, замирая от страха и холода.

— Тесно... Не могу... — глухо, как из бочки, долетел голос Ждана. Он был толще меня, увяз в мокрой трубе...

Все нужно было начинать сначала. Ждан выбрался из трубы, я попятился к выходу, мне дали кожаный пояс, я объявил им ногу, а Ждан взялся за другой конец, и мы поползли снова... Ползли медленно: Ждан не мог шелохнуться, а я выбивался из сил, протаскивая его сквозь трубу... Каждый вершок давался с огромным трудом. Сначала я полз на животе, потом лег на спину. Ползти на спине оказалось удобнее, сил словно прибавилось...

Вдруг я увидел звезды, четыре белых больших звезды... Затылку стало нестерпимо холодно. Мы доползли до колодца.

Я нащупал скобу, уцепился за нее, выволок из трубы самого себя, а потом и Ждана. Бесшумно поднялись наверх, и я первым выглянул из сруба...

В крепости горели костры. Пьяные шведы не спали: горланили песни, перекликались, шумно плясали.

Я перевалился через сруб, нырнул в траву, пополз к стене — в густую черную тень. Около стены меня обогнал Ждан: он знал крепость как свои пять пальцев, помнил все ходы и выходы...

Сначала я не понял, зачем Ждан прижался к стене, но, когда что-то закрипело, догадался, что Ждан открыл запасной лаз. От людей я знал, что в стене некоторые камни отодвигаются, открывая входы под землю и вылазы.

Ждан подтолкнул меня, я на ощупь нашел что-то похожее на печное устье, втиснулся в него, пополз вниз. За Жданом закрылась тяжелая плита, мы оказались в темноте.

— Ищи нишу, — приказал Ждан.

В нише оказались кремень, кресало, трут и две свечи пчелиного воска. Все это богатство лежало в кожаной сумке.

Добыв огонь, Ждан зажег свечу, и я увидел тесный подземный ход. Про то, что в крепости есть подземный ход, знали все, но немногие знали ходы и выходы, бывали в нем. Ход был самой главной и важной тайной крепости.

По каменным ступеням мы сошли вниз. Ждан шел первым, держа в правой руке горящую свечу. Вторую свечу и огневой прибор мы оставили в нише...

4

Прямо с автобусной остановки я отправился к Зине. Она была дома, увидев меня, бросилась навстречу, прижалась ко мне так, словно меня не было целый год...

Я рассказал Зине про все, что узнал, и про то, что мне пригрезилось в автобусе.

— А может, твой Ждан — переодетая девочка? Отец с матерью ждали мальчишку, а родилась девочка. Ее назвали мужским именем, одели во все мужское...

— Черная романтика, — рассмеялся я и отверг предположение Зины.

— Нет, это будет девочка. — Зина упрямо стояла на своем.

Я понял, что ей хочется быть со мной даже в том далеком и страшном времени...

— А дальше что было? — спросила Зина и взяла меня за руки...

Шли долго. Подземный ход был тесным и сырым. Мы задыхались, свеча, казалось, вот-вот погаснет. В ушах стоял звон, во рту пересохло, ноги стали будто чужие...

Наконец ход пошел вверх, и мы увидели неровные каменные ступени. Громыкнула железная дверь, и свеча погасла...

На минуту мы остановились, я ловил ртом воздух, дышал, но не мог надышаться. Вокруг шумел лес, пахло корой, травами, еловой смолой...

Пошли лесом. Деревья стояли тесно, над землей нависали ветки, и мы пригибались, словно все еще двигались по подземному ходу.

Вскоре рассвело, и лес наполнился птичьим свистом. Мы миновали боровину, вышли на широкую гать к огромным, как холмы, древним соснам. Стволы сосен были толще крепостных башен, сверху зеленели облака хвои...

Я устал, выбился из сил, ноги подкашивались, босовики промокли, стали скользкими и грузными. Хотелось лечь в траву и лежать, пока не пройдет усталость.

Вдруг сверху зашумело, мелькнуло что-то темное, и меня тяжело ударило в плечо, резануло по шее... От неожиданности я встал на колени, закричал не своим голосом. Боль была такая, словно шею резали остро отточенной косой. В ужасе я понял, что на меня напала беспощадная рысь.

Смутно, словно во сне, увидел лицо Ждана, черный кинжал в его руке. Показалось, что Ждан метит мне в голову... Рысь обмякла, мешком рухнула наземь, застыла в траве. На пестрой шкуре темнело неровное кровавое пятно.

— Стерва лесовая. — Ждан носком сапога пнул убитого зверя, вытер о густой мех оружие.

У меня занемела шея, по спине ручейками стекала кровь. Присел, нарвал мягкого мха, приложил к ране.

Рыси часто нападали в бору на людей. Женщины с опаской собирали ягоды, а мужчины, уходя бортничать или на лов, надевали полушубки с высоким крепким воротом.

Ждан все еще стоял над убитой рысью, держа в руке свой кинжал, похожий на кованный крест.

— Страшенный зверь. — Ждан наклонился, потрогал неподвижную хищницу. — Оробел я сначала, дух заняло... А кровь увидел, и храбрость вернулась...

Вышли к ручью, напились воды. Рана горела огнем, я хотел омыть ее, но Ждан не позволил: разорил шмелиное гнездо, облепил рану тягучим шмелиным медом...

Вышли на огромное моховое болото. Идти стало тяжело: пьянил, дурманил багульник, под ногами проваливался топкий мох...

Посреди болота стоял древний челн, выдолбленный из огромного дерева. Когда-то болото было озером, но заросло, а челн так и остался на месте. В челне выросли деревья, поднялись, будто мачты, листва их шумела, будто тугие паруса...

— Садись, поплывем во Псков, — весело пошутил Ждан.

Перешли болото, нырнули в лес. Рядом захрустели ветки, и прямо перед собой я увидел великана в вывернутой бараньей шубе. Великан сам испугался, встал на четвереньки, на лапах пронесся по выгори.

— Ух ты, медведь! — выдохнул Ждан.

Стемнело. Идти стало страшно. В чаще вскрикивали совы, что-то шуршало и шелестело... Забрались на дерево, прижались к стволу, задремали.

Сквозь сон я услышал, как совсем рядом воют волки, но от усталости не смог даже пошевелиться.

Очнулся от непонятного шума. Где-то совсем рядом оглушительно ухало. В ужасе я растолкал Ждана...

— Спи себе... — рассердился Ждан. — Бык водяной, птица такая. В воду нос пустит, бускари пускает. Вот и бухает...

Когда идешь по солнцу, волей-неволей забираешь вправо. На третий день мы вышли к узкой реке, заваленной валунами. Это была Пскова. Обрадовались: сбиться с пути было уже нельзя: в устье реки стоял Псков. В деревни заходить было не велено, мы вброд перебрались через Пскову, пошли по лесистому правому берегу.

К Пскову вышли вечером. Сначала показалось, что на холмах раскинулся белый лес: крепостные башни и церкви светлели, будто оснеженные ели, а крепостная стена казалась высоким снежным валом...

Стемнело, и город стал похож на хмурый еловый бор. Мы прибавили шагу и вскоре оказались около крепостных стен. Били осадные пушки, темноту пробивали огненные снопы вспышек, в поле горели костры, в городе пылали дома.

Возле черных пушек суетились пушкари. Это были шведы. В страхе мы легли в траву, поползли...

5

— И все? — тревожно спросила Зина.

— Пока все... Нужно ехать в Псков, идти в древлехранилище, читать старые книги, узнавать...

— И опять уезжаешь... — вздохнула Зина. — Расстаемся и расстаемся... Знаешь, когда нас в неметчину уводили, я была маленькая, но все поняла... Что Родину больше не увижу, что мать не увижу... Наверное, и умереть не так страшно. И все время теперь вспоминаю, как нас уводили. Ладно, поезжай... Ведь ненадолго, вернешься скоро. Хочешь, провожу тебя на станцию?

Уходить не хотелось, я обнял Зину и впервые поцеловал взрослую.

Уехал я ночным поездом, через два часа был в Пскове. От вокзала до центра быстро дошел пешком.

Стояла белая ночь, над лесом прядями кудели плыл туман, в воде отражались звезды, порой всплескивала крупная рыба.

У меня было любимое место на Пскове, напротив Гремячей башни, там, где в древности реку перегораживали Верхние решетки. Если бы не решетки, враг легко мог бы провратиться в город по воде.

Решеток давно не стало, но Гремячая башня и крутая крепостная стена были такими же, как в давние времена. Я смотрел на грозный силуэт башни и думал о том, что, может быть, когда-то давным-давно на этом же месте сидел молодой псковитянин, который должен был покинуть город, и видел ту же самую стену, ту же дремучую башню. В древности эта башня была овяна легендами, люди говорили, что и Гремячей она названа из-за того, что по ночам в земле под башней слышался смутный звон...

Неожиданно рассвело, башня словно приблизилась, а стена стала еще выше. Я встал, не торопясь пошел к устью Псковы, к приземистой и хмурой башне Кутекрыме, туда, где в средние века стояли Нижние решетки. Открылся Псковский

кремль, ярко забелели древние храмы, удивительные псковские звонницы и древние хоромы. Встала заря и окрасила храмы, звонницы и дома в розоватый цвет. В одной из книг я вычитал, что прежде псковские мастера добавляли в побелку розовую краску и весь день город розовел, будто и не гасла заря. С гордостью подумал вдруг, что нигде прошлое не увидишь так ярко, как в Пскове...

Утром открылся музей, и мне разрешили спуститься в древлехранилище. Открыв обитую железом дверь, я из двадцатого шагнул в страшный семнадцатый век.

Псковская летопись оказалась не тяжелым фолиантом, а тонкими и обыкновенными с виду книгами.

Но стоило склониться над ними, как камнями-самцветами засверкали, заискрились удивительные древние письмена.

«...И августа в 15 день придоша подо Псков к Варламским воротам и сотвориша скверное свое молбище в варганы и в бубны и в трубы, и начаша рвы копати под градом... и туры и плетени и дворы ставили и городки малые, а большой город дерновыи подале, где сам король стоял... И поставил больше 10 городов около Пскова и мосты два на Великой реки, и твердо обступил град... и многие подкопы подвели, и во всех Бог помиловал...»

Легко и просто очутился я в древнем, осажденном Густавом-Адольфом отважном Пскове.

Ждан родился и жил в Пскове, в крепости он знал каждый закоулок. Отец доверял Ждану, открывал тайны. От Ждана я узнал, что Псков защищен не одними каменными стенами, под крепостью целый подземный город, с погребями, схоронами, тайниками, подземными ходами и выходами. Если бы враги пробили стены и ворвались в город, они бы еще не победили: воины Пскова ушли бы, и пища, и вода, и порох нашлись бы, и по ночам воины выходили бы из-под земли, без пощады убивали врагов...

Город пережил два несчастья сразу: мор и страшный пожар. Людей в крепости осталось мало, но и они жили в тесноте, после пожара уцелели только отдельные каменные хоромы, все, что могло сгореть, сгорело.

Крепость по-прежнему была невредимой и грозной. Ждан показывал мне башни, рассказывал, которая когда построена.

У Верхних решеток высилась Гремячая башня, та, в которой мы оказались, когда вышли из подземного хода. Башня стояла на круче и чуть не задевала облака. Ждан сказал, что если в башне лечь на землю и приложить к земле ухо, то можно услышать, либо подземный ручей звенит, либо зарытое золото...

В башне стояли тяжелые медные пушки. Когда начиналась пальба, башню закрывала туча порохового дыма. Ночью

пушкари спали рядом с пушками на шершавых тесинах: стелить солому было опасно: одна искорка — и пожар...

С утра около башни началось движение, цепь за цепью подходили вооруженные люди. Ждан обрадовался, сказал, что будет вылазка.

— Ворота откроют?

— Нет, ворота открывать опасно — ударят картечью. Вылаз откроют, через подземные ходы пойдут.

Нас окликнули, велели бежать к пушкарям: каждый человек в крепости был на счету.

В башне после ночи было холодно, полутемно, лишь из бойниц били снопы яркого света. Пушкари перекладывали ядра, перетаскивали кадки с порохом. На лафетах тлели крученые льняные фитили.

Мы со Жданом оказались на самом верху под тесовой крышей. Из бойниц было видно далеко кругом. Шведские позиции лежали внизу, совсем рядом. На башню смотрели жерла пушек, то одна то другая пушка оглушительно грохала, с резким свистом в крепость летели ядра. Когда ядро попадало в стену, башня резко вздрагивала... Я видел окопы шведов, парусиновые шатры, фигуры пушкарей, пороховые бочки, горы ядер. Пушки у шведов были тяжелые, с двухобхватными страшными стволами.

Башенные орудия молчали, пушкари негромко переговаривались:

— Слыхали, шведу подкрепление прибыло?

— Без того шведа видимо-невидимо.

— А вчера приступ был: ворота петардой разбили. Ворвались, а наши — из пушки, жеребьем!

Где-то поблизости коротко бухнул колокол. Пушкари бросились к пушкам, замерли, приготовились к бою. Когда колокол бухнул в третий раз, ударили все пушки Гремячей башни. И началось... Мы со Жданом едва успевали подкатывать ядра, подтаскивать бочонки пороха.

И вдруг пушки замолчали, а пушкари бросились к бойницам...

От еловой гривы к окопам шведов бежали псковские воины, стреляли из ружей, размахивали клинками. Пошла жестокая рукопашная. Пушки шведов замолчали, пушкари отчаянно отбивались от наседавших русских воинов. Я видел все. Огромный швед ударил псковитянина банником, сбил с ног. Сбитый лежа выпалил из мушкета, и швед тяжело осел возле пушки. Падали убитые, раненые, их добивали, топтали сапогами. Кто-то бросил горящую головню в окоп с пороховыми бочками. Загрохотало, поднялся столб огня; бочки взлетали, взрывались, поле, словно туманом, затянуло сизым ды-

мом. В дыму шведы и русские налетали друг на друга, сшибались, дрались изо всех сил...

Ударил большой колокол, и псковитяне двинулись к крепостным воротам, которые вдруг распахнулись. В дыму показались стрелковые цепи: к шведам шла подмога. И снова загрохотали пушки в Гремячей башне и во всех соседних...

Когда бой затих, мы со Жданом спустились к Пскове, долго, сложив ладони корцом, пили холодную воду. От пушечного грохота мы совсем оглохли, но на реке слух вернулся. На берегу около стены и башни толпились возвращавшиеся после вылазки воины. Женщины перевязывали раненых, разносили брагу. Воины были без того веселы...

- А я его ядром. Ядро тяжеленное.
- Храбро швед дрался, а не устоял!
- Пушки, жаль, бросили... Мировые пушки!
- Были бы кони, и пушки нам бы достались.
- Коней под землей не проведешь, тесновато.

6

Я сидел над раскрытой летописью и наяву видел давнее, ушедшее, казалось бы, навсегда... Летопись рассказала: у древнего Пскова были многочисленные подземные ходы. Не будь этих ходов и «слухов», воины Густава-Адольфа легко подкопались бы под стену, подорвали ее, ворвались бы в город... Не бог помог Пскову, а подземные ходы!

Я задумался: не все ведь ходы были земляными, ведь их крепили и деревом и камнем. И потомки наверняка нашли эти ходы, побывали в них, описали...

Выслушав мою просьбу, научный сотрудник музея протянул мне тоненькую книжечку. На титульном листе я с восторгом прочел: «Об археологической экспедиции для исследования псковских подземелий, члена-секретаря Псковской археологической комиссии К. Евлентьева. Летучия заметки. Псков. 1873 г.».

Начало показалось мне скучным и затянутым. Подземные ходы автор называл галереями, а народные предания считал «выходящими за пределы возможного»... Вскоре, однако, рассказ стал живым, строгим. Члены экспедиции оказались людьми решительными и смелыми.

«Между Великолуцкими воротами и историческою Свиноскою башнею отыскали каменный дугообразный выход, ведущий... к Алексеевской слободе... Ревнителю отечественной древности и старины очутились в подземной, темной, как осенняя ночь, галерее, зажгли огни... Высота галереи — кося сажень, так что два человека в ряд могли свободно следовать по ней, не касаясь головного свода подземелья. Гале-

рея сооружена из дикого камня: стены, свод и пол — все плитяные... Необычайно прочной постройки... На десятисаженном расстоянии от выхода... экспедиция открыла другую галерею, пересекающую главный коридор под прямым углом...»

От волнения у меня пересохло во рту, я видел все, о чем писал историк прошлого века.

«Подземный коридор... все больше и больше углублялся в землю... все поворачивал влево — под площадь, занимаемую городом... На тридцатисаженном расстоянии от выхода из подземелья оказалась вода и затем — топкая, по колено, грязь... Двое перебрались в ботфортах через топкое место... Дальше пошла опять грязь...»

Первая экспедиция прошла не более ста метров, и участники ее вернулись назад. Однако они многое успели узнать. «Подземный ход из Псковской башни к реке Великой, сооруженный, по всей вероятности, для добывания воды во время осадного положения города, оказался... засыпанным землей. Народная фантазия ведет этот ход под самую реку Великую... Подземные ходы служили псковитянам путем для внезапных вылазок на осаждающего неприятеля, который почти ежедневно угрожал Пскову в прежние времена...»

Записки писал истинный патриот суровой псковской земли. «Псковская область, начиная с 1116 года и кончая 1709 годом, имела... 123 войны с врагами внешними!.. Не многим городам Древней Руси выпало на долю такое горе-злосчастье, как Пскову! Недаром же он так измельчал, выродился... вылился в форму незначительного губернского города!»

С автором статьи тут я не был согласен. Псков «выродился» по желанию царизма, и лишь Советская наша власть вернула величие древнему городу...

«1-го июля в 6 с половиной часов вечера экспедиция снова спустилась в подземелье... Перебравшись через... топкое место, где вода была до колен и ботфорты вязли в тине до половины, экспедиция попала, как говорится, из огня да в полымя, — в густую, вроде мучного теста, грязь... Через несколько минут передовой дал знать, что подземелье оканчивается обвалом свода...»

Я невольно вздохнул, переживая неудачу и второй экспедиции, читать стало скучно, неинтересно.

«Всего пути по подземелью... пройдено до 80 сажен. Назад тому 12 лет любопытные проходили эту галерею дальше и слышали над своей головой гром от экипажей, разъезжающих по мостовой...»

Заинтересовало меня лишь подробное описание выхода-свода и подклети с двумя косыми амбразурами. Весь остальной материал книжечки был посвящен наземной экспедиции на Запсковье... Неожиданно я прочел: «Там... находился

прежде тайник, которого теперь больше не видно». Речь шла о Гремячей башне. «Гремячая башня стоит на правом берегу р. Псковы, она построена из плиты лучшего качества, чем сами стены, — пятиярусная, со склепом и тринадцатью амбразурами. В прежнее время каждый ярус ее, как и прочих псковских башен, отделялся деревянным помостом, на котором становились пушки, направленные в амбразуры...»

Кроме тоненькой книжечки, никакого материала про подземные ходы не было...

Мне оставалось додумать концовку к воспоминанию о походе двух древних мальчиков, но воображение вдруг иссякло... Все было ясно: Густав-Адольф отступил, а юные герои вернулись в Порхов.

Пора и мне было возвращаться на родину...

7

Автобус быстро довез меня до нужного места. Я снова увидел холмы, лес, озера, и сердце замерло, словно вернулся после вековой разлуки. Поднимаясь в гору, увидел, что навстречу бежит Проса.

— Вспомнила, вспомнила, — издали закричала хозяйка. Я растерялся, не понимая старую Просу.

— Вспомнила... Кто... про подземный ход... рассказывал... — Хозяйка задыхалась после быстрого бега.

Выдохнула радостно:

— Костя Цвигузовский... Он в плену был... через подземный ход бежал.

Я не удивился: про всевозможные подкопы читал сотни раз.

Костю я нашел на берегу Черного озера, где он вырезал ивовые прутья для сеной корзины. Я уже знал, что Константин — один из лучших кролиководов в районе... Корзин Косте всегда не хватало, хотя Костя искусно их плел.

Проса говаривала:

— Костя плетун мировой, что хочешь сплетет: зыбку, кошель, корзину, сарафан и тот может сплести... — И добавляла: — А языком он еще лучше плетет. Кружева вывязывает.

Костя был не один. Рядом с ним вертелся маленький белобрый мальчуган, имени которого я не знал.

Костя выбирал вязкие хлысты, срезал острым ножом, складывал в пук. Работая, он рассказывал про партизанскую войну:

— Под Дубковскими горами было. Лежу за пулеметом, стреляю. Вдруг рядом девушка с карабином залегла... Из нашего полка, а ни разу ее не видывал... Красивая. Так и смотрю...

рел бы, да воевать надо. И вдруг вижу: лицом в мох, карабин выронила. Целили, видно, по мне, по пулемету, а попали в нее... Сердце закипело... А тут они в атаку пошли — рослые, шинели зеленые, будто лес двинулся... Остановил. Вся поляна от их шинелей зеленой стала...

— Еще расскажите, — голосом маленького попросил мальчуган.

— После боя, раненного, домой меня отпустили. В плечо ранили, плечо и распухло, будто пчелы жиганули... Остался без пулемета с одной РГ-42... Граната такая, с банку сгущенного молока. Ночевал дома, дневал в лесу. Время было как раз ягодное. Рожь будет — голубица спеет... Набрал ягод корзинку, матери решил отнести. Подхожу к дому — немцы. Идут цепью, оружие на изготовку. Меня увидели. Хеа, хеа, кричат, никуда не денешься, сто стволов навели, иду потихоньку навстречу. А солдаты спешат, двое с карабинами вышли из цепи и ко мне... Они меня и заслонили. Подходят, шагов пять осталось...

Костя положил наземь тяжелый пук, сложил старенький нож.

— Когда идешь с оружием, влево стрелять удобнее, вправо — хуже, разворачиваться надо. Тут я и станцевал, да еще и корзинку бросил... В упор выпалили, а промахнулись... Недолго затвор передернуть, три-четыре секунды... За четыре секунды сорок метров пробежать можно. Рядом хлев глинобитный стоял, я — к клеу, за него под горку, и в клевера... Бьют из автоматов по клеверу, как косой косят, еще раз ранило, а уполз, не поймали...

Костя весело тряхнул головой, взвесил на плечо тяжеленный пук.

— Постой, — я тронул Костю за рукав. — Проса говорила, что ты про подземный ход знаешь...

— Знаю. Только рассказ этот долгий... Придется идти со мной, расскажу дома...

Деревня, где жил Костя, лежала в разрыве леса. Рядом с домами стояли хмурые елки, еловая грива перерезала деревню надвое. Возле этой гривы и стоял покосившийся Костин домик. Шумела в огороде столетняя ель, прыгала по мохнатым ветвям белка, грелся на солнце пеке муругий пес... Костя усадил нас с Саней за тесовый стол, врытый под окнами дома, принес полное решето спелой лесной малины...

Костя начал рассказ, и лицо его стало хмурым.

— В плен меня взяли полуживого... Повезли в Славковичи, потом в Порхов — в страшный порховский лагерь. Тысячи людей в нем фашист замучил. Теперь там поле, памятник стоит, а тогда — бараки, бараки, одни бараки... Кормили плохо, какая-то баланда, бурда-мурда. Встретил одного нашего,

раньше толстенный был, буктерь, вижу, тоненький стал, тоньше тогнины... Утром, чуть заря, — на работу. Гонят конвойные, а мы еле бредем, шатаемся, что тростник на ветру... Работа тяжелая: на дороге, в каменном карьере, в лесу... Бурелом прошел, весь обрелок свалило. Распиливали эти лесины на шпалы... Коневая в общем работа. Парень-то я был кремняный, камни катал, а после болезни да на лагерных харчах совсем кашею стал, еле ворочаюсь... Одна радость — живой. В плен-то попал без оружия, по подозрению, не то расстреляли бы на месте...

Костя заметил, что мы с мальчиком не взяли ни ягодины.

— Вы что? Ягоды-то только из бора... Свежие, духмяные... Угощайтесь!

Взяв горсть малины, Костя продолжал:

— Выпала и хорошая работа: на кладбище фашистов хоронить. Потом я узнал: наш полк порабатал, угробили добрую половину карательного отряда... Немцы народ аккуратный: лежат убитые на земле, под каждым солома расстелена. Грузовик гробов привезли — гробы дубовые, крепкие... Сгрузили мы гробы, ямы копаем. Лопата хорошая, что коса отточена. Лопата — оружие надежное. В рукопашном бою — особенно. Отошли конвойные, на чью-то могильную плиту пулемет поставили. Кладбище каменной стеной огорожено. За стеной — часовые, каски видно. Все равно кто-то попробовал уползти... Крики вдруг, стрельба... И тут я мальчонку увидел, лежит в траве, худенький такой... — Костя пристально посмотрел на меня. — Помню тебя в войну мальчишкой... Похож на тебя был тот пацан, просто вылитый... Лежит и ручонкой вот так показывает мне и моему сотоварищу: ложитесь, мол, ползите. Бросили лопаты, поползли... Трава высокая, будто в воду канули. Подползаем к каменному склепу... Мальчонка вниз что-то повернул, открылась железная дверь. Малец в дверь мы — за ним... Пересидим, думаю, суматоху, ночью, как стемнеет, уйдем.. А мальчонка щелк — карманный фонарик включает. Видим, в склепе как бы нора и еще дверка, только не железная, а каменная. Втиснулся мой товарищ в нору, за ним и я, а мальчонка забрался и дверь закрыл... Хороший мальчонка и так на тебя похож, что я его твоим именем называл... Смолчал, может, и имя было как твое... Ползли сначала, потом стало просторнее, пол плитой выстелен, свод и стены каменные. А сердце — будто щур пойманный... Не верится, что бежали. Видывал я, как выдра прячется, сидит на льдине, а потом бурть — будто ее и не было... Идем, мальчонка фонариком светит. В тайник попали, думаю. Потом соображаю: это же подземный ход! Еще от деда слыхивал про него, только дед говорил, будто ход завалило... Дышать тяжело, душно, сыро. В одном месте ход сузился, не ход, а лисья н

ра, ни каменных стен, ни пола, ни свода. Легли, поползли... Товарищ мой в грудь был ранен, в легкие, вижу, потемнел лицом, еле движется.

Словно наяву увидел я то, о чем рассказывал Костя Цвигузовский.

Ход круто пошел вниз, с потолка, со стен стали срываться капли воды, пол стал мокрым. Беглецы догадались, что идут под рекой. Каменной кладки не стало, ход был просто прорублен в толще известняка. Под ногами зажурчал холодный живой поток. Вода была по колено Косте и его товарищу, по пояс — мальчугану. А ход все опускался. Вскоре беглецы брели по пояс в воде, а мальчуган шел на цыпочках, чтобы не захлебнуться, высоко поднимал над головой горящий фонарик...

— Костя! Костя! — долетел чей-то тревожный голос. — Тебя на почту вызывают. Звонить кто-то будет...

Рассказ прервался, Костя торопливо встал, вбежал в дом, вернулся переодетым, вывел из сарая велосипед...

Костю вызвали на совещание в Псков, я вернулся в Порхов. На автобусной остановке меня ждала Зина.

— Я каждый день прихожу... Всего два автобуса, живем рядом. Рассказывай, что узнал!

Выслушав меня, Зина вздохнула:

— Опять не до конца... В музее говорят, что никакого хода не было, а мне думается — был...

Через четыре дня я вернулся на родину. Когда шел берегом Лиственного озера, показалось вдруг, что я никогда и никуда не уезжал, всегда был здесь и жизнь была неподвижной и прозрачной, как озерная вода...

Старая Проса была в тревоге, тужила, что пропала черная курица.

— Может, ястреб унес? — высказал я предположение.

— Не, не ястреб — сова... Совы есть — кур дерут. Прилетит днем, бух на курицу и задерет... Кругом напасти. Боров все гряды избуравил, в саду гада застобала... Лето сухое, вот и ползут в деревню из болотины.

Я спросил Просу про Костю Цвигузовского.

— Сейчас вроде тверезый. Тверезый-то он хороший, а напьется, так кричит, буянничает, кулаком сулит. Он и в партизанах один раз напился, так пулемет отобрали, посадили на ночь в хлеву... Бранили потом.

Проса вдруг вспомнила, что я уезжал...

— Съездил-то удачно? Узнал чего?

— Узнал... Только Костя знает самое главное... Рассказать не успел...

— Так найди Костю. Только он на месте не сидит, некогда, то сам работает, то другим помогает. Искать надо. Был

бы бинокль, он бы так и притянул... Может, он на покосе, а может, и в кузнице...

Костю помог мне найти мальчишка. Около озера Слепец, на сплавине Костя чинил продырявившуюся комягу. Рядом лежали сети, липовый черпак и весло...

Выслушав мою просьбу, ветеран нахмурился.

— Вспоминать — душу беречь... Ладно, доскажу... Спасибо, что пришли. Ватагой веселее... Бывает, не с кем и рыбу половить... Без дружков живу. Кто старше меня, кто млаже. Ровесников нет — сложили головы.

День стоял теплый и ласковый, над Слепцом кружили дикие утки.

Рассказ Кости был прост и суров.

— ...Кто там? Кто? — тревожно спросили из-за двери. — Пароль?

— Белый камень, — ответил мальчуган.

Дверь с шумом открылась, и Костя увидел подземелье с низким каменным сводом и корявыми стенами. На валуне теплилась жировая плошка, огонек ее был похож на осенний осиновый лист. На полу, на снопах соломы лежали раненые: смутно белели бинты, слышались стоны.

В древности в подземелье был, видимо, склад: в углу теснились дубовые пороховые бочки, грудой лежали огромные каменные ядра, а рядом с ними — ствол от старинной пищали. По стене спускалась цепь грубой железнойковки...

— Под землей жутко, — признался Костя. — Темнота — глаз коли... Будто из полдня прямо в полночь попал... Сыро, пахнет что в погребке. Окоп пашней пахнет, а тут иной дух, тяжелый... Где идешь стоя, а где и ползком приходится. В одном месте на спине полз, извиваюсь, будто уж на болотине. Обвала страшно. Придавит, и сразу тебе могила — на веки вечные. Одно слово — подземелье... Кто ад выдумал, тот точно под землей бывал.

— И в лазарете... страшно? — спросил кто-то из мальчишек.

— Нет, там потолок надежный, люди рядом, да и огонь всегда горел. Хочешь пить — воды целая бочка. Хочешь родничной воды, бери котелок, иди к тайнику, колодцу древнему.

— А как... в уборную? — смущаясь, спросил мальчуган и покраснел.

— Люди в древности не хуже нас были. Все у них имелось, и водопровод самотечный, и это самое — для грязного стока... Деревянные такие трубы, для изоляции берестой обложены.

— Душно... Очень?

— Что душно, то душно, но есть и такие места, где и

ветер веет... А тишина-то, тишина. Будто уши ватой заложены.

— А теперь все это... цело? — с затаенной надеждой спросил я сам.

— Что-то, видно, и цело... Искать надо, копать... Фашисты нашли все-таки вход и выход, полезли под землю, а по ним — из пулемета. Тогда они привезли взрывчатку, рвать начали, замуровать наших решили. Замуровали намертво.

— И наши погибли? — испугался мальчуган.

— Вырвались... Клин клином вышибают. В одном месте ход близко к поверхности подходит, заложили шашек семь тола, подрывники и в лазарете были, и как бабахнут... Взрывом и пробило выход. Грохнуло под землей, фашисты и не слышали. Выбрались, а земля осыпалась.

Я спросил Костю, долго ли он был в подземелье.

— А часов шесть, не боле. Волю, понимаешь, почуял... В поле захотелось, в лес — на простор. На земле человек как птица, а под землей — вроде крота... Отпустили, как только стемнело. Прошел назад по подземному ходу, вышел на кладбище, а там — ольховые кусты, луговина. Не шел, а бежал. Река попалась — вброд перебрался. Полуживой, а верст сорок отмахал. Своих нашел быстро. Не поверите, каравай черного хлеба в один присест угрохал... Медсестра, как ребенка, рыбым жиром поила. И сразу в бой угодил, в самое пекло.

— А где был второй выход? — перебил ветерана Саня.

— Чего не знаю, того не знаю. Вроде в крепостной башне, а вроде в стене камень отодвигался... Был и другой разговор. В крепости дома стояли, в угловой жил подпольщик Калачев. В честь его улица в нашем Порхове названа. Так будто выход был прямо в подвале. Копали тайник, видят — каменная кладка. Ну пробили ее ломami, видят — подземный ход...

Костя задумался:

— Это я так думаю, а про второй выход не слышал даже слова. А про первый молчать велели, только в особом отделе и рассказал... Теперь вспомню и думаю: не сон ли снился... Воюсь рассказывать, вдруг не поверят...

Костя нахмурился, опустил плечи. Я знал, что Костя был партизаном, знал о его храбрости, но столько лет не знал о главном. Видно, в душе человеческой есть свои тайники, свои подземные ходы, и найти их, ой, нелегко...

— Ушел я один, без товарища... Не знаю, вылечился он или нет, жив ли сейчас. Может, там, под землей, и остался. Искать — так фамилии не знаю. В лагере под номерами были, фамилии... придумывали...

Постаревший, в дешевом сереньком костюме, Костя совсем не был похож на бывшего воина, о котором с гордостью

говорили командиры. Я знал, что все свои награды, партизанские документы и даже знак ветерана Костя отнес в Порховский музей. Знал я и про Костины нелады с милицией: отобрали любимое ружье, которое Костя вовремя не успел зарегистрировать. Бывший полицей, отсидевший двадцать лет в Сибири, клялся-божился, что Костя угрожал ему ружьем...

— Да я бы его и кулаком зашиб, — в сердцах возразил Костя. — Без ружья дал бы буханицы!

Знал я и то, что Костя — тайная любовь многих его ровесниц, оставшихся вековухами-вдовами. Не знал я, оказалось, только про Костин плен и невероятный побег...

— А, хватит... — Костя махнул рукой, встал. — Тяжело вспоминать... Не стар еще, а стариком себя чувствую... Другой и за сто лет столько не увидит.

К старой Просе я вернулся, неся на прутике полдюжины тяжелых латунных карасей. Проса засуетилась, вычистила и зажарила рыбу.

За ужином Проса, как всегда, рассказывала деревенские новости. Почти все они были радостными, колхоз шел в гору... Спать я, как и накануне, отправился на сеновал...

Утром, за завтраком Проса лукаво и многозначительно посмотрела на меня, негромко сообщила:

— А тебя вчера Зина спрашивала... По делу, говорит... Известно, какие дела между девицей и парнем. А уж хороша, краше, чем вербочка на пасху... Только тревожилась очень, что ты не вернулся... Решила, видно, что насовсем уехал.

Даже не позавтракав, я отправился в соседнюю деревню. Лесная дорога оказалась сухой и крепкой, через минут десять я уже был у дома Зининой матери. Зина сбежала с крыльца, бросилась мне навстречу.

— Скорей к матери, она такое знает!

Мать Зины звали, как и мою хозяйку, Просой. Хмурая и усталая женщина оживилась, увидев меня.

— Вылитый Леня, весь в отца. — И, повеселев, добавила: — Ухаживал твой отец за мной, когда молодым был, до этой вот калитки провожал... Потом уехал куда-то, а я за другого вышла... Убили моего сокола, и отец твой погиб... Счастье, как лесной голубь, мелькнет да пропадет... Потом стоишь и думаешь: привиделось или вправду птица была?

— Ты о деле расскажи. — Зина легонько толкнула мать под локоть.

Женщина нахмурилась снова.

— Рассказ не короткий... Увели немцы моего сокола, взяли и увели... Вместе с твоим отцом увели, везли в одной машине... Потом они деревни жечь стали, а народ в лес двинулся... Весной девочек схватили, а мама моя, покойная, сама из

лесу вышла: нельзя ведь девочек одних бросить. И осталась я одна-одинешенька. У кошки котят унеси и та с ума сойдет, а я ведь человек, живая душа... Нашлось тут большое дело. Партизаны раненые в лесу лежали, вот я для них что-то вроде лазарета и устроила...

— В газете писали — лазарет, а не вроде, — строго заметила матери Зина.

— Какой там лазарет, семь парней-то и было всего. Один, правда, тяжелый. Лекарств нет, бинтов даже нет. Фашист дом поджег, в чем была выскочила, полотенца и того не было...

Зина вдруг прижалась к матери, крепко ее обняла. Мать продолжала неторопливо:

— Знала я травы, отваров наготовила. Бинтов из своей новой льняной рубашки нарезала. Перед тем, само собой, в щелочке ее прокипятила... И лечу их, бедных, что ворожея какая... Тяжелый все бредил, а в бреду про какой-то обвал говорил. А полегче стало, позвал меня и говорит... В общем, рассказал, что в Порхове под землей его прятали.

Записав все, что рассказала мать Зины, я тут же отправился к Косте. Ветеран совсем не обрадовался моему приходу.

— Не люблю про это рассказывать, — признался Костя. — Не знаю, зачем и вам рассказал. Сам не верю... Может, в бреду все привиделось, лежал как мертвый, а меня вывезли из лагеря, в поле бросили... Очнулся — пошел по звездам. Отец говорил: над нашими холмами в полночь большая звезда горит, не знаю, как по-научному, по-нашему — Рысий Глаз... Вот я и шел на ту звезду.

Костя принялся перебирать сети, ушел в себя. Я понял, что ему хочется остаться одному.

— В Порхов приезжайте, к начальнику милиции. Хороший начальник, помог мне охотбилет выхлопотать, ружье по его приказу вернули. Майор... Сергей Михайлович Павлович. Ровесник мой. В войну тоже был партизаном... Наш, скорбать... Вот он что-то настоящее про подземные ходы знает. С ним говорить надо....

8

Я хотел ехать в Порхов один, но снова увязалась Зина.

Райотдел милиции прятался в парке, невысокий дом стоял среди вековых лип. В милиции было тихо, чисто, уютно.

Начальник принял нас сразу же, как пришли.

— Ого, целая депутация. Из Митрофании? Ну, чего там такого случилось? Все чудеса в вашем заозерье...

Майор был молод, смотрел приветливо, во взгляде его светилось деревенское радушие.

Я рассказал о цели нашего прихода, и лицо начальника райотдела стало серьезным, почти суровым.

Про подземные ходы в Порхове действительно ходят легенды. Особенно их распространяют мальчишки. Действительно, есть вход в подземелье в крепостной башне, есть выход на кладбище...

Зина достала из сумочки блокнот, тихо зашуршал карандаш.

— За точность сведений не отвечаю, но говорят, что подземным ходом пользовались подпольщики. Будто бы даже через подземный ход подпольщикам передавалась взрывчатка и оружие...

Сергей Михайлович говорит как по-писаному, точным и лаконичным языком следователя.

— Оружие и тол привозили на кладбище в гробах. Часовые обыскивали каждую подводу, что въезжала в город, не заглядывали только в гробы. С кладбища оружие по подземному ходу передавалось в крепость, там его прятали в подвале одного из домов.

Я спросил про подземный лазарет и подземные склады.

— Слышал и про такое... — Майор прищурился, хитро посмотрел на нас. — Что, ничего нового? Ничего определенного? — И вдруг заторопился, заговорил быстро, сбивчиво: — В партизаны мальчишкой пришел... Отца фашисты расстреляли. Мстил, поезд под откос пустил... Есть даже справка. Ранен был, но легко... Армия пришла — стал пехотинцем... Отличился — дали офицерское звание. Младший лейтенант — не шутка... Одним из первых ворвался в Псков, когда отбивали его у фашистов... Стал адъютантом коменданта города. Вот тут я их увидел.

— Кого увидели? — привстал я, весь превратившись в слух.

— Людей увидел... Из-под земли выходили, из тайников, из подземных ходов. Были сведения, что фашисты выселили из Пскова всех до единого жителей, а нас встретили сотни псковичей. Жили под землей, прятались, ждали.

Я закрыл лицо ладонью, скрывая слезы. Наша семья дважды бежала из обоза, когда нас гнали в неметчину. Никто не хотел терять Родину. Люди убегали, прятались, шли к партизанам. Жителям Пскова оказалось негде прятаться — из города не вырвешься, в домах — фашисты. Но спасение нашлось — люди ушли под землю, спрятались там, где прятались их предки много веков тому назад...

— Я сам тогда спускался под землю. — Майор встал, подошел к окну. — Не все люди вышли, не все знали, что город освобожден. Под землей были больные, раненые... Первыми, конечно, вышли подпольщики. Интересно рассказывали...

В городе одни фашисты, а по ночам — стрельба, взрывы... Немцы думали, что это армейские разведчики. Увидели меня подпольщики — узнали. Отец-то с псковским подпольем был связан, многие в нашем доме бывали...

Сергей Михайлович долго молчал, видимо переполненный воспоминаниями.

— Помню все входы, выходы... Три — около Баториева Холма, два — рядом с Гремячей башней. Подпольщики все рассказали, показали. Под землей у них даже типография была. Был бы писателем — целый роман написал бы... Вхожу в тайник, а там кровати застеленные, стол, на столе — трофейная карбидная лампа. Светло, чисто... Смотрю, в углу древний сундук: крепкий, дубовый, обит медью. Открыли сундук, а в сундуке древние ядра, меч сломанный, кольчуга и наши гранаты РГД, диски, патроны...

Слушая рассказ Сергея Михайловича, я не удержал горького вздоха...

Псковитяне были талантливейшими строителями. Псковские крепости, храмы и звонницы удивительно прочны и красивы. Камень под руками древних мастеров становился теплым, живым. Самобытная псковская архитектура — предмет удивления и восхищения. Псковичи были прекрасными строителями не только на земле, но и под землей...

Известно, к сожалению, немногое. Исследователи прошли мимо псковских подземелий. Все выходы псковских подземелий надежно замурованы...

Замуровали в тот год, когда я поступил в институт. Заодно искалечили и многое из того, что уцелело. Нашлись люди, что рьяно выступали против идеи города-заповедника. Псков должен развиваться, расти, заявляли они. И заслоняли новыми зданиями древние, сносили то, что надо было беречь, словно строителям не хватало места на широкой равнине за рекой...

9

Вечерний автобус вернул нас с Зиной на родину. Это было счастье: рука в руке мы шли по скату холма, смотрели на озера и холмы.

На сеновал старой Просы я вернулся за полночь. Лег, укрылся овчиной. Дурманно пахло привядшей травой, в сене негромко шуршали мыши.

Сквозь дрему я увидел, что сижу внутри тесной камеры, в мягком кресле. Камера представляла белый цилиндр, кресло было похоже на самолетное. Ни окон, ни иллюминаторов не было, лишь крепко задраенная овальная дверь — тоже

как в самолете. Камера мягко и неровно вздрагивала, и я решил, что я в космосе, и мне стало страшно...

На белой стене вспыхнули вдруг яркие и большие зеленые буквы. «Лиственка», — прочел я с удивлением.

Камера перестала вздрагивать, что-то зашипело, и дверь открылась. Прямо передо мной была светлая овальная площадка, вверх уходил узкий неподвижный эскалатор. Я шагнул в дверь, ступил на площадку, и эскалатор ожил — ступени его бесшумно поплыли вверх.

Я понял, что нахожусь не над землей, а в ее глубине...

Эскалатор быстро поднял меня вверх, и я очнулся в рубленом домике, похожем на древнюю часовню. В окне были видны холмы, лес. Распахнув тесовую дверь, я замер от неожиданности... Прямо передо мной лежали три глубоких светлых озера, и из среднего озера вытекала река. С трудом узнал я в ней узенькую некогда Лиственку, а в глубоких озерах — озерца моего детства. Но такими же, как прежде, были холмы и еловый лес на холмах. Ни деревянных, ни каменных домов не было. В венце покатою холма рассыпались похожие на юрты полушария, прозрачные и матовые.

Ярко голубело высокое летнее небо. Ни самолетов, ни аэростатов в нем не было. С холмов срывались разноцветные треугольники дельтапланов, парили над полем, над озерами. Пронеслись дикие утки, на уровне дельтапланеристов пролетел ястреб-тетеревятник. На озерах было настоящее птичье царство: проплывали белые лебеди, утки — шилохвости, огари, мандаринки. Над опушкой черной тучей пронеслись тяжелые тетерева. Впервые в жизни я услышал, как одновременно кукуют десятка полтора кукушек...

Богатырская метровая трава густела передо мной. Сквозь траву шнурком пробивалась тропа. Я двинулся по траве...

Прямо перед собой я увидел высокий серый камень с неровными глубокими буквами: «Здесь была битва, похоронены русские воины. XIII век». Рядом с темным камнем был ослепительно белый. Ярко зеленели буквы — такие же, какие я видел в подземной камере. «Здесь был бой с фашистами, похоронены партизаны. 24 июня 1942 года».

Вдруг я увидел девочку. Она стояла на тропе и, казалось, ждала меня. Лицо девочки было знакомым. Больно сжалось сердце, я смотрел и гадал: кто же она? Может, это двоюродная сестра Маша, что погибла в деревне Гусино в пылающем доме в сорок третьем году?

Я понял, что пришел в будущее, а не в прошлое, а девочка просто похожа на далеких своих ровесниц...

— Здравствуй, — сказала девочка. — Я — Маша.

В деревнях здороваются с каждым повстречавшимся человеком, я не удивился, поздоровался с девочкой.

Девочка улыбнулась и протянула мне руку.

Только тут я увидел, что я тоже совсем еще мальчуган, лет десяти-одиннадцати. На ногах у меня были легкие, похожие на джинсы брюки, мягкие кожаные башмаки. Льяная рубашка не стесняла движений, шелестела от легкого ветра. Маша была в сарафане, босиком, в венке из лесных цветов...

— Почему нет самолетов? — остановил я свою спутницу.

— Почему... самолетов? — удивилась Маша. — Да это и первоклассники знают... А... ты прилетел на землю!

Я ничего не ответил, и Маша заторопилась, зачастила, будто отвечая на зубок выученный урок.

— Самолеты были неэкономичны, загрязняли атмосферу, часто случались авиационные катастрофы... Разумное человечество оставило только межпланетные корабли и аэростаты для лесоводов и геологов. Неэкономичными, загрязняющими среду, опасными были почти все виды транспорта... Подземные коммуникации позволили избежать опасности, повысить скорость...

— А где заводы, фабрики, города?

— Ты хорошо знаешь историю, — заметила Маша. — Конструктивисты обнажали технические механизмы, обнажение считалось символом прогресса... Разумное человечество спрятало индустрию под землю, позволило человеку остаться наедине с природой...

— А плантации, сады, пашни?

— Пахали только в двадцатом веке. В середине двадцатого века русский ученый Терентий Маляцев предложил новые методы. В начале двадцать первого века...

Я вдруг увидел, что поле, по которому мы шли, — пшеничное...

— Маша, а машины?

— Они безопасны и просты. Комбайны похожи на большие пылесосы, а сеялкой может управлять дошкольник.

Мы вышли на дорогу, и я увидел сожженную в сорок третьем году свою деревню.

— Музей прошлого, — сказала Маша негромко. — Вчера наши мальчишки здесь ночевали. Не захотели идти домой, вот и остались.

Я узнал свой дом, школу, омшаник, в котором стояла наша корова. Посреди деревни, как и в пору моего детства, стояли елки, вдоль дороги тянулась изгородь из окоренных жердей.

— Иди... я подожду... — Маша потупилась, замерла около крыльца.

Все, даже крыльцо, было таким, как когда-то. Взбежав на

крыльцо, я нырнул в сени, на ощупь нашел дверную скобу, открыл тяжелую дверь...

И в доме все было знакомым, понятным. На столе, как и прежде, стоял самовар, возле печки светлела новенькая дежа... Пол в горнице был чисто вымыт, на полу лежали солнечные пятна. Я узнал все. Брызнули слезы, краски смазались, словно сквозь слой воды, я увидел красный сундук, сети с берестяными поплавками, зимние удочки, похожие на скрипичные смычки....

Время пошло рывками, дерепуталось. Маша куда-то вела меня, зачем-то мы бежали... На лугу был погреб, тот самый, в котором мы прятались во время боя. На озерном берегу увидели землянку, окоп с зелеными гильзами от трофейного пулемета... Потом молча сидели на берегу, смотрели в глубокую прозрачную воду. Все было как в моем детстве: лениво покачивались камышины, дремал в водорослях латунный линь, проплывали лещи в сверкающих тяжелых латах... В уреме пахло водяными огурцами, хмелем, ольховой корой...

Нахлынула дрема. Когда я вновь открыл глаза, то увидел, что вместе с Машей сижу в камере подземной дороги... На белой стене ярко вспыхнули зеленые буквы: «Порховская крепость»...

Поднимаясь на эскалаторе, я увидел, что Маша выросла и я вырос тоже... Я держал девочку за руку, Маша улыбалась, и на щеках ее были мягкие ямочки...

Крепость была такой, как в древности. Большая каменная чаша была залита светом...

Раннее утро застало меня за работой. Сидя у окна, я записывал слова для словаря Псковской области. Старая Проса негромко диктовала:

— Значит, так, болотные слова: амшара, болотина, багно, вязель, зыбцы, плав, проница, топель... Как не знать, местность-то наша водивая, болотливая, без поршон по ягоды и ходить нельзя. Ягод-то много... После черники губы синие, в роте — как в болоте...

АТЛАНТЫ ДЕРЖАТ НЕБО

I

Планета называлась Эланой. Почему именно Эланой? В лоции на этот счет не было ни слова. Третья группа, отсутствие биосферы, сорок парсеков от базы, для человека без-опасна. Глеб захлопнул лоцию и включил обзорный локатор. Он не понимал, для чего нужны здесь дежурства у главного пульта корабля. Очередной параграф какой-то инструкции предусматривал дежурства на любой чужой планете, и никому не было дела до того, что дежурный должен томиться от без-делья и скуки целых четыре часа. Координатор был большим поклонником инструкций. Глеб не удивился бы, узнав, что Рент знает наизусть все три тома космических уставов.

Почувствовав, как поднимается глухое раздражение, Та-наев вспомнил о принятом решении и немного успокоился. Это его последняя экспедиция, давно пора подыскать более достойное занятие. Чего он, собственно, ждал? Чего все они искали за миллионы километров от родной планеты? Новых жизненных пространств? Запасов сырья? Все это космос уже предоставил земным колониям с лихвой. Понадобятся столе-тия, чтобы освоить открытые богатства. Кому теперь нужна служба дальней разведки? Что они, в сущности, находят? Не-много другие камни, немного другой воздух. Иная гравита-ция, иные циклы времени, и все это уже не удивляло, не бу-доражило воображения. Чего-то они так и не нашли среди звезд. Чего-то важного, такого, без чего терялся смысл во всем этом гигантском космическом предприятии, затеянном человечеством. Во всяком случае, для себя лично он больше не находил ничего привлекательного в однообразных иссле-довательских полетах. Годы жизни, унесенные анабиозом, щемящее чувство волнения перед очередной посадкой и ра-зочарование, словно его обманули... А потом долгие недели и месяцы, заполненные однообразной, надоевшей работой. Значит, все. Пора домой. Там найдется дело по вкусу.

Щелкнул аппарат связи, и сухой желчный голос коорди-натора попросил доложить обстановку.

«Слово-то какое замшелое — «докладить», — все еще не в силах справиться с раздражением, подумал Глеб. Однако привычка к дисциплине не позволила ему выдать своего не-довольства даже в тоне ответа. Он перечислил номера групп и количество людей, покинувших корабль два часа назад, и

монотонно, чтобы хоть чем-то досадить координатору, стал пересчитывать квадраты работ отдельно для каждой группы.

— Послушайте, Танаев, эти цифры вы сообщите мне как-нибудь на досуге, а сейчас вызовите на корабль всех руководителей групп.

Координатор отключился.

До конца вахты оставалось несколько минут.

Кажется, он успеет на совет и там наконец узнает, что, собственно, произошло, подумал Глеб.

Лифт вынес Танаева на третий уровень, в залу кают-компании. Совет уже начался. Видимо, Кирилину только что предоставили слово, и он, как обычно, мялся, не зная, с чего начинать. Всегда с ним так, если приходилось выступать перед многочисленной аудиторией, все знали эту его слабость и терпеливо ждали. Длинные руки Кирилина беспокойно бежали по столу, словно искали что-то, а большие добрые глаза, искаженные толстыми стеклами очков, казались печальными и чуть удивленными.

— Здесь много неспециалистов, и я, видимо, должен объяснить подробно... — Кирилин закашлялся, вытер блестящую голову. Казалось, он чувствует какую-то свою личную вину за происшедшее. — Все дело в кристаллокондах. Ими задается программа любого автомата. Вам не раз приходилось иметь с ними дело, когда во время работ вы сменяли один кристаллоконд на другой, чтобы дать кибу новое задание. Кристаллоконды, как вы знаете, представляют собой чрезвычайно сложную и твердую кристаллическую структуру. Ее нельзя изменить. Ее можно сломать, заменить новой, но ее нельзя частично изменить. В этом суть всей проблемы. Кристаллическая структура кондов раз и навсегда задается во время отливки...

Наконец кто-то не выдержал:

— Может, вы объясните, что, собственно, произошло?!

— Вот я и говорю, что кристаллоконды представляют собой сложную структуру, раз и навсегда заданную при изготовлении...

— Да хватит об этих кристаллокондах! Скажите, почему прекратили работы?!

— Кристаллоконды двух автоматов в группе Кленова оказались измененными, в их структуре произошли некоторые сдвиги, и вместо стандартного отбора образцов кибы покинули квадрат работ, самостоятельно переместились в группу энергетического резерва и там...

Послышался смех, кто-то спрашивал у Кленова, чем он насолил своим кибам, кто-то интересовался у энергетиков, зачем они сминавают чужих роботов. Координатор постучал по столу и поднялся.

— Очевидно, не все понимают серьезность происшедшего. Эти два кристаллоконда кем-то были специально изменены таким образом, что кибсы получили новое, неизвестное нам задание, которое они и выполняли в течение нескольких часов. Мы не знаем характера этих изменений, мы не знаем, кем, а главное, для чего это было сделано.

Несколько секунд в кают-компании было тихо.

— Может быть, перепутали конды? Кто-нибудь из команды...

— Исключено. На них остались те же самые заводские номера. Кроме того, конды непонятным образом разрушились, как только мы начали исследования.

— Разрушились? От чего?

— Мы хотели рассмотреть их структуру под нейтринным микроскопом, чтобы определить характер изменений, но сразу же, как только включился нейтринный поток, конды распались, превратились в пыль. Я прошу экипаж со всей серьезностью отнестись к сложившейся ситуации. Создать такую сложную структуру, как конд, непростая задача. И цель, ради которой это было сделано, может оказаться весьма серьезной. Прошу самым тщательным образом проверить всю автоматическую аппаратуру корабля. Представьте себе несколько неуправляемых автоматов в машинном отделении или пару таких блоков в центральном навигаторском.

«Да, это серьезно... — подумал Глеб. — Тут действительно не до шуток. Но к чему клонит Рент? Неужели он предполагает, что кто-то на Земле заранее изготовил эти блоки, а кто-то из членов команды умышленно их подменил?..»

— Ронга и Танаева прошу остаться. Остальные свободны.

Ронг возглавлял научный отдел корабля, вместе с координатором и Глебом они составляли руководящую тройку всей экспедиции. Едва все вышли, координатор приступил к делу:

— Надо решить, как действовать дальше. Выбор у нас небольшой. Мы можем или игнорировать случившееся и продолжать работы, либо, учитывая обстановку, вернуться домой. Более того, если скрупулезно соблюдать инструкции, мы просто обязаны вернуться. Однако в данном, конкретном случае я не настаиваю на соблюдении инструкции и оставляю за нами право на решение. Мы должны учесть все особенности обстановки, а также и то, сколько стоит наша экспедиция на таком расстоянии от базы.

— Да, вернуться, не выполнив задание... Такое не часто бывает. — Ронг озабоченно потер подбородок.

— Есть еще один выход. Подождать, — заметил Глеб.

— Подождать чего? — резко спросил координатор.

Глеб, сделав вид, что не заметил его резкости, спокойно пояснил:

— Подождать, пока этот таинственный фактор, изменяющий настройку наших автоматов, вновь себя проявит. Вряд ли он ограничится только двумя автоматами. Следующий случай даст нам в руки гораздо больше материала. Мы сможем составить более полное представление о том, что происходит, и, может быть, выясним, кто этим занимается. Какое-то время будем вести работы локально, маленькими группами, с малым числом автоматов и с большим числом специально проинструктированных наблюдателей. Рано или поздно тот, кто это сделал, раскроет себя.

— Или не раскроет, что более вероятно. Но сроки, отпущенные нам на разведку планеты, будут сорваны. Тут нужно кардинальное решение.

— Насколько я понимаю, вы за то, чтобы продолжать работы с нормальным графиком? — уточнил Ронг.

Координатор поморщился:

— Сначала я хотел бы услышать ваше мнение или хотя бы предположение, гипотезу о характере происшествия, о том, кто это мог сделать.

— А почему вы убеждены, что это чья-то злая воля? Скорее всего автоматы попали под неизвестное нам излучение природного происхождения. Например, мощный гамма-поток мог сместить внутренние структуры кондов и ослабить молекулярные связи. Достаточно было небольшого толчка в виде нейтринного излучения нашего микроскопа, чтобы они разрушились.

— Это, пожалуй, кое-что объясняет. — Координатор удовлетворенно качнул головой, а Глеб иронически усмехнулся.

«Ну конечно! Конечно, это опять все объясняет простым и естественным образом! Им это и нужно. Сделать вид, что ничего не произошло. Заняться повседневными делами, планами, отчетами, графиками... Задавить едва мелькнувший кусочек неведомого грудой повседневных дел. Сделать порученную работу и вернуться домой... И по-своему они правы. Их послали делать вполне определенное, конкретное дело. И они его делают».

— Скажите, — спросил он Ронга как мог спокойнее, — сколько именно энергии нужно для такого изменения кристаллокондов, иными словами, какова была мощность этого «природного» потока?

Он сразу же увидел, что попал в точку, в самое слабое место ронговской гипотезы.

— Мне трудно ответить на ваш вопрос. Нужны специальные исследования.

— Однако горячие зоны наших реакторов, в которых работает не один десяток автоматов, дают что-нибудь порядка двух тысяч рентген на квадратный миллиметр. И я не слышал, чтобы хоть один конд вышел из строя. Вы знаете природное излучение, которое может дать большую мощность?

— Такие изменения могут накапливаться постепенно. В течение нескольких лет и потом резко, скачком проявить себя.

Казалось, координатор не слушает объяснений Ронга. Нахмурившись, он что-то чертил кончиком визифона на столе.

— Ты пойми меня правильно, Глеб. Я не могу позволить увлечь себя в дебри научных дискуссий. Планета отнесена к третьему классу. У тебя есть объективные данные, чтобы эту оценку изменить?

У него не было таких данных. У него не было ничего, кроме зловещего предчувствия, что на сей раз они поплатятся за свою беспечность, за свою древнюю привычку все делать по заранее расписанным листочкам бумаги, даже в тех случаях, когда обстоятельства не укладываются в рамки предписаний.

— Я потребу ю вынести этот вопрос на совет команды.

— Это твое право, Глеб. Но совет тебя не поддержит. Как только закончим проверку автоматов, работы будут возобновлены. — Координатор устало прикрыл глаза рукой, потер виски, потом резко поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Каждое новое утро на Элане похоже на предыдущее. Отсутствие атмосферы лишает их разнообразия. В шесть часов раскаленный гладкий шар солнца появляется на безликом от черноты небосклоне. Миллиарды звезд, не притушенные атмосферой, торчат на небе весь день, и, наверно от этого, планета кажется гигантской рубкой космического корабля.

Запакованный в герметические скафандры отряд геологов из двенадцати человек едва разместился в трех карах. Кары бесшумно плыли над поверхностью планеты. Странное чувство, словно он исполняет чужую надоевшую роль, не покидало Глеба с того самого момента, когда совет поддержал решение координатора. Пятый день исследования шли по графику, и до сих пор все как будто говорило о том, что его опасения безосновательны, а происшествие с киберами всего лишь нелепая случайность.

В первый день он дважды осмотрел карьер, в котором последний раз велись работы. Никто не мог точно сказать, где именно кибы перестали выполнять свою основную программу. Ничего удивительного. Автоматы работали на при-

личном расстоянии друг от друга, и людям трудно было контролировать весь участок. Осмотр ничего не дал. Базальт. Редкие выходы пегматитовых жил с крупными кристаллами слюды и золотистых пиритов. Отсутствие ветра и водной эрозии делали изломы скал неестественно свежими, сверкающими всеми гранями, как образцы в геологическом музее.

Еще двадцать дней. Потом работы будут закончены, и, если ничего не случится, они улетят домой. На базе никто и не вспомнит об этом незначительном происшествии. Их отчет, сданный в центральный информаторий, навсегда осядет в блоках его памяти дополнительным грузом никому не нужных сведений. Сколько таких необъясненных и забытых слушаев уже хранится в его памяти?

«А что, если это лишь разведка, проба сил? Что, если нам придется с этим столкнуться вплотную? С чем с «этим»? — спросил он себя зло. — Нервы у вас расшалились, пилот Танаев. Здорово расшалились нервы...»

Кибы остановились у черного разлома скал. Обычный рабочий день вступил в свои права и часа на полтора занял все его внимание. Глеб плохо разбирался в геологии и попросил в группу Кленова только из-за этого проклятого разлома, от которого сбежали роботы. Вот он перед ним. Всегда одинаковый, с черными оспинами обсидиана, с шероховатыми плоскостями гранита. От резких теней все здесь казалось чуть мрачноватым. Много тысячелетий назад подземный толчок выдавил на поверхность эти скалы, раздробил камень причудливыми сколами. Обломками завалил глубокие трещины. Все так и осталось нетронутым на тысячи лет.

«Лежало, пока мы не пришли, не наполнили все вокруг скрежетом земных механизмов, воем электромоторов», — подумал Глеб.

Сверху сорвался небольшой камень. Глеб вздрогнул и резко обернулся. Над ним в просвете между каменными обломками появилась башенка охранного кибера. Координатор расщедрился и выделил на каждую рабочую группу по два киба вопреки инструкции, не предусматривавшей охрану на планете третьего класса. Это была еще одна причина, почему Танаев оказался в группе Кленова. Слишком хорошо он знал потенциальные возможности этих боевых машин. Ему не давала покоя одна простенькая мыслишка: «Что будет, если у них тоже самопроизвольно изменится основная программа?.. Почему не может повториться то, что уже случилось здесь однажды?» Но Рент в ответ на его опасения лишь пожал плечами.

— Тогда нам вообще нечего делать в космосе. Без автоматов мы здесь шагу не ступим.

Глеб поднялся наверх и стал рядом с трехметровым

стальным гигантом. Решетчатая башенка локатора на его макушке непрерывно вращалась.

— Ты можешь соединиться с главным автоматом, канал не занят?

— Канал свободен, соединяюсь.

Но еще до того, как пришел ответ на вызов, в шлемофоне раздался голос Кленова.

— Глеб, ты не мог бы спуститься в третий сектор?

— А что случилось?

— Отказал взрыватель. Нам нужно было убрать небольшую стенку, взрыватель отказал, и я не могу понять причины. Спустись, посмотри.

— Хорошо. Я сейчас.

— Вызов центрального автомата отменить? — спросил робот.

— Нет. Наоборот, соедини меня с ним.

Через секунду хрипловатый знакомый голос сообщил о том, что один из каналов центрального автомата переключен на его радию. Глеб запросил информаторий и через несколько секунд уже знал ответ, который предвидел с самого начала. Спуск требовал внимания. Широкие подошвы скафандра, упруго пружиня под ногой, вдавливали свои многочисленные мелкие шипы в неровности скал. Один неверный шаг на такой крутизне мог ему дорого обойтись. Зачем, собственно, понадобилось ему лезть вверх к кибу? Ведь он мог вызвать его снизу, со дна разлома. Нелепость? Ну да, всего лишь нелепость... Некие незапрограммированные действия, как у тех автоматов... Он почувствовал легкое головокружение. С минуту стоял неподвижно, ухватившись рукой за выступ, и прислушивался, как медленно уходила из тела резкая, знакомая раньше боль, возникавшая в области сердца. Наслаивалось что-то уж очень густо одно к одному. За последние два дня зафиксированные случаи незначительных аварий в этом квадрате увеличились в четыре раза... Именно этого ответа он и ждал, вызвав информаторий. Теперь очередь за людьми... И если его догадка верна, все это следствие одной и той же причины...

Внизу двое наладчиков уже разобрали нейтринную горную мину. Механизм выглядел безупречно. А боек почему-то не доходил до капсулы, словно что-то в системе спускового механизма изменилось, исчезла какая-то важная деталь, нарушился заданный людьми порядок, и вот механизм не сработал...

Глеб долго вертел в руках металлическую коробку. Боль ушла и больше не возвращалась. Но он был уверен, что это не единственный случай такого вот необъяснимого кратковременного недомогания, что не он первый и этими мелочами дело не кончится...

Ему понадобятся самые подробные данные обо всех неизвестных поломках, разладках и мелких неисправностях механизмов во всех квадратах, где велись работы. Он знал, что поломки, которые не выбивают из графика основные работы, не заносят в журналы и нигде не фиксируют. Значит, придется поговорить со всеми кибернетиками и наладчиками. Потом ему предстоит обработать эти данные на машине. Он не сомневался в результате, но для предстоящего разговора с координатором нужна была серьезная подготовка. Этот человек верил только фактам.

II

Пульт малого расчетчика показался Глебу чрезмерно сложным, ему не приходилось иметь дела с аппаратами такого низкого класса. Любые навигационные и текущие корабельные расчеты поручались центральному автомату, в него не нужно было вводить ни кодированных программ, ни исходных данных. Достаточно было прочитать в микрофон несколько важнейших цифр и объяснить суть задания. Все дополнительные данные Центавр, связавшись с информотекой, мог получить самостоятельно. Вначале Глеб собирался проделывать свои расчеты обычным путем, но потом вспомнил, что любое задание автоматически остается в блоках памяти Центавра, так же как и результат полученных расчетов. Это не входило в его планы. Примитивный малый Раст позволял стирать на своих магнитных лентах условия задачи и ее результаты.

Конечно, научрук Ронг удивился, когда он попросил разрешения воспользоваться его личным расчетчиком, но другого выхода не было. Пока что он добился главного. Все, что он уже знает, и то, что узнает, закончив расчеты, до поры до времени останется никому не известным. Прежде всего он обязан обо всем доложить Ренту. И пусть координатор сам решает, что с этим делать дальше. Аппарат тихонько урчал. В его металлическом нутре что-то шуршало, словно бегали мыши. Сетка огней на пульте то совсем пропадала, то вспыхивала с новой силой. Автоматическое печатающее устройство время от времени включалось, выстукивало колонку цифр и вновь умолкало. Наконец раздался резкий звонок, означавший окончание работы. Вспыхнул экран графического анализа. Глеб нажал большую голубую кнопку, расположенную под самым экраном, и получил из щели хрустящий лист лавсановой пленки. Это и был результат. Даже не взглянув на него, Глеб торопливо стал манипулировать с выключателями на пульте. Наконец все было кончено. В расчетчике не осталось никаких следов проделанной ра-

боты. Только после этого Глеб подошел к столу Ронга, занимавшему половину комнаты, включил свет и развернул пленку. Весь лист разделяла на квадраты бледная сетка координат. Более четко выделялись жирные линии изогипсов. Они обозначали одинаковые количества отказов, взятых в определенном временном масштабе. Изогипсы не везде смыкались. В этой части планеты работы велись неравномерно, и ему не хватило данных, но общая картина все равно вырисовывалась вполне отчетливо. Количество поломок, отказов, легких недомоганий людей, непонятное исчезновение отдельных деталей, а то и целых механизмов — все это совершенно явно нарастало вокруг одного определенного участка на карте планеты площадью примерно в двести квадратных километров.

Только закрыв за собой дверь личной каюты, координатор Рент почувствовал, как он устал.

Бывают планеты, на которых неприятные случайности собираются словно в фокусе, но Элана побила все рекорды. Хуже всего с энергией. Без конца обнаруживались непредвиденные утечки, и повышенный расход сопоставлял каждому выходу наружу... Словно у него на складе неограниченные запасы октана! Все аккумуляторы вдвое увеличили саморазряд даже на холостом ходу. Научная группа объясняет это повышенным фоном гамма-излучений, хотя, похоже, Ронг в это не очень верит. С чего бы вдруг все внутренние аккумуляторы и накопители отреагировали на этот фон! Им не раз приходилось сталкиваться с гораздо более сильными излучениями, и ничего подобного не было! Придется сокращать и так уже урезанный график работ. Слишком дорого обходятся исследования на этой планете. Ему нелегко будет отчитаться перед базой. Еще одна авария с генератором, как та, что случилась при подходе к Элане, и они не дотянут до дому... Израсходовано шестьдесят процентов резервного топлива. Генераторы корабля работали на любой материи, и запасы инертных материалов, использовавшихся в качестве горючего, они уже полностью возобновили на Элане, но это топливо годилось только для ходовых генераторов. Все планетные работы, посадки и взлеты на малой тяге производились на октане. Только октан мог зарядить мощные автономные аккумуляторы, приводившие в действие основные системы корабля и всех кибов. Без октана они станут совершенно бесполезны. Взлет придется делать на главных двигателях, сразив радиацией немалую площадь планеты, несмотря на строжайший запрет...

Если бы только это! Участились болезни среди членов экипажа. Это было бы понятно на планете с биосферой, но как объяснить вспышки гриппа и различных неинфекционных недомоганий, когда каждый выход наружу сопровождается полным комплексом дезинфекционных облучений, а защищенные скафандрами люди вообще не контактируют с планетой?! А эта история с роботами?

Танаев наверняка при возвращении напишет рапорт в комиссию и будет по-своему прав. Получится, что Рент не уделил должного внимания такому невероятному событию, как выход из строя пары роботов. Черт бы их побрал вместе с Танаевым!

Тревожные мысли наплывали одна на другую, мешали расслабиться, не давали отдохнуть. Рент потянулся к изголовью и включил мент. Первые раскаты похожей на морской прибой мелодии затопили сознание, перед глазами встали рыжие скалы, и песчаные дюны легли вокруг, словно застывшие волны океана. Но видение тут же исчезло. Резкий звук зуммера — срочного вызова — разрушил иллюзию.

Рент сидел за столом подтянутый, в застегнутой до самого горла куртке, с прямой, как палка, спиной. Ничто в его облике не выдавало недавней усталости. Глеб молча развернул на столе лист лавсана. И только когда координатор вопросительно уставился на него, сделал самые необходимые пояснения и снова надолго замолчал, ожидая, пока Рент усвоит новую информацию и примет решение. А Рент не спешил, и где-то в уголках его глаз чуть заметно дрожал незаметный для Глеба огонек обиды.

Ну почему, почему они приходят к нему, словно он часть центрального автомата корабля? Почему в трудных ситуациях от него ждут однозначного безапелляционного решения, в принятии которого никто не хочет ему помочь, словно они не знают, что никогда не бывает однозначных безапелляционных решений, не несущих в себе зародыша будущих неприятностей...

Вдруг Рент внутренне содрогнулся. До него только теперь дошел весь грозный смысл открытия, сделанного Танаевым. На планете существовала некая зона, в которой все неприятности, преследовавшие их с момента посадки, словно бы сгущались. В это было трудно поверить, но цифры, подсчитанные вычислителем, казались безупречными. Случайное совпадение почти исключалось. Слишком обширный материал собрал и обработал Глеб. Что же там такое? Неизвестные излучения? Нет таких излучений, которые оставили бы без внимания корабельные индикаторы. В конце концов,

возят же они с собой для чего-то пятнадцать человек не самых худших ученых! Один Ронг стоит десятерых. Пусть думает тоже. Рент набрал на селекторе код вызова.

— Так вот зачем вам понадобился мой вычислитель...

Ронг поднес график к самому лицу, ощупал его и даже посмотрел на просвет.

— Это слишком невероятно для случайного совпадения. Придется проверить. — Координатор резким жестом остановил его.

— Интересно, каким образом вы собираетесь проверить? Вам знаком дефицит с октаном?

— Да. Но работа в центр этой зоны придется послать.

— Одного робота?

— Не торгуйтесь, Рент. Вам все равно этого так не оставить. Пошлете сколько понадобится, а пока одного. И желательно не А-класса.

— Почему?

— У меня такое впечатление, что чем проще будет механизм, тем дольше он там продержится.

— Ну хорошо. «Жук» вас устроит?

— Да... Пожалуй. Только пусть с него снимут блоки автономного управления, а двигатели переключат на релейные радиокоманды.

— Я сам все проверю. — Глеб поднялся. — Через пару часов можно будет выпускать.

— Не забудьте добавить резервные блоки анализаторов и по четыре передатчика в инокамерах с каждой стороны. Так, чтобы в случае гибели автомата мы могли получить информацию.

— Значит, обратно мне его не ждать? — Рент вопросительно поднял брови, разглядывая сморщенное лицо руководителя научной группы.

— Не знаю, Рент. Мы столкнулись здесь с чем-то таким... — Ронг пощелкал в воздухе пальцами. — Ну, в общем, по сравнению с этим цена одного автомата может оказаться ничтожной.

Внешне «жук» напоминал подсолнечное семечко, увеличенное до размеров моторной лодки. Матовые металлические грани, сходящиеся к носу, создавали впечатление надежности. Лобовая броня «жука» способна была отразить прямой удар лазерного луча. Наружу не выступало ни единого механизма. Не было видно даже швов. «Жук» представлял собой транспортное устройство, использовавшееся в особо сложных условиях.

На экране рубки управления виден был почти весь ангар, в котором располагался «жук». Все было готово к пуску. В рубке вместе с Глебом сидели только Ронг и координатор.

Словно не ожидая от эксперимента, затеянного Ронгом, ничего хорошего, Рент удалил даже дежурного и сам сел за пульт управления. «Жук» тяжело качнулся и медленно поплыл к эстакаде.

— Ты не хочешь вернуть людей на корабль? — спросил Ронг, словно ему передавалась тревога, которую испытывал Глеб с того самого момента, как вернулся из карьера и начал собирать первые данные для вычислителя.

— Зачем? Мы всего лишь послали транспортный автомат в один из секторов планеты. Ты хочешь, чтобы я каждый раз из-за такого пустяка останавливал работы? Или у тебя есть более определенные соображения?

— Нет. — Ронг сморщил свое и без того изъеденное морщинами лицо. — Я не думаю, что это опасно. Но это достаточно необычно. Мы не знаем, как себя проявит то, что скрыто в этой зоне. Ведь что-то там есть?

— Вы даже в этом не уверены. И вообще позвольте мне самому решать, что здесь опасно, а что нет! — вдруг отрезал Рент.

Теперь они молча смотрели, как «жук» неторопливо плыл над скалами, напоминавшими ледяные торосы. Казалось, в этом месте по поверхности планеты с размаху бил огромный молот. Но скалы постепенно понижались. Все чаще между ними появлялись проходы, словно кто-то вылизал среди камней огромным шершавым языком широкие прогалины. Рент увеличил скорость и направил машину в одну из таких прогалин. Развернувшись на ровном месте, «жук» вздрогнул и рванулся вперед. На экране, показывающем обзор местности с бортовых передатчиков, мелькнула знакомая стена ущелья. Теперь «жук» вошел в зону, на которой до сих пор еще не бывали ни люди, ни их машины. Всего двадцать километров отделяло его от центра таинственного пятна, вычерченного Глебом на карте планеты. Вдруг изображение, транслируемое бортовыми передатчиками «жука», потеряло четкость.

— Что там такое?! — сразу же расвирипел Рент. — Вы что, не можете держать настройку?

— Настройка здесь ни при чем!

— Тогда что же?

— Откуда я знаю! — огрызнулся Глеб. — Я не связист! Вы слишком засекретили наш эксперимент. Здесь могут понадобиться разные специалисты.

— Хорошо, — неожиданно согласился Рент. — Пригласите всех, кого считаете нужным. И увеличьте мощность управляющих передатчиков, машина нечетко выполняет команды. Если не хватит энергии, я запущу главный реактор, — сквозь зубы добавил координатор.

«Кажется, он начинает забывать про экономию», — пробормотал Ронг.

Несколько минут ушло на то, чтобы объяснить вошедшим в рубку специалистам создавшуюся ситуацию. За это время «жук» заметно потерял ход.

— Ну так что там с передатчиками? — нетерпеливо спросил Рент. — Машина почти выходит из-под контроля. Что это, наводки? Экран?

— Нет. И то и другое наши приборы сразу же определяют, — уверенно ответил главный инженер. — У меня такое впечатление, что дело в самой машине.

— Да, — подтвердил связист. — Похоже, начали разрушаться телеобъективы на «жуке». Смотрите: рябь на экране имеет характерную структуру.

— Почему же молчат бортовые анализаторы? Они должны реагировать на любое внешнее воздействие! Все поля в норме, даже радиоактивный фон не увеличился!

— Попробуйте взять левее, — вдруг вмешался молчаливый до сих пор Ронг.

— Но там же скалы!

— Именно поэтому. Мне кажется, местность в остальных местах что-то уж слишком выровнялась.

Скалы неожиданно кончились. На какое-то время изображение на экране стало почти резким. Впереди, насколько позволяли объективы, виднелась ровная песчаная плешь. Ронг стремительно нагнулся и включил максимальное увеличение. Песок приблизился, заполнил собой экран. Глеб не сразу понял, что его так поразило. И вдруг вспомнил, что на планете нет атмосферы и, значит, не может быть ни воздушной, ни водной эрозии. Какая же сила превратила здесь скалы в песок?

— Похоже на пыль, — пробормотал Ронг. — Нет определенной формы. Я не могу рассмотреть отдельных песчинок, не хватает резкости. Да сделайте же что-нибудь!

— Все, — сказал Рент. — Аппарат неуправляем.

«Жук», вздрогнув, остановился и вдруг стал медленно разваливаться на части.

Глеб почувствовал острую досаду на себя за то, что не догадался одновременно с «жуком» перевести на нужную орбиту один из спутников наблюдения. Теперь, прежде чем они получат нужный квадрат в секторе обзора, пройдет не меньше часа.

Увидев, что он начинает набирать на пульте Центавра код поправок, координатор остановил его.

— Спутник нам не поможет. С высоты все равно ничего не видно, а если опустить его ниже, с ним скорей всего слу-

чится то же, что с «жуком». Здесь нужны танки высшей защиты. Что вы об этом думаете?

Ронг пожал плечами:

— Я не факир и гадать не умею. Чтобы вам ответить, мне нужны обломки «жука», и хорошо бы немного этого песка. Но с танками я не стал бы торопиться.

— Это еще почему?

— Потому, что, если в однородной среде имеет место совершенно явная флюктуация, характер которой нам неизвестен, лучше всего собрать дополнительные данные, прежде чем вторгаться в саму структуру.

— Иными словами, не стоит дразнить гусей, — подсказал главный инженер. — Что же, я, пожалуй, с вами согласен.

— А я нет! — решительно вмешался Глеб. — Теперь мы просто обязаны узнать, что там такое. Наблюдения со стороны ничего нового не дадут, а если последовать вашей рекомендации, мы попросту не успеем ничего выяснить. Вторую неделю только тем и занимаемся, наблюдаем со стороны, выполняем график работ. Но иногда стоит вспомнить о том, что поисковая служба создавалась на Земле вовсе не для подсчета запасов полезных ископаемых на чужих планетах.

— Для чего же, Глеб? — спросил координатор, с интересом рассматривая своего первого пилота, словно видел его впервые.

— Для того чтобы искать и хоть иногда находить что-то новое! Неизвестное человечеству! Вот такое, например! — Танаев зло постучал по погасшему экрану. Несколько секунд все молчали.

— Готовьте танки, — приказал координатор. — Всех людей вернуть на корабль! Аврал по стартовому расписанию первой срочности.

За бортом корабля шла срочная погрузка. Со всех сторон тянулись длинные цепочки транспортных автоматов. Их суставчатые лапы с присосками на концах легко преодолевали рытвины и неровности первозданной поверхности планеты, лицо которой еще не бороздили ленты дорог. Казалось, сотни термитов возвращаются домой с добычей. На спинах автоматов виднелись решетчатые детали не полностью размонтированных конструкций. В движении кибов не видно было ни малейших перебоев, суеты или спешки. Строго соблюдалась очередность в погрузке наиболее важного оборудования. Грузовые люки корабля один за другим глотали бесчисленные подъемники. Во всем этом механическом исходе не было видно только людей. Кары с ними должны были показаться че-

рез несколько минут. Пришло сообщение от всех групп о законченном демонтаже. Между тем весь корабль заполнили хорошо знакомые звуки предстартовой подготовки. То и дело всхлипывали упрятанные в переборки электромоторы. Свистели продуваемые на холостой тяге джозы вспомогательных реакторов, хрустели и лязгали сочленения бесчисленных механизмов. Казалось, корабль разминал свои могучие механические лапы, как присевший на корточки зверь, готовый к прыжку.

Чтобы видеть погрузку со стороны, Глеб переключил часть экранов на локаторы подходивших автоматов. Четырехгранная пирамида корабля, расширявшаяся книзу, со стороны производила впечатление колоссальной мощи. Так оно и было. Земля располагала всего тремя кораблями такого класса. Они использовались лишь для самых дальних разведок, в особо трудных условиях. Полная автономия, резервы топлива, достаточные для того, чтобы противостоять чудовищным гравитационным полям. Мощнейшая защита нейтринных полей, лазерные пушки, генераторы антиматерии. Казалось, ничто в космосе не могло противостоять этому стальному исполину. Но пока часть команды оставалась за бортом, после всего, что случилось с «жуком», Глеб не мог отделаться от вполне понятной тревоги. Он в третий раз подключился к группе Кленова, которая ближе всех других находилась к опасной зоне. На экране вновь мелькнул знакомый карьер. Автомат включил трансфокатор, и Глеб крупным планом увидел сающихся в кар людей. Площадка, где совсем недавно стояли многочисленные бурильные автоматы, уже опустела. Глеб не стал включать вызова, чтобы лишний раз не отвлекать Кленова от дела, он просто пересчитал людей. Все восемь человек были на месте. Кар тронулся и стал медленно выползать из карьера. Глеб потянулся к тумблеру, чтобы переключиться на группу Мистислова, и вдруг замер с протянутой рукой. За противоположной стеной карьера, в той стороне, откуда не вернулся «жук», что-то происходило.словно невидимый раскаленный ветер дунул на скалы, славившие северную стену карьера, и теперь они медленно бесшумно оседали на глазах у Глеба. Пыль в безвоздушном пространстве планеты не могла подняться над поверхностью, и поэтому вся катастрофа выглядела немного нереально, как в дурном сне.

На экранах носовых локаторов, дававших обзор местности с верхней точки, это выглядело так, словно гигантское щупальце медленно, неуверенно тянулось сквозь скалы наперерез кару с людьми. Но никакого щупальца не было. Было что-то невидимое, нечто разрушавшее на своем пути скалы... Глеб нажал сигнал общей тревоги и сразу же вызвал Кленова.

— Максимально увеличьте скорость! Возьмите на двадцать градусов восточнее. Вам наперерез идет... — Он заплулся, потому что не мог подобрать нужного слова, его еще не было в лексиконе людей. Но слово не понадобилось. Кленов его понял.

— Мы видим, Глеб. Но скорость увеличить не можем. У нас садятся аккумуляторы.

Кар на экране дернулся, резко изменил направление, пытаясь уйти в сторону. Теперь лавина, если можно было назвать лавиной неведомую силу, которая нагоняла кар, шла за его кормой. Они двигались примерно с одинаковой скоростью, и до кара оставалось еще метров сто. Четкой границы у этого разрушительного потока не было. Скалы начинали терять свою форму, садиться и словно бы оплывать от нестерпимого жара... Вот только дистанционные термы показывали минус двести по Цельсию — обычную температуру поверхности планеты. Кар тянул из последних сил, он дергался, то и дело почти полностью теряя скорость, словно лишился всей своей мощности, и не мог преодолеть пустякового подъема. Наконец, рванувшись в последний раз, машина встала. Глеб видел, как откинулся защитный колпак и тут же, отвалившись, покатылся вниз. Из машины выскочили люди и побежали вверх по склону. Но они бежали медленно. Значительно медленней неведомой силы, которая преследовала их по пятам. Нужно было что-то делать. Глеб почувствовал, как по лбу стекают крупные капли пота. Он попросту растерялся. Прошло не больше минуты с момента объявления общей тревоги, но ему казалось, что минула целая вечность, а он все еще был один в рубке и сам должен был принимать решение. Времени на раздумья не оставалось. Бежавший последним человек споткнулся и упал. Еще секунда, и будет поздно... Накрыть их защитным полем корабля с такого расстояния он не мог. Ни одна машина, посланная на помощь, не успеет... Что же делать? Что?! Мысли лихорадочно метались. Может быть, аналогия с извивавшимся щупальцем неведомого зверя помогла ему найти решение? Он не знал. Отрубить! Отсек эту дрянь от людей! Еще один человек упал. Остальные уже не бежали. Они медленно, шатаясь, брели по склону. Кто-то остановился.

Глеб схватился за рукоятки управления противометеорной пушкой. Ближе всего к нему оказалось носовое орудие, оно допускало отключение автоматики. Это было то, что ему сейчас нужно. Орудие, рассчитанное на разрушение крупных материальных масс, оказавшихся на пути корабля, могло излучать и концентрировать в конце траектории мощные энергетические импульсы. У Глеба не было времени рассчитывать мощность. Он передвинул регулятор примерно на половину

шкалы и сразу же поймал в перекрестии прицела середину потока. Чтобы не задеть людей аннигиляционной вспышкой, он вынужден был отвести прицел подальше, на самое дно ущелья. Какую-то долю секунды нога, нащупавшая педаль спуска, еще медлила. То, что он собирался сделать, могло иметь самые неожиданные последствия. Не было у него времени ни на раздумья, ни на детальный анализ ситуации. Одно он понимал совершенно четко: у него перед глазами гибли его товарищи... Он нажал спуск. На экране полыхнул голубой сгусток взрыва. Однако он оказался намного меньше того, что Глеб ожидал увидеть. Не расползалось во все стороны облако превращенной в пар и газы материи. Взрыв прошел тихо, почти по-домашнему, словно неведомая сила жадно впитала в себя почти всю его энергию.

— Отойди от пульта! — вдруг услышал он за своей спиной дрожащий от ярости голос координатора.

— Но ведь они... Они там...

И сразу же, как бы пресекая все его возражения, хлестнула в лицо уставная фраза:

— Космопилот Танаев, я отстраняю вас от должности!

Пошатнувшись, он встал, сделал шаг в сторону. Ни одной мысли не осталось в голове, ни обиды, ни горечи. Только боль за скорченные, беспомощные фигурки людей.

Секунду координатор сидел на его месте, обхватив голову руками, и ничего не предпринимал. Потом выслал отряд медиков на танках высшей защиты.

Глеб видел, как неуклюжие серые громады танков медленно, точно насекомые, ползут, перемалывая камни. Казалось, прошла целая вечность, пока они подошли к неподвижно лежащим людям и накрыли их своими защитными полями.

И все же надежда была. Сразу после выстрела разрушительная лавина прекратила свое движение. За все время, пока шли танки, она ни на миллиметр не продвинулась к людям.

Наконец в динамиках раздался искаженный голос:

— Шестеро живы, отделались шоком, но двое...

— Кто?! — хриплым, незнакомым голосом выдохнул координатор.

— Максутов и Даров. Для них мы ничего не сможем сделать...

...Да, это были они. Те двое, что упали первыми и ближе всего оказались к краю смертоносного щупальца. Значит, его выстрел остановил смерть, ползущую к остальным. Теперь он мог уйти, но еще несколько секунд помедлил, разглядывая сгорбленную спину координатора. Видимо, тот по-

чувствовал его взгляд, потому что, не оборачиваясь, проговорил:

— Возможно, на твоём месте я поступил бы так же, но это тебя не оправдывает. Мне очень жаль, Глеб...

Это означало, что решение осталось в силе и в рубке ему больше нечего делать.

III

— Что это было?

Ронг долго молчал, стараясь не смотреть на координатора.

— Я не знаю, Рент. Пока не знаю. Ответ нельзя получить немедленно. Нужны подробные исследования, нужно время. — Координатор взглянул на настенные часы.

— Я могу ждать ещё шесть часов, не больше. Надеюсь, у вас теперь достаточно материалов. И прежде всего установите, что случилось с людьми.

— Медицинский сектор мне не подчиняется, — проворчал Ронг.

— Твоя задача выяснить, что именно их атаковало. Что или кто. С медиками я поговорю отдельно. И запомни: шесть часов, ни минуты больше.

— А почему, собственно, такая спешка?

— Ты что, не понимаешь, насколько серьёзно наше положение? Мы не знаем характера атаки, мы вообще ничего не знаем! И каждую минуту всё может повториться. Ты можешь гарантировать, что эта штука остановится перед защитными полями нашего корабля или в случае повторной атаки она прошьёт его насквозь? И вообще, что мы теперь должны делать?!

Эта часть медицинского центра корабля представляла собой современное диагностическое отделение, оснащённое самым совершенным оборудованием. Оно было специально приспособлено для обследования пациентов, вошедших в контакт с неизвестной флорой и фауной чужих планет. И хотя в данном случае прямого контакта не было, самый тщательный осмотр скафандров пострадавших не выявил ни малейшего изъяна в их герметичной броне, тем не менее Брэгов, главный врач корабля, до выяснения причин поражения поместил всех членов отряда геологов в изоляционное отделение.

Сразу же после вызова координатора и разговора с ним Брэгов попросил своих сотрудников сделать перерыв на два часа. Ему нужно было остаться одному и ещё раз спокойно всё обдумать. Он понимал, насколько важен его диагноз для

установления причин того, что произошло, и поэтому не спешил с ответом на запрос координатора.

Из отпущенных координатором шести часов прошло четыре. Во всех лабораториях научного отдела шла напряженная работа. Ронг хорошо понимал Рента и знал, что дополнительного времени отпущено не будет, что ответ должен быть получен за оставшиеся два часа. Но пока ничто не указывало на то, что в исследованиях близок конечный результат. Все работы велись дистанционно. Этого требовала элементарная безопасность. Камеры научного центра, снабженные сложными манипуляторами для работы с активными материалами, давали физикам такую возможность. Спасательная экспедиция привезла в специальном контейнере большую часть обшивки пострадавшего транспорта. Теперь ее разрезали на отдельные образцы, и каждая лаборатория вела свои собственные исследования.

Ронг и его напарник, молодой физик Кленов, работали с куском наружной силиконовой обшивки транспортера. Изображение обломка, увеличенное в шестьсот раз в виде объемной голограммы, транслировалось прямо в центр лаборатории. Усталости они не чувствовали, но голод давал о себе знать. Чтобы не прекращать работы, заказали ужин по центральному транслятору прямо в лабораторию, и вскоре появился киб с подносом. Ронг выключил сканирующий микроскоп, но голограмма осталась. Настройка лазеров требовала слишком много времени. Несколько секунд они молча сидели за небольшим диванчиком у пульта.

— Вы помните срез с характерным рисунком? Кажется, номер сорок два — четыре? — вдруг оживился Кленов. — По-моему, там что-то было. Давайте еще раз посмотрим. — Он подошел к пулту и набрал код. Засветился большой экран сканатора, в его глубине четко обозначились узловые центры кристаллической решетки. Появились сероватые расплывчатые тени электронов.

— Вот здесь, в левом углу, видите? Нет ядра атома кремния. Соседние ядра кислорода и титана еще сохраняют общую структуру решетки, но узлового атомного ядра нет. Может быть, причина повышенной хрупкости именно в этом?

Ронг подошел вплотную к экрану, словно надеялся с близкого расстояния разглядеть что-нибудь новое.

— Ну, один атом еще ни о чем не говорит... — проворчал он. — Дайте задание машине подсчитать количество таких нарушений, скажем, в кубическом миллиметре вещества, тогда посмотрим.

Кленов, манипулируя клавишами пульта, набрал нужный код команд. Скорость, с которой машина меняла глубину среза, как всегда, оставалась за порогом человеческого вос-

приятия. Теперь нужно было только ждать. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем звонок известил об окончании программы и на контрольном табло засветился ряд семизначных цифр.

— Восемь в шестнадцатой степени?.. Вы правы. Это не может быть случайным. Давайте снова тот срез. Вы проанализировали топологию всех внешних треков?

— Да, получается очень любопытная картина. Похоже, облучение шло с одной стороны. Сорок два градуса от полюса на топокарте.

— Иными словами, это результат выстрела нашей пушки.

— Совершенно верно. Но обратите внимание на энергию воздействий. Она очень ослаблена. Такое впечатление, как будто взрыв был, по крайней мере, километрах в десяти.

— А на самом деле?

— Тысяча триста метров. Обшивка должна была оплавиться.

— Любопытно... Пожалуй, стоит провести один небольшой эксперимент. Пойдемте к навигаторам. Нам понадобится их помощь.

В рубке дежурил стажер. Увидев начальника научного отдела, он даже встал с кресла, только что не вытянулся по стойке «смирно» от почтительности. Ронгу не хотелось, чтобы у мальчишки были потом неприятности, разрешение на запуск зонда, который ему потребовался, нужно было получить у кого-нибудь постарше.

— Где Танаев?

— Вы разве не знаете? — стараясь предотвратить неловкий разговор, вмешался Кленов.

— Подождите, — остановил его Ронг, — мне нужен Танаев.

— Пилот Танаев отстранен. Так решил координатор.

— Это еще что за новости? Мне нужен Танаев! Вызовите координатора.

Не дождавшись, пока практикант наберет код, Ронг нетерпеливо шагнул к видекону.

— Говорят, ты отстранил Танаева?

— А в чем дело? — Координатор смотрел с экрана своими маленькими сонными глазками куда-то в сторону, но Ронг по опыту знал, что этот его неопределенный, направленный в сторону взгляд замечает куда больше любого из них.

— Мне нужен Глеб!

— Ну так и вызови Глеба. Если ты забыл его личный код, посмотри в справочнике.

— Он мне нужен здесь, в рубке!

— Ну, знаешь, Ронг! Я не вмешиваюсь в дела твоего от-

дела, так что позволь и мне самому решать, кто должен быть в рубке, а кто нет. Что тебе, собственно, понадобилось?

— Ракетный зонд!

— И только-то? Тебе его запустит любой стажер. Ленов, возьмите координаты, заказ оформите как обычно, по разделу научного отдела.

Секунду Ронг с интересом смотрел на погасший экран.

— Он забыл спросить у меня, куда именно собираюсь я запускать этот зонд... Может быть, это и к лучшему. История с Глебом, видно, совсем выбила старика из колеи.

Ронг повернулся к стажеру, все еще навывтяжку стоявшему перед пультом.

— Есть у вас на складе термитные снаряды?

— Термитные?.. Не знаю... Я сейчас проверю... Я никогда не слышал про такие...

— Еще бы вам о них слышать... В крайнем случае закажите начинку химикам. Это может быть не обязательно термитная смесь, любая, способная медленно гореть в безвоздушном пространстве.

Заранее рассчитывая точку посадки зонда, Ронг выбрал лощину, вклинившуюся в зону разрушений таким образом, что корабельные телескопы могли наблюдать за местом посадки. На обзорных экранах появилось изображение ровной, покрытой слоем пыли поверхности.

— Это самый край зоны. Возможно, здесь толщина пылевого покрова не так велика и зонд не провалится, тогда мы что-нибудь увидим... Вот она, смотрите!

На экране мелькнуло узкое длинное тело ракеты. Тормозные двигатели частично замедлили ее падение, но она потеряла ориентировку и падала, беспорядочно кувыряясь. Видимо, Кленов ошибся в корректировке, потому что ракета явно не дотянула до песчаной лощины. Она ударилась о камни на самом краю пылевой зоны. Корпус раскололся на несколько частей, из него выкатился удлинённый цилиндр термитной бомбы, подпрыгнул несколько раз и остановился у линии, за которой начинался песок.

— Извините... Двигатели выключились слишком рано, иначе я бы смог откорректировать...

— Не беспокойся! — Ронг обнял практиканта за плечи. — Все получилось как надо, только бы взрыватель сработал!

— Что здесь происходит? — послышался у них за спиной недовольный голос координатора.

— Запускаем зонд. Как видите. Тот самый, о котором я вас просил.

— Зонд я вижу! Но кто вам позволил направлять его в зону?

— Поверь, Рент, это было необходимо. К тому же он не

в зоне. Рядом, но не в зоне. — Не отрываясь, Ронг смотрел на секундомер. — Вот сейчас, сейчас должен сработать...

— Что еще вы задумали?! Что там у вас такое?

— Всего лишь термитная бомба. Детская хлопушка, не более, успокойтесь. Это просто эксперимент с пиротехникой. Вот! Смотрите! Дайте самое большое увеличение! Да направьте же объектив точнее на самый цилиндр!

Цилиндр теперь заполнил весь экран, его оболочка треснула, изогнувшись, выворачивая наружу кипящую и бурлящую начинку.

— Так я и думал! Разве это горение?! Она едва светится. Измерьте температуру! Быстрее!

Ленов включил дистанционный пирометр, навел его перекрестие на разлившуюся вязкой лужицей желтоватую массу и щелкнул тумблером. Стрелка на шкале подпрыгнула и остановилась у отметки «шестьсот».

— Шестьсот градусов вместо двух тысяч! Всего шестьсот...

Масса на экране уже не пенилась и не светилась, теперь она застыла бесформенной глыбой, стрелка пирометра стремительно откатывалась назад.

— Все. Фейерверк окончен.

— Так, может быть, ты все же объяснишь, для чего тебе понадобилось устраивать этот спектакль?

— Мм? Ах, да это... Подожди, Рент... — Не обращая никакого внимания на координатора, Ронг стремительно метался по рубке. Рент терпеливо ждал. Наконец, в очередной раз наткнувшись на боковое кресло, Ронг остановился.

— Все сходится. — Он достал карманный калькулятор и с полминуты что-то подсчитывал. Потом взглянул на результат, на Рента, прищурился и тихо присвистнул.

— Кажется, я знаю, что там происходит, Рент. Скорость накопления энтропии увеличена примерно в тысячу раз. Может быть, даже в десять тысяч. Степень увеличения, очевидно, меняется в зависимости от расстояния до центра зоны.

Кленов остолбенел. Он вместе с Ронгом проделал все исследования, но этот вывод казался ему слишком фантастичным. Он хотел возразить, но его опередил координатор.

— Скорость накопления энтропии зависит от характера реакции. К тому же, насколько я понимаю, энтропия — это просто условная величина, измеряющая...

— Совершенно верно, — подхватил Ронг. — Это всего лишь условная величина, измеряющая необратимый переход энергии. Здесь в среднем неизвестная для нашего мира величина перестала быть неизменной. Скорость рассеивания энергии при любой реакции увеличилась по крайней мере в тысячу раз. Именно поэтому реакции горения, распада атомов,

да и любые другие уже не могут протекать нормально. Баланс нарушен. Энергия уходит как сквозь сито...

— Куда же она уходит?

— Если мы с тобой это выясним, нам поставят памятник еще при жизни. Можешь не сомневаться.

— Хорошо. Допустим. Что могло вызвать такое резкое нарушение? Каково происхождение этого поля?

— Ты хочешь спросить, искусственное ли оно? — Ронг усмехнулся. — Я даже не знаю, поле ли это? Наши приборы не могли обнаружить никакого материального воздействия, мы можем наблюдать лишь следствия. Понимаешь, одни следствия. Даже степень воздействия энтропийного поля, как ты его окрестил, можно подсчитать только косвенно по энергетическому балансу какой-нибудь реакции. Так что спроси что-нибудь полегче.

— Однако эта твоя «условная величина» разрушает вполне реальные скалы. Уничтожает механизмы и убивает людей. И впредь любой эксперимент, связанный с воздействием на внешнюю среду, будешь согласовывать со мной. Здесь не лаборатория, а чужая планета. И ты мне еще не сказал самого главного: можно ли от этого защититься?

— Если учесть данные эксперимента Танаева с выстрелом, то можно предположить, что энергетический заряд...

— Вот как? — перебил координатор. — Эта авантюра называется экспериментом?

— Если учесть данные его эксперимента, — невозмутимо продолжил Ронг, — то получится, что достаточно мощное выделение энергии как бы насыщает энтропийное поле, нейтрализует его на участке воздействия. Не дает продвинуться дальше... Я надеюсь, что наши защитные поля, выделяя достаточную энергию, смогут уменьшить скорость накопления энтропии. Впрочем, это еще надо посчитать.

Впервые за этот тяжелый и бессмысленно долгий рейс у Глеба появилось свободное время. Оно рухнуло на него как обвал. Никогда раньше Глеб не подозревал, что время может превратиться во что-то вещественное, почти враждебное. Только первый день он ходил по кораблю, наслаждаясь покоем и бездельем. В тот день и мысли были такие же спокойные, ленивые, словно он выключил внутри себя бешено вращавшийся мотор. Он думал о том, что его послужной список вряд ли будет испорчен, даже если координатор занесет туда это отстранение от должности. Он ведь еще раньше решил, что этот рейс для него последний.

Огромный корабль казался ему сейчас раздражающе тесным. Конечно, это не пассажирский лайнер, все здесь строго

рационально, сурово и просто, все подчинено одной-единственной цели — преодолению бездн пространства. Все так, и все же могли бы земные инженеры немного больше думать об удобствах экипажа. Раньше подобные мысли не приходили в голову. Они появились на второй день его вынужденного безделья, когда он вновь в третий раз совершал свой бессмысленный обход корабля с одной-единственной целью — убить время. А что еще ему оставалось делать?..

Вызов раздался вечером, когда Глеб, сидя в своей каюте, в третий раз играл в шахматы с Центавром. Собственно, шахматы как таковые его мало интересовали. Он хотел разгадать замысел психологов, так запрограммировавших Центавра, чтобы он проигрывал в среднем каждую третью партию. Но не просто каждую третью, а только ту, в которой Глеб играл чуть выше своих обычных возможностей. В результате игра приобретала известный интерес.

Синяя лампочка, вспыхнувшая под экраном интеркома, означала, что вызов неофициальный, идущий по личному каналу. Глеб включил интерком.

Рент сидел ссутулившись за маленьким столиком своей каюты. Экран давал его лицо крупным планом. Больше ничего нельзя было рассмотреть. Глеб дорого бы дал, чтобы побывать в каюте Рента хоть раз, чтобы составить о координаторе более подробное личное впечатление. Ренту было нелегко начать разговор. Он медленно, почти с видимым физическим усилием подбирал слова, и Глеб не собирался ему помогать.

— Я решил послать танки в центр зоны.

Он остановился, словно ожидал ответа, но так как Глеб не прореагировал на его сообщение, продолжил:

— Ронг считает, что всякая новая информация, даже косвенная, об этой зоне обладает огромной научной ценностью. Я решил его поддержать.

— Не из-за этой ли ценности ты пошлешь туда танки? Слушай, Рент, мы с тобой летаем не первый год, так мог бы сказать мне прямо, что тебе не с чем возвращаться на базу. А танки... Это не лучший выход. Скорей всего они попросту не вернутся.

— Я ведь не советоваться с тобой хотел. Танки — дело решенное... Научный отдел гарантирует, что мощности их защитных полей будет достаточно. Мы сможем посмотреть, что делается в центре этого пятнышка. Рад? Вижу, рад, что ты там ни говорил.

— Ну и что ты хочешь от меня?

— Мне нужен руководитель в группу техников, которая будет готовить танки. Ты хорошо изучил работу механизмов

в местных условиях. Да и вообще это слишком дорогое удовольствие — разбрасываться специалистами твоего класса.

— Это приказ или просьба?

— Можешь считать, что просьба.

— В таком случае я отказываюсь.

— Вот как...

— Да, и ты постарайся больше не обращаться ко мне с просьбами.

— Хорошо. Я постараюсь. А сейчас иди принимай группу. Кто из нас прав, не нам с тобой решать.

— Начальство с базы в таких вопросах тоже не лучший судья.

— Вот тут я с тобой согласен. Я не это имел в виду. Ты как-то сказал, что задача дальней разведки — искать и хоть иногда находить что-то новое, неизвестное раньше... А ты по нему из пушки. Конечно, когда гибнут товарищи, трудно решать такие вещи, кажется просто невозможным решить, и тем не менее — надо. Такая у нас работа. Не можешь — лучше уйди от пульта! Не надо забывать, что мы здесь гости.

— А танки ты все-таки посылаешь...

— На танках не будет оружия. Только приборы и защитное поле. Прежде чем уйти, мы обязаны выяснить, что там такое. Ты это знаешь не хуже меня. Хотя после твоего выстрела неизвестно, чем это обернется. Ты меня понимаешь?

Глеб отвел глаза, потом едва заметно кивнул.

— Ну вот и прекрасно. Иди принимай группу.

IV

Нижний ангар был самым большим помещением корабля. Здесь размещались его наиболее мощные транспортные и универсальные механизмы, предназначенные для планетных работ. Всю правую половину занимали четыре танка высшей защиты. В замкнутом пространстве ангара их неуклюжие тяжеловесные махины казались неоправданно огромными и напоминали Глебу уснувших хищных динозавров.

Главный техник встретил его приветливо. Маленькое круглое лицо Орлова лучилось улыбкой с легкой примесью сочувствия. И это злило Глеба. Лучше бы уж он откровенно высказал неудовольствие по поводу того, что начальство вмешивается в дела его отдела.

Нашествие «варягов» с верхних палуб всегда воспринималось техническими службами, расположенными в нижних отсеках, с откровенным и в общем-то понятным Глебу неудовольствием. Приветливость Орлова была особенно неприятна именно потому, что могла означать лишь одно — известие

о его снятии с должности первого пилота уже успело распространиться по кораблю. Глеб сухо отстранил все попытки Орлова перевести разговор на общие темы и сразу же попросил ввести его в курс дела.

Два танка из четырех в принципе могли быть готовы в ближайшие шесть часов. На них уже заканчивалась проверка основных узлов и электронных блоков. Цифры на пультах контрольных автоматов могли означать все, что угодно. Глеб вовсе не собирался выдавать себя за универсального специалиста и сразу же остановил Орлова, пытавшегося объяснить ему характеристики отдельных агрегатов.

— Меня интересует только общий график работ. Время, необходимое вам на контроль, и еще, пожалуй, вот что... Сделайте двойную проверку блоков автоматического управления на ноль втором.

Впервые за весь разговор неприятная усмешка исчезла с лица Орлова, в глазах промелькнуло нечто похожее на удивление.

— Можно узнать, почему вас заинтересовал именно ноль второй?

— Все механизмы, имевшие контакт с внешней средой на этой планетке, нуждаются в самой тщательной проверке, а ноль второй участвовал в спасательной экспедиции.

— Я спросил потому, что у меня появилось сомнение по поводу замедления реакций в его блоках. Однако отклонения незначительны, в пределах нормы, и я не решился запрашивать время на дополнительную проверку. Сроки на подготовку нам отпущены очень жесткие.

— В таком случае замените весь механизм.

— Это невозможно. Ноль четвертый и ноль третий находятся на консервации. Для приведения их в рабочее состояние потребуется не меньше суток.

Глеб на секунду задумался.

— Скажите, кристаллоконды управляющих автоматов на этих танках идентичны?

— Они похожи как два близнеца, но такая замена запрещена.

— Всю ответственность я возьму на себя. И не забудьте замененные конды передать кибернетикам для полного контроля по всем параметрам.

— Но если управляющая автоматика здесь настолько ненадежна, почему с машиной не пошлют водителя?

Глеб пожал плечами.

— Слишком дорогая цена за проверку теорий научного отдела. Ронг считает, что защитное поле расходом своей энергии скомпенсирует избыточную энтропию, не даст ей про-

никнуть внутрь машины, но никто этого не проверял на практике. Хватит с нас двоих.

За полчаса до запуска все было готово. И когда под толчком ангара вспыхнули мигающие желтые лампы, а надоедливый зудящий звук сирены напомнил о том, что людям пора покинуть ангар, техники неторопливо, без спешки потянулись к выходу.

По тому, как люди, окончив работу, покидают свои места, Глеб привык решать для себя, все ли в порядке. И если никто не спешил, не торопился в последнюю минуту запаковать какую-нибудь перемычку или сменить закапризничавший модуль, он знал, что можно спокойно объявить о готовности. В противном случае в любых, самых экстренных обстоятельствах Танаев требовал дополнительное время для завершения работ. На этот раз все было в порядке. Он включил висевший на лацкане пиджака фон и произнес:

— Готовность первой степени. Через пятнадцать минут пуск.

Глеб уже повернул к выходу из ангара, когда почувствовал еще не осознанный сигнал тревоги, поданный мозгом. Что-то было не так.

Ему потребовалось не больше секунды, чтобы понять причину. Сквозь раздвинутые двери грузового отсека на ноль втором, в его черной неосвещенной глубине в мерцающем свете наружных ламп вырисовывалась металлическая скорченная глыба, своими контурами карикатурно напоминавшая присевшего на корточки человека. Это был охранный кибер. Глеб не мог ошибиться и сразу же вспомнил, что по инструкции каждому танку придавался такой охранный кибер. Но на ноль первом его не было. Это он хорошо помнил. Там они вместе с Орловым опечатали грузовой отсек, да и на ноль втором, когда меняли блоки основной программы, он не видел никакого охранныго киба! Его и не должно было быть. Рент сказал, что танки не будут оснащаться оружием для этой экспедиции. А охранный кибер прежде всего боевой автомат с мощными лазерами дальнего действия и нейтринными излучателями. Когда же он появился в танке? Неужели Рент изменил свое решение? Это нуждалось в немедленной проверке. Глеб шагнул к танку.

— Назови свой номер!

Пауза. Короткая, но все же достаточная для того, чтобы Глеб насторожился. Обычно автоматы отвечали мгновенно.

— Ноль двадцать четвертый.

Так и есть! Это был тот самый робот, который сопровождал группу геологов, когда отказал взрыватель на нейтринной бомбе.

— Почему находишься здесь?

— Согласно инструкции должен сопровождать машину.
— Разве ты не получил приказа, отменяющего инструкцию?

— Нет. Координатор Рент приказал мне сопровождать машину.

Это уже была явная ложь. Кто-то из них солгал. Но так как автоматы лгать не умели, то получалось, что ему солгал Рент. Глеб почувствовал гнев.

— Соедини меня с координатором!

Опять пауза... Более длительная, чем в прошлый раз. Наконец ответ:

— Соединяю.

Снова пауза. На этот раз естественная. Канал мог быть занят.

— Координатор не отвечает.

К этому моменту Глеб уже был основательно взбешен, но взял себя в руки и проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Вызывай по аварийному каналу!

Снова пауза. Все сходилось на том, что эта металлическая жестянка попросту морочила ему голову! Все еще не веря, Глеб вплотную приблизился к грузовому отсеку танка, и в это мгновение желтый свет сигнальных ламп сменился красным. Он услышал, как за его спиной опустилась шлюзовая переборка, отделяющая ангар от остального корабля. Автоматы начали запуск танков по основной программе, не дождавшись, пока человек покинет опасную зону. Этого быть не могло, и тем не менее это случилось. Теперь до включения защитного поля у него оставалось примерно полторы минуты. Возникавшие в момент включения поля вихревые токи обладали такой мощностью, что прикосновение к любому предмету в радиусе пятисот метров означало для него верную гибель. Через несколько секунд кровь в жилах закипит, потом лопнут сосуды, обуглится кожа, и все будет кончено... Бежать? Бесполезно. До дальней стены сто метров, не больше. Этого недостаточно. Все выходы из ангара перекрыты... Автоматы работают надежно... Автоматы... Только они... Надо отдать приказ...

Мысли лихорадочно метались в поисках выхода, а дрожащие руки уже сорвали фон с лацкана куртки, перевели рычажок на полную мощность. Щелкнул выключатель. Бесполезно... Контрольная лампочка не загорелась. Так и должно быть. После включения основной программы связь изнутри ангара становится невозможной. Здесь сейчас не может быть ни единого человека, иначе как могла включиться основная программа?

И вдруг он снова почувствовал волну гнева на эти бездушные металлические жестянки, которые очень точно все

рассчитали, точно и безошибочно, чтобы убить его через несколько секунд. Этот гнев подавил страх, помог ему сосредоточиться. Собственно, оставалось только одно. Проникнуть внутрь танка за эти оставшиеся секунды. Проще всего было броситься в широко открытые двери грузового отсека. Но в красном полумраке зловещие багровые отсветы ложились на шарообразную, неестественно раздутую голову охранного киба. На секунду Глебу даже показалось, что на его металлической роже появилась насмешливая улыбка. «Он только этого и ждет. Все было подстроено именно так, чтобы подтолкнуть меня к этому решению... Для чего-то ему это нужно... Сейчас нет времени разбираться для чего. Нужно придумать что-то другое, что-то такое, чего от него не ждут! Управляющая рубка танка уже закрыта. Значит, надо вскрыть запасной аварийный люк! Только на нем нет автоматических запоров», — лихорадочно пронеслось в голове.

Винтовой рычажный зажим не поддавался долго, слишком долго! Глеб чувствовал, как истекают последние, оставшиеся у него секунды. Теперь уже было поздно предпринимать что бы то ни было... Оставалось только давить изо всех сил на этот проклятый рычаг. Казалось, он сдвинулся, прошел по окружности сантиметр, другой и окончательно заклинился, словно кто-то держал его изнутри.

Глебу казалось, что он вот-вот потеряет сознание от напряжения. Пот заливал глаза. Осталось пять секунд, четыре, три... Рычаг не поддавался. Все, теперь он не успеет...

Огненная вспышка очертила вытянутую синеватую сферу включившегося поля, и вдруг Глеб понял, что лежит внутри защитного купола между генераторами гравиподушки. А это означало, что наружные токи, возникшие за границей защитного поля, ему не страшны, и у него появилось время... Правда, немного, еще секунд сорок, до того, как включатся ходовые генераторы. Если после этого он все еще останется снаружи, то двинувшаяся машина попросту превратит его в месиво. Можно было взобраться на броню, но как только откроется шлюз... Нет, уж лучше бороться здесь, бороться до последнего... И вдруг он понял, что вращает рычаг в противоположную сторону, все больше и больше заклинивая проклятый люк!

Он рванул рукоятку обратно, навалился всем телом — ничего не помогало. Теперь его жизнь зависела от куска железа, от любого куска железа, которым можно было удлинить рукоятку. Змеей извиваясь между плитами гравитационных рядников, он пополз в узкую щель между машиной и полом. Только там, вдали от хозяйских глаз Орлова, мог кто-нибудь из техников оставить ненужный кусок железа! Именно там

оставил бы он его сам, если бы поленился нести к дезинтер- ратору в другой конец зала. И ему повезло!

Это был обломок какой-то ржавой трубы. Когда он надел ее на конец рычага и нажал плечом, труба медленно начала гнуться. Глеб почувствовал, как от ярости сводит скулы. Все его усилия были напрасны. Истекали последние подаренные ему секунды!! В это время рычаг наконец поддался.

Танк тронулся, едва он втиснулся в люк. Задраивать его пришлось на ходу, но это уже не имело значения. Он выиграл эту свою первую схватку с кучей металлического хлама. Киб, не подчинившийся человеку! Пытавшийся его обмануть! Это было так же нелепо, как если бы на него напал письменный стол или кровать, и тем не менее это случилось. Теперь он мог отдышаться, вытереть пот, заливший лицо, и спокойно обдумать ситуацию. Он полулежал в узком шлюзе аварийного люка. Машина медленно вздрагивала и, покачиваясь с боку на бок, двигалась; судя по наклону пола, она уже сползала с эстакады и, значит, прошла дезинфекционную камеру, наружный шлюз и вот-вот коснется поверхности планеты. Теперь связаться с кораблем и сообщить им о случившемся можно будет только в том случае, если он доберется до управляющей рубки, сумеет отключить автоматику и взять управление танком на себя. Но для этого нужно сначала пробраться через две герметичные переборки, отделявшие нижний машинный отсек от верхнего, где размещались каюты экипажа и управляющая рубка. А он не помнил, как запирались переходные люки. Если там стоят автоматические запоры, открывающиеся по команде из рубки, то ему отсюда не выбраться. Но зачем тогда было делать в последнем наружном люке винтовой механический запор? Нет! Там должны быть такие же простые, незамысловатые, верные в любом случае механизмы! Ему предстояло всего лишь подняться по узкой лесенке, чтобы в этом убедиться. Открыть второй люк было делом одной минуты, и он уже стоял во весь рост в машинном отделении танка. В лицо пахло жаром. Температура была градусов сорок-пятьдесят. В глаза бросилась надпись: «Без скафандра не входить!» Ну конечно, здесь должна быть повышена не только температура... Скорее вверх, вот и последний люк... Затвор даже не дрогнул. В узкой прорези над замком, как только он нажал рукоятку, выскочила надпись: «Затвор зафиксирован. Соединитесь с управляющей рубкой». Зафиксирован? Но кем? Зафиксировать его можно было только изнутри и только напрямую, без всякой автоматики. Кто же это сделал? Похоже, он снова попал в ловушку. Без скафандра в горячем отсеке ему долго не продержаться. Стоп, есть еще вторая половина надписи! Как он сразу не догадался! «Соединиться с управляющей рубкой» —

с программными автоматами танка и отдать соответствующую команду совсем несложно, достаточно подключить свой фон к бортовой сети машины. Это можно сделать в любом отсеке, в том числе и здесь, в машинном. Вот он, разъем. Переключение заняло несколько секунд, потом он поднес микрофон к самым губам, чтобы заглушить надсадный вой генераторов, и проговорил, сдерживая волнение:

— Ноль второй! Вызываю управляющий автомат ноль второго.

Фон молчал. Танаев повторил вызов, назвав свой кодовый номер. Это подействовало. Ни один автомат не мог игнорировать прямой вызов человека, даже с испорченными цепями; полуразрушенный, он был обязан ответить на него.

— Автомат ноль второго слушает.

— Откройте переборку машинного отделения!

— Задание невыполнимо. Затворы этой переборки фиксируются только вручную.

— Так вскройте переборку ремонтным кибом! Быстрее!

В интеркоме что-то щелкнуло, и тембр голоса вроде бы изменился...

— Задание некорректно, вскрытие переборки заразит радиацией рабочие отсеки. Это опасно для экипажа.

— На корабле нет экипажа! Я нахожусь в горячем отсеке без скафандра. Немедленно вскройте переборку!

— На корабле есть экипаж. В горячем отсеке никого нет, — туповато повторил механический голос.

Страшное подозрение заставило Глеба похолодеть.

— Я второй. Соедините меня с экипажем.

Фон снова щелкнул, секундная пауза, и тот же голос сказал:

— Экипаж слушает.

— Я второй. С кем говорю? Отвечайте!

— Говорит ноль двадцать четвертый. В настоящее время являюсь экипажем корабля. В горячем отсеке никого нет.

Теперь ему окончательно все стало ясно. Этот свихнувшийся робот каким-то образом сумел переключить на себя автоматику танка. Дверь скорее всего заварена изнутри тем самым ремонтным кибом. В управляющую рубку ему не попасть, в машинном отсеке находиться без скафандра можно не больше трех минут — оставалось одно: вернуться в переходный тамбур между наружным люком и машинным отделением. Если он задрait текстонитовый люк, радиация будет ему не страшна, а жару можно и перетерпеть. Он решил, что, сидя в этой раскаленной душной камере долгие часы, он будет думать только об одном, только о том, что он сделает с этим охранным кибом, когда танк выполнит задание и вернется на корабль. Эта мысль поможет ему продержаться!

На табло у центрального пульта вспыхнул зеленый сигнал готовности. Рент недовольно повернулся к главному инженеру.

— Они задержались на пятнадцать минут. Позаботьтесь, чтобы этого больше не повторялось!

На цветном объемном экране серые тела танков сливались со скалами. В те моменты, когда они попадали в черные провалы теней, они вовсе исчезали из виду.

— Направьте на них прожектора, маскировка нам не нужна!

Дежурный техник сразу же отдал команду, и изломы скал вдруг вспыхнули таким нестерпимым блеском, что несколько секунд ничего нельзя было рассмотреть, и только когда танки, развернувшись, вошли в широкую тень нависшей скалы, главный инженер сделал технику замечание, обратив его внимание на ноль второй.

— Но я передал команду на оба танка!

— Повторите!

— Что там еще?

— На ноль втором не работают прожектора.

— Включите запасные.

— Рация ноль второго не отвечает!

Рент подошел вплотную к технику и несколько секунд смотрел, как тот пытался вызвать машину на всех запасных диапазонах.

— Передайте им сигнал «Стоп, программа» на аварийной волне. Это должно подействовать.

Сразу, как только техник нажал красную клавишу, передний танк остановился, словно налетел на стену. Но ноль второй, шедший замыкающим, даже не замедлил ход. Он объехал остановившийся танк по короткой дуге и скрылся в тени скалы.

— Передайте ноль первому приказ следовать за ним, и пусть все время держит его в лучах своих прожекторов.

Секунд через пятнадцать на экране снова возникла широкая корма ноль второго.

— На нем не могли отказать сразу все запасные каналы связи, это исключено! — попытался оправдаться инженер.

— Я и сам это знаю, — ответил Рент. — Проверьте его основной азимут.

— В общем он придерживается программы...

— Что значит «в общем»?

— Отклонение в десять градусов могло быть вызвано естественными препятствиями.

— Сколько времени он будет находиться в зоне нашей прямой видимости?

— Еще двадцать минут.

— Так вот, если за это время он не вернется на программный маршрут...

Происходило что-то из ряда вон выходящее. Управляющая аппаратура автономных кибов дублировалась. Могли выйти из строя рации, могли отказать прожектора, но основная программа должна была выполняться в любом случае. И они все слишком хорошо понимали, что могла означать утрата контроля над такой машиной.

Главный инженер расстелил перед Рентом лавсановую кальку фотографии местности, снятую со спутника. Картографический автомат уже нанес на нее все необходимые обозначения и синим пунктиром вычертил намеченный для танков маршрут. Тонкая пунктирная линия пересекала ущелье и тянулась далеко в глубину песчаной зоны к самому центру. Даже при сильном увеличении на снимке не было видно ничего, кроме песка. В центре пятна танки должны были сделать круг радиусом в сто метров, произвести сейсмическое зондирование поверхности и вернуться.

Красным карандашом инженер провел рядом с голубым пунктиром толстую линию.

— Сейчас они вот здесь. Постепенно выходят на маршрут. Рация ноль второго по-прежнему не отвечает. В зону войдут через десять минут. Мне кажется, программа выполняется нормально. Запустите еще один спутник на случай, если в зоне откажет аппаратура на ноль первом. Запросите у техников все журналы контрольной проверки. Меня интересует, как могло случиться, что аппаратура на ноль втором отказала сразу же после запуска! Чем они там занимались во время контроля?! И вызовите Танаева, пусть он мне на это ответит.

Дежурный у пульта повернул к координатору взволнованное лицо.

— Ноль второй резко свернул в сторону от маршрута. Там нет никаких препятствий. Они подошли к зоне, и он отвернул. Смотрите! Идет вдоль зоны!

— Остановите ноль первый, снимайте его с маршрута, пусть идет за ноль вторым вплотную. Нет, подождите. Заставьте его остановиться. Переведите ноль первый ему на встречу, в лоб.

— Но у них же одинаковая мощность полей!

— Это я знаю без вас. Меня интересует, как он себя поведет при встрече. Что вы на это скажете? — Рент повернулся к главному кибернетику и смотрел на него так, словно тот собственными руками разрушил управляющую аппаратуру танка.

— Если в его блоках такие же нарушения, как на геологических кибках, то предсказать заранее ничего нельзя.

— Ну вот и давайте посмотрим, раз уж главный кибернетик не знает, что из этого выйдет.

Ноль второй шел не точно по краю зоны. Временами он пересекал выдающиеся в сторону песчаные языки, и тогда его защитный купол начинал переливаться всеми цветами радуги.

Ноль первый, точно выполнив команду, развернулся и сейчас, срезая дугу, шел наперерез ноль второму.

— Какое до них расстояние? Как долго он останется в зоне действия наших локаторов?

— После точки встречи, если он не изменит направления, его закроет вон та гряда.

— И больше мы его не увидим?

— Только спутник и камеры ноль первого.

— Этого мало. Я не хочу выпускать его из-под контроля. Пошлите глайдер с камерами к точке встречи. Пошлите ноль двадцатый.

— Вы хотите, чтобы нейтринная пушка...

— Вот именно. Я хочу, чтобы у нас был над ним полный контроль в любой точке маршрута. Вы меня поняли?

— Сейчас они встретятся. — Этот возглас дежурного оператора заставил всех, кроме главного инженера, набравшего программу для глайдера, вновь повернуться к экранам. Ноль первый, опередивший ноль второго метров на двадцать, теперь развернулся и встал у него на пути. Через секунду силовые поля должны были соприкоснуться. Если ноль второй не снизит скорости, то энергетическая вспышка от взаимодействия защитных полей может повредить обе машины. Стоявшие у экранов люди затаили дыхание... Ноль второй вдруг окутался целым облаком пыли.

— Он включил тормоза! Смотрите, разворачивается, значит, логические блоки в порядке. Что это?! Там, на корме?!

Все уже видели, как на корме развернувшегося танка открылась амбразура. Ослепительно синий луч нейтринной пушки вонзился в силовое поле первого танка.

— Увеличьте мощность защитного поля! Включите форсаж генераторов!

Ни одно поле не могло противостоять удару нейтринного излучения. На том месте, где только что стоял танк, вспух голубоватый шар плазмы. Секунду казалось, что он застыл на месте, словно границы уничтоженного защитного поля все еще сдерживали его стремительное движение, потом, перепрыгнув через невидимый барьер, шар дыма стал распухать, наливаясь багряными кляксами, какими-то ошметками оплавленной лавы и металла, облаком раскаленных паров и, словно вздохнув, в следующую долю секунды разметал все

это по песчаной прогалине. Ноль второй уходил от места встречи на полной скорости, в глубь зоны.

Грибовидное облако взрыва на экранах все еще увеличилось в размерах, его крайняя часть догнала уходящий танк, и защитное поле ноль второго налилось зловещим малиновым светом.

— Этого я не понимаю! — Главный кибернетик скрутил маршрутный чертеж в трубку, потом расправил его и, видимо забыв о том, что у него в руках, скомкал и отбросил его в угол рубки. — Он может выйти из строя. Внешнее воздействие может разрушить в сложной системе электронного кристаллического конда какие-то цепи, но никакое воздействие не может заменить одни цели другими, заменить одно задание другим, а ведь произошло именно это!

— Вы хотите сказать, ни одно стихийное воздействие этого не может, не так ли? — Координатор внимательно, в упор смотрел на главного кибернетика. — А если предположить, что воздействие не было стихийным, случайным, природным? Ведь именно этими словами мы привыкли обозначать непонятные нам явления. Ну а если это вовсе не случайно? Если его действия целенаправленны? Ну да, направлены кем-то извне?

Несколько секунд в рубке длилось молчание.

Первым заговорил главный кибернетик.

— Вы хотите сказать, что нашими автоматами управляет кто-то извне? Это невозможно!

— Нет, — резко ответил координатор. — Я хочу сказать, что наши автоматы кто-то извне изменяет таким образом, что они перестают быть нашими автоматами.

— Такое предположение могло бы объяснить многое, — задумчиво проговорил Ронг, — и даже то, каким образом дважды стало возможным целенаправленное изменение кристаллокондов наших кибов.

— Вот именно. В первом случае я еще мог поверить в стихийное воздействие, но сейчас... Что там с нейтринной пушкой?

— Глайдер уже вышел. Он будет на месте через пятнадцать минут. Но на нем нет защитного поля...

— Ему оно и не нужно. Я не собираюсь вводить его в зону. Достаточно вывести на линию прямой наводки.

Облако на экранах медленно рассеивалось. Постепенно становилась прозрачной вся его восточная часть, до этого скрывавшая выпшедшую из-под контроля людей машину. Перед ними открылась широкая панорама песчаной пустыни, на которой не было ни малейшего выступа и не было заметно никакого движения.

— Не мог же он раствориться!

Координатор переключил экраны на объективы спутника. Теперь с большой высоты они видели всю зону, словно большую приплюснутую тарелку. Если не считать воронки от взрыва, на ней не было ни единого пятнышка. Машина исчезла.

Долго, настойчиво пищал зуммер аварийного вызова. Медленно, словно просыпаясь, координатор потянулся к выключателю.

— Ну, что там еще?

— Пилота Танаева нет на корабле. Его фон не отвечает на аварийный вызов.

V

Больше всего Глеб мучила темнота. В переходном тамбуре не было предусмотрено освещения. Глеб едва помещался в узком металлическом колодце, похожем на раскаленную духовку. Спина и колени упирались в противоположные стены. Перед глазамиплыли цветные пятна. Сорок градусов, когда рядом нет воды, — это, пожалуй, многовато. От жажды пересохло во рту. Но хуже всего было то, что он почти полностью утратил всякое ощущение времени. Равномерный шум генераторов и дрожь переборки еще больше притупляли сознание. Тренировки в сурдокамере более длительны, но там нет изнуряющей жары, нет жажды, соленые струи пота не расползаются под рубашкой липкими лентами, и никто не скребется за металлическими стенами... Крысы здесь завелись, что ли? Вот опять за его спиной вдоль стены кто-то простукал маленькими коготками. Он понимал, что после биологического контроля и серии дезинфекций, которым подвергаются машины перед отправкой в космос, на них не может сохраниться никакой живности, и все же кто-то определенно бегал у него за спиной... Звук расплывчатый, глухой... Скорей всего это кибер что-то делал в своем грузовом отсеке за толстыми стальными плитами... Временами Глеб совершенно терял ощущение реальности. Ему казалось, что давно плывет в темной густой реке, а рядом с ним маленькое металлическое создание, похожее и на крысу и на робота одновременно. У него были ядовитые зубы, и Глеб понимал: главную опасность представляют именно эти зубы. Ему бы увернуться, убежать, но сил уже не было, и проклятая крыса в конце концов вцепилась в затылок. Глеб закричал, рванулся и, окончательно придя в себя, понял, что танк только что резко изменил направление. Двигатели под полом взвыли, и почти сразу где-то снаружи тяжело ухнуло и засвистело. Удар подбросил машину. Пол под ногами мелко затрясся... Снаружи происходи-

до нечто чрезвычайное, нечто такое, что требовало его немедленного участия...

Самым трудным было первое движение — встать, распрямить спину... Голова закружилась, и несколько секунд он вынужден был стоять неподвижно, собираясь с силами.

Свет неожиданно ударил по глазам, как только он открыл крышку люка. Ну конечно, наверху, в машинном отделении, должен был быть свет. Он успел забыть об этом... Казалось совершенно невозможным дышать расплавленным жидким свинцом, на который походил воздух, хлынувший из машинного отделения.

«Подняться туда? В этот раскаленный радиоактивный ад?» Нет, он не сможет. Надо поскорей захлопнуть крышку люка... Но вместо этого он почему-то полез вверх, с трудом переставляя ноги по металлическим скобам, заменявшим ступени. Подъем занял минут пять. Наконец он почувствовал под ногами пол машинного отсека. Пот заливал глаза. Несколько секунд он ничего не мог рассмотреть. Вся машина мелко вибрировала, и он ощущал ее дрожь каждой клеточкой своего тела. Вскоре глаза немного привыкли к ослепительному блеску ламп. Генераторы были на высокой ноте. Их кожухи расплывались в радужные пятна. На таком расстоянии он еще ничего не видел. Зато совсем рядом, справа, рука нащупала знакомую нишу дверного замка. Откуда здесь дверь? Здесь не должно быть никакой двери, все переборки герметично перекрываются специальными шлюзами... И вдруг он вспомнил... Шкафчик, аварийный шкафчик...

Еще не веря себе, он рванул ручку, замок послушно поддался. Прямо перед ним шелестела и переливалась серебряными отблесками тектонитовая ткань скафандра...

Натянуть его, закрепить магнитные швы и включить внутреннюю систему терморегуляции — все эти привычные, сотни раз отработанные движения заняли не больше минуты. Струя свежего прохладного воздуха ударила в лицо из респиратора. Глеб блаженно зажмурился. Теперь можно было жить...

И в эту секунду в машинном погас свет. Одновременно встали оба генератора, и наступила жуткая неправдоподобная тишина. Почти сразу же он понял, что тишина была обманчива. Как только слух оправился от дикого рева двигателей и пронзительного воя гравитационных моторов, он услышал снаружи странный шелест и drobный нарастающий стук. В то же мгновение машину мелко-мелко затрясло, точно кто-то бросил ее на огромное сито. Дрожь нарастала. От нее заломило виски, заныли зубы. Вибрация перешла в звуковой диапазон, зазвенели, завывали переборки. Что-то упало и разбилось рядом с ним. Машина, весившая десятки тонн, одетая в непроницаемую броню, упрятанная в кокон защитных полей,

тряслась как в лихорадке... Вдруг он сообразил, что никаких полей больше нет, раз встали генераторы и если машина сейчас находится в зоне... Он старался не думать о том, что случится через несколько секунд, после того как под действием энтропийного поля распадется наружная силиконовая броня...

Сейчас, когда в ангаре не было двух самых больших машин, его пространство казалось неоправданно огромным. Группа людей совершенно затерялась под сверкавшим ослепительным светом куполом. Полное освещение потребовалось кибернетикам. Чтобы не отключать многочисленные цепи, в которых могло быть искомое повреждение, решено было вести работу на месте. Узкий длинный стол заполняли детали и отдельные узлы разобранного контрольного автомата. Главный кибернетик Кирилин семенил вдоль стола, подключая к бесчисленным контактным разъемам контрольные приборы. Тут же, на ходу, он считывал их показания в диктофон карманного калькулятора. На его крошечном табло то и дело вспыхивали новые цифры суммарных результатов. В третий раз в течение этого часа на экране связанного фона появилось усталое лицо координатора. Едва сдерживая закипавшее раздражение, Кирилин даже не поднял головы от приборов. Координатор терпеливо ждал.

— Может, поле отключилось в момент удара взрывной волны? — спросил он.

Ронг покачал головой.

— Я уже подсчитал. Достаточно было простой брони, с такого расстояния она бы выдержала удар. Тут что-то другое.

— Так что же? У тебя достаточно квалифицированные специалисты, и я вправе потребовать однозначного ответа хотя бы на этот вопрос!

— Они делают все возможное, Рент.

— Пусть сделают невозможное. Я должен знать, куда девался этот танк!

Ронг задумчиво посмотрел на координатора.

— Думаешь, Глеб был там?

— Я не верю в бесследное исчезновение ни машин, ни людей!

— Но почему именно на ноль втором?

— Потому что с ноль первого он мог бы связаться с нами по рации, — сказал Рент и со злостью ударил кулаком по переборке. Расположенный неподалеку экран какого-то индикатора покрылся рябью помех. Ронг неодобрительно посмотрел на координатора, но промолчал.

— Не мешало бы тебе потрясти техников, а заодно и ки-

бернетиков. Хорошо бы наконец узнать, каким образом Глеб мог остаться в закрытом ангаре после включения программы. Кстати, это могло бы помочь и в наших исследованиях.

— Там тоже делают все возможное, можешь не сомневаться. Но время... У меня такое ощущение, что уходят последние минуты, когда еще не поздно что-то предпринять, а мы как слепые котята, каждый шаг в темноте...

— Кое-что мы уже знаем, но я тебя понимаю... Мои ребята сделают все: поторопи еще раз кибернетиков.

Рент устало сел в кресло.

— Интересно, как это будет выглядеть, если на корабле придется выключить все автоматические системы? Обслуживающего персонала здесь нет, а камбуз шестью палубами ниже. Хорошо он будет, если сам побежит за этим подносом... Автоматика сопровождает каждый их шаг. Без нее не взлететь, не справиться с этой машиной мертвого металла, в которую сразу же превратится корабль, лишенный своих механических слуг.

Если бы мне пришлось иметь дело с сильным противником, я бы выбрал самое уязвимое, самое слабое его место. Такое, где одним ударом можно лишить его основного превосходства — техники. Тогда, похоже, мы имеем дело с коварным и умным врагом. Именно с врагом... А к такой встрече мы не готовы даже психологически. Все дела в космосе, все поиски родственного разума, все эти комиссии по контактам питались одной и той же иллюзией — чужой разум непременно должен быть дружелюбен к нам. Но, собственно, почему? Ронг не хочет верить в чужой разум... Ему нужны факты, естественные факты, укладывающиеся в готовую научную схему... Биосфера, например, постепенное развитие жизни от простого к сложному и только потом разум... Ничего этого нет на планете. Лишь мертвый камень... Но роботы здесь перестают выполнять заложенные в них программы, становятся чем-то неизвестным, может быть, даже враждебным нам, и разве это не факт? Разве нужны еще какие-то доказательства? Конечно, они есть, эти факты, просто мы пока их не знаем... Должно быть что-то или кто-то, кто влияет на системы наших автоматов. Можно, наверно, установить, каким образом возможно такое влияние. Когда-нибудь мы это установим, но ведь не это самое главное... Совсем не это. Важно другое. Мы столкнулись здесь с необычным явлением, с чем-то таким, с чем человечество никогда еще не имело дела. С волей чужого разума... И, может быть, поле песка, где бесследно исчезла наша самая мощная машина, это всего лишь зона... Запретная зона, куда человеку не разрешено вторгаться... — рассуждал он вслух.

Вспыхнул экран фона, и вплотную с креслом в воздухе

повисло взволнованное лицо Ронга. Рент услышал тяжелое дыхание совершенно растерявшегося человека.

— Мы установили это, Рент. Мы узнали, куда девался танк.

Рент весь напрягся, словно приготовился к прыжку.

— Снизу из-под стометрового слоя песка на него был направлен мощный ультразвуковой луч. Он превратил машину в вибратор, и она почти мгновенно погрузилась в песок. Погрузилась до самого дна к источнику ультразвуковых колебаний...

Пройдя сквозь метровые броневые плиты текстонита, ультразвуковые колебания внутри машины смещались в звуковой диапазон. Глебу казалось, что машина превратилась в огромный разноголосый орган. Она пела, визжала, рыдала. Вокобы переборки рычали на низких басовых нотах. Внутри чехлов генераторов что-то бренчало и лязгало. От звуковой какофонии в голове Глеба все смешалось. Исчезло ощущение верха и низа. Ему казалось, что банда взбесившихся обезьян колотит по машине десятками острых звенящих предметов. Потом словно гигантская рука приподняла машину. Что-то лязгнуло в последний раз отчетливо и звонко, словно камень ударил в нижние броневые плиты, и все стихло. Тишина была слишком контрастна, в ушах у Глеба еще бушевал вихрь разноголосых и уже не существующих звуков. Наверно, в какой-то момент он полностью потерял контроль над своим сознанием, потому что вдруг ощутил себя лежащим на полу моторного отсека. Он хорошо помнил, что до этого стоял, вцепившись в дверцы шкафчика, из которого успел достать и надеть скафандр. И вот теперь неподвижно лежал на полу. Тишина стояла ватная, беззвучная, совершенно мертвая. Такой не бывает даже в рубке корабля, разве что в открытом космосе...

Генераторы молчали, и это означало, что никакого защитного поля снаружи нет, а раз так, раз он до сих пор жив, значит, энтропийное поле либо не проникает в зону, где находится машина, либо почему-то исчезло вовсе. В любом случае ему надо выйти наружу, чтобы перестать наконец играть роль запаянной в консервную банку беспомощной сардины. Скафандр защитит его от любых излучений, снабдит кислородом, в нем не страшен и открытый космос. Только против энтропийного поля он бессилен, но от него не спасет и танковая броня. А раз так, надо выходить. Люк поддался легко, словно хотел вознаградить его за те усилия, когда он лежал под машиной и боролся за каждую лишнюю секунду. Едва крышка вывалилась наружу, как в образовавшееся отверстие хлынул свет. Станный рассеянный свет, непохожий на естественное освещение поверхности планеты.

Корабельный совет собрался через два часа после того, как научный отдел установил причину исчезновения танка. В центральной кают-компании было слишком просторно и оттого неуютно. Помещение, рассчитанное на всю команду, оказалось чрезмерно большим. Люди чувствовали себя потерянными и чересчур официально среди рядов пустых кресел. Но, может быть, координатор рассчитывал именно на это. В конце концов, не каждый день приходится собирать чрезвычайный совет. На нем присутствовали руководители отделов и основных служб корабля. Не было лишь главного кибернетика. Координатор недовольно покосился на часы.

— Давайте начинать. Кирилин подойдет позже. Нам надо рассмотреть один-единственный вопрос. — Координатор кивнул Крамскову. Начальник геофизической лаборатории встал и развернул на магнитной доске за спиной Рента большую цветную схему. Чертеж напоминал глубокую тарелку, в центре которой лежала половинка яблока.

— Так это будет выглядеть, если мы удалим песок, — обернувшись на схему, коротко бросил координатор.

— Позвольте, а что там, собственно, такое? — Вопрос принадлежал начальнику метеослужбы. Очевидно, он один не был в курсе событий. Собравшиеся все как один повернулись к нему. — Да нет, я не о том... Я понимаю, что это чертеж купола, за которым исчез наш танк, но что он собой представляет? Это что, искусственное сооружение или ядро какого-то естественного образования?

Словно не слыша вопроса, координатор продолжил:

— Данные сняты с помощью ультразвукового эхолота и тектонического каротажа, диаметр купола два километра, глубина залегания около двухсот метров в ближайшей к поверхности точке. Скальные породы лишают нас возможности высветить его нижнюю часть. Но и того, что есть, вполне достаточно. Математически правильные купола не растут под землей сами по себе. Его кто-то построил, и теперь почти не остается сомнений в том, что энтропийное поле — результат деятельности неизвестных нам механизмов, заключенных внутри купола.

— Я бы так не спешил с категорическими выводами, — поморщился Ронг.

— Мы здесь собрались не для научных дискуссий. Нам нужна рабочая гипотеза, наиболее близкая к истине, и только. Будем считать, что это искусственное сооружение, снабженное определенными механизмами достаточно высокого класса.

— Но для чего могло понадобиться подобное сооружение на пустынной, необитаемой планете, лишенной даже атмосферы?! Кому и для чего?! — взорвался Ронг.

— Этого я не знаю, — сказал координатор. — И сейчас меня интересует совсем другое. У нас пропала машина. На ней находился член экипажа. Мне бы хотелось ее вернуть. Давайте обсудим, какими средствами мы для этого располагаем.

— Что значит «вернуть»? Поясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду под словом «вернуть»? — вмешался Ронг. На этот раз он встал с места и стоял теперь напротив стола координатора.

— Только то, что сказал.

— По меньшей мере это означает конфликт с непредсказуемыми последствиями. Ну, допустим, мы найдем способ добраться до этого купола, хотя я и не представляю, как ты пробьешься сквозь энтропийное поле. Что дальше? Что ты собираешься делать дальше? Взламывать этот купол, стучаться в него?

— Сначала мы используем все доступные нам средства, чтобы вступить в контакт. Если это не удастся...

— А это наверняка не удастся! — перебил координатора Ронг. И тот, переждав его реплику, продолжил, не повышая голоса:

— Я повторяю, в том случае, если это не удастся, мы вскрыем купол.

— Так... Это похоже на начало военных действий... Да от нас мокрого места не останется, если этот купол и в самом деле какая-то станция, построенная сверхцивилизацией! Мы до сих пор считали энтропийное поле мировой константой, если они научились им управлять... Если оно здесь всего лишь защитная зона, то наверняка есть и другие, более мощные механизмы. Они ответят на наше нападение и будут правы.

— Не мы начинаем этот конфликт. Я всего лишь хочу вернуть принадлежавшую нам машину. И спасти жизнь члену нашего экипажа, если это еще возможно!

VI

Глеба поразило непривычно мягкое освещение, ворвавшееся в приоткрытую крышку люка. Но еще больше его насторожило то, что воздух не выходил наружу из переходного тамбура. Это могло означать лишь одно. Снаружи и внутри давление примерно равно... Прежде всего он подумал, что машина выполнила задание и вернулась в ангар, пока он был без сознания. Но эта мысль ничуть его не успокоила, потому что он ощутил, как в уши постепенно проникает тишина, царившая вокруг. Такая полная, такая никогда не бывает в помещениях, созданных людьми с их шумными земными механизмами... Волнение сдавило горло. Ноги плохо слушались

и никак не могли сделать последнего шага вниз, к полураспахнутому люку...

Ужом выскользнув из-под танка, Глеб встал во весь рост и только после этого позволил себе взглянуть на то, что его окружало. В первую минуту, пока глаза не привыкли к свету, он рассмотрел лишь цепочки бегущих во все стороны разноцветных огней. Их было много. Гораздо больше, чем звезд на небе. От них шел мягкий рассеянный свет, заполнивший собой все пространство словно туманом.

Через секунду он рассмотрел, что огни передвигались не беспорядочно. Они словно бежали по заранее проложенным невидимым дорожкам, как железнодорожные игрушечные составы. Когда глаза немного привыкли к радужному мерцанию, он увидел и самые дороги, по которым проходили огни, и понял, что они-то и есть самое главное в том, что его окружало, во всяком случае самое вещественное.

Больше всего это походило на стеклянный лес. Толстые прозрачные жгуты разной толщины перекрещивались, разветвлялись, сходились в толстые узлы и разбегались бесчисленными каскадами, словно струи замерзших водопадов. Здесь были длинные и толстые ветви, похожие на свернувшихся удавов, извилистые колонны и тоненькие прозрачные нити. Лианы, жгуты, веревки — невообразимая путаница застывших стеклянных зарослей... Они простирались перед ним далеко. Метров на сто. Несмотря на бесчисленные переплетения, свободного пространства между отдельными ветвями и стволами оказывалось достаточно, чтобы видеть далеко вглубь. Глеб назвал их про себя ветвями и деревьями, но даже формой они походили на них весьма приближенно, хотя бы потому, что большинство этих стеклянных образований книзу становилось тоньше. А когда Глеб запрокинул голову, то в высоте не смог рассмотреть ничего, кроме все тех же терявшихся в рассеянном туманном свете прозрачных колонн.

Больше всего поражала тишина, стоявшая в этом стеклянном мире. И непрерывное движение огней. Отдельные ветви и стволы жили напряженной световой жизнью, через них то и дело пробегали целые каскады светящихся шаров, а в узловых переплетениях, где то и дело встречались световые импульсы, идущие с разных направлений, нарастало свечение, словно накапливалась некая светящаяся жидкость, которая вдруг, после прибытия очередного светового всплеска, полностью меркла, и тогда эта ветвь надолго гасла, в ней как бы замирала всякая световая жизнь.

В некоторых узловых переплетениях ровным светом горели неподвижные огненные шары, словно ждали здесь чего-то...

Наконец Глеб опустил глаза вниз и рассмотрел гладкую

прозрачную плиту, показавшуюся ему вначале ледяным полом. В нее, как в землю, уходили бесчисленные корни и ровные стволы отдельных деревьев. Насколько он мог всмотреться в ее бездонную прозрачность, плита была огромной толщины, если только это обманчивое впечатление не создавалось внутренним зеркальным отражением.

Глеб обернулся и увидел у себя за спиной такую же стену, только гладкую. Сквозь нее не проходил ни один корень, ни одна ветвь.

Эта гладкая стена под прямым углом смыкалась с полом и уходила вправо и влево, насколько позволяли рассмотреть ветви деревьев. Казалось, линия стыка слегка изгибалась огромной дугой, охватившей целые километры пространства, заполненного этим фантастическим миром... Единственным реальным предметом, напоминавшим о том, что все окружающее не бред и не галлюцинация, оставалась земная, сработанная руками людей машина. Ее шершавые, испещренные вмятинами и отеками плиты казались грубыми в этом стерильном, почти эфемерном мире, но именно ее привычные обыденные контуры помогли Глебу взять себя в руки и справиться с невольным страхом, который рождает в человеке все непостижимо чужое.

— Так вот как это выглядит... — тихо проговорил Глеб, хотя не знал, что именно представляет собой все огромное «это». Звук его голоса прозвучал в окружающем безмолвии кощунственно резко. Потом унесся куда-то далеко в глубь и в даль этого колоссального сооружения и через несколько минут вернулся к нему раздробленным эхом.

Прямо перед ним всего в нескольких шагах в пол уходила толстая стеклянная лиана почти полуметровой толщины. В отличие от остальных через эту ветвь не проходили бегущие огни. Зато она вся целиком, через равные промежутки времени то вспыхивала, то гасла. Глебу захотелось потрогать ее безупречно гладкую прозрачную поверхность. Может быть, для того, чтобы лишний раз убедиться в реальности окружающего. Не задумываясь над тем, что это может быть опасно, он отстегнул перчатку скафандра и приложил руку к лиане. Ничего не случилось. Поверхность была несокрушимо прочной, твердой и холодной на ощупь. Маслянисто-гладкой, как змеиная кожа. Глеб сделал несколько шагов в глубь стеклянного леса и обернулся: свободное пространство сразу же уменьшилось, исчезла перспектива. Вокруг него вплотную тянулись толстые стеклянные трубы, метались, бежали огни. От непрестанного мелькания начинала кружиться голова. Машину теперь закрывали переплетения стеклянных стволов; временами радужные сполохи световых вспышек закрывали стену, у которой стояла машина, сплошной световой завесой.

Глеб чувствовал легкое разочарование, может быть, потому, что, выходя из танка, ждал чего-то совсем другого.

«Скорее всего это искусственное сооружение, хотя сам лес вполне может быть частью какого-то огромного неведомого организма...» Это была его первая четко оформленная мысль, и он понял, что потрясение от встречи с неведомым постепенно проходит. «К тому же здесь есть атмосфера, а это должно означать, что я нахожусь в закрытом помещении, которое не общается с безвоздушным пространством планеты. Как же попала сюда машина? Значит, есть какой-то шлюз, дверь или пасть, наконец...»

Но последняя мысль не вызвала у него доверия. Росло внутреннее убеждение, что это всего лишь огромный механизм, непохожий на земные. Колоссальное, искусственно созданное сооружение. Нужно бы проверить, но как? Он прикинул свои возможности. На поясе скафандра болталась сумка с универсальным инструментом. В рубке танка должен быть комплект стандартных анализаторов и полевая лаборатория... Кроме того, там есть рация, если только радиоволны смогут пробиться сквозь это замкнутое пространство.

Плохо, если не смогут, потому что Рент наверняка не будет сидеть сложа руки.

Надо дать знать, что с ним пока все в порядке, иначе, стараясь вызволить его отсюда, они могут предпринять слишком поспешные, непродуманные действия, не подозревая, что на планете уже есть хозяин или хозяева... И тут он понял, что Рент догадывался об этом с самого начала, еще тогда, после выстрела, когда снял его с вахты... Но вышло так, что все обернулось для Глеба новой вахтой, гораздо более ответственной, чем та, первая. С этой вахты никто не сможет его снять, никто не поможет в выборе правильного решения, от которого может зависеть и судьба корабля, и его собственная. До него только сейчас постепенно стал доходить весь смысл происшедшего. Так, значит, все же запретная зона... Система охранных полей, прикрывавших вход в искусственное сооружение... Если он прав, если это всего лишь колоссальная машина с непонятной пока задачей, у нее должен быть какой-то управляющий центр, если только она вся целиком не является таким центром... Не оставалось сомнений в том, что эта система способна принимать какие-то логические решения, иначе танк никогда не очутился бы здесь, а раз так, здесь наверняка есть датчики для получения информации...

Глеб поежился. Хорошо все это выглядит со стороны. Поймут ли они, какую нелепую, жалкую роль приходится ему играть, попав в полную зависимость от собственного робота? Так не может дальше продолжаться. Его первой

обязанностью оставалась связь с кораблем, а значит, нужно было попытаться проникнуть в рубку танка, чего бы это ни стоило. Он поспешно обшарил сумку с комплектом инструментов. Ничего подходящего, ничего такого, что могло бы заменить ему оружие, только искровой сварочный разрядник. Его импульсы могут быть эффективны с расстояния не более одного метра, да и то если удастся попасть в контрольный щиток киба. Только в этом случае он может пережить предохранители и временно вывести из строя боевую машину...

Глеб горько усмехнулся. Реакции киба в сотни раз быстрее человеческих, а чувствительные микрофоны и оптические датчики не оставляют ему на успех и одного шанса из тысячи. И все же придется попытаться. Ничего другого ему не оставалось.

Глеб медленно двинулся обратно к танку.

Дверь грузового отсека оказалась чуть приоткрытой. Едва заметив щель, Глеб замер на месте. Поздно... Дверь дрогнула, медленно ушла в темную глубину отсека, и оттуда выдвинулась лобастая металлическая голова с решетчатыми ушами пеленгаторов. Вот они повернулись оба разом в сторону Глеба и остановились. Глеб чувствовал себя так, словно в грудь ему уперлось дуло излучателя и чей-то палец уже давил на курок... Да так оно, в сущности, и было. Расстояние до отсека метров шесть. Разрядник способен действовать максимально с метра; прежде чем он успеет сделать десяток шагов, нужных ему для выстрела, его уже не будет в живых несколько раз... Оставалось надеяться, что какая-то часть цепей, запрещавшая исправному роботу наносить вред человеку, сохранилась. Выполнял же он в ангаре его прямые команды, пусть неохотно, но все же выполнял... Что, если попробовать сейчас?

— Я второй! Контроль системы! Сообща напряжение в функциональном блоке! — Слова Глеба упали в гнетущую тишину. Робот молчал.

Глеб попробовал зайти с другого конца.

— Я второй! Выйди из отсека!

Медленно, словно нехотя, робот шевельнулся. Показалась плоская, как тарелка, подошва и намертво присосалась к гладкой плите пола. Все так же не торопясь, робот выпрямился. Глеб не был уверен, что это результат его приказа, и подал новую команду:

— Повернись на девяносто градусов!

Робот не двигался. Глеб слишком хорошо знал, что в его груди закрытый металлическими шторками, словно жало змеи, притаился ствол лазера. Скорее всего кибер применит именно лазер. Человек слишком ничтожная цель для нейт-

ринного излучателя. Глеб повторил команду и сам удивился собственному хриплому голосу:

— Я второй! Повернись на девяносто градусов!

Робот стоял в задумчивости. Глеб видел, как медленно раскрылись створки лазерной амбразуры и тут же снова закрылись. Потом открылись еще раз и опять закрылись, словно в электронных мозгах машины шла какая-то неведомая борьба. Слово робот, как человек, не мог прийти к правильному решению. Слово он был способен колебаться и испытывать сомнения... Больше Глеб не произнес ни слова. Малейшее смещение сигналов в управляющих цепях киба могло подтолкнуть его к последнему рубежу, уничтожить остатки запретов, и тогда он пустит в ход лазер...

Тягучая неподвижность становилась невыносимой. Глеб чувствовал, что ноги точно налились свинцом, от напряжения ломило в висках. Так долго не может продолжаться, он не выдержит... Хорошенькое дело... Дрожать перед собственным роботом... Медленно, словно толкая перед собой невидимый груз, Глеб сделал шаг навстречу роботу, и ничего не случилось. Тогда так же медленно, приготовившись к самому худшему, он сделал еще шаг. Амбразура вновь открылась. Глеб видел, как мелко-мелко дрожат от неведомой вибрации ее шторки. В темной глубине блестела торцовая грань рубинового кристалла... И тут Глеб сорвался. Он вскинул разрядник и бросился вперед, одним рывком стараясь преодолеть оставшиеся метры. Робот вздрогнул, попятился, и почти в ту же секунду лазер выплюнул навстречу Глебу упругий сгусток света. И прежде чем луч ударил ему в грудь, он успел подумать о множестве разных вещей, о том, например, что робот не может промахнуться. Он никогда не промахивается. Ствол лазера направляет электронно-счетная машина, а оптические дальномеры и координаторы безупречны. Глеб внутренне сжался, ожидая удара и боли, но боли все не было... И вдруг он понял, что случилось невозможное, почти невероятное. На своем пути луч лазера встретил стеклянную ветвь дерева. Робот мог не принять ее в расчет. Любая материя на пути огромного заряда энергии, которую нес в себе лазерный луч, должна была мгновенно превратиться в пар, и такая ничтожная преграда не могла задержать его неотвратимого полета... Она и не стала его задерживать, лишь чуть сместила, переломила лазерный луч, пропустив его через себя, изменила угол полета, и смертоносный заряд энергии ушел вверх, бесследно затерялся в мешанине огненных зарослей...

Почти инстинктивно сразу после выстрела Глеб упал и замер. Невозможно было предсказать, как робот поступит дальше.

Казалось, робот испытал что-то похожее на ужас от свое-

го поступка. И хотя Глеб отлично знал, что машина лишена каких бы то ни было эмоций, ничем другим, как паническим ужасом, он не мог объяснить его беспорядочное поспешное бегство.

Нелепая прыгающая фигура киба несколько раз мелькнула среди стеклянных стволов, прежде чем исчезнуть совсем. Трудно было сказать, чьей победой кончился этот поединок и кончился ли он... По крайней мере теперь в распоряжении Глеба оказалась машина, и он не замедлил этим воспользоваться. Рация! Прежде всего ему нужна была рация.

Радиоволны не проходили во всех диапазонах. Локаторы в миллиметровом диапазоне смогли пробиться сквозь стеклянные заросли только до противоположной стены, и он понял, что его отделяет от нее не меньше двух километров. Возможно, здесь только первый этаж... Никто не поручится, что под полом у этой штуки нет продолжения, недаром туда уходят корни...

Связь... Как поставить в известность корабль? Эта мысль лихорадочно билась в его мозгу. Нужно попробовать отыскать шлюз, механизм, переместивший танк в закрытый купол... На экране локаторов Глеб мог видеть огромный двухкилометровый шатер, раскинувшийся у него над головой. Шлюз должен быть где-то здесь. Рядом. Моторы встали сразу после взрыва... Потом началась вибрация. Он старался вспомнить остатки того небольшого, что сохранилось в памяти перед полной потерей сознания. Скорее всего моторы встали до начала вибрации, и, значит, сюда танк попал уже неподвижным... Тогда шлюз должен быть где-то совсем рядом, если, конечно, робот не включал двигатели уже здесь... В любом случае надо искать шлюз. Но сначала неплохо сделать серию стандартных анализов. Никто не знает, что произойдет здесь через минуту... Запись этих анализов останется в бортовом журнале.

Глеб нажал клавишу анализатора. «Будет что сообщить в радиограмме, если мне удастся пробиться наверх...»

Анализатор закончил стандартную серию и выбросил на водительский столик длинную ленту, испещренную цифрами. Глеб не решился отбирать образцы стеклянной массы, и поэтому анализы не отличались особой полнотой.

И все равно данные, полученные от спектроскопов и микроанализаторов, он читал залпом, как читают стихи. Окись кремния с перестроенной кристаллической решеткой. Решетка напоминает графит, но здесь другие энергетические связи. Странные должны быть свойства у этой штуки, в лазерном луче она, во всяком случае, не горит. В этом он убедился.

Его взгляд упал на длинный ряд нулей столбиком, запол-

нявший графу атмосферы. Не веря собственным глазам, он просмотрел его еще раз.

Один гелий! Чистый гелий. Такой чистый, что искусственное его происхождение не вызывало сомнений. Значит, искусственное сооружение... Его первоначальная догадка получила новое подтверждение. Глеб задумался.

Сначала из строя вышли два робота в группе геологов. Кто-то или что-то изменило запись их программы в кристаллокондах. Затем обнаружилось энтропийное поле, окружавшее определенную зону планеты.

Неожиданная, ничем не спровоцированная атака на группу геологов. Она больше всего походила на стихийное бедствие, на какой-то случайный прорыв энтропии, не имевший к людям ни малейшего отношения. Возможно, именно поэтому его выстрел остался без последствий, хотя и остановил продвижение поля, насытив его энергией. Сейчас ему важно было отбросить все случайное и составить логическую цепочку фактов, способную прояснить смутное подозрение, мелькнувшее у него в голове.

Значит, сначала два робота, а затем охранный кибер, получивший извне новую программу действий... Предположим, программа задана отсюда, этим самым стеклянным лесом, или что он там собой представляет? Зачем тогда робота понадобился танк? Зачем вообще ему было нужно сложное организованное похищение машины вместе с человеком?

Допустим, им потребовался человек для контакта, для экспериментов, исследований или еще для чего. Значит, они похищают человека, а потом дают команду роботу стрелять по нему из лазера... Не получалось. Что-то здесь не сходилось. Если они хотели всего лишь его уничтожить, это можно было сделать гораздо проще... А что, если танк понадобится роботу, чтобы невредимым пройти через энтропийное поле, а он, Глеб, затесался во всю эту историю чисто случайно? Это, пожалуй, ближе к истине, во всяком случае известные ему факты как будто не противоречат такой догадке... Но тогда выходило, что робот не мог рассчитывать на беспрепятственный проход сквозь защитные механизмы купола... Ему нужен был танк, чтобы попасть сюда... Кто же руководил роботом? Одно из двух: или робот действовал сам по себе, что скорее всего исключалось, не бывает двух случаев такого сложного и во всем похожего сумасшествия даже у людей, а про сумасшедших роботов он вообще не слышал.

Тогда оставалось единственное правдоподобное объяснение: роботом руководил кто-то третий, кто-то не имевший к куполу прямого отношения. Больше того, этому третьему необходимо было попасть внутрь купола, если не самому, то хотя бы посредством похищенного у людей робота...

Глеб почувствовал, как по спине от этой мысли прошел холодок. Получалось, что люди, сами того не желая, могут быть втянуты в борьбу двух неведомых им сил; ни целей, ни средств ведения этой борьбы они даже не представляли, но за действия робота, созданного людьми, отвечать придется именно нам. «То есть мне», — уточнил Глеб.

VII

— Ну что там с ноль сорок восьмым? — Кирилин недовольно смотрел в узкую зеленую щель универсального анализатора психомоторных функций киберсистем. Он не выходил из ангара шестой час подряд, и глаза слезились от усталости и напряжения. Техник включил тестовый аппарат.

— То же самое. Замедление в одну сотую.

— Это мне не нравится.

— Но это же норма! Если обращать внимание на каждую сотку, надо разбирать всех роботов подряд!

— Давайте его на стол.

Через три часа напряженной работы он был вынужден сдаться. Все системы кибера стали безупречными. Кирилин раздраженно швырнул на стол универсальный анализатор. Они гоняются за призраком, за химерой. Все автоматы ангара в полном порядке, а контрольные системы дали ложный сигнал... Те самые системы, которые сейчас так безупречны во всех своих показателях, так безупречны, что в реально существующих нормальных автоматах этого быть не может! Эта мысль обожгла его. Он бросился к только что собранному роботу и повернул аварийный выключатель. Сверкнула искра, гораздо более мощная, чем та, которую может родить напряжение в двадцать шесть вольт... Искра сверкнула и исчезла. Ее не поймашь, не загонишь в анализаторы, не заставишь ответить на бесчисленные вопросы... Перестал существовать еще один робот. Аварийное отключение электронного мозга превращало его в металлическую коробку, начиненную радиотехническим хламом. Только на Земле в стационарных условиях станет возможна перезарядка информацией его логических блоков. А пока что корабль лишился еще одного автономного кибера, и он по-прежнему не знает, что доложить координатору.

Кирилин тяжело вздохнул.

— Похоже, ничего больше мы не найдем. Заканчивайте. Я и так опоздал.

Техники стали сворачивать проводные линии, разбирать и упаковывать приборы и инструменты, а он все никак не мог отделаться от ощущения только что перенесенного пораже-

ния. Чего-то он не уловил, что-то ускользнуло от него на самой грани понимания... Не хватило какой-то ничтожной мелочи. Может быть, точности приборов или упорства. Осталась лишь внутренняя убежденность, что с отключенными роботами что-то было неладно, а что именно, так и не удалось определить, и в этом приходится признаваться ему, главному кибернетику корабля...

Тревога Кирилина увеличилась бы, наверно, в сотни раз, если бы он мог знать, что как только отсек покинул последний человек, как только в нем погас свет и обесточились кабели, подводившие энергию к силовым агрегатам, в это самое время один из ремонтных роботов, который стоял в шкафу, вздрогнул, и по его металлическим членам прошла конвулсия...

Кирилин вошел в центральную кают-компанию в момент, когда спор о том, как помочь Танаеву, потерял основное направление. Вся дискуссия раздробилась на многочисленные частные стычки по второстепенным вопросам. Люди устали. Один только Ронг твердо гнул свою линию и не собирался уступать координатору. Впервые Рент натолкнулся на такое упорное сопротивление своего помощника по научной части. Возможно, это случилось потому, что в том, как Рент вел дискуссию, в его явном нежелании выслушивать серьезные возражения, чувствовалось слишком много личного. И очень может быть, что Ронг знал: окажись на месте Глеба кто-нибудь другой, координатор не стал бы сражаться с таким упорством, поставив на карту буквально все. Слишком много лет совместной службы связывало их с Глебом, слишком старая дружба, к которой еще примешивалось чувство вины перед Глебом.

Все это, видимо, учитывал Ронг, и, послушав внимательно его минут пятнадцать, Кирилин решил, что на этот раз, пожалуй, дальновидней и осмотрительней Рента был его заместитель. Вот только невозможно было определить заранее, к чему приведет выжидательная позиция, на которой он настаивал. Слишком сложно и неожиданно развернулись события. Нужно было действовать, но никто толком не знал, как именно...

— Вспомни историю с гибелью геологов! — Похоже, Ронг пустил в оборот свой последний козырь. — Ты отстранил Глеба именно за непродуманные, слишком рискованные действия. Именно из-за них. А теперь ты сам настаиваешь на чем-то подобном, на предприятии, последствия которого могут быть намного серьезней, чем выстрел Глеба, который был лишь ответом на нападение!

— Да, ты прав... — Рент тяжело поднялся. Было заметно, как нелегко ему говорить. — Не ожидал, что напомнишь мне об этом. Но ты прав. Тогда я считал иначе. А сейчас полагаю, мы не можем уйти с планеты, ничего не предприняв в ответ. Слишком это будет похоже на бегство слабого противника, с которым можно не считаться и в дальнейшем. Раз уж мы столкнулись с неизвестной силой, действующей в космосе, я уверен, это не ограничится единственным слу-чаем.

— Почему ты называешь это «силой»? Что значит «сила»? Это инопланетный разум! Давай называть вещи своими именами. Ты превышаешь не только разумную меру риска, но и все полномочия, данные нам на случай встречи с инопланетным разумом.

— У нас нет доказательств существования разума на планете. Перед нами всего лишь возможный объект деятельности такого разума, а это не одно и то же. Все их действия не отличаются особой разумностью.

— Не забывай, что танк сам вторгся в их запретную зону! Они нас туда не приглашали, больше того, предупреждение в случае с геологами было достаточно ясным: нас просили не вторгаться в эту зону! Предупредили о возможных последствиях, и вот мы, не пожелав с этим считаться, лишились машины. Тебе этого недостаточно? Ты хочешь углубить конфликт. Совет тебя не поддержит, Рент. Я против твоего авантюрного предприятия. Оставь купол в покое. Глебу ты все равно ничем не сможешь помочь. Силовой нажим ускорит развязку, и только.

Желчное суховатое лицо Рента, казалось, вытянулось еще больше.

— Прошу вносить конкретные предложения для решения поставленной задачи.

— Сначала, будь любезен, поставь на голосование мое предложение о снятии самой задачи.

Ронг пошел напролом, и, похоже, на этот раз Рент окажется в меньшинстве. Настроение совета было явно не в его пользу...

Кирилина не покидало ощущение, что сейчас произойдет какая-то непоправимая ошибка, что, пока не поздно, необходимо вмешаться. Он попросил слова и несколько секунд молчал, собираясь с мыслями. Люди, уставшие от затянувшейся стычки координатора с Ронгом, смотрели на него с надеждой.

— Сразу хочу вас предупредить. У меня нет новых конкретных данных, которые могли бы прояснить создавшуюся ситуацию. Все, что я сейчас скажу, мое личное мнение.

Я убежден в том, что координатор правильно употребил термин «сила». Это не разум — в нашем понимании, во всяком случае. Это именно «сила». Целенаправленная, может быть, даже разумно направленная, иногда враждебная нам, но все же не сам разум.

Послышался шум, возгласы, требовавшие разъяснения.

— Я сейчас поясню. Представьте себе наш танк без водителя, управляемый автоматами с заданной программой. Что это такое, с точки зрения постороннего и не очень осведомленного наблюдателя? В действии нашей машины можно заметить логику и определенную целенаправленность. Возможно, эта направленность покажется наблюдателю враждебной, вполне возможно, и все же машина не будет разумом. Она его результат. Вернее, результат его деятельности. Сама же по себе она лишь сила — целенаправленная сила, и только. Так вот, я считаю, что здесь действует нечто подобное. Конечно, аналогия с танком весьма условна, но мне кажется, что у нас есть моральное право этой силе противостоять, бороться с ней, хотя бы в тех случаях, когда она угрожает нам непосредственно.

— То есть вы хотите сказать, что в данном случае мы должны выбирать между спасением человеческой жизни и возможным разрушением каких-то технических устройств? — уточнил координатор.

— Совершенно верно.

— Мне неясно вот что, — снова вмешался Ронг. — Какими данными располагает кибернетическая служба для подобных заключений? У вас есть факты, доказывающие, что внутри купола отсутствует разумная жизнь?

Секунду казалось, что под напором Ронга Кирилин собьется, перейдет к своей обычной манере выдавливать из себя малозначащие слова, но этого не случилось.

— Никаких новых данных у меня нет. Я вас предупреждал, что это всего лишь мое личное мнение. Как член совета я имею право его высказать.

— Конечно. С этим никто и не спорит. Но откуда вы знаете, что мы имеем дело именно с техническими устройствами, а не с разумной жизнью, не с разумом как таковым? — продолжал настаивать Ронг.

— Если бы мы столкнулись с разумом, его действия были бы более хаотичны вначале, а затем обязательно проявилась бы одна из основных черт, отличающая разум от логического мышления машины.

— Что же это за черта?

— Любопытство. Обыкновенное любопытство — стремление к постоянному познанию нового.

— А похищение нашей машины?

— Она просто-напросто вошла в запретную зону, и тогда согласно программе сработали защитные механизмы. Если бы там была разумная жизнь, она бы сделала хоть одну попытку войти с нами в контакт или хоть как-то продемонстрировала свою заинтересованность нашим присутствием.

— А разве история с нашими роботами не есть проявление такого любопытства? Разве нельзя предположить, что целенаправленное изменение их кристаллического мозга — это некий эксперимент, то есть наиболее очевидное проявление разумной деятельности?

— История с роботами может быть всего лишь случайностью, не имеющей отношения к куполу.

— Случайностью? Ничего себе случайность! Объясните, пожалуйста!

— Попробую. Хотя прямых данных у меня нет. Ну так вот... Мы еще попросту не знаем всех последствий влияния энтропийного поля на электронный мозг наших роботов.

— При достаточной интенсивности он попросту разрушится.

— Да, а что происходит при слабом воздействии? Прежде всего, очевидно, нарушаются цепочки программных связей в мозгу роботов, как наиболее сложные, и взамен их образуются новые, произвольные, не учтенные программой.

— А почему это только предположение? Разве нельзя установить поточнее?

— Изменения в кристаллокондах происходят на молекулярном уровне. С нашей аппаратурой их не уловить, это можно сделать только на базе.

— Иными словами, вы считаете, что вся история с роботами просто следствие воздействия энтропийного поля? Не слишком ли целенаправленно их поведение при таком стихийном вмешательстве?

— Не думаю. Структура мозга робота настолько сложна, что напрашивается аналогия с человеческим. Разрушение отдельных связей не лишает человеческий мозг определенной логики, хотя оценивать последствия своих поступков больной человек уже не в состоянии.

— Иными словами, после контакта с энтропийным полем роботы становятся не совсем нормальными, так?

— Скорее всего именно так. Во всяком случае, я не вижу здесь никакого разумного вмешательства извне, никакой злой воли чужого разума.

Выступление Кирилина оказалось решающим. Совет поддержал координатора большинством всего в два голоса. Люди уходили подавленные, молчаливые. Они словно уносили на своих плечах незримый груз огромной ответственности. Решение было принято, теперь им предстояло действовать.

За пустым столом, заваленным картами, обрывками бумаги, набросками, листками из блокнотов, остались лишь Рент, главный инженер, Ронг, Кирилин и геохимик Ангольский.

— Давайте думать, как решить задачу. — Координатор устало растер виски. — Нужно проанализировать все наши возможности.

— Их не так уж много, — сразу же откликнулся главный инженер. — Только танки высшей защиты могут двигаться в зоне. У нас осталось две машины. С их помощью можно попробовать заложить нейтринную мину.

— Ну вот, дошли и до мины. Ты ведь именно этого добивался, отвечай. Этого?! — Казалось, Ронг готов броситься на координатора. Тот устало вздохнул и, ничего ему не ответив, повернулся к инженеру.

— Что нам даст взрыв?

— Направленный взрыв сметет пыль с купола и сделает доступной его поверхность. После этого под прикрытием защитных полей танков мы сможем ввести в действие любые механизмы.

Координатор сделал решительный отрицательный жест.

— Это не годится. Мы не знаем прочности купола, можно просчитаться, да и вообще нужно начинать с других, более мирных средств. Тут Ронг, безусловно, прав. Наши действия будут выглядеть слишком враждебно. Нельзя ли сверху пройти шахту, ведь всего двести метров?

— Танк не сможет прикрывать своей защитой буровой снаряд, слишком глубоко.

— Тогда остается одно. Поднять корабль и посадить его рядом с куполом. Главными двигателями смету я эту дрянь в несколько секунд. Защитные поля прикроют нас от энтропийного поля. Если мощности танковых генераторов оказалось достаточно, то наши тем более выдержат.

— Поле может изменить интенсивность. Это очень рискованно.

— Подождите! — Поднялся геохимик Ангольский, седоватый подтянутый старик. Он подошел к схеме и долго внимательно ее изучал, словно не сам несколько часов назад готовил этот чертеж.

— Как вы думаете, на какой глубине кончается энтропийное поле?

— Этого мы не знаем.

— А я знаю. Оно кончается там, где начинаются скальные породы.

Это было настолько очевидно, что несколько секунд все обескураженно молчали.

— Вы хотите сказать, мы можем пробиться к куполу ниже слоя песка?

— Именно. Проложить туннель в скальных породах, конечно, нелегко, но зато здесь наверняка нет энтропийного поля, иначе не было бы и скальных пород, они бы давно превратились в пыль.

— Ну насчет туннеля, если там действительно нет поля, то наш «Сапрон» прожжет его часа за три.

«Сапрон» стоял на песке рядом с кораблем. Его неуклюжий корпус, обвешанный решетчатыми упорами, перепоясанный двумя рядами гусеничных траков, утыканный длинными рыльцами плазменных горелок, казался странным созданием скульптора. Трудно было поверить, что эта машина в случае необходимости могла развить в скальных породах скорость до ста метров в час, создавая на своем пути ровный шестиметровый туннель с зеркальными стенками. Гравитационные излучатели вдавливали расплавленную горелками породу в мельчайшие трещинки и поры свен, не оставляя после себя измельченной породы.

Не доверяя радиосвязи, координатор распорядился подключить к «Сапрону» бронекабель, и теперь его первые метры, смотанные с катушки внутри корабля, лежали на поверхности, как толстые кольца удава. Вся операция проводилась дистанционно. Наружу не вышел ни один человек.

Огромная машина стояла вплотную к кораблю и казалась пигмеем рядом с металлическим колоссом.

Под мощной защитой корабельных полей она должна была углубиться вертикально вниз метров на десять, а потом, плавно повернув, пойти к куполу под заранее рассчитанным углом и выйти к нему снизу, из-под скальных пород, нигде не задев зону песка.

Как только пришла первая команда, автомат ожил. Впереди него завертелись длинные лопасти с рыльцами горелок и почти сразу же превратились в фиолетовый огненный круг. Машина опустила свое тупое рыло, и вскоре огненный круг коснулся базальтовой скалы. Камень зашипел, над ним взвилось облачко пара, и вот уже «Сапрон» медленно двинулся вперед, входя в камень медленно и плавно, как входит в слой масла раскаленный нож. Блестящий корпус машины почти сразу же покрылся тонким налетом испарявшейся породы. Из-за отсутствия атмосферы пары не разлетались далеко и конденсировались тут же на месте. «Сапрон» все круче уходил вниз. В последний раз мелькнули траки гусениц, тупая бронированная спина, и вот на том месте, где только что

стояла машина, осталось лишь раскаленное до вишневого света идеально ровное жерло туннеля. Оно постепенно темнело, потрескивая в тисках лютого космического холода. А в глубине туннеля ослепительно билось, трепетало и удалялось беженое атомное пламя, словно это ракета стартовала в непроглядную черноту космоса.

Воспользовавшись тем, что координатор и инженер, руководившие операцией, заняли верхнюю рубку, в нижней толпилась вся свободная вахта.

— Сорок минут. Проходка нормальная, температура стенок в норме. Подвижек породы нет, — хрипло докладывал в микрофон дежурный техник. Большой экран давал всю картину в разрезе. Маршрут «Сапрона» на нем светился разными цветами, в зависимости от температуры стенок туннеля. Казалось, какой-то огромный червяк медленно и упорно прокладывает себе путь к цели. Она была уже совсем близко, какие-то десятки метров отделяли нос машины от линии, обозначающей стену купола, когда была подана команда «стоп всем двигателям». Движение червя на экране оборвалось, задрожали и поползли к нулям стрелки приборов.

— Возвращайте машину. Последние метры выберут арктаны.

Оператор попробовал возразить:

— Точность выработки плюс минус десять сантиметров, я мог бы продолжить...

— Возвращайте машину. — Голос координатора был непреклонен.

Арктаны сразу же вошли в освободившийся туннель, не дожидаясь, пока спадет температура. Этим роботам жара не страшна. Датчики Гротова показывали уровень энтропии на две десятых больше нормы. Это был обычный для планеты фон. Все расчеты подтвердились. Операция разворачивалась успешно. Координатор считал, что даже слишком. Он не любил операций, проходящих без сучка, без задоринки, как правило, в таких случаях вся отрицательная порция выдавалась в конце программы в сконцентрированном виде. Но пока все шло нормально. Арктаны благополучно достигли конца туннеля и врубились своими ручными дезинтеграторами в последние метры породы.

Все происходило слишком буднично. Камень под дезинтегратором левого робота перестал крошиться, растрескался на мелкие плитки и отвалился широким пластом. На экране появилось широкое пятно блестящей белой поверхности. Роботы, повинувшись команде, замерли с поднятыми руками.

В полном молчании прошло десять секунд, потом пятнадцать... И ничего не случилось. Стена, показавшаяся вначале белой, оказалась прозрачной и огромной толщины. Ее стек-

лянная глубина слегка опалесцировала, словно туман наплывал. Свет нашлемных прожекторов арктанов терялся в этом тумане.

— Очистите ее всю. Снизу доверху.

Оцепенение прошло. Роботы вновь принялись за дело. Через полчаса весь туннель перегораживала очищенная от породы стена купола.

— Что дальше? — резко спросил Ронг.

— Давайте всю программу. Передавайте прямо на ее поверхность во всех диапазонах, включая ультразвук.

Щелкнули контакты. В металлическую утробу роботов вошли пластины с заранее подготовленными текстами. Их готовили на Земле лет сто назад. Готовили без определенного адресата, сразу же вслед за бумом, порожденным сверхпространственным двигателем. В те годы вера человечества в братьев по разуму, в контакт с инопланетным интеллектом была еще свеженькой, без единого пятнышка. За сто лет много воды утекло. Веры поубавилось. Никто уже не разрабатывал новых пластин со специальными универсальными текстами для контакта. И никто не мог предвидеть, что через сто лет они будут все же использованы. Передача заняла минут сорок. Ничего не изменилось, не было никакого ответа.

— Пусть арктаны включают проектор. Транслируйте им пленку с видеозаписью исчезнувшего танка с момента после взрыва.

Запрыгал, забился по поверхности стены трепетный синеватый лучик проектора, беспомощно исчезая в ее бездонной опалесцирующей глубине. Нельзя было даже толком навести резкость. Казалось, в глубоком колодце луч света захлебнулся, утонул бесследно. Исчезло синеватое мелькание, пленка кончилась.

— Вырубите весь свет. Выключите роботов, пусть остаются только инфракрасные камеры.

Теперь стена на экране выглядела черным провалом на фоне ослепительно сверкающих стен туннеля.

— Когда его температура сравняется с наружной?

— Без вентиляции через двое суток, не меньше.

— Ждать не имеет смысла. Ответа, очевидно, не будет.

— Не торопись, Рент. — Ронг осторожно отыскал в полумраке операторской руку координатора и крепко ее сжал. — Не торопись. У них в этом месте может не оказаться датчиков. Они могут не сразу расшифровать нашу передачу. Во всяком случае, ты обязан дать им какое-то время.

— Хорошо. Я буду ждать четыре часа. Потом повторю всю передачу. Если и после этого ничего не изменится, мы вскроем стену.

— Если нам это позволят... И если вообще ее можно

вскрыть. Ты хоть знаешь, какой она толщины? Сигналы эхолота не возвращаются. Вибролокаторы рисуют какую-то чушь...

Ронг понимал, что любые слова теперь бессмысленны. Рента уже не остановишь. Раз туннель пройден и уперся в эту стену, он его продолжит, продолжит хотя бы для того, чтобы продемонстрировать могущество человеческой техники... Ну что же... в чем-то он, возможно, прав, но лбом стену не прошибешь... По-другому бы надо, умнее, без лихорадочной спешки, только времени у них нет... Он понимал, почему спешит Рент. Прошло уже больше суток с момента исчезновения машины. От Глеба по-прежнему нет никаких известий, и с каждым часом шансы получить их уменьшались все больше...

Первый арктан включил плазменный резак и двинулся к стене, остальные отступили в глубь туннеля. До стены оставалось еще метра два. Это расстояние медленно сокращалось. Но Рент не спешил отдать последнюю решающую команду. Казалось, роботу передалась нерешительность людей. Он замер с вытянутой рукой, и синее пламя горелки плевалось длинными колючими искрами в нескольких сантиметрах от стены.

VII

Глеба подвел локатор. Пятно на его экране ничего общего не имело с выходом. Он потратил почти час, чтобы пробраться сюда сквозь лабиринт стволов, и вот теперь убедился, что стена в этом месте так же монолитна, как и везде. Нужно было возвращаться обратно, искать площадку, на которой раньше стоял танк, и начинать все сначала. А время между тем шло...

Надо поспать хоть час, возможно, тогда его поиски будут более эффективны. Но прежде чем позволить себе этот час отдыха, Глеб решил вернуться обратно к площадке, где первоначально стояла машина. Все-таки вероятность найти выход была там намного больше.

«Стволы», «ветви» и «лианы», мелькавшие за иллюминаторами танка, не имели ничего общего с лесом даже внешне. Их структура выглядела слишком однородной. Казалось, они целиком были отлиты из единого материала. Сколько ни пытался Глеб найти какое-то определение этому циклопическому сооружению, не имевшему видимого конструкторского смысла, ничего не приходило в голову. Тем не менее мозг, независимо от его воли, даже в те минуты, когда он был целиком поглощен управлением, непроизвольно старался подыс-

кать понятную аналогию иррациональному, футуристическому миру, окружавшему его. И постепенно в глубинах сознания оформилась еще неясная мысль, родилось неосознанное подозрение того, что эта структура чем-то ему знакома... Едва успев затормозить перед низко наклонившимся стволом, в котором световые импульсы разбегались по многочисленным боковым ответвлениям, Глеб понял, в чем дело. В центральном корабельном автомате был блок, ведавший долговременной памятью. Глебу как-то довелось присутствовать на профилактике этого блока. Едва техники сняли защитные панели, он увидел в небольших кубических ячейках словно бы заросли светящегося мха. На его вопрос, что это такое, ему объяснили, что часть долговременной памяти Центавра при переводе ее в оперативную проходит через этот блок, выполненный на световодах... Свет заменил здесь поток электронов. Он мог преобразовываться в оптических линзах, накапливаться в специальных люминесцентных накопителях, трансформироваться в светодиодных матрицах... Если бы эти устройства увеличить в размерах в сотни раз, усложнить, лишить механических придатков, контактных реле и тому подобных недолговечных вещей, от которых все еще не может избавиться человеческая техника, то, возможно, получилось бы что-нибудь подобное...

Глеб не спешил включать двигатель и объезжать препятствие. Мысли бежали одна за другой, словно цепочки световых импульсов. Это могло быть гигантской машиной... Трудно даже представить себе, какие фантастические задачи должна была решать такая машина, кто и зачем ее создал, какую вложил программу, где наконец находятся операторы, управляющие мегаваттами мощности, каждую секунду протекающими через ее бесчисленные стеклянные стволы... Или их не было, этих операторов?

...Ну хорошо, пусть нет операторов, но какие-то устройства для контроля и ввода новых программ должны быть?

Остается только гадать. Он видел сотую часть площади одного лишь этажа, неизвестно, сколько их еще у него под ногами, какие там отделы, какие вопросы возникнут, какие найдутся ответы. Исследовать бы все это... Из всех найденных в космосе богатств самым ценным для человечества оказалась информация.

Чтобы немного сэкономить время, Глеб повел машину левее, ближе к центру купола. Там было больше свободного пространства; можно несколько увеличить скорость. Опасность заблудиться ему не угрожала. Автоматический курсограф сам выведет машину к цели. К тому же локатор, показания которого он теперь не очень доверял, упорно рисовал в центре купола широкое пятно, свободное от зарослей.

Минут через пятнадцать однообразное мелькание бесчисленных стеклянных переплетений за стеклами иллюминаторов оборвалось, и машина выехала на открытое пространство.

«Если робот где-то здесь, я теперь для него неплохая мишень...»

Видно, он не на шутку устал, потому что эта мысль не произвела на него особого впечатления. Он ничего не стал предпринимать и с интересом, словно был на экскурсии или сидел в уютном кинозале, рассматривал место, в котором стоял теперь танк.

Пространство, метров сто в поперечнике, было свободно от зарослей до самого верха. Виден был куполообразный свод в самом центре. Под куполом висел какой-то непрозрачный черный предмет, формой похожий на грушу. От него во все стороны тянулась блестящая паутина стеклянных нитей. Стараясь получше рассмотреть эту грушу, Глеб включил оптические умножители лобовых иллюминаторов. Теперь поверхность этого странного предмета была у него перед глазами. Поражал бархатный черный тон окраски. Казалось, ни единый луч света не мог отразиться от этой поверхности.

«Ты хотел найти устройство для ввода информации? — спросил он себя с горечью. — Возможно, это оно и есть, или центральная рубка управления, или что-нибудь еще... Все это безнадежно. Ничего мне здесь не понять. В одиночку я бессилен. Нужно искать выход, не отвлекаясь ни на что другое. Пусть сюда приходят специалисты, пусть ломают головы над загадками этого мира. Моя задача лишь найти дорогу отсюда, а это вряд ли будет легче, чем все остальное...»

Глеб развернулся, и минут через пятнадцать раздался звонок курсографа, означавший, что машина полностью прошла маршрут. Всмотревшись, он узнал узловатую ветвь, заслонившую его от лазерного луча. «Площадку я нашел, что делать дальше?» Еще раз взглянув на часы, он решил дать себе обещанный отдых. Два часа сна, прежде чем начинать новые поиски шлюза, были ему просто необходимы.

Сон навалился на него сразу, как обвал, едва он закрыл глаза и позволил себе расслабиться.

Координатор отстранил оператора и сам встал к пульту управления наружными роботами. Арктан в туннеле медленно опустил горелку. Пламя коснулось стены. Люди в рубке затаили дыхание. Горелка медленно, сантиметр за сантиметром вгрызалась в полупрозрачный опалесцирующий материал. Робот вел разрез сверху вниз, в точности следуя командам Рента.

— Смотрите! Выше горелки не остается даже шва!

Теперь все увидели это. Полупрозрачная масса пузырилась, расступалась под напором атомного пламени и тут же смыкалась, как только огонь опускался ниже. Там, где только что прошелся плазменный резак, блестела ровная, совершенно гладкая поверхность. Координатор выключил резак и на секунду задумался.

— Кумулятивные патроны! Быстрее!

На экране было видно, как от корабля в туннель стремительно нырнул транспортный кар. Но координатор так и не успел узнать, как подействует на материал стены узконаправленный лучевой взрыв. Пульт управления осветился красными вспышками аварийного вызова. Координатор недовольно обернулся, но Ронг заметил, что его рука едва заметным движением остановила робота, который двинулся к стене.

— Ну что там еще?

— Вас вызывает рубка связи. Срочно по аварийному каналу.

— Я и сам вижу. Хорошо, давайте. — Казалось, координатор был рад этой минутной отсрочке. Никто из стоящих за его спиной не мог оторвать глаз от робота, замершего в двух шагах от стены с красным цилиндром в руках..

— Выключите всех роботов! Вообще все в туннеле выключите!

— Что случилось?

— Кто-то подключился к Центавру через наружный канал связи.

— Может быть, это ответ на нашу передачу?

— Может, Глеб?!

— Глеб не стал бы подключаться к Центавру! — проворчал координатор. — Пойдемте в рубку.

Центавр работал в бешеном ритме. Шкалы напряжений на его рабочих блоках, показатели температуры и счетчики израсходованной энергии светились оранжевым светом, свидетельствуя о том, что машина давно уже вошла в критический режим. Главный кибернетик, вспотевший и несчастный, беспомощно развел руками.

— Если это будет продолжаться еще минут пять, я ни за что не ручаюсь! Машина не выдержит!

— Вы пытались узнать, что именно происходит?

— Конечно, пытался. Это все равно что обращаться с вопросом к человеку, находящемуся в глубоком шоке. У машины задействованы все блоки, все, до последней микросхемы. Ей нечем нам отвечать. Центавр весь работает на канал, по которому идет передача.

— А вы уверены, что это передача?

— Не понимаю, что вы имеете в виду?

— Я хочу знать, не передает ли Центавр из своих блоков памяти что-нибудь вовне. Тот, кто знал код, мог им воспользоваться полностью.

— Минуту назад он работал именно на прием. Сейчас проверим еще раз. — Связист и кибернетик повернулись к пульту.

— Он передает! На полную мощность, с ускорением примерно на два порядка.

— Немедленно отключите машину!

Прежде чем кибернетик успел дотянуться до главного рубильника, громкий хлопок автоматических выключателей словно отсек надрывный визг изнывавших под непосильной нагрузкой механизмов. Передача окончилась. Медленно остывали блоки. Одна за другой гасли сигнальные лампы на центральной панели, оранжевые огни индикаторов на мгновение засветились зеленым светом и погасли.

— Установите, что он передавал. Что и кому?

Кибернетик колдовал с переключателями, вкладывая в приемные щели программных устройств карточки с микротестами. Снова засветились панели, затрещали печатающие устройства. Машина медленно, словно нехотя, просыпалась и набирала обычный рабочий режим. Наконец пришли ответы.

— Передача велась по нашему внешнему кодовому вызову.

— Иными словами, это был Глеб?

— Не совсем так. Кодовый вызов мог прийти только из машины, которой он управлял. Этот код был записан в ее памяти. Он не поддается изъятию и расшифровке. Без него Центавр не вышел бы на связь. Но вот все остальное... Характер работы машины, скорость выдачи информации не соответствуют нашим обычным передачам. Скорее всего кто-то все же сумел воспользоваться нашим кодом.

— Установите, какие блоки долговременной памяти были использованы во время передачи.

— Боюсь, что точного ответа мы не получим. Машина стерла полученную команду. Ее нет в памяти. Я попробую кое-что узнать, пока еще сохранилась температура задействованных блоков, и по некоторым другим признакам, но ответ будет неполным. Я могу назвать лишь блоки, на которые пришлось основная нагрузка. При такой интенсивности Центавр мог вести передачу сразу по нескольким каналам и параллельно выполнять еще ряд работ...

— Самое главное, установить, какую именно информацию он передал. Это вы должны выяснить во что бы то ни стало.

— Я попробую. Но мне нужно время.

— Сколько?

— Полчаса, не меньше...

— Хорошо. Сообщите ответ в центральную рубку сразу, как только получите результат.

Глеб проснулся сразу, словно от толчка, и несколько секунд лежал не двигаясь, напряженно прислушиваясь. Что-то его разбудило. Не звук. Нет, что-то другое... Он полулежал на откинутой спинке водительского сиденья. Прямо перед ним широкой аркой изгибался пульт, испещренный многочисленными тумблерами и индикаторами. Здесь как будто все было в порядке... И все же он совершенно точно знал, что проснулся от ощущения чего-то постороннего. То, что его разбудило, было здесь, в самой рубке... Он рывком сел и осмотрелся. Рубка невелика для такой мощной машины. Здесь все знакомо, до последней мелочи, и все как будто в порядке. Не померещилось же ему это! И вдруг он понял. Мертвая тишина царила в машине. Такая полная и глубокая, словно просочилась снаружи, из окружавшего его чужого молчаливого мира... Но земная машина никогда не бывает немой. Даже если спит водитель, на пульте щелкают счетчики, тикают часы, жужжат неумолчные моторчики курсовых гироскопов, чуть слышно пощелкивают реле в сторожевых устройствах... Этих звуков сейчас не было, словно он проснулся в глубоком космосе. Глеб подумал, что отказали микрофоны скафандра, такое иногда случалось. Он щелкнул пальцами, и звук ударил в шлемофоны громко, как выстрел.

Теперь уже не оставалось сомнений, что-то случилось с самой машиной... Только сейчас он заметил — на пульте не горел ни один индикатор. Этого в принципе быть не могло, потому что часть устройств работала от автономного питания, и даже если встали все генераторы... Он потянул на себя красную рукоятку аварийного освещения, уж она-то должна была сработать в любом случае. Но рукоятка и не думала сдвигаться с места. Он тянул и тянул ее изо всех сил, вкладывая в это чрезмерное усилие всю свою тревогу. Рукоятка не двигалась. Наконец он оставил ее в покое и несколько секунд разглядывал, точно видел впервые. Теперь он действовал осторожно и методично. Через несколько минут стало ясно, что на пульте не сдвигается с места ни один тумблер, ни один рычаг. Глеб достал из поясной сумки отвертку, вставил ее в прорезь винта, державшего щиток пульта, и попытался повернуть. Отвертка хрустнула и обломилась. Глеб почувствовал страх, какой может почувствовать любой человек, проснувшись у себя в доме и не узнав его. Словно машину, пока он спал, подменили. Словно она превратилась во что-то другое, чужое и враждебное ему, как робот... «Доволь-

но мистики! — оборвал он себя. — Надо выяснить, в чем дело, осмотреть машинный отсек, выйти наружу, наконец!»

Дверь поддавалась легко, хотя он и не ожидал этого. Снаружи все оставалось по-прежнему. Так же безмолвно мерцали бесчисленные световые вспышки, глянцеви́то блестели ветви и стволы стеклянных деревьев. То, что произошло с машиной, казалось слишком необычным. Глеб понимал, что причину надо искать снаружи. И он не ошибся. Едва луч наשלемного фонаря проник в узкое пространство между полом и днищем, как он понял все. Вернее, почти все. Увиденное не сразу уложилось в сознании.

Пока он спал, машина пустила корни, выросла в пол. Скорее все же это пол врос в машину десятками переплетающихся полупрозрачных, толщиной в руку, стеклянных ветвей. Глеб почувствовал гнев, словно его ограбили. Сварочный разрядник не оставил на стеклянной массе ни малейшей царапины, электрическое зубило сломалось через минуту. Немного успокоившись, он решил выяснить, удалось ли ветвям пройти сквозь броню и что именно произошло с танком. В машинном отсеке под пластиком верхнего кожуха поверхность генератора как-то странно поблескивала... Запасная насадка на зубиле обломилась, сняв тонкую стружку пластмассы в миллиметр толщиной. Дальше шла уже хорошо знакомая Глебу стеклянная масса. Она проникла везде, во все механизмы машины, пропитала металл и пластик, сделала неподвижными все механические сочленения, оставив в неприкосновенности лишь двери и кресло пилота, в котором он спал... Видимо, преобразование материала произошло на молекулярном, а может быть, на атомном уровне. У него не было теперь приборов, чтобы это установить. Во всяком случае, материал, из которого раньше была сделана машина, превратился во что-то совершенно другое, а сама машина стала лишь стеклянной глыбой, памятником самой себе... И все это произошло незаметно и тихо, так тихо и так незаметно, что он даже и проснулся не сразу... «Зачем вам это понадобилось? Мы так мечтали о контакте с дружественным разумом, так наивно по-человечески представляли себе эту встречу... Рисовали таблички, писали атомные номера элементов и геометрические теоремы... Желали обменяться знаниями, узнать друг друга, а вместо этого что-то холодное, мертвое тайком, пока я спал, влилось между молекулами моей машины, растворило их в себе... Это ведь тоже может быть средством общения — расплавить в себе, чтобы познать? Отчего бы и нет? Ну и что вы узнали, что поняли, отчего молчите и что мне теперь делать в вашем мертвом, равнодушном мире?»

— Глеб! — вдруг позвал его стеклянный голос. Звук был

таким, словно одновременно звякнули сотни хрустальных колокольцев. Казалось, он шел отовсюду, от каждой стеклянной ветви.

Вот уже в третий раз за время стоянки на этой планете по кораблю разнеслись сигналы общей тревоги. Снова люди заняли свои места по тревожному расписанию. Снова ожили генераторы защитных полей, развернулись снаружи лепестки дальномеров и пеленгаторов, корабль изготавился к бою и замер в тревожном ожидании.

Теперь достаточно было ничтожной случайности, ошибки или недоразумения, и руки сами собой надавят нужные клавиши, непослушные губы отдадут необходимые команды, и все вокруг затопят реки огня...

«Страх руководит нами... Мы боимся неизвестной опасности, и это хуже всего», — с горечью подумал Ронг. Он занял кресло Глеба в управляющей рубке рядом с координатором. По тревожному расписанию в случае гибели первого пилота он занимал его место... Глеб, возможно, еще не погиб, а его рабочее кресло уже перешло к нему... Надо что-то сделать, как-то задержать развитие событий...

Пискнул сигнал вызова. На большом экране появилось лицо Кирилина.

— В чем дело? — хрипло, почти недовольно спросил координатор.

— Мне удалось установить, какие блоки Центавра несли основную нагрузку. — Кирилин замолчал, внимательно всматриваясь в их искаженные тревогой лица. Ронг отчетливо слышал звук секундомера на центральном пульте. Ему казалось, что это какой-то гигантский метроном отсчитывает последние, еще оставшиеся им для разумного решения секунды,

— Продолжай, я слушаю, — сухо бросил Рент.

— Эти блоки содержали в себе данные по лингвистике, структуре и словарному запасу нашего языка. В передаче были задействованы только эти блоки. Они готовятся к разговору с нами или, быть может, с Глебом...

Ронг видел, как разжались руки Рента, за секунду до этого сжимавшие пусковые рукоятки противометеорных пушек. Как словно бы сама собой ушла в сторону от педали его нога... Как медленно слабел, уходил куда-то в небытие стук гигантского метронома, превращаясь в обычное тиканье пультовых часов.

И никто из них не узнал самого главного. В отсеке долговременной памяти Центавра появились новые блоки, которых там раньше не было...

Ноль двадцать четвертый стоял в глубине стеклянного леса неподвижно. Все его двенадцать анализаторов напряженно прощупывали пространство. Цель была где-то здесь, совсем близко. Вокруг него бурлила чужая полумеханическая жизнь.

Снизу к нему поднялся человек по имени Глеб. У него был второй номер. Это означало, что его приказы мог отменить только один человек, тот, у кого номер был меньше. Этот человек остался на корабле, и, следовательно, Глеб был здесь самым главным. Ноль двадцать четвертый внимательно выслушал его приказ.

Связь с кораблем не отвлекла его от наблюдения за окружающей местностью, он добросовестно нес охрану.

Нелегко было попасть сюда. Зато теперь он может разрушить эту ненавистную обильную чужую жизнь, разложить ее на мелкие атомы, раздробить сами атомы и превратить их в ничто, в пустоту. В ту самую пустоту, в которую обратится он сам, выполнив задание, и прекрасней которой не было ничего.

Человек стал лишь частью материи, которую следовало разложить. Он был пылинкой, букашкой, пытавшейся помешать ему осуществить цель. Но когда ноль двадцать четвертый включил спусковые механизмы лазера, в нем вдруг проснулись древние инстинктивные запреты, они наполнили ужасом все его существо, и он бежал, сам не зная зачем и куда.

Теперь страх прошел, и лишь стремление разрушать владело им. Только одна мысль мешала ему немедленно включить на полную мощность дезинтегратор и лазеры. Он понимал, что окружавшая его жизнь сильна здесь, в своем логове, и справиться с ней будет не так-то просто. Он убедился в этом сразу после выстрела лазера, когда его луч не причинил ни малейшего вреда. Скорее всего у него будет один-единственный шанс.

Нужно постараться одним выстрелом уничтожить сразу все. Найти центр всей этой конструкции. Центр, в который стекались отовсюду информативные потоки. Он ощущал их своими чувствительными датчиками. Лазер был здесь бессилен, но у него есть другое оружие — интегратор, разрушающий любую материю... Ноль двадцать четвертый остановился на краю открытого пространства. Перед ним высоко, под самым центром купола, висела огромная черная груша. Это и был информативный центр. Но, прежде чем он навел на него аннигилятор, его датчики сообщили о присутствии человека...

Снова он, снова второй... Опять он встал у него на пути, мешая осуществить Цель. В сотую долю секунды его авто-

матические анализаторы, нимало не считаясь с его волей, проанализировали окружающую обстановку и выдали результат. Выстрел дезинтегратора уничтожит вместе с центром и человека. Сразу же из глубин его существа хлынула знакомая волна ужаса. Он не сможет испытать ее еще раз в полной мере... Тот первый раз он не знал, какой силой она обладает, он не сможет убить человека... Но цель... Вот она, рядом... Калейдоскоп противоречивых мыслей вспыхивал в его электронном мозгу. Металлическая глыба его тела замерла неподвижно. Текли секунды... Их оказалось достаточно, чтобы человек в конце концов заметил его... Их глаза встретились. Если бы сейчас человек отдал приказ, ноль двадцать четвертый, наверно, подчинился. Но человек молчал. Секунды падали между ними тяжелые, как глыбы. Время было упущено. Ледяной холод, поселившийся в голове ноль двадцать четвертого, постепенно делал свое дело. Гасил все второстепенные мысли, отключал ненужные блоки, снимал глубинные запреты. Ничего не осталось в сознании, кроме злобы, и тогда сквозь раздвинувшиеся створки блеснул ствол дезинтегратора...

IX

Корабль ждал. Застыли арктаны в подземном туннеле. Операторы на своих постах, командиры в управляющей рубке. Люди верили, что ответ придет. Не может не прийти после того, как купол связался непосредственно с Центавром, минуя управляющую рубку корабля... и получил данные о строении и составе языка людей. Понял ли он их? Текли часы напряженного ожидания, и ничего не менялось. Пылевая пустыня выглядела на экранах до того неподвижной, что казалась ненастоящей, нарисованной на полотне неизвестным художником.

— Пршло уже четыре часа, — тихо напомнил Ронгу координатор, словно Ронг был ответственен за слишком долгое молчание купола.

— У них может быть другое измерение времени, отличное от нашего.

— Смотрите, там что-то происходит! — крикнул дежурный техник.

Все повернулись к центральному экрану. На нем в самом центре пустыни вскипал огромный пылевой волдырь. Он стремительно рос вверх и вширь, захватывал километры пространства, наливался изнутри багровым отсветом и разбрасывал во все стороны черные клочья ваты.

— Вот он, ответ... — с горечью проговорил координатор. — Я был прав, и они все-таки ударили первыми...

Никто не возразил ему.

Огненный столб, вырвавшийся из центра песчаного волдыря, закручивался, расширялся, шел к кораблю... Люди молчали, подавленные масштабом надвигавшейся на них катастрофы.

Прежде чем завыли сигналы тревоги, поданные наружными датчиками, Рент включил защитное поле на полную мощность. Корабль вздрогнул. На нижних палубах завыли генераторы, принимая на свои холодные роторы полную нагрузку. Заискрились контакты, зафыркали, запели на разные голоса десятки механизмов сложной системы защиты корабля.

— Здесь нет атмосферы, ударной волны не будет, зачем такая мощность? — прокричал Ронг, стараясь перекрыть тонкий визг вибрирующих переборок.

Рент молча кивнул в сторону экрана. Протуберанец ширился, выбрасывая во все стороны столбы пламени. Вдруг вся пылевая пустыня дрогнула и медленно поползла к кораблю. Ронг глянул на шкалу мощности и не поверил прибору. Сто двадцать гигаватт хватало, чтобы погасить излучение короны звезды. А стрелка прибора еще продолжала ползти вверх. Пустыни на экране уже не было видно. Вдоль всего корабля струилось холодное голубое пламя, обозначившее границу, на которой столкнулись две могучие силы. Корабль мелко вибрировал. Указатель вертикали чуть заметно, на волосок, отошел от нулевой отметки.

— Под нами оседают скалы. Запускайте двигатели! — крикнул главный инженер.

— Невозможно. У меня не осталось мощности. Мы не можем взлететь.

Координатор рванул рукоятки планетарных двигателей, они не могли сдвинуть с места махину корабля. Для этого нужна была вся мощность главного реактора. Но с помощью планетарных двигателей Ренту удалось выровнять корабль и какое-то время держать дрожащую черточку вертикали вблизи нулевой отметки.

Корабль боролся, словно живое существо. Все его металлические органы работали на самом последнем пределе. Стрелки индикаторов перешли красные отметки и уперлись в ограничители. Форсаж всех генераторов был доведен до предела. Они отключили все, что можно было отключить, кроме механизмов полевой защиты. Корабль ослеп и оглох. Не работал даже Центавр. Эти меры дали им резерв мощности. Небольшой, на самом пределе, и все же можно было попытаться, уменьшив напряжение защитного поля на одну четверть, оторваться от поверхности планеты. С каждой упущенной секундой энтропия за бортом нарастала, и они теряли этот свой последний шанс, но координатор все еще медлил. Наконец Ронг не выдержал.

— Если ты немедленно не объявишь аварийный старт, нам уже никогда не взлететь! Чего ты ждешь? Глеба? Ему не выбраться из этой мясорубки. И если даже удастся, то со свободной орбиты мы скорее сумеем ему помочь. У нас есть скутер с полевой защитой, его масса меньше, его легче прикрыть защитными полями. Нужно стартовать, Рент! Иначе погубим корабль!

Словно подтверждая его слова, пол под ногами снова дрогнул. На этот раз указатель вертикали не собирался останавливаться так быстро, как в прошлый раз. Под ними не осталось твердой опоры. Крен корабля достиг последнего безопасного предела.

— Будь оно все проклято! — стиснув зубы, Рент рванул стартовую рукоятку.

— Седьмая секунда — стоим на столбе!

— Восьмая секунда — скорость двенадцать метров!

— Девятая секунда — стоп всем аварийным двигателям!

— Десятая секунда — прошла команда включения основной тяги!

Поверхность планеты медленно отдалялась. Где-то там, далеко внизу, в этом кипящем аду, остался человек, которого они все любили и с которым сейчас прощались... Никто уже не обманывал себя. У них больше не оставалось надежды.

Далеко внизу за многими милями разбушевавшейся энтропийной бури, за царством хаоса, царившим на поверхности планеты, за несокрушимыми стенами стеклянного купола борьба еще не кончилась. Удар был страшен своей неожиданностью и точностью расчета. Он поразил один из главных нервных узлов всей станции. Баланс энергии нарушился, но борьба еще продолжалась. Другие центры взяли на себя дополнительную нагрузку, отдали необходимые команды.

Глеб видел, как столб холодного голубоватого пламени навывлет пробил защитный купол станции. И тогда ожили до сих пор неподвижные, мертвые заросли стеклянных стволов. Их ветви потянулись навстречу огню. Двинулись со своих мест сами стволы. Они сплетались друг с другом, сливались в однообразную массу и прикрывали своими телами бешеное пламя вышедшей из-под контроля энергии. Ветви и целые стволы вырывались из общей массы и мгновенно превращались в пар. Но в тех местах, где стволам удавалось сцепиться друг с другом, свиться в плотную непроницаемую решетку, пламя постепенно стихало, сдавало позиции, отступало к центру пробитого в полу отверстия. Глеб заметил, что наибольшей толщины решетка была с той стороны, где он стоял.

Они делали все возможное, все от них зависящее, чтобы оградить его от малейшей опасности. И он знал почему... Слишком многое теперь зависело от него, от его решения...

Пламя уже бушевало внутри огромной прозрачной трубы, свитой из стволов деревьев и протянувшейся от пола до потолка купола. Пространство вокруг оголилось, все стволы от дальних стен зала перемещались к центру и постепенно сгорали в огненной топке. От робота не осталось даже горсточки пепла, и Глеб готов был поклясться, что он сам шагнул в огненную реку, ворвавшуюся в купол сразу после выстрела дезинтегратора.

Глеб чувствовал себя так, словно все происходившее вокруг его не касалось. Да так оно, в сущности, и было; с момента последнего разговора и до того, как он примет решение, он был просто зрителем. Безучастным зрителем. Если бы можно было хоть на секунду забыть, хоть на секунду поверить, что все это не имеет к нему ни малейшего отношения, произошло с кем-то другим, когда-то давно, в другом месте... Но зачем обманывать себя — решение принято...

«Какое решение? — спросил он себя. — Нет. Ты еще ничего не решил, еще есть время. Свобода выбора», — горько, одними губами он усмехнулся. Похоже, это правило — основа их этической системы. «Каждое существо перед принятием важного решения должно иметь свободу выбора, хотя бы из двух возможных вариантов: так, кажется? Да, так... Следовательно, они сдержат слово. Будет ему капсула, непроницаемая для энтропии. Будет и шлюз. Будет дорога обратно, к кораблю, к людям. Нужно лишь сказать им. Сообщить о своем решении, почему же он молчит? Почему медлит?

Ведь это так просто... Нажать кнопку передатчика на поясе скафандра, сказать необходимые слова... Правда, потом, возможно, всю жизнь он будет стыдиться этих слов, но ведь этого никто не узнает, никто из людей. Какое это имеет значение, если после этого он будет стоять в настоящем сосновом бору, на берегу далекой, уже почти забытой речки своего детства...

Но и там, за миллиарды километров, его мысли будут возвращаться к тем, кто попросил его о помощи и кому он сейчас в ней откажет... Баланс энергии нарушен. Им не справившись, нужна новая порция нервной энергии, чтобы обуздать вырвавшийся на свободу хаос... Что случится со станцией, с планетой, если он откажет в помощи?

Если хаос не остановить сейчас, он будет распространяться все дальше, высасывая энергию из нашей вселенной. Земля достаточно далеко от этого сектора Галактики, и катастрофа, возможно, не затронет их мир. Никто не сможет его упрекнуть. Никто. Меньше всего он виноват в том, что взбе-

сившийся робот... Объяснить им про робота оказалось труднее всего. Этого они не понимали. Они считали роботов членами нашего общества, а не машинами... Разум внутри этих стеклянных растений — симбиоз механической, искусственно созданной жизни и высокого интеллекта. Миллионы лет назад цивилизация антов создала эту станцию, чтобы охранять наш мир от хаоса, и вот теперь она погибнет, ведь не может же он согласиться на их предложение! Конечно, не может! Он останется человеком. Вернется на Землю. И будет стоять так, как стоит сейчас, в настоящем зеленом лесу. Он может закрыть глаза, чтобы не видеть призрачных стеклянных ветвей, и представить, как это будет.

Если бы им была нужна его жизнь, он бы, возможно, согласился, но то, о чем его просили, было гораздо хуже, чудовищней смерти. Перестать быть человеком. Стать частью станции. Восполнить собой уничтоженную нервную энергию, превратить нейтронные структуры своего мозга в стеклянные заросли растений, в черные груши нервных узлов... Словно они знали, что такое быть человеком, словно они могли знать, как пахнет зеленый лес, словно они слышали, как кричит в нем малиновка! Впрочем, если бы они знали все это, они и не стали бы ему предлагать такую чудовищную дилемму. Но полное понимание невозможно. У этого чуждого мира свои законы, свои ценности, свое понятие о справедливости, о долге...

Никто никогда не узнает, что контакт между нами возможен, что он состоялся, что у меня попросили помощи и я отказался... А ведь они могли уничтожить робота гораздо раньше, они знали, что он опасен, и все-таки не сделали этого только потому, что считали его живым, мыслящим существом... Они могли бы взять у меня то, что им нужно, не спрашивая согласия, силой, но им это даже не пришлось в голову и не могло прийти... Так что не стоит говорить о чуждых нам этических законах, в том-то и дело, что законы одни и те же. Что эти стеклянные кусты намного ближе нам, чем может показаться с первого взгляда...

Он снова вспомнил ушедший в сторону луч лазера... И это тоже...

Была такая старинная легенда об атлантах... Миллионы лет эти сказочные существа, согнувшись под страшной тяжестью, держали на своих плечах небесный свод. Те, кто построил эту станцию, те, кто навсегда замуровал в ней свой разум, были такими атлантами. А он простой человек. Ему надо вернуться домой. Его ждут там, на далекой Земле, другие люди... Не для того он улетал к звездам, чтобы превратить себя в часть стеклянного леса... Земля... Она далеко, слишком далеко от него сейчас... Но ведь может случиться так,

что через много лет эта прорвавшая заслоны чужого разума беда доберется и до солнца... Не стоит об этом думать. Потребуется много тысячелетий, за это время люди станут могущественней антов и найдут способ обуздать стихию хаоса. А может, и нет... Может быть, к тому времени уже невозможно будет ее обуздать. Интересно, что произойдет, если он снимет скафандр?.. Ведь они просили именно об этом и предупредили, что его тело перестанет существовать... Может быть, вот эти стеклянные ветви вопьются в его незащищенную кожу, врастут в позвоночник, как вросли они в машину, высосут мозг... Стоит ли думать об этом? Он никогда не согласится. Пора возвращаться на корабль, у него слишком мало времени...

Он в последний раз окинул взглядом стеклянный купол. Заросли заметно поредели, теперь глаз свободно проникал через все пространство купола от стены до стены. И только в центре возвышалась непроницаемая стеклянная труба, спрятавшая в своем жерле огненный протуберанец. Сколько еще может продолжаться это неустойчивое равновесие? Час? Два? Надо спешить...

«Но почему я? Почему именно я?! Всегда так было... Всегда случалось так, что на кого-то падал выбор и он заставлял собой от беды других...»

Его рука медленно потянулась к застежке скафандра.

Вторые сутки корабль находился на околоцентрической орбите, неподвижно зависнув над местом недавней катастрофы. Отсюда отвесно над планетой вздымался в космос пылевой протуберанец, очертивший видимые границы энтропийного выброса, все дальше уходившего в космос. На его границах материя таяла, исчезала без следа, не оставив после себя ни кванта света, ни джоуля тепла. Трудно было предсказать, чем все это кончится. Шел третий час ночи по корабельному циклу. Рент неподвижно сидел в своей каюте и курил сигарету за сигаретой. Вонючий въедливый дым плавал густым сизым облаком. Он не знал, как ему поступить. Предположение о том, что катастрофа на планете была всего лишь ударом по кораблю, теперь уже не казалось ему таким достоверным, как раньше. Если интенсивность энтропийного выброса в пространство не уменьшится, то к прилету с Земли специально оснащенной экспедиции процесс полностью выйдет из-под контроля человеческой техники. Если это так, он не имеет права оставить район, не предприняв решительных действий... Но каких? Если бы знать, что там, внизу под ними, на планете, притаился враг... Если бы быть в этом уверенным, все тогда становилось просто!

Заткнуть глотку этому чертову энтропийному генератору ничего не стоило. А вдруг там совсем не генератор? Рент пододвинул небольшой диктофон, на пленке которого была записана стенограмма последнего корабельного совета, и включил ее сразу с нужного места.

«Отвечаю на ваш вопрос о возможностях разрушения «объекта, ускоряющего энтропию». Если такой объект существует, то мы можем его уничтожить мезонной бомбардировкой. Такие расчеты сделаны. Наши бомбы успеют разрушить кору планеты примерно на глубину двух километров, прежде чем их энергию поглотит энтропийное поле, и, уж во всяком случае, они полностью уничтожат объект, названный вами «энтропийным генератором». Вопрос доставки тоже не представляет проблемы. Автоматический скутер с полевой защитой вполне справится с этой задачей. Весь вопрос в том, к чему это приведет. Представьте себе кроманьонца, случайно наткнувшегося на современное гидротехническое сооружение. Представьте дальше, что струи воды просочились сквозь это сооружение и начали подмывать его пещеру. Кроманьонцу, естественно, это не нравится. Во всех своих бедах он винит плотину. Предположим, у него есть чрезвычайно мощная и вполне современная мезонная дубина. Сначала он лишь слегка пригрозил ею плотине, трещина увеличилась, вода заливает пещеру. Кроманьонцу показалось, что эта проклятая гора, извергающая на его дом потоп, ответила ударом на удар. Тогда он размахнулся как следует и... Нетрудно представить, что нас ждет, если мы выступим в роли такого кроманьонца...»

Рент выключил запись, погасил окурок и, недовольно морщась, поплелся к дивану. Опять он стоял перед дилеммой, когда бездействовать нельзя, а любое конкретное действие могло еще больше ухудшить положение...

Приглушенный ночной свет едва освещал стол. Рент смотрел на рулон с расчетами различных вариантов их возможных действий. Возможные последствия... вероятность ошибки... В последней графе цифры слишком велики. Да, он никогда и не полагался на советы машины в решении серьезных вопросов, вот если бы здесь был Глеб... Его мнение всегда значило для него слишком много, хотя сам Глеб скорее всего об этом не догадывался. Поговорив с ним, поссорившись, даже накричав, он вдруг чувствовал потом, что тяжесть ответственности за единоличное решение становится вдвое легче. Глеб умел подобрать нужные аргументы. Умел рассмотреть калейдоскоп противоречивых фактов под собственным, всегда неожиданным углом зрения... Теперь его светлой головы нет с ними, и он обязан думать за двоих... Так что же там такое, что?! Военный объект, мощное оружие

враждебной цивилизации или защитное сооружение? Если бы знать, если бы только знать... Глеб наверняка успел это выяснить, прежде чем погибнуть... А он даже отомстить за него не может, лишен этого последнего горького права... И не потому ли так упорно спорит с Ронгом, подбирает аргументы в пользу гипотезы о враждебных действиях творцов энтропии? Но одно дело споры и отвлеченные рассуждения, другое — конкретные действия. Он никогда не сможет отдать приказа о бомбардировке. Оставалось одно. Бежать. Признаться в собственном бессилии. Завтра он даст команду об отлете. Завтра... Но сегодняшняя ночь еще принадлежит ему... Он еще может надеяться на что-то, может быть, на чудо... Верил же в чудеса Глеб... Не раз говорил о том, что в космосе скрыто немало неведомых, неподвластных нам сил...

Шорох за спиной над дверью, в том месте, где висел экран фона корабельной связи, заставил его резко обернуться. Вызов? Нет, сигнальная лампа не горела... Но Рент отчетливо слышал странное потрескивание в обесточенном аппарате. Надо будет сказать техникам, чтобы они... И вдруг зеленая клавиша выключателя медленно, словно нехотя, ушла в глубь панели. Экран вспыхнул неестественно ярким голубым светом. И перед ним без всякой паузы появилось невероятно четкое объемное цветное изображение лица человека, о котором он только что думал... Лицо Глеба. Оно словно плавало в голубоватой дымке, за его головой нельзя было рассмотреть никаких деталей, а само изображение казалось неправдоподобно резким, словно экран этого паршивенького фона мог дать такое разрешение...

— Привет, старина. Я, кажется, очень поздно? Извини... Знаешь, привычные корабельные циклы времени для меня здесь немного сместились... — Глеб словно специально подбирал ничего не значащие вежливые слова, давая Ренту возможность прийти в себя.

— Ты?! Но как же, ты же...

— Да, остался внизу.

— А связь, как ты мог...

— Это не наша связь. Я подключился к тебе напрямую.

— Не наша... Не наша связь? — Рент уцепился за это самое непонятное ему слово, будто оно могло объяснить все остальное.

Глеб покачал головой:

— У них нет передающих камер. То, что ты видишь, мое лицо, голос — это всего лишь определенный набор электронных сигналов, поданных в нужной последовательности.

— Что ты хочешь этим сказать? Только то, что у них нет камер? Что с тобой случилось, Глеб?!

— Подожди. Об этом потом. Знаешь, почему они до сих

пор не выходили на связь? В четвертом томе психолингвистики, на странице... — Экран мигнул, и изображение на секунду пропало. — Извини. Это помехи.

Только сейчас Рент спохватился. Помехи. Всего лишь помехи. Передача могла прерваться каждую секунду, а он не узнал самого главного.

— Ты сможешь дать пеленг для скутера? Где лучше его посадить?

— Скутер не нужен. Подожди. Не возражай, у нас не так много времени, а мне столько нужно сказать тебе. И это гораздо важнее всего остального.

— Остального? Чего остального?!

— Я прошу тебя выслушать не перебивая. Потом ты задашь вопросы, если останется время. — Он помолчал секунду, печально и внимательно всматриваясь в лицо Рента, словно хотел запомнить его навсегда.

— Много тысячелетий назад анты начали расширять границы нашего мира, и тогда вдруг выяснилось, что хаос, окружавший нашу вселенную, не так уж беспорядочен и не так уж беспомощен, как казалось им вначале. В общем, в этой аморфной массе существует нечто похожее на разум. Я и сам не все здесь понял, не знаю, каким образом это возможно, но это так. Может, этот разум, стремящийся разрушить любую организованную материю, и есть то самое мировое зло, существование которого человечество интуитивно подозревало еще в глубокой древности, — не знаю. Факт остается фактом, между антами и этим миром хаоса завязалась война, она продолжается до сих пор. В отдельных наиболее уязвимых частях нашего мира анты строили защитные станции, преграждавшие путь энтропии...

— Значит, все-таки плотина... Ронг был прав...

— Все это я говорю только, чтобы ты понял самое главное. Наши роботы, соприкоснувшиеся с энтропийным полем, ненадежны. Они могут стать носителями этого враждебного людям разума. Нельзя допустить, чтобы вы увезли их с собой на Землю.

Рент видел, как лицо Глеба на экране постепенно искажалось, покрывалось рябью помех, одновременно, очевидно, росло и напряжение передачи, потому что свечение экрана все увеличивалось и теперь отливало ослепительным фиолетовым блеском. Шипение и треск внутри аппарата усилились и перешли в противный зудящий визг. Углом глаза Рент видел, что на фоне аварийного экстренного вызова, стоящего на его столе, замигал красный сигнал, но он не двинулся с места.

— Уводи корабль. Мы будем сворачивать пространство

вокруг планеты, замыкать эту его часть. Слишком велик прорыв, его нельзя ликвидировать иначе.

— Но ты, как же ты?!

— Контакт все-таки возможен... В других частях... Там, где напряжение меньше, вы сможете... Анты ждут помощи, теперь они знают... Другие операторы... — Визг перешел в громовой вой. Больше ничего нельзя было разобрать. Слепительно вспыхнул в последний раз экран. Лицо Глеба вновь на несколько секунд стало четким: — Не забудь про четвертый том лингвистики, там код к записи, сделанной в долговременной памяти Центавра. Это вам подарок от антов. Его надо расшифровать, я надеюсь, ты справишься, старина, прощай...

Без треска, без вспышки изображение исчезло, словно его никогда и не было. Все заполнил собой тоскливый вой аварийного вызова.

Несколько секунд Рент стоял оглушенный, чувствуя, как на лбу у него выступают холодные капли пота. Потом медленно, нетвердой походкой он подошел к столу и надавил на клавишу фона.

— Что случилось?

— Направленный выброс энергии из протуберанца в нашу сторону. Это похоже на атаку. Я не могу к вам пробиться вот уже полчаса. Защита едва справляется, что будем делать?

— Отдайте команду к стартовой подготовке. Мы уходим.

На другой день после старта Элана исчезла со всех экранов. Исчезла, чтобы никогда больше не появляться. На ее месте в этой части пространства возникла невидимая черная звезда. В научных справочниках она получила наименование «Черная дыра 1—198—2 X».

ЗАГАДКА РЕНЕ

Кажется, не было во всей исследованной части Вселенной более загадочной планеты, чем Рене.

Открыли ее еще в пору первых межзвездных полетов, тогда же засняли на пленку значительную часть поверхности.

Со снимков смотрел мрачный и безжизненный мир. Бескрайние каменистые плато, пустыни, выжженные жаркими лучами, нагромождение скал, каньоны и ущелья, отверстия пещер, языки застывшей лавы...

Снимки, сделанные с более близкого расстояния, не добавили ничего нового. Почти вся поверхность планеты оказалась покрытой овальными плоскими камнями различной величины.

Откуда на поверхности Рене столько овальных камней? Поначалу решили, что это остатки метеоритных дождей. Однако от этой версии пришлось отказаться. Атмосфера планеты обладала такими параметрами, что даже у очень крупных метеоритов было мало шансов достичь поверхности.

Значит, все дело в песчаных бурях. Они разрушают горные породы, поднимают и переносят на большие расстояния обломки, рассеивают их по пустыням. Бури шлифуют камни, придают им с течением времени овальную форму.

Итак, все объяснилось, и планета Рене при теоретическом с ней знакомстве ничем не поразила воображения землян.

До поры до времени они, расширяя пределы своих познаний о космосе, обходили ее стороной.

Но постепенно из мира, затерянного где-то на околицах изученного космоса, планета Рене превращалась едва ли не в основной узел пересечения звездных трасс.

Было решено создать в ее окрестностях промежуточную станцию для ремонта, снабжения и координации полетов звездолетов. Материалы для строительства станции выгоднее всего было, конечно, изыскать на самой планете.

На каменистое плато опустился первый автоматический геологоразведчик. Посадка прошла благополучно. Телелокаторы работали нормально. Видимость и связь были отличными. Вездеход медленно катил по плато, а люди за пультом управления в Космическом центре уже готовились дать автомату команду на остановку и взятие проб грунта, как вдруг пропали и изображение и связь. Тщетно инженеры

дежурили несколько недель у пульта, связь так и не возобновилась.

Быть может, внезапно налетела песчаная буря?

Но для посадки специально выбрали каменистое плато, окруженное горными грядами.

Может быть, планета способна экранировать радиоволны? Искажать их направление?

Но почему тогда вначале связь все-таки существует?

Оказывается, малоинтересная, бесперспективная планета скрывает какую-то тайну!

И к Рене отправилась экспедиция во главе с капитаном Старком.

«Фотон» опустился на то же каменистое плато, что и первые автоматы. Здесь космонавтов ожидал сюрприз. Шины, два-три изолятора — вот все, что осталось от вездеходов. И никаких следов, способных объяснить происшедшее. Густой красноватый воздух, безмятежные скалы, пещеры в них...

Первым делом Старк обратил внимание на пещеры. Если плато отлично просматривается на много километров вокруг, то пещеры могут что-то скрывать. Экипаж начал готовиться к исследованию ближайшей пещеры.

Экипаж «Фотона» находился на Рене, и в Космическом центре были убеждены, что дела идут хорошо.

Но в тот момент, когда все внимание было приковано к пещере, почти достигнутой вездеходом, изображение на экране пропало. Взволнованный Старк сообщил, что пропала и связь с вездеходом. Правда, в бинокль командир «Фотона» хорошо видел вездеход. Тот остановился у самой пещеры. До нее было километров десять напрямую через плато. Вездеход в полной целостности и сохранности, но назвать причину его остановки Старк не мог.

С еще большей тревогой в голосе Старк тут же передал, что со стороны дальнего участка плато к «Фотону» с громадной скоростью движется песчаная туча.

Почти тут же пропала телесвязь и с «Фотоном».

А через секунду Старк прокричал в эфир:

— Ни в коем случае не совершайте больше посадок на Рене, не изучив...

«Изучив» было его последним словом.

Стало совершенно ясно, что разгадать тайну планеты сможет только хорошо подготовленная экспедиция.

...Примерно в это же время на стапелях Титанограда, индустриального центра Марса, заканчивался монтаж звездолета «Алмаз».

«Фотон» исчез в конце февраля, «Алмаз» должны были испытывать в начале марта.

Вообще-то «Алмаз» готовился для другой звездной экспе-

диции, но ввиду чрезвычайных обстоятельств Космический центр решил использовать его тоже для разведки планеты Рене.

Одновременно всем космонавтам, ученым, социологам был разослан текст. Приводились последние слова Старка: «Ни в коем случае не совершайте больше посадок на Рене, не изучив...» Предлагалось закончить эту фразу.

Владлен Олегович Хрусталеv, космонавт высшего класса, въехал на своем электромобиле на 38-й этаж Космического центра. Здесь он поставил машину в служебную ячейку и медленно пошел по широкому кольцевому коридору.

Хрусталеv волновался. Кажется, уже не новичок в космосе и не одна экспедиция за плечами, а вот получил на сегодня вызов из центра и целых три дня не находил себе места.

...Радий Артурович Винтицкий уже ждал Хрусталева. Он поднялся навстречу космонавту, крепко пожал руку. Они были одноклассниками. Винтицкий до того, как его избрали руководителем центра, тоже немало полетал. И хотя они не участвовали ни в одной совместной экспедиции, тем не менее отлично знали друг друга, были на «ты».

Винтицкий переложил на столе какие-то бумаги.

Последовало несколько общих фраз о здоровье, настроении, семье.

— Ну как? — спросил наконец Винтицкий. — Есть желание еще разок прогуляться по Галактике?

— Смотря что за прогулка, — осторожно ответил Хрусталеv.

— Да тут рядом, — словно речь шла о соседней комнате, обронил Радий Артурович.

— Насколько я знаю, планируется только одна подобная экспедиция — Рене?

— Да, Рене.

Некоторое время сидели молча.

— Жарко! — первым нарушил молчание Хрусталеv.

Винтицкий нажал на одну из клавиш пульта. В кабинет въехала тележка-автомат, уставленная банками и бутылочками. Огибая стол, она подкатила к Винтицкому.

— Я не хочу, — отмахнулся тот.

Тележка развернулась и подъехала к Хрусталеву.

Он взял с подноса высокий бокал, смешал лимонный сок с минеральной водой. Смакуя напиток, спросил:

— А экипаж?

— Экипаж, как всегда, подбирает командир из кандидатур, предложенных Высшим Советом.

— Какой состав утвердили на этот раз?

— Три человека, причем вместе с командиром. Тебе предстоит подобрать еще двоих.

— Но почему столь ограничен экипаж?

— Совет решил, что этого достаточно. Во-первых, «Алмаз» насыщен автоматикой и кибернетикой, ну а во-вторых, тот риск, которому вы подвергаетесь, не станет меньше, если на борту «Алмаза» будет еще тридцать человек. Кроме того... — Винтицкий замаялся.

— Я слушаю, — нетерпеливо проговорил Хрусталеv.

— Кроме того, существует мнение, и к нему нельзя не прислушаться, что на планете Рене земляне столкнулись с проблемой, которая, возможно, не будет решена в обозримом будущем. На вас возлагается в основном разведывательная миссия. Вы должны собрать дополнительные данные и вернуться. Обязательно вернуться, слышишь, Владлен? Возможно, — он закрыл глаза и покачал головой, — еще не одна экспедиция побывает там, прежде чем мы покорим Рене. Владлен, это я говорю одному тебе.

— Ясно.

Винтицкий достал из ящика стола лист бумаги и протянул командиру.

— Вот список. Здесь двенадцать человек. Ты прекрасно знаешь каждого. В общем, думай. — И он углубился в лежащий перед ним журнал.

— Я беру Шахбоза Муратова.

— Муратов слишком молод.

— В его годы я налетал втрое меньше. У него светлая голова.

— Муратов неважный биолог и совсем плохой медик.

— Зато там понадобится отличный физик, прекрасный химик и знающий геолог. А Муратов как раз и является таким парнем.

Винтицкий хотел еще что-то сказать, но воодушевившийся Хрусталеv не дал ему и рта раскрыть:

— Кроме того, у Муратова есть качество, которым невозможно не восхищаться.

— Что ты имеешь в виду?

— Везучесть.

— Ну, знаешь!

Винтицкий улыбнулся.

— Кандидатуру Шахбоза Муратова считаем утвержденной. Кто второй?

Хрусталеv повертел список и отложил в сторону.

— Второго здесь нет.

Винтицкий с удивлением посмотрел на него.

— Как это понимать?

— Понимать так, что второй член экипажа сидит в на-

стоящий момент в Алма-атинском метеоцентре и, возможно, даже не помышляет о путешествии на Рене.

— Но ведь он не космонавт. Он, наверное, и с Земли никуда не выбирался.

— Почему же? Проходил практику на Венере, бывал на Сатурне.

Винтицкий отмахнулся.

— А, мелочи.

— Рене... — вздохнул Винтицкий и спрятал список кандидатов в стол. — Ну что ж...

— Не возражаю.

— Хорошо. Тогда срочно вызывай его сюда, а я попрошу, чтобы ребята подобрали для него «веселенькую» программу. После небольшой паузы Винтицкий спросил Хрусталева:

— Ты тоже веришь в версию о песчаных бурях?

— Я считаю, что мы должны как можно подробнее изучить это явление. Только полная уверенность в относительной безопасности песчаных бурь даст нам повод к поискам в других направлениях, — уклончиво отвечал новый командир.

— Кстати, чертежи «Алмаза» ты смотрел?

— Конечно.

— Там небольшое изменение. Мы переделали посадочный блок.

— Я слышал об этом.

— Хочешь посмотреть макет? — Винтицкий прошел в угол кабинета и сдернул покрывало с какого-то предмета. Под покрывалом был стеклянный куб, внутри которого на зеленой подставке покоился макет посадочного блока.

— Но ведь это... — проговорил потрясенный Хрусталев.

— Чему ты удивляешься? Конструкторы получили задание разработать особо устойчивый блок. И задание они выполнили, нашли оптимальную форму.

— Но ведь это точная копия камней с Рене!

— Только гораздо больших размеров.

— И все же странное совпадение...

Укен Авезов застегнул шлем с датчиками на контрольный контакт и, провожаемый пристальными взглядами проверяющих, спустился через узкий люк в камеру.

Странно! Еще две недели назад не было для него более интересного дела, чем подготовка к летней экспедиции в Гималаи. Там, в обсерватории Всемирного метеоцентра, он рассчитывал собрать недостающие данные для своей новой работы. А до наступления лета он твердо решил определить наконец свои отношения с Анной.

Но неожиданные события изменили привычный уклад жизни.

Все началось с визита известного космонавта Хрусталева. Хрусталев приходил, чтобы навести справки о природе космических вихрей. Укен охотно давал пояснения. Ему было лестно, что знаменитый гость с таким вниманием и интересом слушает его.

И вот вызов из Космического центра. Укену Авезову предложили пройти испытания на тренажере. А вчера появилось сообщение, что командиром звездолета «Алмаз» назначен Хрусталев.

Нет ли здесь взаимосвязи?

— Готовы? — послышалось в шлемофоне.

— До старта тридцать секунд. Счастливого полета. — Там, наверху, явно иронизировали.

Ребята выполнили просьбу Винтицкого и выбрали «вселенскую» программу. Укену предстояло совершить посадку на планету Финтифлюшка.

— Ждите сувенир, — пообещал Укен.

Закрылся люк. Погас свет. Кресло качнулось, и Укен почувствовал, что мчится с громадной скоростью по черному тоннелю.

Негромко запела сирена. Корабль приближался к Финтифлюшке. Прямо в глаза бил нестерпимо яркий зеленый диск звезды Корсар. На Финтифлюшку Укену нужно было сесть с теневой стороны. Почему — этого он не знал. Нужно было, и все!

Он развернул корабль и облетел планету. Диск Корсара быстро спрятался за ее краем. Мгновенно наступил непроглядный мрак. Укен включил посадочные прожекторы и начал снижение, то и дело поглядывая в иллюминатор.

Поверхность планеты была неровной. Повсюду торчали небольшие горбатые холмики, точно кочки в болоте. Выбрав холмик побольше и поровнее, Укен повел корабль на него. У самой поверхности он включил тормозной двигатель. Корабль несильно ткнулся в грунт Финтифлюшки.

Облачившись в легкий скафандр, Укен вышел из корабля. Грунт под ногами был твердый, как металл. Он спустился вниз с холма. В низинке грунт был таким же твердым. Поверхность планеты словно покрывал слой металла.

Вдруг луч прожектора выхватил из темноты какую-то глыбу. Глыба медленно выползала из-за соседнего холма. Укен увеличил освещенность.

Он увидел безобразную пасть, два маленьких красных глаза и отвратительную ноздрию между ними. Страшилище оттолкнулось от почвы и протянуло к Укену две толстые лапы, украшенные желтыми длинными когтями.

Из-за горизонта стремительно выбегал яркий Корсар. Повсюду слышалось какое-то шипение, бульканье. Встревоженный Аvezов осмотрелся внимательнее.

Поверхность Финтифлюшки быстро таяла. Так тает лед, положенный на горячую плиту. Холмики еще держались кое-как, но в низинах уже переливалась и бурлила грязная густая жижа. Вот уже и холмики начали медленно погружаться в океан этой расплавленной грязи.

Старт! Немедленно старт!

Укен обшарил взглядом приборную доску пульта управления, и тут его осенило. Мгновенно он включил двигатель и ткнул пальцем в кнопку с надписью «холод».

Заработала холодильная установка, нагнетая холод вокруг корабля. Жижа затвердевала. Вот уже целый островок заморожен вокруг корабля.

Укен вытер со лба холодный пот и включил двигатель. Корабль оторвался от поверхности и медленно пошел ввысь.

Укен ликовал.

Но корабль вдруг качнуло и повело куда-то в сторону. Он сбился с курса. Укен посмотрел на приборы. Проклятье! Он попал в замкнутый воздушный поток. Такие потоки не редкость в атмосфере Финтифлюшки. Теперь можно даже выключить двигатель, и корабль начнет выписывать бесконечные восьмерки.

Корабль подходил к верхней петле восьмерки. Укен максимально увеличил тягу, стремясь выйти из петли по касательной. На мгновение корабль застыл в мертвой точке. Со всем немного оставалось ему, чтобы выбраться на свободу, но, к сожалению, никакого резерва у Укена не было. Корабль снова свалился в петлю.

Когда он снова открыл глаза, то не имел ни малейшего представления о времени. Сколько продолжался его полет? Месяц? Год?

— С благополучным возвращением! — послышался в шлемофоне голос дежурного. На этот раз, кроме иронии, в нем угадывалось и уважение. — Мы ждем вас!

— Иду!

Поднялся через узкий люк в светлое помещение. Здесь толпилось человек десять-двенадцать, среди них и Хрусталев.

Хрусталев остался доволен «Алмазом». Отличный корабль.

Опробование звездолета производилось в районе обсерватории Крайней, занимающей в Космосе место, диаметрально противоположное Плутону. Крайняя — последнее обитаемое тело солнечной системы.

Итак, «Алмаз» опробован во всех режимах и заслужил самую высокую оценку командира.

Было произведено испытание посадочного блока «Бургут».

До старта оставалось несколько дней.

Хрусталеv улетел домой, а Муратов и Авезов остались на Крайней.

Шахбоз сидел в библиотеке, еще и еще раз просматривал чертежи посадочного блока. Он поведет «Бургут». Не упустить бы чего.

Поначалу работалось плохо. Он смотрел на белые листы, а воображение то и дело рисовало фантастические картины — одну нереальнее другой.

Наконец он сумел сосредоточиться и втянуться в работу. Кропотливо разобрал схему стыковочного узла. Удовлетворенно хмыкнул. Ну вот! Удалось отыскать деталь, назначение которой было не совсем ясно. Значит, не напрасно перечитывал чертежи.

Шахбоз отодвинул от себя альбом. А куда это запропастился Укен? Пора ужинать. После ужина он полистает еще пару альбомов, затем что-нибудь почитает, а там наверняка уснет. Проснется, уже будет завтра. Еще денек — и в путь! Скорее бы!

— Укен! — позвал Шахбоз.

Открылась дверь, вошел Укен. Одно полотенце у него повязано на поясе, другое переброшено через плечо, в руке большая ложка. На смуглом лице широкая улыбка.

— Не пора ли ужинать? — спросил он Шахбоза.

— Я для того и позвал тебя. Но что за вид такой, объясни!

— Э, друг! Не будет сегодня ни роботов, ни синтетической еды! Я угощаю тебя.

И он стал накладывать на тарелки куски мяса и квадратиками нарезанные сочни теста. Отдельно разлил по чашкам бульон.

— Как это называется?

— Бешбармак. Кушанье моих предков.

Шахбоз покачал головой.

— Да, наши предки понимали толк в кулинарии. Этого у них не отнимешь.

— А теперь можно вопрос задать тебе? В связи с нашими сегодняшними испытаниями защитного поля «Бургута».

— Давай.

— Только прошу об одном, Шахбоз. Даже если тебя рассмешат мои вопросы, все равно ответь мне. Я ведь не профессиональный космонавт.

— Не приbedняйся, Укен. Спрашивай.

— Хорошо. Объясни мне такую вещь, Шахбоз. Какую форму имеет защитное поле «Бургута»?

— Сам «Бургут» по форме напоминает сплющенное яйцо. Точно такую же форму имеет и защитное поле. Некоторым искривлением силовых линий у полюсов можно пренебречь. А где у «Бургута» полюсы, ты знаешь.

— Ясно. А насколько надежно это защитное поле?

— Давай проведем прежнюю аналогию с яйцом. «Бургут» — это желток, а внешняя граница силового поля — скорлупа. Но скорлупа простого яйца хрупкая, скорлупа же «Бургута», его защитное поле, непроницаема для посторонних предметов.

— Иными словами, защитное поле как бы увеличивает толщину обшивки «Бургута».

— Сам «Бургут», по сути, незащищен и хрупок. Простой метеорит запросто пробьет его обшивку. А наткнувшись на силовое поле, даже крупный метеорит мгновенно испарится.

— Ладно. Значит, «Бургут» — желток, защитное поле — скорлупа яйца. Пока «Бургут» опускается на чужую планету, пока он находится в атмосфере, яйцо остается яйцом. Но что происходит с силовым полем в момент приземления? «Бургут» так и не коснется грунта? Силовое поле под его днищем будет удерживать блок на некоторой высоте от поверхности планеты?

— В принципе это возможно, — ответил Шахбоз, — но нецелесообразно, так как требует огромного расхода энергии и ничего не дает.

— Значит, днище «Бургута» все же касается планеты?

— Конечно.

— А что при этом произойдет с силовым полем?

— Линии, разумеется, искажутся в зависимости от свойств грунта. Теперь это уже будет не яйцо, а, скажем, пирожок. Но действие силового поля от этого не станет слабее.

— То есть «Бургут» по-прежнему будет защищен и снизу?

— Конечно.

— Так. Ну а тот кусочек грунта, который попал внутрь силового поля, внутрь скорлупы? Тот грунт, на котором будет стоять «Бургут»?

— Этот кусочек теперь будет составлять одно целое с кораблем, то есть он сам защищен от влияния извне. Но вот его влияние на корабль уже не зависит от силового поля. Ты это хотел услышать от меня?

— Да, это.

— Тогда учти следующую вещь. Перед посадкой этот самый грунт, о котором мы с тобой толкуем, прожигается и обрабатывается специальным облучением. Все бактерии, микробы, вся органика в нем уничтожаются. Так что абсолютно никакой опасности он не представляет.

— Ясно.

— А зачем это тебе?

— Когда мы сегодня испытывали «Бургут» и садились на полигоне, я вдруг подумал об этом кусочке грунта. Ты ведь знаешь, я новичок в космосе.

Время было позднее, но сон не шел. Долго еще в гостиной звучали голоса Шахбоза и Укена.

Рене была единственной планетой затухающей красной звезды Годво. Название планета получила в свое время от имени известного астролога Рене, доказавшего ее существование.

Впрочем, не всегда мир звезды Годво состоял из одной планеты. Когда-то их было гораздо больше.

Но уже много миллиардов лет назад Годво вступила в пору заката. Она тускнела, гасла, истощала энергию. Нарушались привычные связи. Планеты теряли скорость, уменьшался диаметр их орбит, и постепенно одна за другой они свалились на красное светило.

И вот теперь на расстоянии семидесяти миллионов километров от Годво кружится в космосе единственный уцелевший кусочек материи планетной системы, чтобы через несколько миллиардов лет разделить судьбу своих предшественниц.

Хрусталев переключил все системы корабля на автоматизированное управление и облегченно вздохнул. Наконец-то они у цели! «Алмаз» — искусственный спутник Рене.

Первый этап путешествия, можно сказать, закончился благополучно. Почти семьдесят часов напряженной работы — и «Алмаз» практически у цели.

Через сутки они начинают исследование Рене. Через сутки, может быть, у них появится какая-то зацепка. А сейчас — отдых. Полный покой и отдых в восстановительных камерах.

Конечно, им хотелось взглянуть на Рене уже сегодня, прямо сейчас. Но командир был тверд. После семидесяти бессонных часов, пусть даже под пристальным наблюдением биорегуляторов, они нуждались в восстановлении сил.

Все сделанное ими до сих пор всего лишь пролог. Настоящая работа начнется через сутки. И кто знает, каких именно качеств потребует она от членов экипажа.

Владлен Олегович, Шахбоз и Укен в круглом зале «Алмаза» не спускали глаз с фиолетового экрана — это поверхность планеты Рене переливалась на нем всеми фиолетовыми оттенками.

Автоматический телеразведчик парил в атмосфере Рене. До сих пор все было хорошо. Связь не прерывалась ни на минуту.

Внизу проплывала бескрайняя фиолетовая пустыня. Кое-где высились темные растрескавшиеся валуны. Вокруг валунов, а также и на них самих лежали плоские овальные камни. Звезда Годво еще обладала достаточной энергией, чтобы нагревать их до семидесяти градусов по Цельсию.

Вдруг на одном из участков обозримой площади песок пришел в движение. По-видимому, мощные встречные потоки воздуха взвинтили песчаный смерч на высоту нескольких сотен метров. Песчинки кружились все быстрее и быстрее. Основание смерча начало увеличиваться в диаметре. Песчаный столб слегка наклонился в одну, потом в другую сторону, а затем, словно отыскав для себя нужное направление, резко накренился и помчался по пустыне, увлекая за собой все новые и новые массы песка. Теперь это был уже не смерч — фиолетовая продолговатая туча неслась по пустыне, и из нее то и дело вылетали огромные валуны и рассыпались, ударяясь о землю.

— Ну что? — обратился Хрусталеv к коллегам. — Пожертвуем ради науки одним телеспутником?

— Конечно, — отозвался Шахбоз, — уж лучше мы сами пожертвуем разведчиком, чем ждать, пока эта фиолетовая обманщица утянет его у нас без спроса.

— Бедный телеспутник! — притворно запричитал Укен. — Недолго парил ты в свободном пространстве! Так будь же последней жертвой на этой благословенной и гостеприимной планете!

Перейдя на ручное управление, Хрусталеv быстро погнал телеспутник вслед за вихрем и спикировал его вниз с таким расчетом, чтобы автомат попал в самый центр песчаной тучи.

Изображение на экране заметалось, запрыгало, задержалось. Сам телеспутник трепетал в песчаных струях как рыбка, попавшая в сеть. Его двигатели, достаточно мощные, почти не помогали ему. Его тянуло вместе с тучей к блекло-синим зубчатым скалам, появившимся на горизонте. Хрусталеv сориентировал телеспутник по ходу движения тучи, увеличил скорость почти до максимума, и автомат с большим трудом, но все же выскользнул из бешено крутящихся потоков песка и воздуха. Командир поднял его на высоту, недоступную для смерча, и повернулся к космонавтам.

— Понимаете что-нибудь?

— Связь не пропадала ни на секунду, — возбужденно ответил Шахбоз, — выходит, причина молчания «Фотона» вовсе не в песчаных бурях.

— У урагана практически нет опережающей волны, —

проговорил Укен. — Летящий песок не в состоянии экранировать даже радиосвязь, не говоря уже о точечном канале... Короче, по первому впечатлению это самый обыкновенный ураган. Разумеется, обыкновенный для этой планеты. Скорость, конечно, дикая...

— И вылетает он совсем не из пещер, — поддержал его Шахбоз.

— Так я и думал... — пробормотал командир.

— Вы что-то сказали? — переспросил Шахбоз.

— Да. Продолжаем обзор, — ответил Хрусталеv.

Телеспутник помчался в сторону зубчатых гор. За их стеной должно было тянуться ровное каменистое плато. Именно там замолчали первые автоматические станции, совершившие посадку на Рене. Именно там пропала и экспедиция Старка.

Горная гряда оказалась длинной и узкой. За ней потянулись ущелья, разломы, выходы на поверхность планеты каких-то каменных плит. В отвесных скалах виднелось множество пещер.

За пещерами раскинулось каменистое плато — ровный кусок скального пласта, на котором не удержаться ни одной песчинке, зато здесь было множество плоских овальных камней, раскиданных там и тут.

— Стоп! — вдруг вскрикнули космонавты разом.

Телеспутник развернулся и, описывая плавные сужающиеся круги, приблизился к месту, так заинтересовавшему землян. Посреди плато высилось странное сооружение.

— Что это?! — воскликнул Шахбоз.

— Искусственное сооружение... — прошептал Укен.

— Да, искусственное сооружение, — нахмутив брови, ответил Хрусталеv. — Перед вами «Фотон». Вернее, то, что от него осталось.

От звездолета остались, по сути, только внутренние перегородки. Долго ходил по кругу телеспутник. Светился фиолетовый экран. Тихо и уныло было в круглом зале «Алмаза». Первым нарушил молчание Хрусталеv. Впрочем, до него никто и не отважился бы заговорить. У Хрусталева на «Фотоне» были друзья...

— Впечатление такое, что корабль размонтирован, — мрачно произнес он.

— Похоже.

— Обратите внимание — внутренние перегородки почти не повреждены.

— Какой смысл космонавтам было размонтировать звездолет?

— Им — никакого!

— Значит...

— Значит, корабль разобрали другие.

— И это нам с вами и предстоит узнать. Посмотрим, что с вездеходом, — проговорил Хрусталеv.

Вездеход с «Фотона» обнаружили метрах в тридцати от входа в одну из пещер. Особенно поражало сохранившееся остекление кабины вездехода. Остекление изготовлялось из сверхпрочного сплава, а затем намертво вделывалось в металлический корпус вездехода. Отделить остекление от корпуса самим космонавтам было практически невозможно. Такая необходимость вообще не предусматривалась конструкцией машины. Подобная операция никогда не проделывалась и на заводах. Если было нужно заменить корпус вездехода, то его меняли вместе с остеклением. Только такой способ обеспечивал надежную герметизацию корпуса. И вот теперь экипаж «Алмаза» с удивлением смотрел на остекление, аккуратно отделенное от корпуса.

— Владлен Олегович, — заговорил Шахбоз, — обратите внимание, и на «Фотоне» и на вездеходе отсутствуют металлические части.

— Посмотрите, как умело размонтированы и корабль и вездеход. Чувствуются навыки и сноровка.

— Да. Но этот великий умелец к тому же отличается и жестокостью. Разобрав корабль, он вольно или невольно способствовал гибели экипажа.

— Владлен Олегович, а может быть, сам экипаж по каким-то причинам демонтировал корабль?

Хрусталеv невесело улыбнулся.

— Исключается. В распоряжении экипажа нет для этого достаточных технических средств.

— Тогда кто это мог сделать?

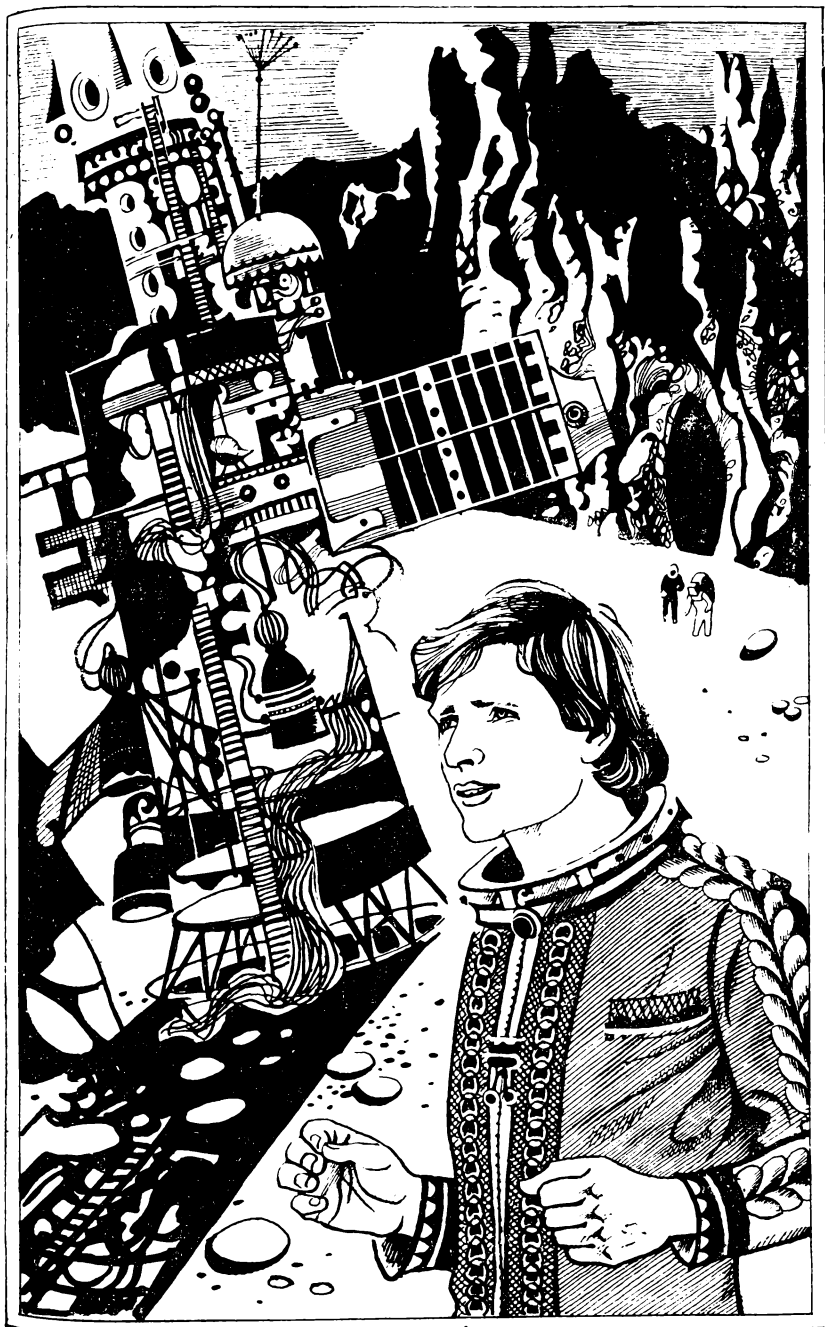
— Не знаю.

— Разобрать «Фотон» могли только разумные существа. Возможно, они обитают в пещерах?

— Вряд ли. Раз уж они не побоялись выйти на поверхность и разобрать машины, то какой смысл им постоянно сидеть в пещерах? Да и выходы из пещер имели бы, вероятно, другой внешний вид.

— А может быть, длительное пребывание на поверхности таит для них опасность?

— Какую? Метеоритной опасности нет. Атмосфера достаточно плотная. Песчаные бури не так-то уж и опасны. Да и можно предсказывать их. К тому же в районе плато они, по-видимому, бывают не часто. Но главное не в этом. Разумные существа, способные с таким поразительным мастерством разобрать инопланетный корабль, по-видимому, не отсиживались бы в пещерах, а разработали какие-то меры против грозящей опасности. Думается, что этот вариант отпадает.

— А может быть, они специально так? — подал голос Укен.

— Что — специально?

— Сидят в пещерах и ждут. А как только на планету опустится чужой звездолет, они хватят его и с концами...

Космонавты рассмеялись.

— Укен, — спросил Хрусталеv, — какова вероятность посадки на маленькую, затерянную на окраине Галактики планету чужих звездолетов? Сколько их наберется, скажем, за миллиард лет? И что же? Им сидеть ради этого ничтожно-го шанса в пещерах?

Наступило молчание.

— Тогда, вероятно, кроме «Фотона» и нас, на Рене бывали и другие гости? Возможно, они и сейчас наблюдают за нами? Чем-то их привлекла к себе Рене.

Командир кивнул.

— Возможно. Однако, прежде чем подводить окончательную черту, давайте еще раз исследуем внутренности «Фотона». Если экипаж погиб, то должны ведь остаться тела или в крайнем случае скелеты.

Хрусталеv вновь перешел на ручное управление аппаратом. Телеспутник подлетел вплотную к «Фотону», затем осторожно нырнул в него и пошел кружить по этажам. С бьющимися сердцами наблюдали космонавты за экраном.

Вот сейчас появятся на нем неподвижные тела... Напряжение достигло предела. Телеспутник достиг верхнего этажа, выскользнул из «Фотона» и поднялся на плато. В звездолете не было никого.

— Значит...

— Значит, они стали пленниками...

— Чьими?

— Тех, других.

— Возможно, даже живы до сих пор?

Хрусталеv нажатием клавиши выключил экран.

— Товарищи, на основании всего увиденного нам необходимо принять решение.

Он встал с кресла, походил некоторое время в задумчивости по залу и заговорил снова:

— Мы здесь находимся с единственной целью — разгадать тайну Рене. Перед нашим отлетом высказывались различные предположения о свойствах Рене. Наиболее вероятной причиной прекращения связи считались песчаные бури. Это и покаятно. Никаких других особенностей на Рене не обнаружилось. Мы видели песчаную бурю. Мы будем наблюдать и изучать другие подобные бури. Но уже сейчас можно сделать важный вывод — на связь песчаные бури не влияют. Зна-

чит, у планеты есть другая тайна, следов которой мы еще не нащупали. Возможно, дальнейший поиск сопряжен с громадной опасностью. И мы сейчас должны вынести решение, как нам поступить — продолжать поиск или возвращаться.

Шахбоз вскочил с кресла, порываясь что-то сказать, но командир сделал предостерегающий жест:

— Я еще не закончил.

Он снова сделал несколько шагов по залу и продолжал:

— Подведем баланс — наши плюсы и минусы. Начнем с минусов. Наше полное незнание предмета поиска — раз, гибель «Фотона» и вездехода — два, странное состояние их останков — три, отсутствие экипажа — четыре. Наши плюсы — готовность к встрече с неожиданным — раз, усовершенствованное защитное поле — два, «Бургут» — три. Кроме того, как всем известно, если даже по каким-либо причинам «Бургут» не сумеет взлететь, то специальный электромагнитный блок все равно доставит его на «Алмаз». Это четыре. Шансы вроде бы равны. А сейчас я хочу услышать ваше мнение. По традиции первым слушаем младшего. Давай, Укен.

Укен встал. Его обычно добродушное лицо было суровым.

— Сколько было хлопот перед отлетом сюда... И выходит, все напрасно? Ну, вернемся мы на Землю... А что скажем людям? Что причина вовсе не в песчаных бурях? Так об этом можно сообщить и по каналу связи. Корабль у нас хороший, мы... как будто тоже ничего... Не знаю... Мне, например, возвращаться стыдно...

Укен сел.

— Ты, Шахбоз.

Поднялся Муратов. Длинные, изогнутые, как у девушки, брови сошлись у переносицы. Вид точно у хищной птицы, рвущейся в бой. Горячие слова так и просятся на язык.

Но Муратов заговорил спокойно и рассудительно:

— Да, есть риск. И риск велик. Но ведь и Гагарин рисковал, когда впервые сделал виток вокруг Земли. Почему же мы должны быть лишены права на риск? Теперь о том балансе, который вы подвели. Разрешите внести в него поправки. Во-первых, по уточненным данным, экипаж «Фотона» проявил беспечность при посадке на Рене. Они готовились к встрече только с песчаными бурями. Во-вторых, как известно, защитное поле «Фотона» было включено лишь после посадки корабля. А нужно было это сделать до того, в-третьих, экипаж «Фотона», совершив посадку на планету, лишил себя возможности отступить в опасный момент. Нами учтено и это, «Алмаз» остается на орбите. Итак, баланс в нашу пользу!

— Хорошо, Шахбоз. Садись.

Хрусталеv подошел к своему креслу, опустилсв в него:

— Спасибо, друзья. Я не ошибсв в вас.

Некоторое время он молчал, полузакрыв глаза. Потом заговорил глухо:

— Итак, нам следует проявить максимум осторожности и терпения. Порядок работы следующий. Сначала посадим «Бургут» на каменистое плато у пещеры. Без экипажа. Как известно, первые авторазведчики пробыли на поверхности Рене до момента прекращения сигнала около трех часов, «Фотон» — восемь. Увеличим это время наполовину и будем считать его контрольным. Это составит двенадцать часов. Если за двенадцать часов с «Бургутом» ничего не произойдет, будем считать, что испытания прошли успешно, после чего следующий рейс «Бургут» совершит вместе с экипажем. Порядок работы остается прежним. «Бургут» садится на поверхность и двенадцать часов находится в неподвижности. Если за это время не случится ничего непредвиденного, блок получит разрешение на перемещение и первым делом попытается продвинуться к пещере, возле которой находятся останки вездехода. Теперь о составе экипажа...

Космонавты подтянулись. Кого же предпочел командир?

— Обстоятельства таковы, что двое из нас должны находиться на борту «Бургута». Ибо, по всей вероятности, многое будет зависеть не от показания приборов, а от человеческих органов чувств, от внимания, от визуального обзора, от умения сопоставлять и рассуждать. Работать придется в постоянном напряжении, а одному человеку это не под силу. Третий член экипажа остается на борту «Алмаза». Его задача — постоянный контроль за «Бургутом» и связь с ним, готовность в любой момент прийти на помощь, умение найти правильное решение. Ясно, что остающийся на борту «Алмаза» должен быть самым опытным из нас. К моему глубочайшему сожалению, таким космонавтом являюсь я.

При последних словах Хрусталева Шахбоз и Укен весело переглянулись, и Укен моргнул левым глазом три раза подряд.

...Раздался щелчок тумблера. «Алмаз» заметно вздрогнул. Распахнулись створки его грузового отсека, и оттуда выплыл, слегка вращаясь, «Бургут». Он был соединен с «Алмазом» системой гибких шлангов.

Небо вокруг было такое же, как и везде на окраинах Галактики. Немигающие желтые звезды светили из своих созвездий. Несколько звезд казались чуть ярче. Одной из них было Солнце.

Раскаленный диск Годво только что оказался на Рене.

На каменистом плато наступила непроглядная фиолетовая ночь. Светящийся ореол всех оттенков фиолетового цвета окружил планету.

«Бургут» по-прежнему плавал рядом с «Алмазом». Вокруг него колдовали Шахбоз и Укен. Посадочный блок необходимо было осмотреть, наполнить его баки жидким горючим, проверить систему шасси. Все это можно было проделать автоматически, не выходя из «Алмаза». Но Укен и Шахбоз, уже несколько утомленные длительным пребыванием в комфортабельных салонах корабля, упростили Хрусталева разрешить им проделать все эти операции вручную. Сейчас, облаченные в легкие скафандры, они затапливали шасси в гнезда под днищем.

Наконец осмотр закончился. «Бургут» был в полном порядке. Космонавты вернулись на «Алмаз».

Хрусталев включил приборы инфракрасного видения и дал команду «Бургуту» на автоматическую посадку.

Медленно вращаясь, «Бургут» пошел вниз. Из его дюз вырывалось голубое пламя. На экране снова появились каменистое плато, останки «Фотона» и вездехода, пещера.

Метрах в двадцати от намеченной пещеры была удобная ровная площадка. Космонавты решили посадить блок на нее. Заработали боковые дюзы «Бургута». Теперь он двигался над плато на воздушной подушке. Медленно блок подобрался к площадке и осторожно спустился на грунт. Изображение на экране слегка дрогнуло.

Космонавты переглянулись. Не подведет ли «Бургут»?

Ослепительно вспыхнули его голубые прожекторы, вкруговую освещая все подступы к блоку. Яркий сноп света ворвался в мрак пещеры. Можно было различить шероховатость стен, выступы и разломы. Сразу за входным отверстием пещерный лаз круто поворачивал в сторону. Куда он ведет, можно было только гадать.

Космонавты посмотрели на часы.

— По часам звездолета, — подытожил командир, — сейчас двадцать часов пятнадцать минут. Значит, «Бургуту» оставаться на Рене до восьми пятнадцати. А мы тем временем подкрепим силы. Но одновременно придется и нести вахту.

Трудно передать, с каким напряжением космонавты смотрели на экран, когда часовая стрелка приблизилась к четырем. Уже около восьми часов «Бургут» находился на поверхности Рене. Ровно столько, сколько пробыл на ней «Фотон».

Часы показывали половину пятого, затем пять, шесть, семь. Связь с «Бургутом» не прекращалась. Все было в норме.

Ровно в восемь пятнадцать командир дал «Бургуту» команду на взлет. Испытания прошли успешно, но выглядел Хрусталеv встревоженным.

— Неужели мы что-то просмотрели? — прошептал он.

— В чем дело, Владлен Олегович? — не удержался Укен. — Полный порядок, по-моему!

— В том-то и беда, что полный порядок, — отозвался Шахбоз.

— Да, — согласился с ним командир, — мы не приблизились к разгадке ни на шаг. По-прежнему неизвестно, с какой стороны ждать опасность и насколько устойчив к ней «Бургут».

— Владлен Олегович, а может быть, уже нет никакой опасности? Раньше что-то было, а сейчас нет. Ну, допустим, побывала здесь другая цивилизация, увезла с собой экипаж «Фотона» и оборудование звездолета, а теперь планета стоит голой и необитаемой, как и миллионы лет до того.

— А не кажется вам, что это слишком странное совпадение: одновременное прибытие на Рене «Фотона» и гостей.

— Но они могли попросту иметь тут свой сторожевой пост. А затем, приняв сигнал, прилетели сюда, — продолжал развивать свою мысль Укен.

— Всего за восемь часов? А в случаях с автоматическими станциями даже за три?

— И потом, какая-то слишком странная цивилизация получается у нас. Похищать с необитаемой планеты экипаж другого мира и демонтировать чужой звездолет, — добавил Шахбоз.

— Считаю необходимым исследовать пещеру, — твердо проговорил Хрусталеv.

— А может быть, все-таки что-то произошло. Мы не заметили, защита «Бургута» выдержала.

— Во всяком случае, «Бургут» доказал, что способен долгу оставаться на поверхности.

— Надо садиться, — все так же твердо повторил командир.

Он положил руки на плечи своим спутникам.

— Надевайте скафандры. Готовьтесь к посадке.

— Есть.

Медленно кружась, «Бургут» во второй раз опустился на каменистое плато. Чтобы не рисковать понапрасну, космонавты посадили его на прежнее место у пещеры. Сразу же вышел на связь Хрусталеv.

— С благополучным приземлением! Как самочувствие?

— Отличное!

— Осмотрелись? Что удалось установи.

— Особых новостей нет. «Бургут» находится в устойчивом положении. Под нами гладкая площадка без камней. Вообще-то таких мест здесь немного. По плато в беспорядке разбросаны огромные валуны, а вокруг них множество овальных камней поменьше. Сама поверхность плато производит странное впечатление — она вся покрыта небольшими лунками.

— Лунками?

— Да, диаметром полсантиметра.

— Эти лунки образуют какой-нибудь рисунок?

— Нет, расположены бессистемно.

— И под «Бургутом» лунки тоже есть?

— Да, и превеликое множество.

— Ну хорошо, а что пещера?

— Пещера представляет собой горизонтальный тоннель сочень неровными краями. По-видимому, образовалась в результате выветривания пласта легкой породы. Высота — три метра, ширина семь. Мы ее просматриваем метра на четыре. На этих четырех метрах ничего интересного нет. Да, кстати, лунок перед входом в пещеру нет.

— Владлен Олегович! — слышался взволнованный голос Укена. — Я увидел! Увидел!

— Что ты увидел, Укен? — спросил Хрусталеv, представив себе, как моргает сейчас Авезов левым глазом. — У самой скалы лежит какая-то голубая штука?

— Это, кажется, панель с «Фотона», — пояснил Шахбоз.

— Панель с «Фотона»? Как же она попала туда? Ведь сам «Фотон» далекоvато от скалы, верно?

— Да, четыре километра пятьсот шестьдесят метров.

— Может быть, на ней что-нибудь написано? Или нанесен какой-нибудь знак?

— Панель слегка присыпана грунтом. Отсюда не разобрать.

— Ребята, панель необходимо взять.

— Ясно, Владлен Олегович, — отозвался Шахбоз, — я мигом.

— Нет, Шахбоз, — ответил командир, — уже не получится.

— Что такое?

— Не хотел вам говорить, думал, пройдет мимо... В восточной пустыне недавно образовался гигантский смерч. Он мчитcя в вашу сторону, пройдет над вами через несколько минут. Приготовьтесь. Введите в действие присоски. Возможно, нас уже испытывают...

— Ничего страшного. Выдержим.

На экране замельтешил фиолетовый песок. Корпус «Бур-

гута» слегка раскачивался. Раскачивался вместе с защитным полем. Ветер выл. Телелокаторы не могли пробить бешеные струи песка. Фиолетовая туча клубилась над плато. Однако связь не прекращалась. Космонавты заявили, что «Бургут» ведет себя выше всяких похвал.

Два часа продолжалась сумасшедшая пляска ветра и песка. Наконец буря улеглась. На плато снова полились жаркие лучи Годво.

— Кажется, выдержали, Владлен Олегович, — с гордостью докладывал командиру Шахбоз. — Все системы корабля функционируют нормально.

— Хорошо. Что с панелью?

— Панель исчезла.

— Это и неудивительно после такого вихря.

— Разрешите поискать?

— Ну, искать ее придется на площади в несколько тысяч квадратных метров.

— Но все-таки? Вдруг где-нибудь зацепилась? Один-то шанс из тысячи у нас есть.

— Что ж, придется отпустить тебя. Но только под защитой силового поля.

— Разумеется.

Хрусталев в кабине «Алмаза» уже встал, чтобы приготовить себе лимонный сок с минеральной водой, но в этот момент его остановил растерянный голос Шахбоза:

— Владлен Олегович, кто-то сложил вокруг «Бургута» камни...

— Не понял. — Он и в самом деле ничего не понял.

— Ну, эти маленькие овальные камешки... Они сейчас лежат вокруг корабля, как раз на границе силового поля.

— Раньше их не было?

— Кажется, нет...

— Кажется или не было?

— Мы поначалу не обратили внимания... А сейчас это очень хорошо заметно.

— А как лежат камни? Стеной? Или в один слой?

— В один слой, как будто кто-то хотел вымостить площадку вокруг корабля.

— И все это произошло во время бури?

— Прямых доказательств этого у нас нет. Может быть, именно буря принесла с собою камни, а наше силовое поле сложило их вокруг корабля?

— Я снова увидел ее! — ворвался в радиорубку ликующий голос Укена. — Вон она лежит!

— Кто?

— Та голубая штука с «Фотона». Ее задуло в пещеру.

— Ты не ошибся, Укен?

— Он прав! — подтвердил и Шахбоз. — Панель задуло в пещеру. Правда, мы видим только один уголок, но сомнений быть не может — это она.

— Надо ее достать.

— Я достану, Владлен Олегович.

— Подведите «Бургут» как можно ближе к пещере. Необходимо, чтобы панель оказалась в зоне силовой защиты. Только после этого разрешаю выход из корабля.

— Ясно.

— Шахбоз, поручаю достать панель тебе. И не мешкай. Возьмешь панель и тут же возвращайся в корабль. А ты, Укен, все время будь на связи.

— Ясно.

«Бургут» опять вздрогнул. Это вышли из-под днища его шасси. Неторопливо корабль приблизился к пещере. Открыв люк, Шахбоз спрыгнул на грунт и вошел в пещеру.

И в тот момент, когда он скрылся в широком отверстии, на экране промелькнуло такое, чему Хрусталев отказался верить.

Собственно, в горе было несколько пещер. Космонавты заинтересовались именно этой лишь потому, что возле нее погиб вездеход с «Фотона». Это была самая крупная пещера. Другие оказались меньшими. Возле одной из них лежал громадный валун, видимо заброшенный сюда бурей. Этот валун скрывал от «Бургута» вход в соседнюю пещеру. Но Хрусталев при помощи телеспутника видел все.

С изумлением смотрел он, как из этой пещеры выбралось на плато неведомое существо. У существа была квадратная голова и огромный горб на спине.

Передвигалось оно на двух конечностях. Кожа его была ядовито-желтого цвета.

Существо стояло у входа, затем, переваливаясь при ходьбе, обогнуло камень и приблизилось к «Бургуту».

Потрясенный Хрусталев закричал:

— Укен! Укен! Немедленно возвращай Шахбоза назад!

Укен молчал.

— Укен! — надрывался Хрусталев. — Укен!

Ответа не было.

Шахбоз не появлялся из пещеры.

Желтое горбатое существо, все так же переваливаясь, подошло к «Бургуту». «Что же с защитным полем?» — пронеслось в голове Хрусталева.

Как замороженный, смотрел он на экран, чувствуя свою полную беспомощность.

Вдруг в «Бургуте» открылся люк. Его открыл сам Укен. Существо ввалилось в корабль. Прошло несколько томительных минут.

Шахбоз все не появлялся.

Люк «Бургута» снова открылся, появился загадочный обитатель планеты Рене, а за ним... Укен.

Существо по-прежнему переваливалось при ходьбе, Укен же прыгал из стороны в сторону, точно заяц.

Так они приблизились к пещере и вскоре скрылись в ней.

Кто мог предположить подобное?! Да что там предположить! Кто поверит в это?

Если он передаст подобное сообщение на Землю, там решат, что Хрусталев спятил. Известный космонавт и командир корабля Хрусталев от страха сошел с ума! На Земле хорошо известно, что планета Рене необитаема. Жизнь на ней невозможна!

В Космическом центре с предельной серьезностью отнеслись бы к любому его сообщению о необыкновенных свойствах песчаных бурь, о грандиозных сотрясениях почвы, об извержениях вулканов, о потоках раскаленной лавы, о магнитных полях и радиоактивной пыли, но — такое!..

Да, сомнений быть не может. В Космическом центре его сообщение о гибели экипажа и появлении живого существа на Рене, причем существа разумного, ибо оно сумело каким-то образом отключить защитное поле и повлиять на поступки Укена, примут за бред.

Первым его чувством было отчаяние, а первым желанием — стремление мчаться на помощь.

Но какую помощь мог оказать он своим товарищам? Опуститься на каменистое плато рядом с пещерой и тем самым увеличить число жертв? Ибо несомненно, что желтокожие ренейцы завладеют тогда и «Алмазом», и его командиром.

Облучить пещеры? Но горные складки хорошо защищают подземные галереи от любого излучения.

Обстрелять горы? Но это значит заживо похоронить космонавтов, которые, может быть, еще будут долго жить. Будут жить... Где?

Шахбоз... Укен... Ребята... Где вы?

Шахбоз, такой суровый на вид и такой мягкий и уступчивый, когда речь идет о товарищах.

А Укен? Этот круглолицый добродушный метеоролог, которого он вытащил из лаборатории и которого погубил здесь! Стоило ли это делать?!

«Нет, конечно, стоило, — возразил себе Хрусталев. — Укен был нужен на Рене. Во-первых, это он сделал самое

точное заключение о песчаных бурях, в опасность которых мало верил Хрусталеv, но которым придавалось решающее значение на Земле. А во-вторых, только человек, непривычный к космическим путешествиям, обладающий свежестью восприятия, мог заметить нечто имеющее отношение к загадке Рене...

Укен был таким человеком».

Был — это слово хлестнуло командира по нервам.

Оно вдруг заполнило собой весь корабль.

Точно лев, загнанный в клетку, метался Хрусталеv по просторному салону «Алмаза».

То он упрекал себя в беспечности и недальновидности, то поражался, вспоминая горбатое существо, то с жадностью всматривался в экран, надеясь, что вот-вот из пещеры выйдут Шахбоз и Укен.

Он расслабился на какое-то время, пришел в отчаяние, как и всякий смертный... Но он был командиром, и командирский долг повелевал действовать. Экспедиция еще не закончилась. Еще предстояла борьба. Напряжение спало. Надо было все взвесить спокойно, трезво, расчетливо.

Что делать в ближайшем будущем, Хрусталеv знал. Он будет вертеться вместе с планетой, будет вести неусыпное наблюдение за пещерой. С помощью восстановительной камеры можно сохранить длительную работоспособность без сна.

Надо раздобыть веские доказательства существования на Рене горбунов с квадратными головами. Надо, чтобы и на Земле поверили в них. Надо доказать, что тайна Рене запрятана глубже, чем предполагалось.

Немедленно следует составить донесение для Космического центра.

Так думал он в ту минуту, когда больше всего на свете ему хотелось посадить «Алмаз» на плато и броситься в пещеру на поиск своих товарищей.

Хрусталеv не страшился грозящей опасности. Его останавливал долг перед Землей. Знания давались людям нелегко. За них всегда приходилось расплачиваться жертвами. Вероятно, так будет и впредь.

Из пещеры вышли двое: Шахбоз и обитатель Рене. Они подошли к «Бургуту» и вдруг полезли под его днище. Через минуту Шахбоз забрался в «Бургут» и вытащил из него инструменты. С ними опять полез под посадочный блок.

Наконец после довольно долгого пребывания внизу Шахбоз и абориген выбрались наружу. Через открытый люк они зашли внутрь корабля, люк захлопнулся. «Бургут» дрогнул

и, медленно вращаясь, начал подниматься над поверхностью.

И вновь как зачарованный смотрел Хрусталев на происходящее. Когда надежда на успех экспедиции была уже потеряна, вдруг появились и Шахбоз, и таинственный житель Рене. Более того, «Бургут» несет их к «Алмазу». И Укен наверняка жив-здоров.

Неужели тайна Рене разгадана?

«Бургут» остановился метрах в ста от звездолета. Хрусталев опять встревожился. Что случилось?

Распахнулся люк. Шахбоз вышел в космос. Но что он делает? В руке у него фонарик, и он то включает его, то выключает.

Хрусталев мгновенно понял — сигнализирует. У них на «Бургуте» что-то случилось с радиосвязью, и Шахбоз догадался прибегнуть к помощи азбуки Морзе.

«Бургут» заражен, не приближайтесь к нему, приготовьте дезинфекционные камеры и два комплекта стерильной одежды».

Гася и включая свет в салоне, командир ответил: «Вас понял, через минуту все будет готово».

«Отправляйте блок обратно на Рене», — просигналил Шахбоз.

Тем временем и второй пассажир «Бургута» выбрался в космос. Сейчас на них падали огромные черные тени звездолета, и рассмотреть аборигена Хрусталеву никак не удалось. Путники подлетели к шлюзкам.

Хрусталев нажал на клавишу. Распахнулись вновь створки шлюзкам, пропустив в звездолет Шахбоза и его спутника.

Дезинфекция обычно длилась около десяти минут. О чем только не передумал Хрусталев за эти долгие десять минут, каких только картин не нарисовало его воображение! Вот сейчас он увидит жителя подземных пещер Рене. Неужели Шахбозу и Укену удалось установить с ними контакт?

Погасли красные лампочки на пульте. Период дезинфекции закончен. Распахнулись внутренние створки шлюзкам.

По коридору звучат шаги.

Хрусталев умышленно выключил все телеустановки. Он не хочет смотреть на экран. Он должен увидеть все своими глазами.

Вот шаги уже рядом.

Хрусталев поднялся навстречу.

Два человека вошли в зал.

Командир ожидал чего угодно, но не этого.

В салон вошли Шахбоз и Пит Старк, командир «Фотона».

— Не правда ли, мы преподнесли вам сюрприз? — проговорил Старк, пожимая Хрусталеву руку.

— Пит, дружище, ты? — только и мог вымолвить командир «Алмаза».

Вообще-то они не были большими друзьями, хотя, конечно, хорошо знали друг друга. Но сейчас не было для Хрусталева более дорогого и близкого человека, чем Пит Старк. Он даже про Шахбоза забыл.

Пита Хрусталев видел в последний раз на Крайней года четыре назад. Старк готовился тогда к полету на Рене, а Хрусталев испытывал звездолет «Титан».

Тогда Старк был розовощеким мускулистым здоровяком, только-только вступившим в свой шестой десяток. А сейчас в салоне стоял седой худощавый старик. Пришлось ему, наверное, хлебнуть горя за эти четыре года. Но все же держится бодро, улыбается.

— Владлен Олегович, — напомнил о себе Шахбоз, — надо подготовить стерильную одежду, а также освободить несколько помещений. Через некоторое время «Бургут» доставит сюда двадцать человек: Укена и весь экипаж «Фотона».

— Не весь, — помрачнел Старк. — Четверых мы похоронили здесь.

— Четверых! — ответил Хрусталев. — Да мы всех давно похоронили.

— Значит, долго жить будем, — отшутился Старк и сказал чуть тише: — И на Земле нас тоже похоронили?

— Нет! На Земле вас ждут. — Хрусталев знал о привязанности Старка к семье и ответил как можно решительнее. Тут же он нетерпеливо спросил: — Но как вы спаслись? Что случилось с «Фотоном»? Вы разгадали тайну Рене? А о том, что твое последнее сообщение было принято на Земле только наполовину, ты знаешь? «Ни в коем случае не садитесь на Рене, не изучив...» И все.

— Да, Шахбоз мне говорил.

Хрусталев повернулся к Муратову:

— А что с «Бургутом»? Да рассказывайте же наконец!

— Владлен Олегович, я все объясню, но, чтобы соблюдалась последовательность, начать, наверное, следует не мне.

— Ты спрашиваешь, разгадана ли тайна Рене? — переспросил Старк. — Ну что ж, слушай нашу одиссею и решай сам, в какой степени мы разгадали ее.

Тут он увидел на столике лимонный сок и минеральную воду.

— Сто лет не пил лимонного сока.

Смешав в бокале напитки, он с удовольствием выпил коктейль.

— Самую большую ошибку мы допустили, когда приняли

решение посадить «Фотон» на Рене. Но у нас не было особых причин опасаться. Планета на сто процентов выглядела безжизненной и необитаемой. Песчаные бури не очень-то пугали. Повредить «Фотону» они не могли. Итак, мы сели на плато и сразу же приступили к исследованиям. Что произошло в последующие восемь часов, и ты, и в Космическом центре прекрасно знают. Мы спустились вездеход и направили аппарат к пещере, чтобы осмотреть ее — чистая формальность. В это время остальные члены экипажа занялись проверкой и осмотром систем корабля.

Наш механик Адам залез под самое днище корабля, чтобы проверить систему стабилизации. И там увидел такое... Все днище «Фотона» покрывали маленькие овальные камни.

— Как это — покрывали?

— Так же, как улитки покрывают понравившийся им лист.

— Ты хочешь сказать, что камни присосались к днищу?

— Этого мало. Камни по шасси добрались до корпуса и уже потом присосались к днищу.

— Но ведь это, Пит... Ведь это жизнь!

— Да, Владлен. Это можно назвать неорганической жизнью. Представляю, сколько именитых мужей набросятся на нас с кулаками за эту новость. Но давай об этом поговорим позже. А сейчас разреши мне закончить рассказ.

Итак, Адам увидел множество камней под днищем. Но главное заключалось в другом. Эти камни с удивительной жадностью пожирали металл. Правда, «пожирали» не совсем точное слово. Они каким-то образом разлагали металл на элементарные частицы, поглощая при этом всю выделяющуюся энергию. Этот факт мы установили уже позднее.

— Невероятно!

— Они совершенно не интересовались неметаллическими деталями. Их привлекал только металл. Адам — парень проворный. Он тут же примчался ко мне и все выложил. Как раз в это время у меня пропала связь с вездеходом. Я слушал Адама, вспоминал погибшие автоматические станции и вдруг как-то интуитивно почувствовал причину опасности. Немедленно выйдя на связь с Землей, я прокричал изо всех сил: «Ни в коем случае не предпринимайте попытки сесть на Рене, не изучив природы овальных камней».

Однако не успел я закончить фразы, как в салоне погас свет. Значит, камни уже добрались до энергоблока. Всего лишь восемь часов понадобилось им, чтобы прогрызть брюхо корабля и добраться до его сердца. Как часто я укорял себя впоследствии, что в ту роковую минуту не мог выразиться кратко. Стоило мне крикнуть: «Бойтесь камней!» — и на Земле поняли бы меня. Но что поделаешь! В минуту волнения

зачастую поступаешь вопреки логике. Я знал, что последние мои слова не дошли до вас. Это и угнетало меня. Итак, после того как погас свет, мы все рванулись вниз, вооружившись кто чем мог! Увы! Опять мы действовали в спешке. Мы принялись очищать поверхность корабля от налипших камней, забыв, что в наших скафандрах есть металлические части. Так мы сразу же потеряли двух своих товарищей.

— А камни вам удалось очистить?

— Не больше десяти процентов. У всех начала чесаться кожа. Потом на ней выступили красные пятна. Видишь?

— Вы установили причину их появления?

— Это ожоги. Итак, мы почти бесполезно зоевали с камнями, а они тем временем сожрали корабль почти на треть. Мы поняли, что если не примем срочных мер, то овалынные камни не останутся до тех пор, пока не сожрут весь наш металл, в том числе и на скафандрах.

Это были трудные минуты. Два наших товарища уже лежали мертвыми среди камней-пожирателей.

Надо было срочно создать внутри корабля хотя бы одно герметически закрытое помещение, не имеющее в обшивке ни грамма металла. Вы знаете, что «Фотон» был разделен на секции пластиковыми перегородками. Но ведь все кабины, каюты, проходы, камеры и лаборатории группировались вокруг вертикального ствола, сделанного из металла. Кроме того, вся внешняя обшивка «Фотона» также была металлической.

Без споров мы решили заняться нашей гостиной. Это было самое объемное помещение на корабле. Мы разделились. Половина людей сдирала обшивку со стен других помещений, таскала листы пластика в гостиную, прикладывая их друг к другу, наливая швы универсальным клеем. На всякий случай мы решили положить на стены гостиной три слоя такого покрытия. Кроме того, для полной безопасности пришлось оборвать все каналы энергии, связи и управления, стекающие сюда. Мы установили на панели несколько аккумуляторных батарей, и они кое-как освещали коридоры гибнущего «Фотона».

Другая половина экипажа занималась тем, что тащила в гостиную все, что могло пригодиться впоследствии.

Прежде всего перенесли продукты, весь запас кислорода, научные приборы, аккумуляторы, книги. Особенно много хлопот доставили продукты. Провизия хранилась у нас на третьем этаже, а гостиная расположена на шестом. Роботы уже не работали, транспортеры бездействовали. На ходу оставался один-единственный автоматический погрузчик. Погрузчик перевозил контейнеры потяжелее, а все прочее ребята перенесли на собственных руках. Вот когда я порадовался, что всегда требовал от них хорошей физической подготовки.

Мы собрали едва лишь двадцать процентов того, что намечали, когда по коридорам «Фотона» стало опасно ходить. Повсюду зияли дыры. Овальные камни, которые мы тут же окрестили «улитками», медленно ползли по стенам, потолкам, переходам, оставляя за собой пустоту. Корабль несколько раз наклонялся и вздрагивал. Мы догадались, что он оседает, лишенный надежного металлического основания.

Еще две-три ходки, и мы забаррикадировались в гостиной, не зная, чего нам ожидать в ближайшее время. Быть может, поглотив металл, «улитки» примутся за все прочее?

Но от такого ожидания можно сойти с ума. Надо чем-то заниматься, что-то делать, чтобы не оставалось места отчаянию.

Мы начали ревизию принесенных вещей. С кислородом и продуктами дело обстояло неплохо: запаса хватало лет на семь-восемь. Гораздо хуже мы были обеспечены техническими средствами. Автоматический разгрузчик, пара лазерных автоматов, несколько сотен аккумуляторов — вот и весь арсенал. А главное, не было средств для точечной связи с Землей. Единственное, чем мы располагали в этом смысле, — радиосвязью. Мы отправили сообщение, — Старк невесело улыбнулся, — оно, видимо, все еще идет к Земле.

Хрусталеv кивнул.

— Правда, у нас были другие приборы, и мы надеялись со временем скомбинировать из них что-нибудь стоящее. Как говорит старая пословица, «голь на выдумки хитра».

Отсиживались мы в своем убежище около семидесяти часов. Первые сорок часов «Фотон» продолжал оседать, из чего мы заключили, что поедание продолжается. Наконец наступил относительный покой. По-видимому, «пиршество» «улиток» окончилось. Нас не трогали. Никто не буравил легких стен нашей призрачной крепости. Нужно было самим отважиться на вылазку. И мы отважились.

Но прежде крепко намучились со скафандрами. Необходимо было заменить в них все металлические детали. На первый взгляд занятие довольно простое. Но когда приступили к нему вплотную, то ахнули, каким огромным количеством металла начинен скафандр. Особенно много возни было с гермошлемом. Наконец нашли простой выход. Взяли несколько пластмассовых коробок из-под крупы, врезали в них стекло — и готово. А вообще, скажу откровенно, наши ребята проявили настоящие чудеса смекалки, прежде чем скафандры стали пригодными для выхода на поверхность Рене. Для верности мы их обмазали изоляционным лаком — ярко-желтым и довольно скверно пахнущим.

— А я принял вас за местных чудищ, — признался Хрусталеv.

— Рано или поздно ты бы, Владлен, разобрался. Успокоился бы, все взвесил и понял, кто на самом деле эти желтые горбуны.

— Я обязан был узнать сразу, — огорченно ответил Хрусталев.

— Ну! — успокоил его Старк. — Если бы мы узнавали все сразу, то в космос и летать-то стало бы неинтересно. Итак, на четвертые сутки пребывания на планете пятеро космонавтов из нашего экипажа вышли из гостиной. Среди них был и я. Неутешительное зрелище предстало перед нашими глазами. Голый остов обглоданного корабля, у пещеры такой же обглоданный вездеход и безмятежные «улитки», возлежащие на плато. Оставаться в «Фотоне» дольше было опасно. Сильные бури могли перевернуть нашу клетку и тем самым разом покончить с нами. Надо было искать убежище поближе. Мы сразу же обратили внимание на пещеры.

На второй день после выхода из гостиной добрались до пещер. Как они образовались, мы и понятия не имели, но, к нашему счастью, «улиток» здесь не было совсем. Как вы заметили позднее, они вообще избегают тени.

С пещерами нам сразу повезло. Отыскивали огромный подземный зал, имеющий несколько выходов на плато. Потом начали перетаскивать туда все уцелевшее имущество с «Фотона». Неметаллы удалось перенести в довольно спокойной обстановке, если не считать того, что до пещеры от «Фотона» напрямую было около пяти километров, груза несколько сот тонн, а нас семнадцать человек, одетых в неуклюжие скафандры. Вот это была эпопея! Но что началось, когда мы взялись за металл! Нечего и говорить, что автоматический разгрузчик мы потеряли сразу же. «Улитки» сожрали его за три часа полностью. А когда таскали в пещеру банки, приборы и аккумуляторы, нас самих едва не сожрали, несмотря на то, что для «улиток» мы совершенно несъедобны. Мы делали так. Пятеро зесли поклажу, а остальные отбивались от «улиток». К тому времени мы уже кое-чему научились. Перетаскивание у нас заняло полгода.

— А потом? Ведь у вас было еще три с половиной года.

— О, нам и тут не приходилось скучать. Четверо наших работали над устройством точечной связи. Мы еще не потеряли надежды связаться с Землей. Остальные изучали Рене. Песчаные бури, «улиток», Годво. Кроме того, мы ждали. Ждали, не появится ли на ночном небе маленькая движущаяся звездочка. Мы установили ночные дежурства и каждую ночь обшаривали небольшим телескопом небо. Скажу откровенно, нас поддерживала только вера в эту звездочку.

Мы вели вахтенные журналы. Там записано немало интересного. Не знаю, как получилось, но мы прозевали ваш при-

лет. Может быть, потому, что не ожидали его так быстро. Прозевали мы и первую посадку «Бургута».

— Извини, Пит, я тебя перебыю. Почему «Бургут» в первый раз не подвергся нападению «улиток»?

— Чистая случайность. «Бургут» сел на площадку, на которой первоначально не было «улиток». Когда же те почуяли металл и двинулись к кораблю, то наткнулись на силовое поле. Во время же второй посадки «Бургут» тронулся к пещере и поневоле проехал по «улиткам», они оказались «внутри» силового поля. И тут-то камни немедленно набросились на блок. К счастью, их оказалось немного, и они не успели существенно повредить «Бургут». Но обшивку местами проели. Мы с Шахбозом залатали дыры, однако вводить «Бургут» в соприкосновение с «Алмазом» не рекомендуем.

Итак, я остановился на том, что первую посадку «Бургута» мы проморгали. Но вторую засекали почти сразу. Дальше рассказывай ты, Шахбоз.

— Мы подъехали к пещере, и я пошел за панелью, — начал Шахбоз. — Поднял панель, сделал из любопытства еще несколько шагов и заглянул за поворот подземного хода. Я увидел освещенную галерею, уставленную панелями с «Фотона» и деталями оборудования. Галерея вела в обширный зал, посреди которого высилось некое подобие дома без окон, с единственной дверью. Я стоял и смотрел на этот дом, как в моих наушниках раздался голос: «Друг! С тобой говорит капитан «Фотона» Старк. Подойди к домику и войди в него».

— Да, — подтвердил Старк. — Мы хотели, чтобы Шахбоз зашел в наше герметизированное помещение сам и увидел нас без скафандров. Ибо, чего доброго, и он принял бы нас за каких-нибудь подземных обитателей.

Что касается Укена, то с ним нам тоже удалось связаться по радию. Передатчик у нас слабенький, радиус уверенного приема до одного километра, так что на «Алмазе» нас не было слышно.

Мы сообщили Укену о себе. Укен удивился, обрадовался, спросил, у нас ли Шахбоз. И буквально тут же связь оборвалась. Мы поняли, что «улитки» добрались уже и до «Бургута». Следовало спешить. Надо было немедленно объяснить Укену опасность хотя бы прикосновения к «улиткам». «Бургут» стоял уже лишенный тока, со всех сторон к нему медленно стекались «улитки». Адам — а это был он — подошел к кораблю. Укен открыл люк. Адаму пришлось забраться в блок и там давать пояснения Укену. Тем временем мы построили прибор, который успели сконструировать специально для борьбы с «улитками». Есть у них слабое место — очень чувствительны к электрическим разрядам, действующим на определенные точки их тел.

Потом небольшая операция под днищем «Бургута», и вот наконец посадочный блок в полной безопасности, а вместе с ним и мы.

— Владлен Олегович, — проговорил Шахбоз, — «Бургут» стартует с Рене. Через полчаса нас на «Алмазе» будет уже шестеро.

— Хорошо, Шахбоз. Проследи за полетом.

Сам же он взял Старка за руку, и они отошли в сторону от пульта.

— Пит, что представляют собой эти камни, эти «улитки»?

— Видишь ли, Владлен, у нас было слишком мало возможности для их исследования. Кое-что мы, конечно, сделали, но этого слишком мало, чтобы делать окончательный вывод.

— Ну а предварительные соображения?

— Предварительные соображения... «Улитки» могут перемещаться. Они поглощают энергию своей звезды. Каким-то образом разлагают металл. «Улитки» сообразительны. Здесь ведь часты песчаные бури. Вот «улитки» и пробуравили для себя по всему плато луночки и при приближении урагана опускают в них свои присоски.

— Ты говоришь о них как о живых существах.

— Вероятно, так оно и есть. Мы, люди, привыкли мыслить в определенном диапазоне. Повсюду в космосе мы ищем органическую жизнь. Наша самая большая мечта — отыскать обитаемую планету, жители которой дышат кислородом, делятся на мужчин и женщин и вообще похожи на нас как две капли воды. Но почему не предположить, что есть и другая жизнь?

— Иными словами, тайна Рене так и не разгадана.

— Нет.

— Но разгадать ее нужно.

Старк огляделся.

— Просторно у вас тут. — Так я, пожалуй, больных отправлю, а сам останусь на «Алмазе». Да и из ребят кое-кто, думаю, захочет остаться.

Хрусталев радостно заулыбался.

— Я не против.

Он подошел к пулту.

— Шахбоз, у нас на борту гости. Должны же мы проявить гостеприимство.

— Обязательно проявим. Жаль только, что Укен немного задержался. Он большой мастер по этой части.

— А мы его подождем. Наши гости никуда не спешат.

Авторизованный перевод с узбекского
Валерия НЕЧИПОРЕНКО

«МОГУ РАССКАЗАТЬ ВАМ...»

Полет

Сто тридцать лет прошло с тех пор, как посланец Земли отбыл к созвездию Близнецов. И вряд ли о нем вспоминали: связь оказалась нарушенной, а мириады светлых пылинок на ночном небосводе — это мириады новых миров. К ним неслись, обгоняя друг друга, исследовательские станции. Сменялись поколения. А корабль шел, из дюз его вырывалось атомное пламя, хрустальные зеркала световых гироскопов направляли его курс, по металлическим нервам пробегали электрические волны, и в стеклянных глазах его телескопов отражались огни туманностей и комет... Ладья, забытая среди звезд.

Корабль вызывал мысль о допотопном чудище с шестью ногами — дюзами по вершинам правильного многоугольника — силового блока. Его радиоуши из-за перегрузок вовсе уж не напоминали зеркала-параболоиды, а за стеклами иллюминаторов угадывались потемневшие от времени реликвии века пара и стали. И все же именно он доставил на Землю первое неопровержимое доказательство обитаемости отдаленнейших планет, о нем говорилось в утреннем сообщении:

«Космический зонд перенес на Землю живой организм растительного происхождения, обнаруженный за пределами солнечной системы... Растения похожи на водоросли и найдены на дне озера с горячей водой, на глубине около трехсот метров. Собраны образцы грунта. Ученые приступили к изучению находок».

Наверное, не случайно снился мне в то утро сон: зачарованный подводный сад, легкая светлая вода, которую можно набирать в легкие, как воздух. Зеленоватые снопы света пробивались к самому дну, где меж громадных камней скользили темные рыбы. Вокруг серебристое сияние. А сверху сверкало зеркало, но не было видно солнца. И не было волн на грани двух миров — подводного и надводного. Вдруг подплыла большая рыбина с умными глазами. Я ухватился за ее спинной плавник, и она понеслась так, что волосы, подхваченные стремительным водяным ветром, забились за моими плечами. Тело у рыбы было теплое, из-под жабр ее выскакивали воздушные пузырьки, и темно-зеленые губы шевелились, словно она силилась рассказать мне об этом зачарованном месте. Становилось светлей, мы будто бы поднима-

лись вверх. Я пытался разобрать, что же бормотала моя спутница. Стало совсем светло. Я открыл глаза. И тут же услышал слово «Близнецы». Фон включался ровно в семь.

За окном, у моего изголовья, вставал над крышами красный теплый шар. Я еще не прислушивался к передаче — фон был для меня просто будильником. Но через минуту понял, что произошло то, чего можно было бы тщетно ждать годы и годы. Внеземную жизнь пытались обнаружить в течение столетий...

...Поллукс и Кастор, два главных светила Близнецов, удалены от нас на десять и четырнадцать парсеков. Мне, биологу, нетрудно соизмерить галактические пространства с долгим путем эволюции через века и тысячелетия. В тот же вечер звездный атлас рассказал мне о местах, откуда занесло к нам гостя. В круге света от старомодной лампы на моем рабочем столе возникали контуры животных — кита, ящерицы, льва, ворона, рыси, змеи; обеих медведей — большой и малой. По странной прихоти астрономы вознесли на небо и стали писать узорчатой прописью: птицу Феникс, Летучую Рыбу, Голубя, Лисичку, Волка, Лебедя, Орла, Дельфина, Малого Коня... Всего восемьдесят восемь созвездий. В этом небесном зверинце затерялись большие и малые небесные тела. И мифические Кастор и Поллукс. Поллукс — обычная оранжевая звезда. Но Кастор! Под одним названием скрывается целый хоровод светил. Выделяются два горячих гиганта — Кастор А и Кастор В. Они так близки, что разделить их может лишь телескоп. Каждый из них как двуликий Янус: это определил спектроскоп (даже телескоп тут бессилён). И расстояния в звездных парах так малы по галактическим меркам, что могут без труда быть выражены просто в километрах. Десять миллионов километров. В шесть раз меньше расстояния от Солнца до Меркурия. Как оправдалось случайное пророчество древних звездочетов, давших имя Близнецы именно тому созвездию, в котором превзойдены все рекорды близости светил!

А недалеко от двойных гигантов притаился еще один Кастор. Третий. Кастор С. Незаметная пылинка. Два раскаленных шара. Точнее, эллипсоида — взаимное притяжение вытянуло их, словно капли, которые ветер срывает с острых листьев. Между ними два миллиона километров. Рекорд близости. Даже планеты наши расставлены много свободнее. Не спешит Кастор С в своем беге по орбите; никому еще не удалось узнать скорость его движения вокруг той невидимой точки, которая зовется общим центром тяжести.

Именно к этим шести звездам послан был космический

зонд (и можно понять тех, кто его снаряжал). Сорок пять световых лет не так уж много. Даже для автоматического корабля прошлого века.

Знаки на камне

К вечеру того же дня стало ясно, что мы скоро увидим своими глазами цветок с другой планеты, похожий на водяную лилию, только гораздо более хрупкий. Наш фитотрон — зеленая лаборатория редкостей — был готов принять гостя. Мы работали допоздна. А ночью я листал книги по астроботанике и космологии. Вдруг еще одна новость — Звездная книга на камне... О ней рассказал мой давний друг Ольховский.

— Пока вместо ответов новые вопросы, — говорил он взволнованно, и мне передалось его настроение. — Никто не расшифровал текст. Это невероятно трудно!

Он ошибался. Ключ к знакам на камне, который был доставлен с планеты вместе с грунтом, сумели все же подобрать. А мне снова повезло: одним из первых я познакомился с людьми, разгадавшими каменные письма. Связался с институтом.

Близорукий человечек с тихим голосом и учтивыми манерами за четверть часа умудрился не ответить ни на один из моих вопросов. Я настаивал и слышал, как он, забыв выключить канал, советовался с кем-то, точно просил помощи. И вот я узрел вполне представительную физиономию: волевой подбородок, коротко стриженные волосы, крепкие скулы, выгоревшие от солнца брови.

— Я вам все расскажу, — заявил этот симпатичный тип, — ничего не утаю, но, как некогда говорили у нас в городе, не нужно шума. Не терплю шума.

— Тогда держите кассету. Перепишите. Публиковать не надо. Завалите нам всю работу. Институт не пресс-центр.

— Обещаю, — сказал я.

— Никому ни слова, — сказал он и весело подмигнул. — Дайте нам еще несколько суток — поработать и собраться с силами.

И он скрылся, отгородился от меня тысячами километров замолчавшего эфира, снова распавшегося на атомы. А у меня осталась копия объемной кассеты: несколько нитей с вкраплениями хрома, ниобия и бария. Все как на ладони. И книга. И люди, раскопавшие звездную древность.

...Секрет книги открыт был случайно. Кто-то оставил на столе плоский камень, найденный в образцах грунта. Он должен был бы отправиться в хранилище, где, поддерживаемый полем гравитатора, оказался бы в состоянии невесомости —

так поступали с космическими реликвиями. И ни один луч света, ни одна пылинка, ни единый гравитационный всплеск не коснулись бы его. Через месяц, через год, может быть, спустя десятилетие кто-нибудь заинтересовался бы каменным обломком и извлек его на свет божий. Скорее всего для того, чтобы вскоре предать забвению.

Камень всю ночь пролежал на столе. Под ним оказался лист писчей бумаги. Утром на листе проступили какие-то значки: черточки, скобки, кружочки. Из них образовались строчки. Не догадаться об их назначении было просто невозможно. Камень еще раз оставили на столе, теперь уже намеренно. И опять на листе проступили знаки неведомого алфавита. Но текст, судя по всему, повторялся. На следующий день удалось получить оттиск еще одной страницы. Для этого первую страницу накрыли чистым листом и сверху водружили камень. Каждая последующая страница возникала как бы сама собой, стоило лишь оставить под камнем на час-другой стопку уже полученных раньше «оттисков», строго соблюдая порядок их следования. Как только была получена последняя, восемнадцатая, страница книги, камень «замолчал».

Сергей Шинаков, светлоглазый мечтатель и выдумщик, работал над книгой днем и ночью. Мне рассказали, что он мог по памяти воспроизвести любую из восемнадцати страниц. Позднее он признался, что боялся, как бы текст не исчез вовсе.

Из книги я узнал о давней катастрофе. Речь шла о судьбе цивилизации. Планета, где побывал зонд, кружила так близко от своего солнца, что лучи высушили почву, моря и реки. Я узнал о двойной звезде, заставившей планету изменить орбиту. Кажется, люди предвидели катастрофу. Но что могли они поделать? Я прочел:

«Звездный ветер близок. Дыхание солнца — рядом. Теплые волны его бегут, не зная покоя, высушивая травы. Остаются вечная пыль, сухие листья, умирающие ветви немых деревьев, на которых когда-то раскачивались птицы. Промелькнет короткая ночь — и снова раскаленный ветер, и горячие пенные волны последнего моря пытаются лизнуть наши ступни. Здесь, у моря, кипит прибой, и все ближе противоположный берег. Его прячет жгучий туман, желтый пар. Нет конца звездному ветру. Он сметет с лица планеты все, что мы принесли с собой».

Быть может, то была часть эпоса. У книги не было конца и не было начала. Сама по себе она была свидетельством жизни. Люди боролись с небесным огнем. Но даже ливни, которых ждали, оборачивались бедой: вода сбегала к морю не по затерянным в песках руслам рек, а сплошным валом, снося дома, смывая почву, разрушая дороги. Барханы высились

как горы, иногда среди зеленевшей еще долины. У их подножия вдруг раскрывались цветы, распускались почки, влажный жар заставлял все живое пробуждаться, жить, спешить. Открывались угрюмые каменные россыпи, над которыми витали миражи. Черные смерчи бродили меж камней и скал. Среди песчаных туч поднимались багровые хребты, похожие на языки пламени.

...Миновали столетия. Окаменели остатки трав, кустарников, некогда покрывавшихся розовыми и зелеными цветами, деревьев, напоминавших пинии, липы, пальмы, орех. Исполинский жар рассеял пар в атмосфере, а звездный ветер гнал его понемногу прочь от планеты. Точно легкий шлейф тянулся за умиравшей небесной землей. Наверное, если бы кому-нибудь удалось заглянуть в будущее, за миллионолетнюю грань, он увидел бы голый каменный шар, лишенный воздуха и тени. Но небесный жар завоевывал планету постепенно. Сторона, обращенная к светилу, раскалялась, затем окутывалась ночной тьмой, теряя тепло, остывая.

Будто бы в подземном дворце, еще сохранившем немного прохлады, статные женщины вышивали узоры. И такой тонкой была их работа, что ее не видно было простым глазом. Голубые стекла открывали им необыкновенную пряжу и рисунок вышивки. Так говорила книга инопланетян.

Вместо игл будто бы сновали и спешили у них в пальцах узкие лучи. За день успевали женщины сделать только сорок шесть тончайших узелков. Вышивка повторялась; у рукодельниц получался всегда один и тот же цветок со стеблем, маленькими листьями и двадцатью тремя лепестками. На каждом лепестке вышивалось по два одинаковых узелка. И потом узелки не повторялись — каждая их пара не напоминала предыдущую.

Цветы плавали как кувшинки. По подземному каналу выплывали они в большое рукотворное озеро. Здесь, между отвесных скал, собиралась вся вода, еще оставшаяся на планете. Над озером висели горячие облака. Как только лепестков касалось горячее дыхание воздуха, цветы тонули, погружались на дно, где было сумрачно и где вода не обжигала. Наверху вода могла кипеть и бурлить от звездного жара, но пока водоем оставался наполненным хотя бы на треть, пар уносил с собой тепло, и дно оставалось пригодным для жизни. Одну из женщин звали Кэма, что означало «ветер», другую — Аира, «волна». Примерно так звучали бы их имена на нашем языке. Были и другие, но имена их не были записаны в книге. И все они отправляли в последнее плавание легкие белые цветы, и сердца их сжимались, когда видели они, как лепестки касались воды.

Будто бы у каждой из женщин был на левой руке яркий

зеленый браслет, который помогал им. Браслет был соткан так искусно, что казался украшением. Владевший браслетом не мог расстаться с ним до конца своих дней, как и с собственным сердцем. Он помогал овладеть искусством, подсказывал, если руки женщин ошибались, а глаза их устали. Точно катализатор, он ускорял сказочное превращение.

Что означала легенда?

«Если поймут легенду, — писал автор книги, — поймут и нас, потому что мы сами подобны цветам, затерянным в водах озера. И зеленоглазая Кэма, и прекрасная Аира с темными прозрачными глазами стали цветами. Пусть нашедший книгу рассудит, похож ли он на нас, пусть догадается об этом, сосчитав лепестки на цветах. Не было у нас другой дороги, — с горечью писал автор, — не было выбора, жизнь наша и судьба до конца раскроются тому, кто встретится с нами, кто похож на нас.

Мы оставили бронзовые статуи и храмы, висячие мосты и мраморные дворцы. Нас ждет нечто более долгое, чем самый долгий сон. Хрустальный жгучий свет горячей звезды торопит. А песок засыпает шпиль и кровли наших домов».

Фитотрон

Нужно было воссоздать уголок совсем иного мира, плохо знакомого нам. Состав грунта, воды, кислотность, жесткость, все эти индексы, которые любого могут замучить... наличие изотопов, освещенность. Даже цвет воды и тот долго не давался нам. А у нас были лишь считанные часы. Никакие цифры не помогут порой разобраться, почему в воде одинакового состава, в равных, казалось бы, условиях одни и те же организмы процветают, останавливаются в развитии, а иногда и гибнут. Не часто, но случается. Профессор Неванлинна, бородатый финн столетнего возраста, морской бродяга и корифей-океанолог, любит повторять, что за свою долгую жизнь ему ни разу не удалось убедиться в справедливости законов, им же открытых. Океан — настоящая ловушка для назойливых экспериментаторов. Ничего не стоит получить морскую воду в лаборатории. Натрий, хлор, магний, еще десятка четыре элементов — больше ничего не надо. Ни один химик не отличит ее от настоящей морской воды. Но она губительно действует на некоторые формы планктона и даже на рыб. Стоит добавить в аквариум несколько литров «живой» морской воды, случится необъяснимое: среда станет идеальной. Я боялся: мы могли убить растение, дремавшее в анабиозе более полувека, пока корабль шел к Земле.

Я много раз видел руки старого финна, когда он колдовал

с колбами и пробирками. Где нам было мечтать об инопланетной жизни! Я живо представил, что сделал бы он на моем месте. Интуиция, не более. Мы попытались как бы умножить свойства инопланетной воды, понемногу разбавляя ее. Потом вода отстаивалась; проходила едва заметная реакция. Среда обретала однородность — и снова добавка «сырого» раствора.

...Слово «фитотрон» с детства вызывает в памяти полусумрак лесов, паутинки на белокорых стволах самшита, мангровые чащи и высокие, как шатры, корни панданусов, колючие плоды дуриана на длинных плетях, плавучие листья виктории, незнакомые ароматы сказочно далеких лесов и саванн. Здесь верится всему, о чем написано в старых книгах.

Фитотрон — это полигон растительных чудес, место, где можно встретить калифорнийское дерево буджум, торчащее из земли как перевернутая морковка, и высокогорный африканский вереск пятнадцати метров ростом. Здесь можно попробовать бразильский виноград жаботикабу, растущий прямо на стволах, и увидеть деревья, цветы которых спрятаны под землей. Нетрудно представить здесь и озеро с кувшинками, ряской, соцветиями стрелолиста. И тропический водоем с коралловыми рифами и водорослями.

Нашлось здесь подходящее место и для водяной лилии из Близнецов. Мы поместили ее в большой, очень высокий аквариум, как же иначе... И пригасили искусственное солнце. И зажгли другое — зеленоватое. И все вокруг стало напоминать о неярком свете, едва пробивающемся через горячие тучи, пылевые облака и многометровый слой воды.

— Книга правдива, — сказал однажды Ольховский. — Это не легенда. Уверен, что гены этих цветов несут двойную информацию. На них действительно вышит узор — человеческое начало. Двадцать три пары узелков. Вспомни, сколько у человека хромосом.

— Что же дальше? — спросил я. — Если верить легенде, можно далеко зайти...

— А ты попробуй поверить. На всякий случай. Не исключено ведь, что это сушая правда. Тогда... тогда в один прекрасный день ты встретишь их.

— Не думаю. И почему это вдруг должно произойти?

— А ты представь только: сначала анабиоз, потом он прерывается, значит, звездное путешествие кончилось, зонд совершил посадку. И вдруг идеальные условия. Разве это не может послужить сигналом к превращениям? Идеальные условия после анабиоза — верный признак того, что они попали к тем, кто о них заботится. Тебе, конечно, виднее, но я бы не исключал этого фантастического на первый взгляд предположения. Мы обязаны обратить внимание даже на самый невероятный исход...

— Генетики молчат... Неужели ты это всерьез?

Я не понимал Ольховского. Как только удалось ему сохранить это странное свойство характера — вечно забегать вперед и напрасно тратить силы, время?

Позже стало ясно: я боялся заглядывать за ту черту, что отделяет действительность от мечты.

Зеленый браслет

Разбудил меня звонок. Я знал, что никто из моих знакомых не стал бы беспокоить меня в это горячее время. Утром я обычно подолгу раскачиваюсь, не спеша готовлю кофе, просматриваю журналы и записи. Ночной звонок заставил меня подняться сразу, тревожное предчувствие мгновенно поставило на ноги. Я знал: автомат сработал оттого, что в лаборатории что-то стряслось. Включил оперативную память, уловил обрывки фраз: «...Нарушен тепловой режим...», «...отклонения химического состава...», «...снижение концентрации азота в рабочей камере...» Для меня это было равносильно катастрофе.

Но ведь даже при желании фитотрон не так просто вывести из режима. Для этого нужно, по крайней мере, прямое попадание крупного метеорита или девятибалльное землетрясение. Что там происходит?

В десять минут эль подбросил меня к главному корпусу. С другой стороны к автоматическим дверям бежал долговязый человек в шляпе, надвинутой на лоб, — Нельга. Почему Нельга, подумал я, не хотелось мне встречаться здесь с ним в такой час... Я долго не понимал, почему не располагал к себе этот пунктуальный, добросовестный человек. Нетрудно было представить себе, что он скажет и само его присутствие часто было ненужным. Не в этом ли причина моего нерасположения?

Пока перед нами таяла прозрачная преграда у входа в лабораторию, я с неприязнью наблюдал, как Нельга снимал шляпу и шарил в кармане в поисках платка: он запыхался, устал, но успел все же на несколько шагов опередить меня и первым нажать кнопку: через минуту мы миновали защитный шлюз и ворвались внутрь машины погоды и климата. Нельга бежал чуть быстрее меня — вперед, вперед, вперед... Позади огромный зал, где собраны живые редкости Африки и где никогда не случалось еще ничего непредвиденного. Растительные чудеса Австралии. Флора Азии... Америка... Джунгли, тайга, тундра, альпийские луга, сазанны — калейдоскоп, неповторимая коллекция ландшафтов и климатических поясов.

Мы слегка устали и уже не бегом, а быстрым шагом двинулись по широкому коридору. Справа и слева — просторные ниши, галереи, то затемненные, то освещенные скупыми лучами искусственной луны, пробегавшей по часовым поясам легко, словно бильярдный шар. Высоко-высоко в черных разрывах между северными облаками вспыхивали редкие звездные огни настоящего, неподдельного неба. Оно было как бы вторым потолком, даже более реальным, чем первый, почти невесомый и прозрачный. Шепча листвою, пленники фитотрона рассказывали об ураганах в дальней стороне, о следах в непроходимых чащобах, о южных созвездиях — дивных островах в ночном океане небес...

Вот она, массивная, высокая колонна, поблескивающая стеклом и пластиком: двести тонн зеленоватой инопланетной воды. Аквариум. Серый песок. Сумрак. Выпуклый таинственный объем, часть чужой планеты, воссозданная нами.

По стеклу ползла капля воды. Медленно, равнодушно передвигалась она, оставляя влажный след. Я случайно заметил ее. Обнаружил каким-то шестым чувством. «Не может быть!» — тихо воскликнул Нельга. Я и без него это знал. Мы подошли к стеклу и долго всматривались в сумрак гигантского водяного столба: свет мог убить нашу гостью — водяную лилию. Но ее там не было. По дну тянулася цепочка полуразмытых углублений, напоминавших следы.

Почти одновременно мы подняли головы: у затененной стены, в тридцати метрах от аквариума, слышен был шорох и почудился возглас. Женщина возникла среди лунно-лимонных полос слабого света на темных стволах, под глянцевыми гирляндами листьев, а выше, над головой ее, над кронами деревьев, светились россыпи звезд. Она стояла на траве, выросшей под пластиковым куполом и никогда не видевшей солнца.

Нечто вдруг будто проснулось во мне, встрепенулось сердце, потеплели вдруг пальцы рук.

Ее влажные волосы блестили от серебряных капель, онаправляла их легко и быстро, прикасаясь к ним белыми тонкими руками. Глаза темны и прозрачны, но в них светлый и чистый зеленый огонь, и удивление, и тревога, и радость... Я не смог бы сказать ни слова, даже имени ее не смог бы прогнестить: на запястье ее левой руки сиял изумрудный браслет.

Меня охватил запоздалый страх: что было, если бы мы с Нельгой успели вмешаться в работу фитотрона и восстановить (какой ценой!) первоначальный, обычный его режим...

— Я могу рассказать вам... — прозвучал в тишине ее голос.

НОЧЬ МОЛОДОГО МЕСЯЦА

Только теперь, после раскопок, могу я сказать кое-что об исчезновении Сергея Ивченко.

Кое-что, но ничего такого, что могло бы, допустим, пригодиться работникам милиции. (Я уже давно знал, что Серж исчез, я выдержал многодневную бурю телефонных звонков, обмороки его матери, был вынужден участвовать в бессмысленных метаниях Ирины по городу и все-таки полностью ощутил пропажу только перед РОВД, где красовалась на стенде розыска листовка «Найти человека» с фотографией Ивченко.) Возможно, я единственный, кто догадывается, где сейчас Серж. Но если я прав, то вернуть его к нам не легче, чем с того света или из другой Галактики. (Это был хорошо известный мне снимок, профессиональный, хотя и сделанный в домашних условиях. Снимал наш приятель — оператор кинохроники, фоном служила белая простыня, повешенная на стену. Я держал самодельный «ручник» — сильную лампу, ввинченную в рефлектор для лечебного «синего света». Держал слишком близко, левая щека Сержа залеплена светом и стерта. Святой боже, если бы мы знали, для чего послужит эта сделанная в подпитии фотография! Представительный Серж со своими глазами чуть навывкате и ровно подстриженными светлыми усиками смотрел с милицейского станда, сохраняя выражение комического пафоса: разворот в три четверти, нижняя губа выпячена, голова вздернута...)

Да, он считался моим ближайшим другом. Одиннадцать лет мы с ним прогуливались, ездили на пляж и по грибы, ходили в кино или в театр, философствовали за стаканом вина — одним словом, общались, как положено людям, любящим друг друга, но не связанным никакими деловыми интересами. Раз или два Серж составил мне протекцию у каких-то должностных лиц, раз или два я «замолвил словечко» за него; чуть больше было случаев денежной взаимовыручки. На основании всего изложенного мне трудно сказать, пошел бы я с Сержем «в разведку» и как бы он себя в этой «разведке» вел по отношению ко мне. Наверное, не хуже, чем я по отношению к нему. Может быть, мы действительно были друзьями.

Серж отличался высоким ростом, имел отличную выправку и ровную мужественную походку, однако большим успе-

хом ни в обществе, ни у женщин не пользовался. Немало людей неизмеримо уступают Сержу и внешне и духовно, и при этом некая безошибочная интуиция подсказывает им, как себя вести, что где сказать... Такой человек чувствует себя в любой компании как рука в удобной перчатке. Наглость, хамство, откровенный эгоизм — все сходит ему с рук. Зато красивому, изысканному, чуткому Сержу с его бархатистыми «низами» голоса и холеными руками — Сержу всякое лыко ставили в строку. И происходило это по причине его вечной неуверенности в себе. Достаточно было кому-нибудь отпустить в его адрес ироническую реплику или женщине зашептать на ухо подруге, косясь при этом на Сержа, чтобы он растерялся, стал делать промах за промахом, сделался скучен, мрачен и в конце концов умолк совсем, иногда чуть ли не со слезами на глазах. (Может быть, полное равнодушие к людям и их мнению — это и есть секрет успеха помянутых мной гениев адаптации?..)

Серж довольно часто влюблялся: многие охотно назначали ему встречу, но тут же разочаровывались, поскольку мой романтический друг уже считал избранницу необыкновенным существом, своим вторым «я» и обрушивал на нее все свои переживания и выстраданные мысли. Видя же, как прекрасная дама становится все холоднее, мой друг начинал донимать ее столь страстными и требовательными признаниями, что мигом отпугивал окончательно. (Он был единственный сын: его родители уезжали в долгие командировки, и Серж с малолетства оставался на попечении безвольной старенькой бабушки, наедине с огромной библиотекой.)

В общем, я от души радовался за Сержа, когда мне удалось свести его с Ириной. (В давнее, студенческое время мой роман с ней не слишком удался: она властолюбива, и я тоже...) Ира умна, эрудированна, энергична; была замужем и разошлась не по какой-нибудь тривиальной причине вроде мужниного пьянства, а «из-за несходства убеждений»! Продолжает ждать принца, однако настолько трезва житейски, что понимает: скорее всего принца придется взять самой из кого-нибудь потенциально подходящего на эту роль.

Серж ей подошел. Они не только выдержали почти ежедневные встречи в течение полугода, но даже обменяли свои однокомнатные квартиры на одну двухкомнатную, и Ира окончательно добила моего друга тем, что оделась для регистрации брака в черное велюровое платье.

Он металлофизик, я археолог. Нас объединяет страсти к возвышенному и отвлеченному. Впрочем, если высокоуглеродистые стали и гексанитовый абразив для меня совершенно недоступны, то Сержа мне удалось заразить археологией. То есть не столько самой наукой, сколько тем духом

полусказочных культур, который делает священнодействием нашу кротовую работу.

Все-таки я косвенный виновник пропажи друга. Читая на стенде розыска список примет Сержа, я дошел до одежды. Джинсы старые, гимнастерка армейская, очки темные солнцезащитные, сумка синяя на ремне через плечо, с надписью: «Аэрофлот». Обморочные секунды я пережил. Значит, Серж отправился в поле, и можно с уверенностью сказать куда.

Разумеется, этот маршрут впервые показал им я в июне прошлого года. Не так уж далеко от Города: час с небольшим на рейсовом автобусе до его конечной остановки — крошечного сельмага посреди пыльной площади. Потом проселком направо, по плотине через озеро, где в тесных камышах пестрые дикие утки дружат с белыми домашними. От плотины — извилистой лесной дорогой, которую некогда пытались замостить, да так и бросили, уложив короткую цепочку бетонных плит.

Пс выходе же из лесу Ирина и Серж, подготовленные моим рассказом, на миг потеряли дыхание, а затем наперебой стали восторгаться. Вздывая острый хребет на высоту двухэтажного дома, бурым отъевшимся драконом лежал среди поля древний оборонительный вал. Справа он терялся в сосновом бору, зато влево уходил насколько хватал глаз над мирно волнующейся рожью. Колея, по которой мы прошли лес, ущельем прорубала вал.

Да, когда-то в этом тихом, зеленом, хлебном краю, где патриархально стрекочут тракторы и лежат, жуя, в тени вала пегие сонные коровы, — когда-то в этом краю кипели великие работы. Наши с вами пращуры, суровые, домовитые и суверенные славяне, ставили барьер перед хищной, вероломной степью. Валили по весне смолистый сосняк, рыли и таскали землю, на воде замешивали глину, жгли многоверстные костры, спекая мокрый слой; выстроив насыпь, тесали острые колья для ограды по хребту, ставили сторожевые башни. Потом сколько угодно могли налетать степняки на коротконогих лохматых лошаденках, орать нечеловечески, вертеть над головой арканы. За глубоким рвом, за крутым драконьим боком, на который всадник не взберется, а пешего встретят каленой стрелой, так же, как сегодня, безмятежно колосилась и выходила в трубку рожь. Дымами землянок курились горюхи. Женщины доили все тех же буренок и пятнашек, гончары выделывали лепные пояски на вазах (да, у них были и вазы!), а златокузнецы изощрялись над фибулами для плащей. Как долго и благополучно жила страна за большим валом, свидетельствует черная, желтая, красная керамика. Мириады осколков, ежегодно выгребаемых плугами и вымываемых дождями из пашни. Даже копать не надо.

Отшагав километра три по жаркому, пыльному большаку вдоль насыпи, Ира вдруг объявила привал и ринулась на склон, штурмывая пахучую путаницу желтого дрока, пижмы, вьюнков и упругих белых кашек. Наверху, где когда-то за бруствером ждал степняков остроглазый лучник, росла мощная, раскидистая груша-дичок. Укрытые массой мелких листьев и твердых, как кость, плодов, мы развернули на траве пакеты с едой. Громоздясь, уходили к горизонту рыжие шкуры хлебов, сизо-зеленые мазки капустных гряд, лесозащитные полосы. Лишь подчеркивая объемлющую тишину, деловито тарахтели кузнечики, взрываясь, перелетывая, грузный шмель да где-то под неподвижным небом урчала сенокосилка. Я умащал редиску мокрой свалявшейся солью, жевал булку с ветчиной и думал, запивая все это теплым лимонадом из горлышка: не есть ли эти не замутненные суетой минуты лучшие в моей жизни?

Перекусив, Ира с Сержем еще долго валялись бы на траве и курили. Но я, как хвастливый владелец коллекции, потопрапливал их, желая как можно больше показать до темноты.

Это мне удалось — Ира и Серж были отменные ходоки.

То был июнь, а на исходе августа, в понедельник, Серж вызвал меня из института и привел на самую уединенную скамейку в ближайшем парке. Серж не умел ни притворяться, ни говорить на нейтральные темы, прежде чем перейти к главной. Потому он просто смотрел на носки туфель, молчал и ломал в пальцах прутик. Я подождал и невинно осведомился, не полюбил ли Серж, скажем, мою благоверную и не хочет ли он мне в этом признаться. Затем я заверил его, что придерживаюсь самых передовых взглядов и, если у него со Светой все договорено, я препятствовать не буду.

Но Серж поднял на меня такие беспомощные, укоризненные глаза; и я, увидев темные полумесяцы под ними, понял, что шутки неуместны.

— У меня к тебе две просьбы.

— Сразу две? Ого! — не сумел все-таки удержаться я.

— Да, сразу две. Впрочем, если ты не хочешь, я могу...

— Хочу, хочу! Считай, что они уже выполнены, только говори скорее, в чем дело.

— Тогда, во-первых, ничего не пересказывай Ирке. Во-вторых, не перебивай меня и не старайся найти объяснение, не дослушав до конца. И вообще не спеши с выводами. Ладно?

Я обещал, заинтригованный таким началом. Серж отшвырнул изломанный прутик — этот жест показался мне истерическим — и вдруг спросил с такой дрожью в голосе, словно от моего ответа зависела вся его жизнь:

— Как ты думаешь, только честно, я способен на решительные поступки? Знаешь, такие: пан или пропал?

Честно говоря, я думал, что Серж не способен.

Он всегда считал в глубине души, что весь мир вроде мамы и будет все прощать, достаточно только сказать: «Больше не буду». Во всяком случае, одиннадцать лет нашего знакомства не давали основания считать Сержа человеком действия, тем более на уровне «пан или пропал». Кроме того, он болезненно высоко ценил свою жизнь...

— Не знаю, думаю, что способен, — сказал я. — Может быть, просто не представлялось случая.

Видимо, даже моя бойкая ложь его не приободрила. Серж тяжело вздохнул и начал исповедоваться.

Оказывается, вчера они с Ирой сами повторили тот маршрут, которым я провел их в июне. Там, где крутым срезом был сведен в долину древний вал, они собирали у корней посадки крепкие кругляши-дождевики. Через неделю грибы уже накопили бы в сердцевине ржавую пыль, а сейчас были в самый раз — «на вкус вроде тресковой печени», как авторитетно заявила Ира.

Сама же долина, глубокая, серповидная, вызвала у них прямо-таки младенческий восторг обилием полевых шампиньонов. У нас в народе они называются «печерицы». Шампиньоны не надо было искать. Белыми огоньками сияли они в низкой траве, заметные даже с противоположного склона.

Увы, в сумке был только один нож на двоих, а рвать с корнем опытная Ира не позволяла, чтобы не разрушить грибницу. Поэтому сбор очень замедлился. Вынужденные двигаться вместе, они почти два часа «утюжили» склоны, отрезая игрушечно-гладкие резиновые грибы. Сверху к долине сбегали кражистые яблони, желтые плоды уже горели на них, и удивительным казалось, что нет охраны. Не в силах побороть жару, повисли осоловелые облака. Долина, словно наполненная незримой стоячей водой, замерла в сонном оцепенении.

Именно здесь Ирина впервые высказалась о физических свойствах времени; о том, что время, повинаясь своим таинственным законам, может вести себя как осязаемая субстанция. Кто знает, не образует ли оно в самом деле стоячие пруды в одних местах, не мчится ли бешеным потоком в других? Пространственная структура времени. Турбулентция, вихри, взаимопроникающие слои — возможно, где-то есть и обратные течения, отраженные от каких-нибудь запруд... Почему мы считаем время каким-то скучным бесструктурным монолитом?

— Может быть, зимой вокруг лежит снег, а здесь все так же жарко и растут шампиньоны, — пошутил Серж, чувствуя, впрочем, что шутка непростая, с двойным дном.

— Да, да, и на границе зимы ходит ангел с огненным мечом, — подхватила Ира, не чувствуя второго дна.

...Грибная лихорадка изрядно задержала их в пути. Увлеченные, они попросту забыли, что конец августа не июнь и солнце заходит гораздо раньше.

Позади осталось свекольное поле. Они заблудились в длинных перепутанных улицах села, среди добротных хат под шифером и сараев, крытых замшелым толем. Им любезно показали дорогу. За околицей Серж выволок из общественного колодца ведро ломающей морозом зубы, свежайшей воды. Напившись, он попросил жену окатить его и снял для этого рубаху...

Так, спеша, но не отказывая себе ни в одном впечатлении, приблизились они к цели — гряде крутобоких холмов. Маленькое сельское кладбище приютилось на самой низкой из чудовищных спин, а самую высокую венчало древнее орлиное гнездо — детинец городища, похожий на мономахову шапку. Этот «кулич», опоясанный кольцевым валом, я впервые показал Ире и Сержу издалека, от гребня долины шампиньонов. Он виден на десятки верст. Теперь оплывший под тяжестью многих столетий детинец надвигался в предзакатной дымке, исполненный чар и колдовства, — подножие облачного града, рериховская твердыня, способная внести трепет в любую рациональную душу.

Когда они, выбрав самый пологий подъем, достигли седловины холма, тяжелая шапка уже утратила объем и силуэтом приклеилась к ультрамариновому фону. Тут Серж мимоходом глянул на часы и обнаружил на них начало девятого.

— Ну и что? — сказала Ира. — Последний автобус, кажется, в двадцать один двадцать.

— Давай вернемся, — кожей на лопатках чувствуя опасность, попросил муж. — В темноте здесь запросто ноги поломаешь. Кроме того, водитель автобуса вряд ли точно соблюдает расписание. Может и раньше уехать.

— А может и позже.

— Это вряд ли. Ехать некому — воскресенье...

«Воскресенье», — вдруг сказал отчетливый голос над ухом Сержа. Он полез в нагрудный карман гимнастерки, достал блокнот и прочел записанный собственной рукой график движения автобуса: «Отправление из села Х... — ... 18.00, 19.30, 21.20. Воскр. и праздн. — посл. 19.30». У него как-то сразу ослабели натруженные ноги. Сел в траву.

Конечно, они могли спуститься и преспокойно заночевать в Х... Почти любой крестьянин с удовольствием пустил бы их в хату, а хозяйка накормила ужином: густое пахучее молоко под коричневой пенкой, ломти мягкого и сытного хлеба... И в результате мирной ночи на толстых уютных тюфяках мы с Сержем еще бесчисленное множество лет встречались бы и беседовали о возвышенном и отвлеченном. Но Ире суждено

было продемонстрировать, что уж она-то вполне способна к быстрым и твердым решениям.

— Не дрейфь, старик, нет худа без добра. Кажется, со времен стройотряда не спала на траве, под открытым небом. Давай здесь заночуем!

— Прямо здесь?

— Ага! Я устала страшно. А место какое, видишь, гвоздики?

— Вот именно, я не знаю, какое это место...

Ирина с размаху села в траву и постучала ладонью по земле:

— Доставай подстилку. Ну? К утру земля будет холодной и мокрой...

Тут Серж прервал свой рассказ, чтобы патетически воскликнуть, хватая меня за руку:

— И ведь я же всем нутром чуял, что нельзя здесь оставаться, но все-таки остался! Ну не тряпка ли я? Последняя тряпка! Никогда не умел поставить на своем...

Ирина уснула первой, крепко обняв мужа и прижавшись к нему всем телом. Ее теплое дыхание, ритмично касаясь щеки Сержа, постепенно заморозило его...

Он проснулся от резкого холода. Ирина, ворочаясь во сне, откатилась и лежала теперь калачиком, колени к подбородку, наполовину вне подстилки. Серж попробовал осторожно, чтобы не разбудить, перетащить ее обратно. И вдруг услышал тихое металлическое позвякивание. «Словно кто-то встряхивал связку ключей».

Тревога, которую не рассеял и сон, заставила его замереть на месте. Ночь молодого месяца развернулась над высотами взъерошенных холмов, дразня леденящим ветерком. Только по отсутствию звезд можно было угадать шапку городища. Серж поднялся на колени, затем встал.

Внизу, на равнине без огней, угадывались только светлые пятна прудов, дорога, и много дальше, за массивами черных лесов, самый горизонт, очерченный электрическим заревом Города. Город был недостижим, как зодиакальный свет. От невидимой бахчи, где перед закатом веселилась Ира, ногой катая слоновьи черепа тыкв, кто-то взбирался по склону, храпя, чмокая и брэнча металлом. Ужас пронизал Сержа до кончиков пальцев, он чуть было не закричал во весь голос, но сдержался, закусив костяшки руки.

Теперь он отчетливо видел, как поднимается на холм высокая белая лошадь, напрягая мышцы лопаток и сильной шеи; голова кивала при каждом шаге, подчеркивая усилие подъема.

Как и все горожане, Серж знал, какими звуками подзывают собаку или кошку, но обращаться к лошади, естествен-

но, не умел. Потому он не нашел ничего лучшего, как помахать рукой, свистнуть и прохрипеть театральным шепотом:

— Эй, ты! Иди сюда!..

К его собственному удивлению, лошадь остановилась и насторожила уши. Затем медленно повернула голову к Сержу, словно чего-то ожидая.

— Сейчас, голубушка, сейчас, милая, — забормотал он, высвобождая свою сумку из-под Ириной ноги и лихорадочно роясь в ней. Сегодня днем они с Ирой наелись булки с вареньем и оттого проигнорировали кулек сахарного печенья. Ах, как это печенье сейчас кстати!

Серж обошел спящую Иру и с кульком в протянутой руке, лепеча что-то успокоительное, пошел навстречу госте.

Как только он приблизился вплотную, к нему вернулось темное, сосущее чувство опасности. Лошадь была дьявольски красива. Серж не мог не понять, что лошади-работяги так выглядеть не могут. Вскинув широколобую голову с раздувающимися ноздрями, надменно смотрел из-под бархатных ресниц длинноногий лунно-белый конь, достойный Георгия Победоносца. Копыта его изящно пританцовывали, стальная упругость чувствовалась в округлых бабках. Из-за крупа, очерченного, как амфора, выхлестывал пышный, до земли снежный хвост. Шея над мощной грудью, с ямочкой под горлом напоминала о лебеде и сказочном змее. Конь капризно тряхнул головой, и огромная шелковистая грива, взвихрившись, застыла на мгновение, как при замедленной кинопроекции. В непроницаемых глазах отразились два молодых месяца, придав его взгляду выражение дикой несокрушимой воли.

Отступать было поздно. Серж положил на руку печенье и протянул его. Нежные, сухие, прохладные губы скользнули по ладони. Странной уздой был взнуздан этот жеребец: под подбородком болтались, производя знакомый звон, причудливые начищенные удила, на щеках блестели фигурные бляхи... Профессиональный глаз Сержа даже при скупом свете луны мигом определил бронзу.

Впрочем, в поведении коня не было ничего сказочного. Слизнув одно печенье, он стал ощупывать губами кулек, а когда Серж отнял руку, чтобы достать новую порцию, нетерпеливо застучал ногой...

Дальше рассказ Сержа стал диковинным и не слишком связным. Друг путался, по несколько раз возвращался к одному и тому же, замолкал, упорно глядя себе под ноги, и поминутно то задавал мне вопрос: «Неужели так сходят с ума?», то умолял не считать его сумасшедшим, потому что «все было так реально»...

Кажется, был какой-то недоступный сознанию мгновенный переход — и ночь, полная торжественной тишины конца ле-

та, стала сырым, неярким мартовским днем. Шлепали копыта, разбрызгивая месиво грязного снега, лихие окрики всадников перекрывали ржание. Поскальзываясь и приседая крупами, лошади опасливо спускались по склону. Кудрявые длиннорукие воины, одетые в кожу с грубыми железными пластинами, в простые круглые шлемы, изо всех сил натягивали поводья; висели у седла алые щиты.

Белый жеребец гарцевал перед Сержем, конница обходила его с двух сторон. Но теперь бесовский конь был оседлан, и на нем, сапожками упираясь в стремяна, восседала маленькая большеглазая наездница.

Судя по всему, впечатление, произведенное ею на моего друга, было невообразимым. Он называл эту женщину «царица», хотя она была кем-то вроде командира конного отряда. Юное лицо, круглое и широкоскулое; легкий шрам, которому нос был обязан своим вздернутым кончиком; непокрытые смоляные волосы до лопаток — игрушка промозглого ветра. В ярких, немигающих темно-карих глазах веселое бешенство, надменность, озорство. Глядя на маленькие обветренные руки, властно державшие поводья, Серж подумал, что всаднице будет в радость одним точным ударом развалить плечо врага. Она внушала страх и манила, как молния. Поверх кольчуги — распахнутая безрукавка из седого волчьего меха, к бронзовому поясу привешен меч, сужающийся по всей длине.

Женщина бросила Сержу лишь одну фразу, короткую и звонкую, словно команда. То ли слова эти были все-таки похожи на русскую речь, то ли по другой, лишь позже прояснившейся причине, но он понял, что «царица» полушутливо угрожает ему своим гневом, если подведут подковы... Затем ее внимание отвлекли крики и хохот воинов. Молоденький всадник с тонкой шеей и несуразно широкими под бычьей кожей плечами, почти мальчик, ошибся и дал шенкеля на скользком склоне, вместо того чтобы осадить... Рванувшийся конь упал на колени, и юноша кувырком вылетел из седла. Покатился шлем. «Царица» прыснула, как девчонка. Воины дразнили упавшего, называя его по имени: «Всемире, Всемире!»

Потом женщина, уже не интересуясь Сержем, каблуками ударила коня и стала спускаться вместе со всеми, покачиваясь в тонкой талии. Белобрысый Всемир неуклюже поднимался, рукавом стирая грязь с лица. Кто-то, проезжая, ткнул его тупым концом копья, и юнец опять растянулся навзничь...

Придя в себя после встречи с «царицей», Серж обнаружил, что и сам одет в тесный сыромятный кафтан с нагрудными пластинами поверх серой холщовой рубахи навыпуск; что за поясом у него топорик с длинным узким лезвием, на

пальце — шипастое бронзовое кольцо, кожаные штаны заправлены в мягкие сапоги вроде кавказских.

Уже не впервые чуя неладное в этом рассказе, я спросил его: как выглядели рукава рубахи?

Он задумался на мгновение и ответил:

— Длинные, с красной вышивкой — такая двойная строчка у запястья.

— А концы, концы рукавов? Застегивались?

— Нет, цельные, очень тесные. Когда надеваешь или снимаешь, едва-едва кисть просунуть.

Признаться, эта деталь поразила меня больше, чем все чары в рассказе Сержа. Воссоздавая одежду жителей городища, принадлежавших к обширной правобережной культуре, мы бились над многими вопросами, в том числе о застежке рукава. Художники, иллюстрировавшие недавно большой академический сборник, старались «прятать» запястья воинов чаще всего за щитом... Только недавно высказали наиболее обоснованное предположение, что рубаху шили с широким рукавом, который ушивался по руке воина. Серж об этом знать не мог...

Я промолчал. Но, честно признаться, начал куда внимательнее слушать сбивчивую повесть, часто задавать вопросы. Сам того не зная, Серж превращал ворох отрывочных археологических сведений в гармоничную, стройную систему; одной небрежно брошенной деталью заполнял пробелы, десятилетиями мучившие ученый мир. Походя разбил он многие гипотезы, опять-таки ему неизвестные, поскольку открытых публикаций не было. А некоторые подтвердил, в том числе — о радость! — и мои. Морозцем обжигало мне спину, как у Сержа ночью от звона удил, когда он принимался описывать какой-нибудь предмет сбруи, оружия, быта, даже не зная его названия, и являл при этом поразительную точность!

Короче говоря, пока Серж вещал, мои вопросы были серьезными, а ответам я верил и невольно прикидывал, какую бурю могут вызвать некоторые откровения...

Съехав с холма, воины пускали коней в галоп. С громким томоном и посвистом валили по мокрой, разъезженной копытами равнине. Лебедиными крыльями взметая гриву, на отшибе от гнедых и каурых стелился белый гиппогриф, в мыслях прозванный Сержем «машиной времени». Можно было разобрать, как вьются черные волосы маленькой амазонки и солнце вспыхивает на ее поясе...

Проводив ее взглядом до голого, черного, как на гравюре, леса, где в далеком будущем возникнет село Х..., Серж отвернулся и уверенно зашагал к воротам детинца. Еще несколько шагов, и по другую сторону гряды стал виден сидящий, как толпа цыплят под крылом наседки, дымный посад. Дымило

скопище двускатных, прямо из земли растущих крыш. В громадной луже возились дети, укутанная баба тащила бадью из колодца, на другом конце посада жгли солому в яме — возможно, для гончарных надобностей. Серж нашел глазами свой дом и вспомнил, что обещал младшим братьям зарезать сегодня петуха. Да, да, он был кузнецом и ювелиром, и его назначили в конницу резерва на тот случай, если отряд будет разбит и придется защищать подступы к городищу.

Мне показалось, что я чего-то не уловил. Серж объяснил, что, начиная с момента, когда он обнаружил на себе кожаный доспех, им постоянно ощущалось некое раздвоение сознания. Причем личность Сергея Ивченко, металлофизика XX столетия, отступила в тень, лишь контролируя душу архаического славянина — молодого кузнеца и рубаки, кормильца многодетной семьи, раболепно влюбленного в «царицу». Пожалуй, именно бездействие собственных чувств уберегло на первых порах моего друга от ужаса перед многовековым «расстоянием» между жизнью нынешней и прежней...

Итак, человек с двойным сознанием, утопая сапогами в дорожной хляби, взобрался на детинец. Там, в ограде из массивных заостренных колод, сгрудились полуземлянки «гарнизона» и навесы для коней. На круглой центральной насыпи торчали разновысокие, топорно вытесанные кумиры, словно семья опят на пне: зубы вставлены настоящие, медвежьи, глаза обведены кругами охры.

Ворота охранялись, Серж (то есть кузнец) перекинулся соленой шуткой с караульными. Контролирующий разум моего друга понимал все-таки не столько язык, сколько общий смысл и настроение.

Похоже, что brave воин резерва чуть ли не до захода солнца хлестал из жбана хмельное пиво под навесом, заедая хлебом с чесноком, играл с товарищами в кости да бегал к ограде по малой нужде, поскольку пива было выпито очень много. Как я и предполагал, играли на римские серебряные монеты. Воины помоложе горячились, хватали друг друга за грудки; старшие, время от времени выжимая хмель из длинных усов, держались спокойно и рассудительно, даже когда проигрывали. Из собственных рассказней в застолье Серж понял, что кузнец уже не раз нюхал кровь дерзких кочевников; топором вышибал их из седла, закалывал кинжалом, стрелами топил плывущих. Дождались весны, опять набежали — ну что ж, повеселимся на славу...

Пришел черед Сержа спускаться на рослом гнедом жеребце по скользкому склону, левой рукой с намотанными поводьями держа рукоять красного щита, правой судорожно сжимая топориче...

Водоворот лошадиных и людских тел, вздымая брызги снежного месива, кипел на равнине, медленно, но неуклонно перемещаясь к холмам. Гнедой конь Сержа сам прибавил бега. Плюханье сотен копыт, истерическое ржание стали оглушительными. Мельтешили красные пятна щитов. Защитники городища молчали, храня дыхание для рубки, и лишь резко хакали, выбрасывая воздух при ударе, — зато степняки, тесня малочисленный отряд, старались запугать его истощенными воплями.

Видимый вблизи, водоворот разбился на отдельные поединки. Вероятно, нервы горожанина атомной эпохи не выдержали бы вихревого наскока двоих визжащих молодцев со старушечьими лицами цвета табака, обвешанных лисьими хвостами. Но кузнец, опьяненный кровожадным азартом, поднял гнедого на дыбы, и тот своей массой опрокинул приземистого степного конька. Что-то захрустело и провалилось под копытами... Воин правым поводом развернул коня на месте и успел щитом отбить саблю второго противника.

Затем интеллигентный двойник из XX века, очевидно, впервые перешел от контроля к вмешательству в душевный строй кузнеца, — до сих пор честный пращур и не подозревал, кого он таскает в своем поджаром мускулистом теле. Не лезвием, а почему-то боком пал дрогнувший топор на малахай степняка. Оглушенный, словно уснув на ходу, ткнулся носом в грудь...

Боюсь, что причиной всей последовавшей трагедии, а стало быть, и исчезновения Сержа через месяц, было обостренное чувство самосохранения моего друга. Взяв на некоторое время вожжи сознания, кузнец богатырским наскоком пробился к горячей линии, где нашим удалось сплотиться и сдерживать натиск основных сил кочевников. Там, с лицом, облепленным мокрыми волосами, отчаянно рубилась молоденькая «царица». Серж видел, как отдувала она с губ непокорную слипшуюся прядь и снова, прикрываясь изувеченным щитом, наотмашь выбрасывала тонкий меч. Алые капли, алые ручьи смешивались с потеками грязи на молочной шкуре ее коня.

Вдруг несколько степных лошадеенок разом споткнулись, испуганно заржали и пошли боком, толкая друг друга. Это навалилась толпа степняков, до сих пор не участвовавших в бою; такова была скученность дерущихся вокруг отчаянной девчонки...

Ее окружили с дружным визгом, заслонили лесом копий, лохматыми коренастыми спинами, шапками. Споткнулся и почти по-человечески вскрикнул белый конь...

Ах, время, капризное время! Зачем внедрило ты в простую и смелую душу влюбленного воина чуждые, изнеженные,

эгоистические чувства далекого потомка? Уже могучий гнедой скакун, как разгневанный бог — покровитель городища, вломился в кольцо нападающих. Уже обернулись орущие, потные лица под малахаями, и топор кузнеца жутко хрястнул по чьей-то переносице. Уже летели навстречу, сквозь путаницу вороновых волос, восторженно распахнутые карие очи. Какая благодарность была в них, какое обещание! Она улыбалась ему, она тоненько кричала — уже без щита, с кровоточащей раной под левым ухом.

...О, как тошнотворен этот запах — невымытой плоти, гнилых зубов! Эта отрыжка сбродившего кумыса!.. Вспорот кафтан, саднит содранная кожа на боку. Рыжий детина с головой-котлом без шеи, со слепыми щелочками глаз на вздутом лице — оживший каменный идол степи — ловким ударом сорвал наверх щита. Гнедой еще вертелся на месте, покорный опытной руке кузнеца, старавшегося уберечь спину. Должно быть, сама природа, располагая в одном мозгу двумя сознаниями, вывела «наружу» то из них, которое стремилось к сохранению тела...

Дальше, дальше от беспощадной разящей стали! Он ощущал себя голым, беззащитным, как улитка, выдранная из домика. Кожа, мышцы, кости — все казалось таким хрупким! Он впервые заметил, как страшно онемели руки, особенно правая, с топором, какая горячая боль в раненом боку и в крестце, отбитом скачкой. Спутались точные боевые движения, куда-то в сумятицу мехов, сапог, сабель полетел брошенный красный щит. Не помня ни о чем, кроме собственного спасения, неистово молотя гнедого каблуками и топором, рванулся Сергей Ивченко — собственной персоной, без всяких там двойников! — прочь из сутолоки боя, домой, домой.

...Светлая вода рассвета насыщала синюю губку неба, летучие мыши метались, чуть не срывая начиненные пухом головки спелого чертополоха. А Серж все сидел, держа руку спящей калачиком Ирины, и пытался сообразить: что это за белое здание с куполом высится над лесом в стороне Города? Обсерватория, что ли?

Простор становился по-утреннему необъятным, четче выделялись дороги и контуры полей. Лунный серпик уже не освещал небо, а как-то декоративно приткнулся над сияющей чертой востока. Холод пронизывал до внутренностей. Дрожа и лязгая зубами, Серж заставил себя встать и отправился искать сушняк для костра. Высохших коровяка и конского щавеля хватало, но разжечь их помешала бы роса.

На подъеме седловины Серж подобрал бумажный кулек и тут же с досадой бросил, поскольку бумага тоже оказалась вымокшей.

Вернувшись с охапкой сухих стеблей и решив использо-

вать для растопки пакеты из-под еды, он вспомнил. Кулек был Ирин, в нем принесли из дому сахарное печенье. Кулек лежал вдалеке от ночлега, значит... Пустой кулек — значит, печенье...

Отшвырнув хворост, он бросился обратно к измятой бумажонке, получившей теперь такое пугающее значение. Трава и клевер вокруг были вмяты в землю конскими копытами.

Он умолял окончательно и стал смотреть на меня с такой мольбой, с таким ожиданием, что я смешался и тут же выдумал некое достаточно связное объяснение. Дескать, и у меня бывают роскошные сюжетные сны, я даже некоторые записал, а может быть, это и не сон вовсе, то есть, разумеется, сон, но навеянный нашими разговорами о древности...

Белую лошадь, пущенную пастись в ночное, Серж, конечно, кормил, а все последующие события — «сам понимаешь»...

Он не ждал другого ответа: поблагодарил, пожал мне руку, и мы пошли есть мороженое, причем Серж по моей просьбе вспоминал все новые предметные подробности, но делал это уже почти спокойно. Кажется, я убедил его больше, чем себя. Во мне что-то ныло, будто я намеренно соврал...

Что я еще могу сказать?

К сну на городище мы с Сержем возвращались неоднократно. В конце концов он посвятил и Иру.

Выслушав, она сказала именно то, чего мы от нее и ждали: «Ах, серый ты, серый волчище, что же ты меня не разбудил, когда кормил этого красавца? Может быть, мы бы с тобой вдвоем туда попали!» По поводу молоденькой «царицы», игравшей такую роль в видениях мужа, Ира заметила с нарочитой небрежностью: «С детства на коне — значит, ноги у нее были колесом!» Но после всех этих кокетливых пустячков начал давить интеллект Ирины. Она сказала, что, мол, давно задумывается о слоистой, в общем динамичной и сложной структуре времени. Что анизотропность времени для нее под сомнением; но в классическую уэллсовскую машину она не верит и во все идущие от нее парадоксы, вроде убийства собственного прапрапрадеда, тоже. Вероятно, существует некий перенос информации, когда субстрат, находящийся в прошлом, кодируется сведениями из будущего. Короче говоря, наш современник может попасть в прошлое, только временно поселив свое сознание в теле одного из предков, а затем «перезаписав» его обратно с новым грузом памяти...

Позже я сообразил, что все рассуждения Иры только дань ее любви порядку и завершенности. Пусть ее с Сержем гнездо обширно, пусть оно вмещает и прошлое и будущее, но гнездо должно быть защищено со всех сторон. Никаких тревожных, нерешенных вопросов. Ясность.

Мне гипотеза Ирины кажется в общем правильной, однако очень неполной, отражающей лишь одну какую-то грань истины... Ведь мы сами — это и есть время? И потому нельзя в нем путешествовать, как уэллсовский герой, а можно только существовать либо в одних координатах, либо в других, душой и телом...

Наверное, чтобы разобраться в истории на городище, мало нашей формальной логики. Это задачка из учебника XXIII столетия.

А самого Сержа все эти премудрости мало волновали. Он вспоминал радость в глазах, сверкнувшую навстречу спасителю. Он терзался своей никчемностью и жаждал...

Жаждал исправить промах.

Создать иную ситуацию, иной узор ткани времени.

И он пропал бесследно, в погожий сентябрьский день выехав утром из дому. На нем была гимнастерка и полевая сумка через плечо. И наверное, сахар в сумке. Ира подняла на ноги весь город, уголовный розыск сбился с ног — тщетно!..

А наш институт не без моих усердных хлопот в верхах наконец-то провел вскрытие злополучного городища почти по всей его площади.

Мы нашли остатки деревянных истуканов со следами оранжевой охры. Мы нашли захоронение у края детинца: скелет молодой, небольшого роста женщины, чернолощеный кувшин и черпак в изголовье, длинный узкий меч-акинак, несколько витых браслетов и бронзовые бусы с сердоликовой подвеской. У женщины рассечено темя.

В нескольких шагах к востоку была вскрыта могила рослого мужчины с панцирными чешуями на ребрах. Рядом лежал военный топор...

Я думаю, что гнедой конь в конце концов пробился сквозь копыя, и улыбка «царицы» получила ободряющий ответ. Что Серж нашел в себе мужество искупить вину хотя бы тем, что погиб рядом с возлюбленной кузнеца. (Как знать, не со своей ли настоящей возлюбленной?..)

Иногда мне представляется странная картина.

Летом, в ночь молодого месяца, когда колдовской сон скосывает села на равнине, и светлые пруды, и кудрявый древний вал, отлогим склоном, по колено в разнотравье, поднимаются к могилам «царицы» и кузнеца два коня — белый и гнедой. Они затевают игру на широкой седловине холма, кусая друг друга и звеня удилами.

А когда начинают блекнуть звезды и холод нарождающегося утра касается чутких спин, они скачут рядом по хребту гряды, и навстречу им раскрывает объятия рассвет.

ЖИЛ-БЫЛ МАЛЬЧИК

1

В центре Москвы, где люди торопятся, чтобы скорее выбраться из уличной суеты, в длинном и запутанном переходе под площадью Пятидесятилетия Октября с выходами наверх, на улицу Горького, на проспект Маркса, на площадь Революции, к гостинице «Националь» и еще куда-то, со спуском в метро и с бесчисленным количеством указателей, в которых не так-то легко разобраться приезжему человеку, — так вот, в этом подземном царстве стоял в белесом газосветном мареве обтекаемый людскими потоками лоточник. Этот немолодой представительный мужчина с ласковым пронизательным взглядом предлагал непреложно авторитетным, лекторским голосом свой товар — книгу в серо-зеленом переплете:

— А вот новая книга, очень интересная! Называется «Книга жизни», автор товарищ Неизвестных. Цена восемьдесят пять копеек, детям до шестнадцати лет не рекомендуется. Незаменима для чтения в поезде, в самолете, в очереди на прием, а также и дома. Осталось всего двадцать экземпляров... «Книга жизни» очень интересно и смело написана! Касается актуальных вопросов жизни, проблем любви, семьи и работы...

Прохожие — из тех, кому недосуг толкаться по книжным магазинам, — останавливаются, слушают, некоторые берут. Тем более что осталось двадцать экземпляров: потом будешь искать — не найдешь.

Петр Квантович, заведующий лабораторией одного НИИ, расположенного в тысяче километров от столицы, командированный на десять дней в министерство, тоже взял. Он еще вчера завершил свои дела, загодя отметил убытие, попредался всем маленьким радостям командированного: объездил магазины, накупил множество мелких вещей, которые только тем были хороши, что потом о них можно сказать: «В Москве купил, в фирменном магазине на Таганке...» — и сейчас направлялся в аэропорт.

Трудно определить, что именно побудило Петра Квантовича купить «Книгу жизни». Возможно, поддавшись рекламным увещаниям лоточника, он купил ее просто как хорошую вещь, потому что по внешнему виду книга была действительно хороша: элегантный переплет из тканевого картона, тис-

женного под крокодилью кожу, броские огненные литеры названия по диагонали ст нижнего левого угла, доброкачественная печать на гладкой плотной бумаге; словом, было в облике книги что-то солидное, академическое, а Петр Квантович как мало искушенный в современной книжной продукции человек был уверен, что не станут же так издавать какую-нибудь чепуху. А возможно, дело решило то, что командировка прошла на редкость удачно: и тему утвердили, и с заместителем министра Петр Квантович беседовал (и, кажется, запомнился тому, в хорошем плане запомнился). Поэтому и настроение у него было радужное, легкое. «А, кутить так кутить! — решил он, отдавая продавцу деньги. — В крайнем случае будет кстати, если подведет погода и придется загорать во Внукове».

Но погода оказалась летной, и в девять часов вечера Петр Квантович уже открывал двери своей квартиры. Телеграмму он, как обычно, не дал (он делал так из соображений супружеской бдительности, равно как и никогда не говорил, на какое время уезжает, чтоб ждали). Он сразу убедился, что дома все благополучно. Добродетельный запах вывариваемых для холодца свиных ножек, запах семейного уюта (была такая мечта) встретил его с порога. Жена хлопотала на кухне, сын — пятиклассник Андрюша готовил уроки.

До купленной в Москве книги он в тот вечер так и не дотронулся. А раскрыл ее только на следующий день, когда, выкупанный, обласканный, ухоженный, прилег после завтрака в своей комнате на диване с намерением основательно отвлечься от столичной суеты, командировочных и служебных забот.

«Жил-был мальчик, — прочитал Петр Квантович на первой странице. — Когда ему исполнилось три года, родители подарили ему трехколесный велосипед, и он катался по квартире из одной комнаты через прихожую в другую и обратно. Комнаты казались ему необъятно большими и высокими...»

«Приятное начало, — отметил Петр Квантович, — самый раз для отдохновения». Он на секунду смежил веки, припоминая свой первый велосипед — с желтым деревянным седлом и желтыми же ручками; он тоже гонял на нем по квартире и даже ухитрялся падать, переезжая порог... Надо же, до сих пор помнится!

«...Квартира, где жил мальчик с мамой, папой и двумя старшими сестрами, находилась в бельэтаже старого дома. Кроме двух комнат и прихожей, ей принадлежал еще большой деревянный балкон, заросший от земли до крыши диким

виноградом. Другие квартиры дома выходили во двор с несколькими старыми, уже не родившими яблонями, сараями и общей деревянной уборной у оврага. Но во двор мальчика по малости лет не пускали...»

(«Да, да... вот теперь таких дворов почти нет, вывелись. Остались разве что в маленьких городах, где не развернуто еще строительство. А жаль, это был свой мир, своя территория для детей, и, кстати, она неплохо отдаляла их от тлетворного влияния улицы».)

«...Играл мальчик — иногда с сестрами, а чаще сам — на балконе. Более всего он любил выглядывать оттуда, не идет ли отец. Когда отец — плотный мужчина в очках — показывался, возвращаясь с работы, вдали, на неизведанной и таинственной улице, мальчик прыгал у перил и звонко кричал: «Папа идет! Папа идет!» А однажды мальчик услышал от судачивших под балконом женщин слово «идиёт», запомнил, решил, что так действительно лучше звучит, и, увидев отца, закричал: «Папа идиёт! Папа идиёт!» — за что тотчас и получил встрепку от мамы...»

— Что такое?! — Петр Квантович сел. Ему стало не по себе.

Ведь это же было с ним! И как он выглядывал отца, и встрепка, и старшие сестры... и балкон их, и отец был именно такой. Что это — совпадение? Не очень-то вероятное.

«...Во дворе, куда мальчика стали пускать на другое лето, жили его сверстники: Коля, сын дворничихи, и Вика, дочь шофера дяди Лени...» («Точно», — отметил Петр Квантович, ощущая сердцебиение.) «Этот дядя Леня был для мальчика самой значительной после отца фигурой. Он приезжал во двор на грузовике, позволял детям забираться в кузов и в кабину, а иногда под хорошее настроение и прокатывал их по улице. Машины тогда были редки, и все в них казалось чудом: и рукоятки в кабине, и сигнал, и рык мотора, и восхитительный, ни с чем не сравнимый запах бензина. Наверное, с тех пор и закрепилась у мальчика тяга ко всяким механизмам, машинам, устройствам.

А еще жил во дворе инвалид, продавец Гаврилюк с громыхающей и скрипучей ногой-протезом. Сверстника Колю иногда лупцевала его мамаша-дворничиха: взяв за руку, гоняла вокруг себя туго скрученным полотенцем».

Теперь Петр Квантович четко видел и двор с зеленой травой, в которой они находили вкусные «калачики», и судачащих соседей, и кореша Кольку, который мчит по орбите вокруг разгневанной мамаша, вопя и прикрывая ручонкой попку, — а они с Викторией стоят в стороне. Им и жаль Кольку, и понятно, что мамаша — она и вправду, и радостно от сознания, что это происходит не с нами.

«...Еще жили во дворе, во флигеле, Дина Матвеевна и ее сестра, знающие по-французски. Мальчику пошел пятый год, когда умерла сестра Дины Матвеевны. Это была первая смерть на его памяти. Нельзя сказать, чтобы она произвела на мальчика тяжелое впечатление, но разговоры детей и взрослых, их натуральная или показная скорбь, приготовления к похоронам — все это возбудило в нем интерес. Ему захотелось доказать, что он умеет скорбеть не хуже, а лучше других. И когда похоронная процессия из их двора направилась вверх по улице к кладбищу, он шел не в ней, а в стороне от толпы, всхлипывал без слов, причитал и не забывал примечать, какое впечатление это произведет на публику. Впечатление было не совсем то, какого он ждал: дети смотрели на него с недоумением, а взрослые неодобрительно.

Но эта черта: производить впечатление, стараться (даже с ущербом для самоуважения) нравиться другим во всех обстоятельствах, работать на публику — прорезавшись в нежном возрасте, сохранилась у мальчика на всю жизнь. И многое из того, что он сделал (а равно и того, что не решился сделать), было следствием ее...»

Петр Квантович вздохнул, поморщился, снова вздохнул. Сомнений не было: он читал книгу о себе. «Что же это такое?!» — в панике спрашивал он. А глаза бежали по строчкам, всматривались в них, как в неотвратимую опасность.

«...Тем же летом мальчика отвели в детсадик при доме командиров РККА на Пушкинской, потому что отец его как раз и был таким командиром». Трудно описать, что творилось сейчас в душе Петра Квантовича. И вспомнилось ясно, со щемящей жалостью к себе — к тому четырехлетнему, на подоконнике — и к отцу, как все было; и возникало горделивое чувство, что вот, мол, у него в руках книга не о ком-то, а о нем самом. Было и полнейшее недоумение: откуда все это стало известно — не с его же слов, никому он не рассказывал о себе такие подробности! «И зачем все это?!» И мелькало недовольство оценкой, которую автор уже успел ему дать по мелкому поводу, по поведению на похоронах, — оценкой, допустим, в какой-то мере и не вздорной, но, простите, одно дело, когда я сам так себя оцениваю, а иное — когда посторонний человек, да еще не в разговоре с глазу на глаз, а в книге, которую все будут читать! «И почему именно обо мне?» И в то же время казалось естественным, что именно о нем.

Вряд ли возможно сравнить с чем-либо те сложные и сильные чувства, которые испытывает человек, читая напечатанное о нем самом, — тем более если он к этому не

привык и не сам организовал публикацию. А сейчас в нервно листающих страницы руках Петра Квантовича находилось нечто большее, чем обычная публикация, — это он чувствовал.

В смежной комнате послышались мальчишеские голоса. Это Андрияша вернулся из школы и, как обычно, с приятелями. «Ма, я буду во дворе!» — «Только далеко не убегай, скоро обедать». Голоса стихли, хлопнула дверь. Петр Квантович все это воспринимал и не воспринимал: он был в ином времени.

«...Мама работала на трикотажной фабрике. Сестры ходили в школу. Мальчик оставался под присмотром соседок, которым было не до него.

Однако вскоре отец ушел в запас, стал работать заготовителем. Летом он иногда брал мальчика с собой в поездки по области — и это были самые счастливые недели. Ехать в телеге, которую тянет великолепное животное «коняка» — ее можно для лихости хлестнуть кнутом, можно прокатиться на ней верхом. Поля, пруды, рощи, речушки, яблоневые сады, утки, запудренные мукой люди на мельницах, бахчи, рожь, с головой скрывающая человека (он однажды заблудился в ней). И главное: папка, самый лучший человек на свете. Как-то в дороге они остались почти без харчей; отец научил мальчика готовить «допровскую» тюрю: в кружку с водой накрошить хлеба, добавить постного масла, посолить — и не было ничего вкусней этой тюри!

Там, в глубинном селе, и застала их на второе лето война. «Киев бомбили, нам объявили...» Мама — она как раз приехала навестить их — подняла плач, перепутав Киев с Харьковом, где у родственников гостила старшая дочь.

Война. Парень-тракторист развернул на одной гусенице свой трактор, выпечатал в грязи веер, на полном газу рванул вперед, по представлениям мальчика — прямо на фронт. За трактором, воя и заламывая руки, бежала распатланная старуха.

Война. По забитым беженцами дорогам они вернулись в город. На следующий день отец пришел в командирской форме, в пилотке, с наганом в кобуре и даже с котелком у пояса. Котелок он подарил мальчику. Велел матери готовиться к эвакуации и сразу уехал принимать батальон.

Война. Перечеркнутое крест-накрест белыми полосами бу маги на оконных стеклах мирное благополучие. Первые бомбежки; их переживали в дворовом подвале, где раньше хранили картошку и капусту. Панические сверхдешевые распродажи вещей, которые никто не покупал.

Отец появился еще раз через две недели. Осунувшийся, усталый. Посадил всех в бушующий, переполненный эшелон и ушел — на этот раз навсегда...»

В гостиной снова раздался голоса, на этот раз женские: жена и ее знакомая Марьмихална вкладывали весь нерастратенный пыл в обсуждение какого-то животрепещущего вопроса. Не сойдясь во взглядах, кликнули Петра Квантовича — их доброжелательного и ироничного арбитра. Тот не отозвался. «Отдыхает, — сказала жена. — У него была трудная командировка в Москву, в министерство». Женщины понизили голоса.

А Петр Квантович читал-видел-вспоминал.

...Как они приехали в чужой город, в серый домишко на окраине, принадлежавший дальним родичам, в скандалы от начавшейся нужды, тесноты, неустройства. И четвероюродно-го племянника Костьку-ремесленника, который тоже кричал: «Понаехали на нашу голову!» — и лупил мальчика.

...Как он ощущал постоянный голод, а потом уже и не ощущал, потому что желание есть стало привычным, нормальным — на всю войну и первые годы после нее — состоянием.

...Как к соседям пришло письмо, что их хозяин ранен, и соседская девчонка плакала, а они, мальчишки, смеялись над ней, потому что чего ж плакать, если теперь ее отец вернется.

...Как выглядел с выползшей на бугор окраины город во время ночных налетов: его кварталы освещены сброшенными на парашютиках с немецких бомбардировщиков ракетами-«люстрами», в разных местах вспыхивают разрывы, алеют пожарища, грохочут с близкого аэродрома зенитки.

...Как немцы подступили и к этому городу, и пришлось вместе с негостеприимными родичами двинуться в теплушках дальше на восток.

— О! — услышал он, вздрогнул, поднял голову: рядом стояла жена. — Я думала, ты уснул, а ты читаешь. Интересная книга? Из Москвы привез? Дай посмотреть.

— Нет, нет! — Петр Квантович едва удержался, чтобы не спрятать книгу под себя. — Потом. Чего тебе?

— Ух... какой ты все-таки! — У жены обидчиво дрогнули полные губы. — Чего, чего... Обедать пора, вот чего.

— Обедайте, я не хочу.

— Новости! — Жена повернулась, ушла, громко затворив дверь.

«...В забайкальском селе, куда загнала их война, среди мелкорослых, но ловких мальчишек царили свирепые нравы. «Ты, Витек, боисси его?» — «Не... А ты?» — «Я?! Этого выковыренного!» Вопрос решала драка. Равных не было: или ты

боишься, или тебя боятся. Никогда мальчику не приходилось так часто драться, «стукаться», как в эти годы. Впрочем, несмотря на скудное питание, он был довольно крепким и рослым — драки получались. Он даже стал находить молодецкий вкус в этом занятии.

Был мальчик Боря из смежного класса, тоже эвакуированный, черноволосый и черноглазый, с подвижным, как у обезьянки, лицом. Его мальчишки особенно не любили, после уроков налетали стаями: «Эй, выковоренный!» — и ему приходилось либо удирать, отмахиваясь сумкой, либо защищаться. Он предпочитал последнее, благо по неписанным законам драться можно было только один на один. «Стукался» он тоже неплохо, но место его в мальчишеской иерархии «боисси — не боисси» было еще неясно — для установления его надо передрааться со всеми...

Подойдя к этому месту, Петр Квантович начал болезненно морщить лицо: не надо об этом, зачем!.. Он ведь за был про это.

«...Наш мальчик хоть и ничего не имел против Борьки, но, стремясь не выпасть из общего тона, тоже приставал к нему, дразнил. Как-то зимой их свели: «Ты его боисси?» и т. д. Мальчик замахнулся на Борьку сумкой с книгами; тот, уворачиваясь, поскользнулся, упал.

— Ах ты... — И наш мальчик выругался тонким голосом, неуверенно и старательно выговаривая поганые слова. Вокруг захихикали.

Мальчик ждал, пока Борька поднимется (лежачего не бьют), и увидел его глаза. В них было и ожесточение, и одиночество, и тоскливая мольба: не надо! Было видно, что ему не хочется вставать со снега и продолжать драку. Мальчик на миг смутился: ему тоже не хотелось драться, было одиноко и противно среди ожидающих звериного зрелища сверстников. Но он не дал волю чувствам: могли сказать «боисси», а кроме того, он понимал, что сильнее и победит. Драка продолжилась, мальчик разбил Борьке нос, и тот заплакал.

Долго после этого мальчику было жаль Борьку, было неловко перед ним, хотелось сделать что-то доброе. Но ничего доброго он ему не сделал; наоборот, обращался с ним, как и подобало победителю, сурово и презрительно. А в черных глазах Борьки был укор, потому что он все понимал, только не умел сказать, как не сумел бы выразить словами свои переживания и сам мальчик.

Пожалуй, это был первый случай, когда мальчику предлагался выбор: поступить по совести, по своим чувствам или как другие...»

Петр Квантович читал весь субботний день, беспокойно проспал ночь, затем дочитывал книгу первую половину воскресенья. Он осунулся за это время, почти не переставая курил, даже забыл побриться. Жена спрашивала, что с ним да не заболел ли он; Петр Квантович отговаривался пустяками.

И чем ближе к концу книги, тем чаще в его уме вставал вопрос: как же теперь быть-то?

Нет, книга не выставляла его в каком-то там особо темном свете, не нарушала пропорций между положительным и отрицательным, не разоблачала его серьезные проступки (да нечего было разоблачать). В ней просто излагалось все так, как есть. Любопытно (Петр Квантович только потом, задним числом обратил внимание на эту особенность, что книга повествовала почти без общих картин, без каких-либо новых подробностей — только о том, что он сам помнил. Вот не помнил он, к примеру, как звали ту давно усопшую сестру Дины Матвеевны, — хотя ведь звали же ее как-то! — и в книге ее имени не было. В то же время книга не была дотошным протокольным изложением, она и обобщала, проводила параллели, делала выводы, но опять же только на основании того, что он без нее знал и помнил.

Все было в книге. И как там, в Забайкалье, он с приятелем Валеркой бежал из пионерлагеря, как шли тридцать с лишним километров лесными дорогами в станицу — просто для романтики, но и не без расчета: бежали в последний день, потому что романтика романтикой, а казенными харчами пренебрегать нельзя. Как вернулись с матерью и сестрами в свой разрушенный город, голодали и он воровал по мелочам на базаре: где кусок макухи, где картошку, где кусок хлеба с прилавка; как учился в полуразрушенной школе в третью смену и какой поднимали дружный вой, когда среди урока гас свет...

Петр Квантович листал страницу за страницей. Здесь все было: как после войны постепенно выравнивалась жизнь, как мальчик рос, набегал с ребятами на чужие сады, дружил, влюблялся, учился танцевать «шаг вперед, два шага вбок» — танго; как страдал от мальчишеской неполноценности, от плохой одежды, как кончил школу, уехал учиться в Харьков в политехнический институт, как двигался с курса на курс, как преуспевал в общественной работе, как защитил диплом и приехал сюда работать, как женился, как сделал первое изобретение, как погуливал в командировках, как продвигался по служебной лестнице, с кем дружил и с кем враждовал... Словом, как из мальчика на трехколесном велосипеде превратился в того, кто он ныне: в Петра Квантовича, приметного в ин-

ституте специалиста, умеренного семьянина, среднего инженерного начальника, сильного — по мнению других и по собственному тоже — и умного человека.

И вот сейчас этот сильный (по мнению других, да и по собственному) человек сидел, ошеломленно уставя взгляд на окно, за которым сгустились фиолетовые сумерки, и соображал, что ему делать. Топиться? Вешаться? Подавать в суд? Или наскоро собрать чемоданчик и бежать в места, где у него нет ни родственников, ни знакомых?

Самым оглушительным было то, что его жизнь со всеми делами, поступками, мотивами этих поступков, со всеми устремлениями, расчетами, тайнами — его личная жизнь, до которой никому не должно быть дела, — теперь станет достоянием всех. «Постой, — попытался успокоить душу Петр Квантович, — да ведь имени моего и фамилии в книге нет. И город, где я родился, не назван, и тот, где живу, тоже... Ах, да это-то и самое скверное, что нет! Было бы — подал бы в суд, потребовал доказательств, которые никто представить не сможет. Какие в таком деле могут быть доказательства, кроме моей памяти? А так — надо прежде самому доказать, что речь здесь обо мне, то есть более выворачивать себя наизнанку да срамиться. А с другой стороны, попадется эта книжка моим знакомым — опознают. Быстренько приведут в соответствие то, что им обо мне известно (сам рассказывал), с написанным здесь... и будут подначивать, кивать, перемигиваться; он, дескать. Как голенский. Ах, черт!..»

Петр Квантович потерял виски, которые начало ломить, прошелся по комнате. «Ну, узнают... а что они, собственно, узнают? Что я такого сделал? Как я, когда учился в вузе, против Костьки Костина выступал? Этот Костька тогда согрешил с сокурсницей и уклонялся законно сочетаться с ней, а я за это на комсомольском собрании требовал его исключить... Так ведь я про это не очень и скрываю, дело давнее. Не раз под откровенность с выпивкой рассказывал друзьям-знакомым: ест, дескать, какой убежденный и прямолинейный, нетерпимый дурак был! Да и время было такое... Или про то, как я после активного участия в кампании, чтобы все выпускники ехали по назначению, дважды переиграл свое назначение, чтобы попасть сюда, в новый институт? Так ведь тоже не скрывал. И были основания, иначе не направили бы. Про всякие там дела здесь, в институте? Так все мы делаем в меру своих возможностей, и все у всех на виду. Эх... все это так, да не так».

Не был он никогда наивным, прямолинейным дурнем. И о сокурснице все знал от самого Костьки, сочувствовал и завидовал ему. А когда дело всплыло, отшатнулся — и вовсе не потому, что вдруг прозрел. И когда Костька просил, чтобы

он, факультетский деятель, порадел ему как-то, поручился бы, помог, потому что в кампанейский разгул его тогда заодно выгоняли и из института, — он, Петр Квантович, не поручился и не помог. Себя и других убедил, что все правильно, человек схлопотал по заслугам, — и только в подсознании осела смутная, не выраженная словами мысль, что суть не в том.

А книга как раз и выражала словами то, что накапливалось где-то в подсознании, чувствовалось, учитывалось, но не осмысливалось. Словами! — вот что было неприятней всего. По ним выходило, что и убеждения, и принципы, и приличия, которые соблюдал Петр Квантович, он соблюдал как правила игры и соответственно менял тактику игры, когда менялись правила. Цель же игры была простая: выделяться и жить получше, жить лучше и выделяться. А для этого надо было держаться в струе, да не просто держаться, а расторопно, с инициативой, чтобы струя не только влекла — выносила вперед. Для этого надо было, повинаясь биологическому инстинкту, сторониться слабых или даже добивать их — не по-крупному, разумеется, а в пределах правил игры. А все сложные чувства, которые возникают, мешая вести игру, — в подсознание. Туда их, чтобы не доводить до обнаженной словесной ясности.

Теперь же слова были найдены. Они находились в согласии с теми чувствами досады, неловкости, недовольства собой, душевной усталости и настороженности, которые накапливались в Петре Квантовиче годами, — в таком согласии, что об иной трактовке самого себя, своей сокровенной прежде сущности не могло быть и речи. «Я теперь сам перед собой как голый», — расстроено подумал Петр Квантович.

Но почему про него? За что? Ведь и другие не лучше, у всех, наверно, есть что-то потаенное, все грешны. За что же его кто-то и неизвестно как выбрал в подопытные кролики? И как это сделали, как подсмотрели в его память? Телепатия, что ли?.. Ведь не то даже страшно, что он голый, а голый среди прилично одетых. «Ведь это же — как бишь слово-то, еще на «матюк» похоже? — эксгибиционизм! Пусть бы автор обнажал себя, если ему охота. Меня-то зачем? Наши тоже злодея? Ну, стремлюсь жить получше. Так ведь потому и стремлюсь, что плохо жилось. Но других не обираю, не тесню, дело делаю».

Он поморщился, вспомнив, что и делам его в книге была иная мера. То, что Петр Квантович считал наиболее значимым в своей жизни, что его возвышало в собственных глазах и глазах окружающих: свои научные работы и изобретения, самостоятельное руководящее положение, равно как и то, что он хороший мужчина, сына-наследника имеет, — определя-

лось так, будто все это не столько он сделал, сколько оно с ним сделалось. Есть у него способности, отменная память, желание работать, есть где и над чем вести исследования — вот и результаты. И достигнуты они благодаря той же склонности Петра Квантовича выделяться: чтобы знакомые говорили о нем, что он «голова» и «может», чтобы он сам думал о себе, что «голова» и «может», чтобы скорее превзойти Ивана Петровича, который много о себе мнит, и т. д. Мужские же качества и наследник — это и вовсе от природы.

А вот дела — мелкие, даже не дела — пшик один, говорить не о чем, — оставшиеся лишь досадным мусором в памяти: реплика на каком-то совещании, умолчание в тех случаях, когда надо было сказать правду, которую только он знал и мог сказать, мелкие житейские передергивания, идея, которую забросил (было: увлеченно и возвышенно размышлял над ней полгода, потом спохватился, что она может отнять и полжизни, выбросил из головы, занялся тем, что в руки давалось), — все это книга рассматривала подробно. И выходило по ней так, что эти «мелочи» представляют собою те ничтожные, в доли градуса отклонения, из-за которых ружье, исправно стреляя, в цель не попадает.

«...С годами ямочки на щеках мальчика обратились в резкие складки. Он все еще считает себя привлекательным, хотя волевое приятное выражение держится на его лице, лишь пока он рассматривает себя в зеркале. Знакомые же видят перед собой полуинтеллигентного горожанина: короткий, слегка вздернутый нос, скверно выбритые и оттого кажущиеся нечистыми щеки, брюзгливо выпяченные губы, прямоугольные очки, прямые темные и не весьма опрятные волосы...» — растравляя душу, вспоминал Петр Квантович обидные строки из книги.

«Он уже почти всегда говорил и поступал с умыслом, поэтому ему трудно было поверить в чью-то искренность. Даже о девушке, которая по-настоящему полюбила его, он думал, что она лишь стремится выскочить за него замуж...» Петр Квантович стиснул челюсти. Было, было! И он испугался тогда, потому что у них могло получиться слишком уж по-настоящему, не так, как у всех. Ее звали Валькой, и было это... Э, было, да сплыло!

«Значительности ради он полюбил фотографироваться «на фоне»: на фоне теплохода «Украина», на фоне Главного Кавказского хребта, на фоне импульсного синхроноскопа...»

— Как бишь там дальше-то? — Петр Квантович полистал книгу, нашел: «...он — и Большой театр, он — и ростральные колонны, он с женой — и Петр Первый с лошадьё...» — Поймай, построй!

Не было в книге раньше этих слов «он с женой — и Петр

Первый с лошастью!» Или запамятовал? Да нет же, не было, не мог он такую хлесткую фразу проглядеть или забыть. А вот она — есть. И действительно, есть такая фотография в семейном альбоме, щелкнул их с Люсей фотограф-пушкарь в Ленинграде на фоне Медного всадника. Петр Квантович как раз сейчас, листая книгу, вспомнил об их прошлогодней поездке, и вот...

«Уф-ф! Уж не схожу ли я с ума? — Он отложил «Книгу жизни». — Эх, да не в этом дело, совсем не в этом. Выходит, я просто старался показаться себе и другим сильнее, чем я есть, умнее, чем я есть, благополучнее и счастливее, чем я есть, — и здорово преуспел в этом занятии. А сам совершал обычные поступки под давлением обстоятельств, приноравливался, а не сопротивлялся. Принимал то, что со мной делалось, за то, что я делаю. «Двигал науку...» — не я ее, а она меня двигала, а я лишь выбирал легчайшие способы возвыситься над другими, оставаясь слабым, мелким и даже не очень порядочным человеком. Был и остался слабым ребенком, которому, как и всем детям, хочется быть сильным или хотя бы казаться таким...»

Петр Квантович задумчиво взял книгу, открыл ее на последних страницах, прочел эти только что им подуманные мысли, которых прежде в тексте не было, и даже не подивился этому обстоятельству.

«Почему же так получилось, что стыдно теперь читать о себе? Ну, детские годы — ладно, преобладает инстинктивная жизнь, рефлексия. Но ведь дальше-то я понимал! Чувствовал, что к чему. Почему же мне, как маленькому, все надо было сказать, выразить словами: что хорошо, что плохо, что можно, что нельзя? А если не сказано что-то чувствуемое, то, значит, его и нет, можно не принимать во внимание. А оно есть... И ведь мог бы прожить иначе, чтобы нечего было стесняться, нечего таить: читайте, люди! Но кто ж знал, что будет такая книга? Вот-вот, в этом и дело: тогда бы я расстарался... — Петр Квантович невесело усмехнулся. — А как теперь мне быть?»

Черт, и как раз сейчас!..

Его охватила тяжелая досада. Именно сейчас, когда наладились как будто приятные отношения с заместителем министра и когда при первом же случае перестановок в институте у него есть верный шанс подняться в завотделы! А тут такое... И не вспомнилось Петру Квантовичу, что всегда его жизнь наполняли лихорадящие «как раз сейчас»: как раз сейчас, когда надо добиться распределения, как раз сейчас, когда надвигается сдача темы, как раз сейчас, когда подходит очередь на квартиру, как раз сейчас, когда надо двигать диссертацию... — и вечно он был в мыле от житейской гонки.

«Как-раз-сей-час, как-раз-сей-час», — отсукивал по незримым рельсам вагон его жизни, создавая иллюзию, будто смысл только в движении, и чем быстрее движение, тем больше смысла.

3

На следующее утро весь в таких растрепанных мыслях Петр Квантович отправился на работу. Хотя и появился он, как подобает вернувшемуся из командировки, с солидным опозданием, ни один прибор в его лаборатории не был включен, а весь инженерно-технический состав покуривал у вытяжного шкафа.

— Здравствуйте, Петр Квантович! С приездом!

Минуту спустя в лаборатории кипела работа.

То, как при его появлении сотрудники порхнули по рабочим местам, на некоторое время вернуло Петру Квантовичу самоуважение. Он бодро взялся за дела: составил и сдал отчет о командировке, заполнил розовый бланк расходов, снес его в бухгалтерию, завернул к главному инженеру рассказать о поездке. Главный его душевно приветствовал. «Да, — подумал Петр Квантович, — а что-то будет, когда он узнает?» Потом он вернулся в лабораторию, пригласил к своему столу ведущих сотрудников, принялся выяснять, что в его отсутствие сделано. Сделано было мало, причины у всех были сплошь уважительные, голоса — оправдывающиеся. Петр Квантович хотел распечь, но снова подумал: «А что будет, когда они узнают? А ведь узнают...» — и отпустил ведущих с миром.

«...И был у него тот озабоченный, захлопотанный и слегка испуганный вид, который бывает у руководителей, не уверенных в своем праве руководить», — вспомнил он подходящее место из треклятой книги и приуныл. Чувство содеянной над ним несправедливости снова одолело его. «Ну почему про меня? За что?..»

Зазвонил телефон на столе.

— Да?

— Петр Квантович? Здравствуй, с приездом! Это Колесников беспокоит.

— А, привет, спасибо! — Петр Квантович насторожился.

— Я слышал, Квантыч, тебе лаборанты нужны. Хочу порекомендовать одну дивчину. Она у меня работала по хоздоговорной теме, да кончили мы эту тему, сдали — и пристроить мне ее больше некуда. А дезчонка работающая, смышленая — не пожалеешь. В вечернем институте занимается.

— Угу... Ну, пусть зайдет. Поговорим. Если она нам подойдет, отчего же не взять! — сказал Петр Квантович, заранее зная, что не будет этого, не возьмет.

— Лады! Я ее сейчас пришлю.

Петр Квантович положил трубку, нервно постучал пальцами по стеклу на столе. «Вот оно что...»

«...Три месяца назад Вася Колесников, молодой парень, новый заведующий поисковой лабораторией, весьма звучно выступил на открытом партсобрании с критикой практики принудительных соавторов. В институте об этом давно толковали все, все негодовали, рассказывали, какие беды обрушились на тех, кто уклонился включить «вышестоящего соавтора» в свои статьи или заявки: неповышение в должности, сдвиг в хвост квартирной очереди, плохое обеспечение темы и т. п.

Но это было привычное, застарелое, карманное негодование. Привыкли втихую возмущаться: пока так делали все и все помалкивали, это казалось нормальным. Когда же Вася Колесников выступил — и выступил крепко, с фактами ничем не оправданных соавторств директора, его заместителя по научной части и главного инженера, — и тем поставил себя в нравственно более высокую позицию, то очень многие почувствовали искреннее и острое, как рана, возмущение... против него. Как, он ставит себя выше других, принципиальней других?!

И Васю начали долбать. Скрытое возмущение нашего мальчика тоже обратилось против него. Он выступил с вдохновенной речью, в которой убедил себя и других, что все не так: пусть руководящие товарищи не сидят за приборными стендами, не ведут непосредственно темы, по которым их включают в соавторы, все равно они помогают своим опытом, идеями, советами, организацией дела, обеспечением, участием в обсуждении нерешенных проблем... словом, все правильно. Еще несколько человек после него выступили в таком духе. Васе пришлось туго.

Нашему — ныне выросшему — мальчику, как обычно, легко удалось убедить себя, что он был прав. Однако в глубине души он чувал, что совершил свинство, и все эти месяцы напряженно ждал, когда же и Колесников подложит ему свинью. А тот все не подкладывал и не подкладывал. Даже наоборот: предложил сотрудничество обеих лабораторий по интересной теме, что наш мальчик бдительно отклонил...»

Девушка пришла, села по приглашению Петра Квантовича на краешек стула возле стола. Она была красивая — и это было не в ее пользу: могут пойти разговоры. На каком курсе она занимается? На втором? Только-то... Весь вид Петра Квантовича показал, что этого явно недостаточно, чтобы работать у него лаборантом. А по какой специальности? Электроника? Это тоже было явное «не то». У нас, видите ли, высокие напряжения. До полумиллиона вольт!

Беседа заняла три минуты. Девушка извинилась и ушла — в отдел кадров, увольняться.

«Да, все по-писаному... — подумал озлобленно Петр Квантович. — Кто его знает. Береженого бог бережет...» И вдруг перед ним снова возникли доверчивые и почтительные глаза этой девушки. Ведь она же верила ему. Верила, что он действительно заботится об интересах исследований и что именно поэтому не может ее принять. В ее глазах он выглядел таким научным полубогом — справедливым, все понимающим, порядочным...

Волна презрения к себе вышвырнула его из-за стола, бросила в коридор, понесла на первый этаж. Лаборантка Васи Колесникова открывала дверь отдела кадров.

— Девушка! — крикнул Петр Квантович. — Подождите. Давайте ваше заявление. Вот... — Он тут же на подоконнике написал нужные слова. — Ступайте переоформляйтесь. В штат... — Девушка смотрела на него с удивленной улыбкой. — И не думайте, что ваш новый начальник с придурью. Дело в том, что у меня с Колесниковым... — Петр Квантович осекся, махнул рукой. — Э, да он-то в этом как раз совершенно не виноват. Вот так-то... — Он заглянул в заявление... — Вот так-то, Валя. Двигайте.

Лаборантка пошла в кадры, Петр Квантович, закулив, направился в лабораторию. «Да, запутался я... Надо позвонить Колесникову, что взял его Валю, хоть лучше будет думать обо мне. Э, все это не то! Что подумают обо мне, о моем поступке? Что скажут о нем те, кто ничего не скажет и ничего не подумает, потому что заняты собой в том же направлении мыслей? Сколько сил я трачу на решение этой проблемы! Не в этом же дело... Итак, ее тоже зовут Валей, и она тоже красивая. Но и Валя не та, и я не тот».

4

...Вдруг одна мысль ожгла его как удар кнутом: жена!!! Она говорила, что сегодня у нее отгул, а он оставил книгу дома! Она и вчера и позавчера любопытствовала, чем он так увлекся, и наверняка сейчас эту проклятую фискальную «Книгу жизни» читает!

Петру Квантовичу на минуту стало так не по себе, что он прислонился к коридорной стене. «Как же это я оплошал, не унес с собой? Что теперь делать? Скорей!.. Может, еще не поздно».

Он заскочил в лабораторию, схватил пальто и шапку, одеваясь на ходу, выбежал из института, помчался к стоянке такси. «Если она только начала читать, — соображал Петр Квантович, тихо злобствуя на водителя, который осторожно

вел машину по оледенелой улице, — то отберу, вырву из рук. Пусть лучше такой скандал, чем... А если она уже прочитала все? Или хоть большую часть? Тогда конец...»

Петр Квантович лихорадочно перебирал в памяти, что писала книга о его затянувшейся и после женитьбы связи с Валькой, о мимолетных утехах. И дело даже не в самих этих грешках, — она узнает, что совершал он их не по сердечному влечению и не потому, что это ему было позарез нужно, а для бахвальства перед собой и другими, чтобы небрежно молвить потом в мужской компании: а вот, мол, у меня было... Узнает. Тогда все. Презрение до конца дней. Разрыв. Такого не прощают.

«Выходит, развод? Так сразу, вдруг? Из-за того, что черт догадал меня купить эту книжку в Москве с лотка...» Петр Квантович ощутил прилив лютой злобы на автора, скрывшегося за псевдонимом «Неизвестных», на лоточника, на всех, кто устроил эту дьявольскую затею и сокрушил налаженную машину его жизни. «Ну, попались бы вы мне!..»

В квартиру он вошел с замиранием сердца и слабой надеждой: может, и ничего не случилось, жена забыла о книге из Москвы, занимается хозяйством? Но из гостиной в прихожую донеслось слезливое сморканье. «Так и есть. Плохо дело...» Петру Квантовичу захотелось повернуть обратно.

Кот Лентяй сидел на стойке для обуви, смотрел на Петра Квантовича. По выражению глаз кота было ясно, что он видит Петра Квантовича насквозь и что ему, Лентяю, он тоже противен. «Все бы выкручивался, — брезгуя собой, подумал Петр Квантович. — Умел так жить, умей и ответ держать. Другие ни при чем, автор своей жизни ты сам. Что ж... чем фальшивить друг перед другом еще долгие годы, лучше объясниться, да и концы!» Он шагнул в гостиную.

Сын, к счастью, еще не вернулся из школы. Жена сидела на кушетке в халатике, на коленях книга, в руке дрожала дымком сигарета. «Совсем плохо», — подумал Петр Квантович. Глаза у Людмилы Сергеевны покраснели, набрякли, нос разбух — вид был настолько непривлекательный, что Петр Квантович не ощутил даже жалости.

Не решаясь что-нибудь произнести, он разделся, переобулся в домашние туфли, сел за стол. Несколько минут прошли в тягостном молчании.

— Я все-таки не понимаю, — услышал он наконец сырой вибрирующий голос жены, — как же это так? Что это все означает? И откуда вдруг это все? Почему?! Очень мило с твоей стороны, ничего не скажешь. Ты мог бы со мной сначала поговорить... мог бы хоть предупредить! А не так — кам-

нем на голову. Как же это все! Как нам теперь жить?! И... как ты мог?! О-о-о... — Она зарыдала, пригнувшись к валику кушетки.

Петр Квантович закурил, молчал. Ему хотелось подойти, погладить вздрагивающую спину жены, но он не решался. «Может, удастся как-то объясниться? — соображал он. — Но что сказать, что придумать? Что теперь скажешь! В том и штука, что теперь все яснее ясного: произнесены слова, смысл которых не затемнить другими словами».

— Ну, успокойся, будет, — молвил он наконец. — Что же теперь поделаешь. Я, право, не хотел...

— Что — не хотел? Что?! — вскинулась Людмила Сергеевна. — Не хотел излишних объяснений, поэтому подsunул мне эту... это?! — Она схватила книгу, потрясла, отшвырнула. — Если ты не хочешь жить со мною, то можно было бы и без этого... без собиpания сведений, без хлопот с типографией!.. («Любопытный поворот темы, — ошеломленно подумал Петр Квантович. — Кто это собиpал сведения, хлопотал с типографией — я, что ли?») Да и зачем все в кучу валить: и то, что я травилась спичками в школьные годы, и что меня не любил отец... и мама тоже не очень, и как меня подловили на продаже золотого кольца. До этого-то тебе какое дело? Зачем копатьсь!

Только теперь Петр Квантович начал понимать, что жена вовсе не нападает на него, а защищается.

— Если хочешь развестись, достаточно было сказать — и все, и пожалуйста, и дело с концом! Незачем было собиpать... «обличающий материал»! — Она рассмеялась нервно и зло. — А Андрюшку я тебе все равно не отдам. Если ты думаешь использовать... про Иннокентьева, то... во-первых, у меня с ним ничего такого не было, а во-вторых... во-вторых... все равно не отдам! И все! — Она снова заплакала.

— Погоди, Люсь, о чем ты? — пробормотал Петр Квантович. — Спички какие-то, папа с мамой, Иннокентьев... да там ничего этого нет!

— Как нет? Как это нет! — Она схватила книгу, перелистала страницы и прочитала с утрированно драматическими интонациями: — «Она была средней дочерью, и родители не слишком любили ее. Мать любила сына и отца, отец — сына, младшую дочь и одну женщину на стороне... Не ценили учителя — посредственна. Не пользовалась успехом у мальчиков, потом — у парней. Постепенно зрела обида на жизнь: ведь не хуже других, просто всем везет, а ей нет... Когда исполнилось шестнадцать лет, пыталась отравиться спичками: просто так, от скуки и неудовлетворенной мечтательности. Но не получилось, только испортила на год желудок...» — Она захлопнула книгу. — Ах, как это все увлекательно и

безумно интересно! Как важно это тебе было узнать! И о том, что вышла замуж за того, кто взял, — за тебя... Ну вот — узнал. Удовлетворен, да? Эх, какой же ты все-таки... — И жена отшвырнула книгу, как будто швыряла не книгу.

— Постой, Люсь. — Петр Квантович все более овладевал собой. — Ты в своем непременном стремлении во всем винить меня явно перегнула палку. При чем здесь ты? Ведь книга... книга-то не о тебе. Вот смотри, — он поднял книгу, раскрыл на первой странице, — здесь же написано: «Жил-был мальчик...»

— Какой мальчик, при чем здесь мальчик! Там написано: «Жила-была девочка...»

И ранее, чем Петр Квантович окончательно понял, что к чему, он почувствовал невыразимое, огромное, как счастье, облегчение. Человека осудили и приговорили, сейчас казнят: оглашен приговор, делаются последние приготовления; покупает, скучая, врач, готовый освидетельствовать, осужденный уже простился с жизнью — как вдруг: «Да вы что, братцы, с ума сошли! Это же наш Петр Квантович, хороший парень! Развяжите его. Вот так».

«Так вот оно что! Вот, оказывается, какая эта штука! Ну и ну! Вот это да! А я-то, дурак...»

Он сел на кушетку рядом с женой, обнял ее за плечи, притянул к себе. Людмила Сергеевна попыталась вырваться, но не настолько энергично, чтобы в самом деле вырваться.

— Успокойся-ка. Ну, чего ты запсиховала, глупышка? «Разводиться»... «Как ты мо-ог!» Чуть что, сразу я виноват. Разводиться надо сначала.

— Что это за книга, можешь ты мне объяснить?

— Могу. С удовольствием. Понимаешь, эта книга... это, собственно, никакая не книга. Это... ну, прибор такой, что ли. Он возбуждает память нашего подсознания, она становится настолько отчетливой и обобщаемой, как будто все выражено словами. И получается впечатление, что человек читает книгу о самом себе... Ты ведь не прочла в этой «книге» ничего такого, чего бы и сама не помнила, верно?

— Да-а...

— Вот видишь! Иначе и быть не могло. И я тоже — только то, что помнил. И каждый человек «прочтет» здесь то, что он знает и помнит, то есть все о себе и кое-что (именно то, что он и так знал) о других. И ничего более! — С удовольствием закончил Петр Квантович.

— Вот оно что-о... — протянула жена. Она с иным интересом рассматривала книгу. — Смотри, что выдумали! Как это делается?

— Н-ну... кибернетика, телепатия — что-то в этом роде.

Видимо, первую опытную партию выпустили в обращение.
— Значит, и ты прочел... о себе? — Жена осторожно посмотрела на него...

— Да.

— Бедненький. Тебе, наверно, тоже досталось? — Она погладила его по волосам.

— Ничего... — рассеянно сказал Петр Квантович, думая о другом. («Травилась спичками, надо же! Господи, и что мы за народ такой люди, и чего мы такие крученые-верченые? Вот о том, что она встретила Марьмихалну в магазине, да как Марьмихална была одета, да куда намеревается летом ехать отдыхать, это я от нее всегда знаю. А что травилась да почему травилась, так бы, пожалуй, и не узнал...») — Ничего, — повторил он. — Жизнь сложна. У всех и у каждого сложна. В ней бывает всякое. И незачем это мусолить.

Все-таки фамилия «Иннокентьев» жгла память Петра Квантовича. «Какой Иннокентьев, что за Иннокентьев? — размышлял он, укладываясь спать. — И что у них было? Когда? А ведь что-то было серьезное, раз она даже испугалась, что могу воспользоваться фактом и попытаться отнять Андрюшку... Эх, напрасно я ей все открыл с перепугу. Нужно было сделать вид, что я все знаю, и выудить у нее потихоньку. Тогда бы я о ней все знал, а она обо мне нет! Вот дал маху... — Он досадливо покосился на книжную полку. — А все потому, что меня эта чертова книжечка привела в полное расстройство. Собственно, даже и не она. Просто это устройство пробудило что-то во мне — какие-то чувственные, дословесные представления о совершенном, истинном, справедливом. Они есть в каждом человеке. Они — самый суровый наш судья; судья, который все запоминает, учитывает любое — пусть не высказанное, не понятое, а только осязаемое — несовершенство, фальшь, неправду... Страшный судья!»

Но это были спокойные академические мысли. Главное-то Петр Квантович теперь знал.

5

А несколько дней спустя на «Книгу жизни» нарвался Андрюшка: рылся на книжных полках.

— О, этой у нас не было! Пап, это ты из Москвы привез? Можно, я почитаю?

Первым движением Петра Квантовича было отнять у него опасную «книгу». Детям до шестнадцати... Но он тут же одумался, внимательно посмотрел на сына. Мальчик с худым ли-

цом и уклончивым взглядом стоял перед ним. «Что я о нем знаю? Что он знает о себе? Но... постой, постой!» Петр Квантович перебрал в памяти: что в его «Книге жизни» было о родителях? Ничего предосудительного — во всяком случае, в Андриюшкины годы; тогда все в матери, в отце, а затем и в отчине он принимал как должное.

— Что ж, почитай. — Посмотрел на сына и повторил многозначительно: — Почитай, почитай...

Рано утром Петр Квантович ушел на работу. С сыном он встретился лишь вечером. Андриюшка с ногами сидел на диване в его комнате, искоса поглядывал то на книгу, лежавшую рядом, то на отца. Глаза у него были красные, выражение лица несчастное и затравленное. «Так, — отметил Петр Квантович, — и ему перепало на орехи».

— Ну, сын, — произнес он, садясь на другой край дивана и устремив на Андриюшку пронизательный взгляд, — прочитай?

— П-п-прочитал...

— Н-да-а... — протянул Петр Квантович, нагнетая атмосферу. («Ох, нечисто у Андриюшки!») — Что же это ты, а? Как ты дошел до жизни такой?

— Пап, да я... я только один раз! — покаянно захлопал маленький грешник. — Я не хотел, а Левка с Сашкой стали смеяться... и я... — И он, понимая, что ему теперь никогда и ни в чем не оправдаться, замолчал, опустил голову.

«Что же это он натворил? Курил? Или, не дай бог, уволовал что-то? — соображал Петр Квантович, накаляясь праведным отцовским гневом. — Руки поотрываю шельмецу!»

На какой-то миг ему стало жаль мальчика. Ведь то, что для него, Петра Квантовича, стало давно прошедшим и несходительно вспоминаемым, для Андриюшки сейчас самая жизнь — со всей ее сложностью и ответственностью, со страхом не прослыть мямлей и трусом, а может, и с мальчишеской влюбленностью, с борьбой чувств и незнанием, как поступить... Но эти тонкие соображения тотчас вытеснило чувство превосходства над сыном, которого он одевает, кормит, воспитывает и который, черт побери, должен вести себя как следует!

— Так вот, сын, — весомо сказал Петр Квантович, сопровождая каждое слово помахиванием указательного пальца, — чтоб этого больше не было!

ЗОЛОТОЙ КУБ

Вы меня, товарищи, простите, но я должен отвлечься несколько от нашей научной темы и рассказать вам кое-что из юмористической, если хотите, трагедии жизни Александра Балаева. Именно юмористической, именно трагедии и именно про стоп-спин.

Недавно один писатель подарил мне книжку. Про Галилея, Ньютона, Чижевского и меня. Так мне, знаете, неудобно как-то стало. Будто смотрю я на президиум физики, сидят там все люди солидные, степенные, вдвое больше натуральной величины, а сбоку в кресле болтает ножками какой-то шалопайчик в коротких штанишках, сандалики до полу не достают. «А это, — говорю, — что за чудо морское?» — «А это, — отвечают, — и есть вы, Александр Петрович Балаев, замечательный и заслуженный физик нашего времени». — «Да какой же это физик! — кричу. — Это же попрыгунчик какой-то, молоко на губах не обсохло. Случайный кавалер фортуны». — «А это, — говорят, — ваше личное мнение, которое никого не касается. Вы, пожалуйста, не усложняйте вопроса, Александр Петрович, и не мешайте наглядной пропаганде образцов для нашего юношества». И убедительно излагают окружающим невероятную историю, будто я с детства задумчиво глядел на вертящийся волчок. А меня как холодной водой обдает. А вдруг это и не выдумки, вдруг это я сам по божественному наитию высказал когда-нибудь, а до них дошло. На волчок иначе как задумчиво и смотреть-то, по моему, невозможно. Только задумчивость эта какая-то не такая, не дай бог никому: сидишь и ждешь, когда же это он дрогнет и начнет покачиваться. Нетворческая задумчивость.

А по правде говоря, или, как это мне сейчас представляется, вся история началась, конечно, не с волчка, а со студенческих времен, с того самого вечера, когда в общезнании мы, изнывая от безделья, смотрели по телевизору инсценировку по Уэллсу. Помните, там есть у него рассказ про человека, который мог совершать чудеса. Смотрели мы и от нечего делать изошрялись в остроумии, и когда герой под конец оставил вращение Земли, и все понеслось в тартарары, и море встало на дыбы, — здорово было снято, как сейчас помню, — кто-то ляпнул: «Эх, плотину бы сюда!» Кто-то добавил: «Да

турбину бы сюда». И кто-то кончил: «Ну и чаю мы с тобою наварили бы тогда!» Все, конечно, грохнули. Может, это само так получилось, может, чьи-то вирши припомнились, не знаю. Я по стихам не специалист. Но эти стишки в память мне за-пали. Вместе с видом моря, вставшего на дыбы. И посред-ством этого аудиовизуального воздействия, как тогда говори-ли, выпала во мне в осадок четкая логическая цепь: «Оста-новка вращения освобождает энергию, которую можно по-лезно использовать». Не от изучения маховика, хотя я его изучал, — ведь изучал же! — а от неприятзательного и, соб-ственно, не очень смешного анекдота. Так уж, видно, я устроен, что запоминаю не через обстоятельства дела, а через обстоятельства около дела. Так, значит, я с этой логической цепью и бегал, как сорвавшийся барбос, и висела она при мне без всякой пользы и употребления, но, как говорят, весо-мо, грубо, зримо. Как не о чем становилось думать, хоть и редко это бывало, все выводила меня память на эти дурацкие стишки. Бормотал я их, бормотал и автоматически прини-мался прикидывать, что бы такое крутящееся остановить да как бы получить такую волну, как там, в фильме, какую бы там приспособить плотину и турбину и в каком виде нава-рить означенный чай. Для пущей ясности даже кустарное на-чало к этим стишкам присочинил. «Твердое остановилось, жидкое бежать пустилось. Вот бежит оно, бежит, так что все кругом дрожит». А дальше уже про плотину и турбину.

И вот как-то опаздывал я на работу безнадежно и решил часок в парке побродить, чтобы потом разыграть в проходной сцену возвращения из местной командировки. Во избежание персональных неприятностей. Бродил, бродил и добродился до того, что начал эти стишки по обыкновению повторять. И — место я очень хорошо запомнил: такой склон, на нем здоровый пенёк, опилки свежие вокруг — вдруг сообразил: электрон вращается вокруг оси? Говорят, вращается. А вот если это вращение остановить, что получится? Стал дальше соображать — ничего не сообразилось. С какой он скоростью вращается? Какая энергия во вращении запасена? И спин, он, конечно, спин, — веретено, — но ведь и говорится, что все это так, формально, а по сути дела... А что по сути дела? Да и потом спины равновероятно разориентированы. А сори-ентировать их можно? И стали меня мучить какие-то казар-менные кошмары. Помните, там у Грибоедова сказано: «Он в три шеренги вас построит. А пикнете — так мигом успоко-ит». Представляете себе картину: все валентные электроны в металлическом кубике выстроены в этакое трехмерное ка-ре — а-ля Луи Надцатый — вертящихся веретен. А Балаев подает команду. Раз-два! Все веретена останавливаются — бах! — возникает всплеск освобожденной энергии, загорают-

ся лампочки, чайники кипят, троллейбусы бегают и т. д. и т. п. Отлично! А во что превращаются эти стоячие веретена, что являет собой электрон без спина? Теперь вы мне это на пальцах объясните, а тогда некому было. Человек, достойный этого дела, наверняка бы так не оставил, стал бы книжки читать, размышлять по ночам в супружеской постели. Может, темку бы открыл. А я бросил. Занялся люмонами, потом на волновые аномалии перебрался, потом... Потом много всего было.

Лет пять или шесть прошло. А может, и больше. Изредка я вспоминал всю эту историю, с энергией разбирался, картинку рисовал: электрон в виде веретена, вектор спина в виде копья и две-три школьные формулы: веер Филиппова, распределение валентных спинов по Джеффрису и преобразованную мной самим матрицу Бертье — Уиннерсмита.

И вот однажды застал меня за этим занятием Оскаррик Джапаридзе.

— Что это у тебя? — спрашивает.

Ну и выложил я ему всю эту альгамбру.

— Архимед, — говорит Оскаррик, головой крутит и удаляется по своим делам.

Обозлился я. И задумался всерьез, как же все-таки поставить эксперимент. И вдруг пришла мне в голову ясная, отчетливая мысль. Как будто в мозгу какая-то перепонка лопнула. И все одно к одному, логично, очевидно. И выходит чудовищный результат: электрон с тормозящимся спином дает ориентирующее поле. Грубо говоря, сам по стойке «смирно» стоит и соседей заставляет. И начинается спонтанный процесс. И осуществляется видение о каре электронов.

Очумел я от этой мысли. «Наверняка, — думаю, — где-нибудь напорол. Пускай, — думаю, — полежит недельки три, угар сойдет, и поглядим».

Хожу как в полусне, дела не делаю, функционирую через пень колоду. Как дьюар: внутри все кипит, а снаружи жестяная банка.

И вот день на третий сижу я в курилке, и вдруг влетает туда Оскаррик.

— Слышь, Сань, — говорит, — я тебя ищу, ищу. Куда ты подевался? Я тут сложил балладу. Смотри, что из этого получается.

И прямо на кафельной стенке начинает изображать. И так у него, хитрюги, все ловко выходит. И вдруг спотык!..

И на той же плитке начинаю его сигмы разгибать.

— Ах вот как! — говорит Оскаррик. — Ну как знаешь, как знаешь.

И сублимирует в неизвестном направлении.

Смотрел я, смотрел на его карзкули, ничего не высмотрел

и ползлся домой. Дома еще часа три ковырялся. «Нет, — думаю, — недаром тебя, Саня, отцы профессора определили по экспериментальной части. Теоретик из тебя как из шагающего экскаватора: за сто метров горы роешь, а под пятой лягушки спят». Стал я выписывать на лист слева свои записки, справа — Оскариковы. До середины дописал и все понял. И где я вру, и где Оскар врет, и что должно быть в действительности. Задача — чистая арифметика, опыт — что поленья в печку класть. Сажу смотрю, очами хлопаю, а тут звонок. Телефон. Оскарик звонит.

— Санечка, — говорит, — а это вот не купишь? — И начинает мне те же выкладки теми же словами.

— У самого есть, — говорю, — дальше вот что.

— Альгамбра, — отвечает он. — Ты, Саня, голова, и я, Саня, голова!

— А что из этого вытекает?

— А проистекает, — говорю, — то, что если ты немедленно ко мне не проследуешь, то я за себя не ручаюсь. Вплоть до ломки мебели и битья посуды. Нету никакой моей мочи перед лицом открывающихся перспектив...

По-честному, на этом вся история открытия и кончается. Без всяких там задумчивых волчков. Ей-богу! Ведь правда же неинтересно! Ньютону хоть яблоко на голову упало — предмет, эстетичный по форме и аппетитный по содержанию. А мне что прикажете? Так в веках и оставаться при кафельной скрижали из курилки? Осатанеть можно от тоски. Чем не юмористическая трагедия?

Ну ладно, сатанеть мы не будем. У нас для этого других причин достаточно. Я вам не случайно всю эту историю рассказывал, а в виде присказки. А сказка-то будет впереди. И не вся. Не вся, отрывок только.

Кончили мы с Оскариком расчеты в три дня, обоснование эксперимента написали и вломились к Земченкову, к Виктору Палычу. Да-да, к тому самому. Он уже членкором был, нашим замом по науке. Так и так, говорим, нужен нам для эксперимента ни больше ни меньше, а куб из золота с ребром в семьдесят сантиметров.

Он, душа, аж взвился:

— Да вы что, ребята! Вы понимаете, сколько он будет весить?

— Понимаем, — говорит Оскар. — В исходном виде шесть и шестьдесят пять сотых тонны. Но это только в исходном, потому что мы его с трех сторон просверлим через каждые десять сантиметров сквозными каналами, чтобы обеспечить охлаждение жидким водородом и получить узлы массы. И штупера приварим. Тоже золотые. Вот эскиз, посмотрите.

— Ох, люблю я вас, ребята! — говорит Виктор Палыч. —

Очень вы хорошие ребята. А сколько будет стоить этот ваш кубик, вы себе отчетливо представляете?

— Это как сказать, — говорю. — Если по международному курсу, то шесть с половиной миллионов рублей без стоимости обработки. Ну обработка-то недорогая, тысяча двадцать потянет, спецсверла опять же делать надо.

— А больше вам ничего не надо? — спрашивает он. — Может, вам еще штук сто бриллиантов «Орлов» по углам?

— Надо, — хором говорим мы с Оskarиком. Но тут мы подумали: если немножко разорить у Благовещенского стенд и кое-что переделать — немного, тысяч на двести пятьдесят — триста, то мы обойдемся.

— Ах, обойдетесь! — говорит Виктор Палыч. — А что в результате?

— А в результате, — говорю, — будем иметь электростанцию на сто восемьдесят мегаватт с собственным потреблением сорок. Итого чистый выход сто сорок мегаватт. Это с запасом. Три года можно так работать. А потом еще три года будем иметь сто пятьдесят мегаватт при собственном потреблении пятьдесят, но уже без запаса. А потом куб надо будет заменять, потому что он уже будет на треть палладий.

— Палладий, — говорит он. — Две тонны палладия — это тоже неплохо. Ну а какова вероятность успеха?

— Нас двое — природа одна, — говорит Оskarик. — Значит, вероятность успеха шестьдесят шесть и шесть в периоде. Иными словами, две трети.

— Ну вот и прекрасно, — говорит Виктор Палыч. — А знаете ли вы, какой годовой бюджет у нашего института?

— Знаем, — говорю. — Что-то около восьми миллионов.

— Вот именно, что около. Восемь миллионов сто двадцать шесть с половиной тысяч рублей. И за каждый рубль я сражался как Илья Муромец. Так что ваши семь миллионов плюс столько же на непредвиденные расходы для меня добыть ровным счетом никаких трудов не составляет. Да и вероятность какая! Балаев и Джапаридзе против матери-природы! Еще и половину меня запишите. Выйдет без малого семьдесят один с половиной процента! Все ясно... Все работы прекращаем, всех докторов и профессоров увольняем на пенсию, чтобы они институтское производство не загружали своими мелочами. Кстати, и у Благовещенского стенд отбираем, нечего ему с ортометронами возиться, когда нас такие идеи озаряют. И назализуемся! Золото уже везут в спецвагоне, тридцать три богатыря его стерегут. Балаев и Джапаридзе у сверлильного станка на карачках ползают, стружечку золотую в мешочек собирают для отчета. И через полгода, от силы через три квартала, членкор Земченков включает рубильник. Гром и молния! И нас с вами в наступившей тишине

остальными двадцатью восемью с половиной процентами вероятности по шеям, по шеям! Так, что ли, молодые люди?

— Да нет, — говорю, — не так, конечно. Но делать-то надо, Виктор Палыч! И меньшие размеры эксперимента ничего не дадут. Критический конус не развернется. Вы посмотрите расчеты.

— Посмотрю, — говорит Виктор Палыч. — Обязательно посмотрю. И не только я посмотрю, все посмотрят. Кому надо, те и посмотрят. А чего не пойдем, молодые люди, так обязательно у вас спросим. И для начала, будьте любезны, вы расчетики свои приведите в божеский вид, размножьте экземплярах в двадцати, как положено... Сколько вам на это надо?

— Четыре дня и один час, — ехидно говорит Оскар. — День в порядок приводить, три дня просить и час печатать.

— Спокойней, — говорит Виктор Палыч. — Спокойно, Оскар Гивич. Впрочем, я не возражаю, если вместо расчетов вы возьметесь за реконструкцию нашей копировки и закупку оборудования... Не хотите ли?

— Не хочу, — говорит Оскар.

— Вот и никто не хочет, — говорил Земченков. — Все хотят что-нибудь этакое открыть. И приходится все Льву Ефимовичу делать, да и мне еще ему помогать. А он и Лев, да не Толстой, и Ефимович, да не Репин. Ни написать, ни нарисовать действующего оборудования не может. А так бы хорошо было! Так вот, значит, экземплярики мне на стол. С визой ваших обоих руководителей. И Фоменко, и Месропяна. Семинар у нас до февраля расписан, так мы проведем внеочередной. В отделе у Благовещенского. Устраивает?

— Устраивает, — говорим.

Вот. И стали нас с Оскариком причесывать. И не в четыре дня мы Земченкову расчеты на стол положили, а и четырех месяцев нам не хватило. Месропян, тот сразу сказал, что это не по его части, его другие вещи занимают. А Фоменко, Оскариков руководитель, так в нас вцепился, что пух и перья полетели. И нащупал он у нас, злодей, спасибо ему, слабину в математике. Топтались мы, топтались, только Иван Сулейменов выручил. Знаете его? Сунул он нас носом в казахский ежегодник, дай бог памяти, года семьдесят восьмого или девятого. Страница!.. Но там примерно такое же преобразование рассматривалось, только не с теми граничными условиями. Очень нам помог Владик Пшибышев, его нам помощник Земченкова сосватал. Доктор. Вот человек — танк! Если у меня в мозгу и были ребра, так он их сокрушил. «Вы, — говорит, — Александр Петрович, совершенно правы. Но не в этом вопросе...»

Ну, чем кончилось, вы сами знаете. Встала против нас геофизика с экологией. Вы что же это, мол, электрончик раз-

дели, зарядик черт-те во что превратили, употребили, а чем компенсировать будете? Ах от Земли? Раз от Земли, два от Земли, а потом что? Положительный заряд планете сообщать задумали. Не пойдет. Нарушение природного равновесия. Космологическая проблема. Вот ее-то Махалайнен и решил. Казалось бы, проще простого. Он с протонов предложил снимать положительный заряд. Процесс дороже нашего раза в четыре, но без него никак. Так мы втроем Нобелевскую премию и получали: Махалайнен, Оскар и я. Помню, встретился я с Махалайненом в Хельсинки в первый раз. Я как-то привык, что мы все молодые, поглядел на него — и как с разбегу в стенку! Семидесятилетний старец, брови серебряные, борода лопатой. «Здравствуйте, — говорит, — Александр Петрович, — а меня все Санькой звали, и я сам себя так звал, — очень рад с вами познакомиться. Давно желал, думал, не успею. И вот успел. Рад, сердечно рад». Потом понял, и в краску меня ударило. До этого я вообще не задумывался, может ли человек чего-то не успеть. А сейчас уж и сам подумываю: «Вот этого я не успею. Вот это вряд ли увижу. А то успею — только поднавалиться бы надо». И выходит, что очень многого я не успею, потому что, если по-настоящему дело делать, в нашей науке за всю жизнь больше ста метров и не замостить. Так-то, молодые люди. Ведь до запуска первой полноценной промышленной стоп-спин-станции мощностью девятьсот мегаватт — уж так нам экология определила — не год прошел, не пять, а двадцать четыре года, как одна копеечка. И все двадцать четыре года крутились мы с этим делом как белочки. И стоила эта работа не семь миллионов рублей на круг, как мы с Оскариком прикинули, не четырнадцать, как выдал нам Земченков для сбития спеси, а триста двадцать два миллиона шестьсот семьдесят тысяч карбованцев. И на что ушла каждая тысяча, я, Балаев, помню. Ох, как помню! А вот профессор Махалайнен красотишки нашей и не увидал. Не успел.

Так что, молодые люди, вы мне не говорите: «Вот вам, Александр Петрович, вектор, вот вам сектор, дайте нам полтора миллиона, и через год будет у вас — это у меня, значит, — вон я какой царь Дадон! — антигравитация». Расчеты свои вы передайте Семену Григорьевичу. Если хотите, сразу. Сами знаете, кто он. Ни написать, ни нарисовать действующего оборудования не может. Размножьте, раздайте по отделам, готовьтесь. Как будете готовы, я внеочередной семинар назначу. Это я вам твердо обещаю.

А пока, простите, дела. Надо тут с капитальными затратами поколдовать маленько да хоть часть писем разобрать. Вон их какая папка! Может, выдумаете машину, чтобы письма разбирала за меня, а? Нет? Ну то-то.

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА «ОСКАРОВ»

Я сидел за столом диковинной овальной формы, чем-то смахивающим на орбиту с двумя солнцами. Таких столов в ресторанчике было шесть, но мой располагался удобнее прочих. Во-первых, потому, что рядом мирно дремала в деревянном бочонке довольно-таки симпатичная, хотя и чахлая, пальма, а я люблю комнатные растения. Во-вторых, я видел всех входящих и выходящих. В-третьих, я мог беспрепятственно любоваться панорамой предзакатного моря. Я созерцал, как зарождается волна, как она растет, поднимается, выбрасывает белый ослепительный гребень, докатывающийся до прибрежных камней и разбивающийся об их твердь.

Я впервые оказался здесь, на Черном море. После наших северных рек и озер здешняя вода показалась мне неестественно теплой, как бы искусственно подогреваемой. Вернее, само море представилось мне теплокровным живым существом, и я, по правде говоря, так и не решился за эти два дня поплавать хотя бы возле берега.

В ресторанчике было пусто, в этот час отдыхающие еще дремлют на раскаленных камнях или вяло перекидываются в картишки, убивают время дикарскими играми наподобие подкидного дурака. Хмельное веселье грядет попозже, часов с восьми-деяти, а пока за столом слева старичок пенсионер разгадывал кроссворд, изредка прикладываясь к рюмочке с коньяком, а за столом справа, у раскрытого окна, молодая пара, несомненно влюбленные, перешептывалась и вдруг взрывалась раскатами смеха.

Новый посетитель проследовал прежде всего к буфету, где, даже не поморщившись, проглотил три четверти стакана водки. После этого он уселся за соседний столик — лицом ко мне и спиной к морю — и стал дожидаться официанта. Тут наконец я смог его рассмотреть. Волосы у него были черные, волнистые, от макушки до лба они были сведены на нет проплешиной. В карих навывкате глазах, живых, беспрестанно перебегающих с места на место, порою обозначивалась отчаянная тоска. Портрет дополнялся тонким носом с горбинкой, пухлыми малиновыми губами и неестественно оттопыренными ушами. Оттопыренные эти уши создавали комичное впечатление: казалось, их владелец то и дело ко всему прислушивается.

Появившемуся официанту он что-то коротко шепнул на

ушко, и вскорости перед ним красовалась запотевшая бутылка в обрамлении кое-какой закуски. Минут через десять, весь раскрасневшийся, разомлевший, он разминал пухлыми пальцами сигарету и спрашивал меня через стол:

— Часом, прикурить не найдется?

Я молча ему кивнул. Он подошел, прикурил и, после того как выпустил облако дыма, сказал:

— Зажигалочка у тебя классная. Суперлюксовая. Прямо атомный примус. Другой такой и не сыщешь. Прямо скажу, подфартило тебе, дружище... Ничего, что я без спроса переехал на «ты»?

— Ничего, — отвечал я. — А зажигалочка титановая.

— Одобряю. Любо-дорого. Металл дефицитный. Краем уха слышал, будто из него батискафы клепают, скафандры варят космические и все такое прочее. Ну и коронки ставят вечные... Я гляжу, ты не пьешь, лимонадом спасаешься. Может, слегка воспырнем знакомство, а?

Пока я раздумывал над его последней фразой, он исхитрился и запотевшую бутылку, и закуску переметнуть на мой столик. От водки я наотрез отказался, тогда он выпил за нас двоих.

— Да, зажигалочка загляденьице, — говорил он, медленно жуя колбасу. — Чудная больно только. Семь кнопок на ней, для чего ж столько?

— Не семь, а восемь, — улыбнулся я. — Смотря кто прикуривает. Эта вот кнопка, желтая, для холостяков. Красная для женатых. Зеленая для разведенных. Серебристая для футбольных болельщиков. И так далее.

В улыбке рот его разошелся до самых ушей, отчего уши оттопырились еще больше, и тут он стал похож на летучую мышь.

— А ты шутник, дружище. Сразу видно, человек искусства, богема, так сказать. Курточка у тебя что надо, одних «молний» штук двадцать, не меньше. Небось где-нибудь за кордоном отхватил, а? — Он откинулся картинно на стуле, сощурился. — Хочешь, угадаю, чем промышляешь? Киношник... Не угадал?.. Тогда телевизионщик... Опять промахнулся? Радиопостановочки варганишь. Снова нет? Значит, журналист. Пресса!

— Я занимаюсь изучением древних народов и рас. История, палеоэтнография, палеоконтакты. Если непонятно, поясню: проблемы взаимного общения в историческом аспекте, — сухо сказал я.

— Выходит, Крым для тебя суший клад! — обрадовался он. — Тут недалеко, под Алуштой, нынче крепость сверхдревнюю раскопали. Представляешь, целехонькая вся, стены в высоту метров пять, дворцы, статуи, фрески — загляденьице!..

Сам-то небось нездешний, а? Из Москвы? Из Киева? Из каких краев отдыхаешь?

— В командировке я здесь. В археологической экспедиции. Сам же родом оттуда. — Я неопределенно махнул рукой в сторону буфета. — Из заполярных краев. К нам добираться довольно трудно.

— То-то, гляжу, бледный ты весь, ровно покойник, ха-ха. На Севере все такие, я знаю. Ну ничего, здешнее солнышко быстро тебя поджарит. Как на вертеле. — Он проглотил очередную рюмочку и сказал вкрадчиво, точно прислушивался сам к себе: — А я Жилевин. Представь себе, тот самый Илюша Жилевин. Так что тебе, ученый жук, повезло.

— Довольно редкая фамилия, — сказал я как можно более учтиво.

Он весь буквально закипел от возмущения.

— И ты хочешь сказать, что не знаешь ничего об Илюше Жилевине? И после этого называешься культурным человеком? Ты и о Мише Барковском, может, слыхом не слыхивал, а?

— Фамилия Барковский встречается чаще, особенно на Украине, — сказал я.

Он закрыл свои жгучие глаза, охватил голову ручонками и закачался из стороны в сторону.

— Этот гражданин — чокнутый. И зачем таких берут в науку? Он сидит в ресторане весь бледный, как покойник, пьет лимонад и не знает лучших людей в обществе. Но я помогу этому психованному выздороветь. — Он перестал рассказывать, раскрыл глаза. — Миша Барковский — режиссер «Десанта на Сатурн». Всемирно известного фильма. Того самого, который получил тринадцать «Оскаров». Только не говори мне, будто ты не знаешь ничего насчет «Оскаров», а то я умру от смеха.

— Не умрешь, — сказал я и после некоторого молчания добавил: — Я последние пять лет был в экспедиции, городище древнее откапывали на Севере, поэтому не знаю многих новостей. Что касается имени Оскар, то оно встречается довольно...

— Довольно! Довольно! — перебил он меня умоляющим движением руки. — Всякий ребенок знает: «Оскар» — это же премия, притом знаменитая на весь белый свет. В Голливуде ежегодно «Оскаров» дают самым наилучшим киношникам. Феллини получил, Антониони, Бергман, Лиза Минелли, Пол Скофильд. А Бюнюэль, промежду прочим, сразу четыре «Оскара» взял: два за «Гаргантюа», а два за «Пантагрюэля». Исключительно ему Рабле удалось отобразить. Так вот. «Десант на Сатурн» забрал все «Оскары» на три года вперед — тринадцать золотых статуэток привез Миша Барковский,

сметнул? Чертова дюжина. Весь мир до сих пор балдеет, хотя уж времени сколько пролетело. — Он привстал, перегнулся ко мне через стол и понизил голос до шепота: — А на самом деле все премии нужно было б вручить — отгадай кому? До старости не угадаешь. Мне! Илюше Жилевину, провалился я в тартарары, коли вру. Давай пропустим по маленькой, а? Я еще закажу бутылочку, будь другом, за компанию, как говорится.

И вторая запотевшая посуда моментально украсила наш диковинной овальной формы стол, чем-то смахивающий на орбиту планеты с двумя солнцами.

— Жаль, не пьешь ты, бедолага, — горевал умиленно Жилевин. — Хотя я тебя понимаю, свои слабинки у каждого. Я, честно говоря, лишь в последнее время начал зашибать по-крупному, особенно всю эту неделю, ну, после разговора с Барковским. Нескладный вышел разговорчик с этим сукиным сыном.

— А что за разговорчик вышел? — вяло поинтересовался я.

— Сложная история. Ну да уж коли на то пошло, выложу тебе все по порядку. Чем-то ты мне симпатичен, хотя и не употребляешь. Только вот подсяду к тебе поближе, не возражаешь? Как говорится, и стены имеют ушики... Теперь застынь. Поведая все как на духу. Душа жаждет выговориться, может, и полегчает потом.

Так вот. Я с детства наделен талантом к иностранным языкам. По всем остальным предметам с троек на четверки перебивался, а как дойдет до английского или французского, учителя на меня не могли нарадоваться. Прирожденный полиглот, можешь не сомневаться. К десяти годам я одолел легко шесть языков, перед институтом знал уже около тридцати, не меньше. На руках меня все носили, перед симпозиумами международными как диковинку выставляли. А мне что? Мне язык выучить — раз плюнуть. Услышу пять-шесть фраз на любом наречии, и тут же у меня в голове, вот здесь, гляди, где шишка выступает, начинается слабое потрескивание, будто компьютер работает. Щелк, щелк — и уже усек новый язык, основу, конечно, а уж тонкости дело наживное... Ты, конечно, думаешь, заливаает тебе Илюша, байки рассказывает. По глазам вижу, не веришь. А ты проверь меня. Проверь! Раз допотопными народами и расами завед�ешь, стало быть, хоть один язык древний разумеешь. Вот и скажи слов двадцать-тридцать на пробу, мы ж ничего не теряем.

Я улыбнулся и начал читать на эпическом санскрите любимый отрывок из «Махабхараты»:

...Ночь наступает,
Завтра тебе расскажу

я все по порядку, царевич.
Мир тебе, бодро вставай,
вспомни родителей, верный,
Ночь наступила,
и скрылся Владыка света.
Вылазит ночная нежить,
страшная чарами злыми,
Слышно шуршание листьев,
звери в лесу шевелятся.
Завыли на юго-запад
ужасные злые шакалы.
Они своим воем
тяжко мне сердце тревожат...»

Я прочитал главу из «Супружеской верности» до конца и посмотрел на Жилевина испытующе. Он сидел с полужакрытыми глазами, будто задремал. А когда ответил, я, признаться, поразился.

— Этот язык я не знал. Он есть глубокая древность, — отвечал он тоже на санскрите, притом, и это главное, на санскрите эпическом! Он делал ошибки в произношении, он не совсем правильно построил фразу, но чудо свершилось: он говорил на языке, который мало кто знает из людей планеты Земля.

Я бросил ему несколько фраз из «Гильгамеша». И через несколько минут убедился: этот захмелевший человек способен был заговорить на языке древних шумеров!

Я не бог весть какой знаток языков. Но отрывки из древних документов, естественно, знаю наизусть, в конце концов, это моя профессия — знать историю лучше других. Я зачитывал ему допотопной давности тексты на буанском, кельтском, арамейском, гиндукушском, ольверском, татранском наречиях — и он с честью выходил всякий раз из испытания. Наконец, уязвленный, я обратился к нему на столь древнем и сложном говоре, что он и для специалистов показался бы сущей абракадаброй. Этот текст я обнаружил при раскопках северного городища и сам, признаться, только-только начал его расшифровывать. Однако Жилевин и тут восторжествовал, довольно точно переведя текст, вплоть до последней несколько загадочной фразы: «Правильно ль ты поступаешь, светоносец премудрый, путешествуя по всей Галактике? Столпу разума, как ты, надлежит открывать миры внутри себя, а не искать себя в мирах».

— Убедился? — печально спросил он. — Дар божий. Тут ни прибавить, ни убавить, как говорится. Да только из-за этого проклятого дара жизнь моя и покатилась кувырком...

Так вот. Учился я на третьем курсе. В мае, перед самыми каникулами, заявляется к нам Барковский, он еще не такой знаменитый был, хотя уж и сорвал в Венеции «Хрустальную звезду». Заявляется он к нам и давай меня заманивать к се-

бе. Выяснилось, что нужен я ему позарез. Он тогда снимать «Десант на Сатурн» только-только начал, журналы, радио, телевидение на ссй счет прямо захлебывались. Неужели не вспоминаешь? Странно... Суперколосс! Научная фантастика! Восемнадцать миллионов рубликов было на него отпущено копейка в копейку. Одних статистов свыше шести тысяч! Актеры — из двадцати с чем-то стран. Барковский меня и звал на лето к себе, не хотелось ему возиться с целой бандой переводчиков. А я, дурак, клянул на посулы, хотя, сказать по правде, платил он мне прилично, даже не стану говорить сколько, все равно не поверишь. Да и белый свет повидал... Ты по заграницам тоже небось шастаешь, брат археолог?

— Раньше приходилось чаще, чем теперь. Хотя скоро собираюсь в Париж, — сказал я.

— О-ля-ля, Париж! — всплеснул руками Жилевин. — Да я туда катался разочков двадцать, не меньше. Но это уж потом, на следующее лето. А для начала мы с Барковским в Австралию слетали, там сняли кое-что, натуру, как говорится. Через неделю уже в Тибете очутились, храмы щелкали буддийские. А там Гонолулу. А там Южная Америка, Куско, империя древних инков. Барковский, он же дитя природы, весь опутан, как любовями, замыслами, ассоциациями. Сегодня подай ему Гренландию, завтра Японию, послезавтра... В общем, попался я в его сети, как золотая рыбка в сказке Пушкина. Заграница! Дорогие отели! Визиты! Коктейли! Интервью!.. Пришлось брать академический отпуск, настолько пристрастился я к проклятому кино. Ну да ладно, всего не перескажешь, теперь подхожу к самому главному.

Слушай меня внимательно. Только поклянись, поклянись, что никогда никому ни слова, ни полслова! Клянешься? Ладно, я тебе и без клятв верю, чем-то ты мне симпатичен, хотя и не пьешь.

Снимали мы, стало быть, здесь недалеко, под Судаком, километрах в десяти-двенадцати, в ущелье возле моря. Заглавный снимал эпизод — высадку землян на Сатурн. Ну, что такое киноэкспедиция, ты наверняка знаешь, а если не знаешь, не беда. Представь себе довольно широкое ущелье, речонка журчит, море прибоем играет. На холме треть планетолета выстроена, для съемки и трети достаточно, остальное дело операторов. Возле берега растения чудные из полиэтилена понатыканы. Большую же часть ущелья занимают макеты убогих хижин сатурнианцев. По замыслу сценариста, земляне туда прилетают, а там вроде бы каменный век. Дикость, борьба с чудовищами, туземки в повязках набедренных, зритель такой антураж обожает до беспамятства, верно я говорю, а?.. Для вящей убедительности наши декораторы создали макет поселения дикарского по картинкам из «Истории Аф-

рики» Гордона Уайлза, есть такой знаменитый на весь мир цветной атлас. Взяли и передрали один к одному хижины, костюмы, оружие племени нгала, что в Южной Африке обитает. Не удивляйся, кино — сплошная мистификация...

Как сейчас помню, не шел эпизод. За две ночи семнадцать дублей намотали, а Барковский все недоволен: и это ему не так, и то не эдак, он когда на съемочной площадке, то прямо как чокнутый. Все с ног валится от усталости, а ему хоть бы что. У меня от перенапряжения левый глаз дергаться начал, видно, подскочило давление.

Вечером перед третьей ночью решил я малость поспать. Договорился с Барковским, что меня разбудят ровно в полночь, когда уже и свет будет установлен, и грим наложат, — короче, к самому началу съемок. А спать я наловчился — отгадай где? В жизни не отгадаешь. В астроотсеке нашего планетоleta. Диваны там мягкие, как перина, приборов немислимых рой, ночью проснешься: луна за прозрачным колпаком, звезды огромные южные, будто в другой мир попал. Главное же, крики с площадки не слышны, хоть и здорово надрывается Барковский, глотка у него прямо-таки луженая, а я сплю в спокойствии да тишине.

Я проснулся будто по наитию. Точно меня током дернуло или тварь какая укусила. По привычке посмотрел на часы — полдвенадцатого. Тут яркий сиреневый свет прокатился по колпаку астроотсека. Неужто, думаю, наши осветители решили меня разбудить таким макарон: они у нас любят повыпендриваться. Поднялся я с дивана, подхожу к колпаку — глазам своим не поверил. Висит над ущельем бандура, круглая, вроде медузы, метров двести в поперечнике, вся огоньками испещрена разноцветными. Висит — и заливает ущелье сиреневым светом. Сознаюсь, я спросонья не сразу допетрил, что к чему, даже мыслишка мелькнула шальная. Неужто, думаю, сумел Барковский с кем надо договориться и такую штуковину для съемок заграбастать? И тут я похолодел. Было абсолютно тихо, я даже слышал тиканье своих часов. Вот от тишины-то у меня мороз по коже и прошел. Чтобы таких размеров аппаратик висел в небе без грохота и рокота — до этого твоя земная наука еще не доскакала, шалишь, брат ученый. И другое меня поразило в самое сердце: свет тот дьявольский вообще не давал тени. Правда, пластмассовый колпак немного искажает перспективу, так что глаз мог и ошибиться. Открываю люк, высовываюсь до пояса наружу. Так и есть: парит в воздухе голубушка медуза, притом в абсолютной тишине, даже движок нашей дизель-электростанции замолк. И конечно, ни единой тени... Чего это глаза у тебя холодные, точно ледышки? Не веришь? Думаешь, рассказы, пьяный бред? Погоди, ты сейчас не такое услышишь, главное впереди.

Я внимательно изучал Жилевина. Руки у него исходили нервной дрожью, на лбу выступили бисеринки пота, а левый глаз начал заметно подергиваться.

— Да, главное впереди. Главное в том, что зря я высунулся по пояс из люка, зря. Они меня, видать, заметили, и сразу же острый желтоватый пучок света уперся туда, откуда я высунулся. Не спрашивай как, но оказался я вытянутым из астроотсека, точно щупальца невидимые присосались, и прямо по воздуху — представляешь! — прямо по воздуху поплыл к медузе. Желтый луч всасывал меня в себя, как труба. Другой бы на моем месте тут же рехнулся бы, во всяком случае сознание потерял наверняка, а мне хоть бы что. Какая-то холодная ясность была в мозгу, как при бессоннице. Веришь ли, я все замечал: и как ночные бабочки, залетев в желтый луч, увязали в нем, словно в липовом меду, и как луч кончался на мне, а позади меня все удлинялась тьма, пустота, тишина. Но самое невероятное оказалось внизу, в ущелье. Знаешь, как в сказках злые волшебники погружают целые королевства в сон? Точь-в-точь такую картину я увидел под собой, пока плыл к медузе.

Внизу как по мановению волшебной палочки оцепенела вся наша киноэкспедиция. Оцепенели в самых невообразимых позах главные герои: Бурвиль так и не допил свой любимый оранжад, Пол Ньюмен сидел с приподнятой шляпой, Аллен Делон зашнуровывал скафандр. Катя Паскалева о чем-то шепталась с Джинной Лоллобриджидой. Банионис, Грегори Пек, Мастрояни и Автандил Лежава резались, как всегда, в преферанс. Дублеры, сотни статистов — все, буквально все замерли как статуи. И не только люди. Приблудный пес Казбек, добродушный увалень величиной с теленка, как перепрыгивал через речку, так и остался висеть в воздухе. Над кроной тутового дерева распластались две совы, будто наткнулись на невидимую преграду. Сиреневый свет накрыл все как колпаком... Смотри, у меня мурашки по руке пошли, жутко вспоминать, а тогда, можешь верить, бровью не повел. Погоди чуток, горло немного промочу, запершило опять в горле...

Так вот. Подплываю к медузе, ближе к ее верхней части. Луч спокойно протаскивает меня сквозь стену. Веришь ли, как сквозь ряску болотную. Р-раз! — и сомкнулась ряска, ничего вроде бы и не было, а на ощупь стена под стать броне, я успел рукой провести.

Очутился я внутри этой штуковины, гляжу, длиннющее помещение. То ли коридор, то ли черт знает что, запомнил только, как по стенам фиолетовым искры мельтешат. На себя поглядел: руки-ноги целы, слава богу, а сам я как бы внутри желтого воздушного шара. Оболочку видеть, а пальцем ткнешь — пусто, ничего, такой, брат, фокус.

Тут возникают в конце коридора две фигуры. Приземистые, коротконогие, как таксы, ростом метра полтора от силы. И в плечах ровно столько же, хочешь, верь, хочешь, нет. Приблизились они ко мне, вижу, оба в скафандрах, лиц не видать, только щелочки для глаз. А на ногах какие-то колесики, вроде наших роликовых, я толком не рассмотрел. На колесиках этих они довольно ловко семенят, хотя для постороннего глаза и непривычно.

Подкатили они, руками машут: изволь, мол, пожаловать вослед за нами. А мне что, мне терять нечего, одну надежду лелею: возможно, я все еще сплю и снится сон, я подчас и похлеще сны вижу.

Шел я с ними минут пятнадцать, не меньше. Опять сквозь стены проламывались, поскольку дверей там нет ни одной, на тележках тряслись, поднимались куда-то, опускались, даже головой вниз шествовали — фантастика, да и только. И вот пока мы так пробирались внутри медузы, начал я прислушиваться к их разговору и вдруг слышу у себя в голове, вот здесь, где шишка, слабое такое пощелкивание, потрескивание. Эге, думаю, заработал мой компьютер! Щелк-щелк, и будто из пелены прорезался для меня их говор, чувствую, начинаю понимать, о чем толкуют мои таксы...

Ты, дружище, не поверишь, какие случаются подчас совпадения. Слушай меня внимательно и удивляйся. Оказывается, сюда, на Землю, нагрянула киноэкспедиция с другой планеты! В прошлом веке ихние предки посетили дикарей того самого племени нгала, что в Южной Африке, я тебе говорил. Вот они и вознамерились снять о том посещении грандиозный фильм, вроде нашего боевика. На натуре, как говорится. Однако, еще не долетев до Африки, заметили они весь наш реквизит в ущелье: и хижины заметили дикарские, и самих нгальцев, размалеванных, топориками бешено потрясающих, боевой отплясывающих танец.

Конечно, заинтересовались они: откуда в здешних краях нгальцы ни с того ни с сего объявились, если в прошлом веке обитали они в Африке? То ли сами добровольно переметнулись, то ли загнали их сюда лютые племенные враги? Одним словом, решили разузнать, что к чему, опустили и усыпили всех туземцев на некоторое время. Они поначалу всегда так поступают, прежде чем вступить в контакт с низко развитыми цивилизациями. Проверяют, нет ли у туземцев всякой там чесотки, трахомы, дизентерии — в общем, зловредных микробов. За детали ихнего разговора не ручаюсь, однако смысл уловил более-менее верно, ты уже убедился, как у меня по части древних и всяких языков обстоит...

Шли мы, значит, шли коридорами и в конце концов очутились перед стеной. Гладкая такая, вся зеленоватая, то ли

пленка, то ли стена. И снова сквозь нее пролезли как сквозь ряску болотную. А едва пролезли, я весь так и обомлел. В огромном сферическом зале понабивалось такс видимо-невидимо, штук сто пятьдесят, если не больше. Скафандры у всех золотом отсвечивают, я даже зажмурился от нестерпимого блеска. Какие там устройства удивительные! Какие экраны! Глянешь — ужас и восторг в душе, не знаешь, в рай попал или в ад. По потолку фиговины всех цветов радуги ползают, одни на лягушек смахивают, другие на ежей, третьи на бабочек, четвертые вообще ни на что не похожи. Какие-то загогулины, посудины прозрачные с растениями внутри, если это, конечно, растения, в чем я крупно сомневаюсь. Начни я подробно описывать все тамошние чудеса, недели не хватит на описание. Да ты и не поверишь до конца, все ученые за-нудством страдают, сухари все до единого, верно я говорю, а?

Жилевин достал несвежий скомканный платок, высморкался, вздохнул и продолжал свою исповедь:

— Все таксы сидели, вернее, полулежали в креслах, чем-то смахивающих на те, что у дантистов в кабинетах. А один стоял на возвышении. Я сразу признал в нем главного и окрестил про себя Капитаном. Капитан был раза в два выше и толще других, представь себе громилу ростом метра два с половиной и в плечах столько же. Пусти такого на хоккейное поле — да он один всю канадскую профессиональную лигу разметаёт, мокрого места от ихних драчунов не останется... Ладно, не буду отвлекаться.

Поворачивают они свои кресла в нашу сторону, а Капитан-верзила строго эдак спрашивает у моих проводников. Так, мол, и проэдак, почему вышла накладка, почему этот дикарь неусыпленным вместе со всеми дикарями оказался? В общем, честит их в хвост и в гриву. Таксы мои оправдываются как могут: никто, мол, не предполагал, что я в планетолете недо-строенном на холме затаился, а когда заметили меня, пере-настраивать машину усыпительную было поздно, целиком бы-ла она задействована на нашу несчастную киноэкспедицию. Объявил он им по выговору в сердцах, а после и говорит:

«Ладно, — говорит, — нет худа без добра. Возьмите, — говорит, — туземца, уж коли он здесь, и исследуйте на пред-мет болезней, инфекций и всякой прочей нечисти. Усыпите, — говорит, — туземца в операционной, живот взрезать, печеньку-селезенку и прочую требуху доподлинно изучить, черепушку вскрыть, насчет мозга полюбопытствовать, а потом все снова собрать и память насчет событий нынешней ночи стереть».

Во как распорядился живодер инопланетный, я до сих пор, едва вспомню его, весь прямо передергиваюсь... — При этих словах Жилевина и впрямь передернуло. — Вот она, вся ва-ша наука! Лягушек скальпелями полосуете, собакам головы

приживляете, свинок морских заражаете чумой. На благо, так сказать, прогресса. А тут я сам вроде свинки морской угодил в подопытные твари. Чтобы мне, Илюше Жилевину, распластали брюхо и черепушку сняли — нет, я еще за себя поборюсь, решил я втихомолку.

«Братцы, — взмолился я весь в слезах, — драгоценные братья по разуму! Помилосердствуйте! Не исследуйте меня, Христа ради! За что ж такое надругательство над неженатым еще человеком!»

Я, между прочим, кое-чему на съемках научился, азы актерского мастерства немного постиг, дело это нехитрое. Брякнулся я на колени, белугой реву, бью им поклоны до земли, рубаху на себе рву. И вдруг почуял неладное: смолкли промеж ними разговоры. Капитан в кресло опустился, а оба проводника моих метров на двадцать от меня деру дали, как корова их языком слизнула. Гляжу, повертел Капитан на скафандре рычажок — и перенесся я в пузыре своем воздушном прямо к нему на возвышение. Спрашивает он меня строго-настрого: откуда, мол, язык ихний мне знаком. А мне чего таиться, мне терять нечего, я и поведал все чистосердечно: так, мол, и так, врожденный дар к языкам... Скажу тебе прямо: не сразу они поверили, даже экзаменовать меня принялись, как ты сегодня со своими царевичами, владыками света, ужасными злыми шакалами и прочей белибердой. Чем экзамен кончился, ты, конечно, догадываешься?

— Догадываюсь, — сказал я.

— Ну, рассказал я им подробнейшим образом про житейское бытие на матушке Земле. Про нашу экспедицию все описал, загадку нгальцев объяснил. Однако и здесь дал промашку. Черт меня дернул сболтнуть, что по сценарию наши дикари и есть коренные обитатели Сатурна. Что тут началось среди них — ни в сказке сказать, ни пером описать. Шум, грохот, вопли, крики возмущения, таксы из кресел повскакали, скафандрами грохочут, даже чем-то паленым запахло, как если бы проводка перегорела... Ты, дружище, не поверишь, какие случаются совпадения. Слушай меня внимательно и удивляйся: оказались мои таксы — кем бы ты думал? — сатурнианцами. По глазам вижу, не веришь, а?

Жилевин залпом опростал стакан и запил моим лимонадом.

— На Сатурне жизни нет, — сказал я твердо. — Там такие разреженные ядовитые газы, что...

— А я тебе говорю: сатурнианцы, даже не спорь! — нервно крикнул Жилевин так, что за столиком справа оглянулись. — Из-за них-то пошла моя жизнь вкривь да вкось. Ты дальше слушай, самое главное опять впереди.

Кричат они, возмущаются, кое-кто даже грозитя все

ущелье в пух и в прах разворотить, с лица земли стереть друзей моих, товарищей за клевету на планету и всю их благородную цивилизацию. Еле-еле восстановил Капитан порядок.

«Погодите, — говорит, — высокоумные сатурнианцы, расправиться мы с туземцами всегда успеем, да только сперва поглядеть надо, чего они там уже наснимали».

Тут я им и поясняю: не готов еще фильм, три эпизода не отсняты, трюки не смонтированы, звук не налажен и все такое прочее.

«Ничего, посмотрим, что уже отснято», — отвечает Капитан и допытывается: где коробки с отснятой пленкой?

«Где же им еще быть, — говорю я, — кроме сейфа Миши Барковского, он с этим сейфом днюет и ночует. В палатке главного режиссера, — говорю, — отснятая пленка, под нами, внизу». И тычу пальцем в пол. Чудно, но пол вдруг стал прозрачным как стекло, и опять увидел я под собою все наше сонное королевство.

«Покажи палатку», — велит Капитан.

«Вот там, — говорю, — рядом с речушкой, возле обрыва, крыша драконами размалевана».

Я еще и рта не закрыл, а уж лучик мой желтенький к палатке протянулся, заграбастал сейф и в медузу тем же макаром, что и меня, поволок, а в сейфе, между прочим, центнера два с гаком, не меньше, его обычно вчетвером на машину взваливают. Я оглянуться не успел, а уж стоит броневилок рядом со мною.

«Ключи, ключи, растяпы, забыли!» — опять тычу я пальцем в пол, а пол на глазах мутнеет и стал как прежде.

Какие там ключи! Один из них по знаку Капитана к сейфу подсеменил и лапы внутрь сквозь стенки — нет, ты только представь: сквозь лобовую танковую броню! — просунул. Вытащил он все девять коробок с пленками и сразу с ними смотался из зала. Тут свет померк, и прямо над собою, словно в воздухе, я увидел, как вспыхнули кадры «Десанта на Сатурн». И давай глазеть таксы на нашу продукцию, все посмотрели, правда, время от времени гвалт поднимался невообразимый, это когда шли сцены на Сатурне, сам понимаешь. А когда прокрутили последний эпизод, там, где Катя Паскалева с Мastroяни поцелуй играют, выдворили меня таксы из помещения. Я так понял: теперь будет решаться наша судьба. Сижу в коридорчике среди огней, по стенам прыгающих, зуб на зуб не попадает, такой озноб охватил, все тело ходит ходуном, подошвы чечетку бьют.

Не помню, сколько пришлось ждать, наконец потащил меня пузырь воздушный обратно в зал. Там теперь было пусто, сидел на своем возвышении Капитан, а с ним пять-шесть такс, вот и вся компания. И возвещают, стало быть, мне свою

резолюцию. Во-первых, все сцены на Сатурне они постановили изъять и забрать себе не знаю уж для каких целей. Во-вторых, вместо забранной пленки вложили они в коробки несколько документальных видовых фильмов о всамделишной сатурнианской жизни. Это, значит, чтоб земляне, хоть они в полнсе доверие других миров еще не вошли, начинали помаленьку понимать, с какими не такими уж дикими цивилизациями доведется им встретиться. Понятно, в будущем, не сейчас. Чтоб психика землян настраивалась в нужную сторону. В-третьих... это меня касалось. Пересмотрели мое дело, пожалели потрошить, как лягушку, разжалобил я их, видно, мольбами. А под конец Капитан и говорит.

«Не будем мы, — говорит, — Илюша, мозг твой облучать, память об нынешнем нашем знакомстве стирать. Боимся, не рассчитаем чуток, заденем ненароком место, где дар твой бесценный затаен. Ты, — говорит, — Илюша, единственное разумное существо в нашей системе солнечной, а может в целой Галактике, с таким даром к языкам. Ты, — говорит, — себя теперь береги. Как наши экспедиции станут впредь к вам прилетать, а они время от времени прилетают, будешь ты у нас вроде переводчика, толмача, если нужда, ясное дело, возникнет. Только уж, чур, давай договоримся по-джентльменски, — говорит Капитан. — Обо всем, что видел-слышал, никому ни гугу. Покляنيшься самой страшной клятвой, что тайну неукоснительно соблюдешь. А коли заикнешься кому, тогда на себя пеняй, больше не на кого. Дара речи беспощадно лишим да вдобавок выведем из человеческого облика».

Ты представляешь, дружище, так и пригрозил: мол, из облика человеческого безапелляционно выведем, каков фокусник, а? «Быком, — говорит, — вмиг обернешься, либо козлом, либо собакой, либо еще кем придется. Нам, сатурнианцам, перелицевать твою обаятельную внешность — раз плюнуть».

Почесал я затылок в раздумье и, сам понимаешь, поклялся. Куда деваться, на что хочешь пойдешь ради спасения собственного обличья. Пожалуй, я еще закурю, поднеси огонька, дружище. Классная, говорю, у тебя зажигалочка, знаток за такую сотню целковых отвалит, глазом не моргнет. Титановая, говоришь?

— Титановая, — подтвердил я, а Жилевин, глубоко затянувшись сигаретой, продолжал:

— Остальное уже не так интересно, Улетели они в Африку, к настоящим нгальцам, фильм свой кропать, я даже название запомнил: «Высадка на Землю». Если скажу, сколько у них на съемку всего фильма уходит, ты опять не поверишь. Одна-единственная ночь, понял? Сотни камер сразу задействованы, павильонов съемочных под сотню, не чета на-

шим киностудиям. Ничего не напишешь, далеконок шагнула техника ихняя, куда угнаться землянам...

Так вот. Отволоку меня луч в астроотсек — батюшки-светы, каким же убогим он мне показался! Я как будто из Петродворца в барак съехал. Люк я для видимости, понятно, захлопнул, но к щелочке глазом прикипел, любопытство разбегает, как дальше все закончится с медузой. Замечаю, ослабевают сиреневый свет, ослабевают. И огоньки, что по медузе перемигивались, вроде бы потускнели, пока вовсе не пропал корабль сатурнианский, будто его и не было. Вдруг, как выключателем кто щелкнул, ожило наше заколдованное королевство. Движок дизеля заработал, свет везде вспыхнул, Барковский, как обычно, рупором размахивает, нгальцы в гнусной своей пляске трясутся, репетируют эпизод.

Выкарабкался я из планетолета, с холма единым махом сковыркнулся, подбегаю к Барковскому — все честь по чести, все на своих местах, будто и не было ничего. Заглядываю тайком в палатку к Барковскому — сейф цел-целехонек.

Через несколько дней Барковский в Москву ненадолго сматся. И коробочки с пленкой — заметь! — с собою увез, наткнулся, видимо, на подарочек инопланетный. А когда возвратился из Москвы, объявил всем громогласно: я, мол, способ особый изобрел для съемок натуры на Сатурне, что-то вроде сверхблуждающей маски, поэтому хижины к черту размонтировать, статистов разогнать, экспедицию свернуть, остальное доснимем в Москве, в павильоне.

В общем, к маю «Десант на Сатурн» был готов. Жаль, ты его проморгал, обязательно посмотри. Фильм шесть часов идет, а не оторвешься. Какой там Сатурн! Какие дворцы летающие! Какие подводные съемки! С чудовищами многоглавыми, с русалками, их на Сатурне тьма-тьмушая, со схватками хищников, каждый метров по сто пятьдесят. А города какие! Дома наподобие деревьев из почвы вырастают километров на десять в вышину! Сатурнианцы как стрекозы в небе порхают! Рай, да и только, разве что ангелов не хватает, а так условия просто райские.

К осени Барковский все главные премии у нас в стране уже сорвал: и в Ташкенте, и в Новосибирске, и в Кишиневе, и на Московском международном — везде. Послали «Десант» в Канны — полный триумф! В Венецию — и тут Барковский всех обскакал, и Феллини, и Бюньюэля, и Бергмана, будь покоен. Из Триеста привез в том же году «Бриллиантовый астероид», с Филиппин — «Золотой лотос». Как Барковского везде принимали! Какие речи говорили! Патриархом современного кино с чьей-то легкой руки начали величать, хотя какой он патриарх в свои сорок семь с хвостиком, верно я говорю, а?

Я, понятное дело, везде с ним катался, везде порхал, и на меня отблеск его славы, как говорится, пал. Он на телевидении — и я на телевидении, он ручку жене президента целует, и я прикладываюсь, а как же иначе, личный переводчик, без меня ему шагу ступить некуда, он в иностранных языках был ни бум-бум... И вот наконец сваливаются на него все тринадцать «Оскаров» разом — представляешь, что это такое?

Из актеров трое получили: Пол Ньюмэн, Филипп Ноаре и Катя Паскалева, красивая такая болгарка, она еще в «Козьем роге» прогремела, наверно, знаешь. Сценарист получил, оператор, художник-декоратор, художник по костюмам, даже звукорежиссеру не пожалели золотой статуэтки, никогда такого не было за всю историю кино...

И закатали же нам встречу на родной земле по возвращении из Голливуда — не буду описывать в подробностях, все равно не поверишь. Целых два года валялись мы как сыр в масле. Буквально все — от кинопередвижника до академика — стелились перед Барковским. Герой! Метр! Член всех международных жюри! Президент Всемирной академии киноискусства! Жену с двумя детьми бросил, на французенке женился. Я тоже на свой институт рукой махнул и без диплома не последний человек на Земле...

Когда главные пиршества оттремели, объявил Барковский о новой своей затее. Решил на сей раз в историю податься, соорудить очередной суперколосс. «Зеркало Аттилы» называется. С фантастикой решил он пока повременить, хотя предложения были головокружительные. «Мне, — говорит, — нужно отдохнуть, в себя прийти после «Десанта». Все с ним соглашались, конечно, но я-то понимаю, что к чему, однако держу язык за зубами... Смотри-ка, вторая бутылка ополовинилась, а ни в одном глазу. Это все обидает меня грызет, не могу простить Мишке Барковскому подлых его художеств, оттого и не берет хмель.

Слушай меня внимательно. Теперь начинается самое печальное. Последние полмесяца мы с Барковским болтались здесь, в Судаке. Опять международный симпозиум. Опять Мишку до небес превозносили. Чего-то вручали, у него этих премий хоть пруд пруди. А в прошлую субботу зашли мы сюда, в этот кафешантан, клюнуть по маленькой, как говорится. Здесь уютно, народу днем почти нет, а главное, столы здесь из реквизита «Десанта на Сатурн», видишь, какой они ковыристой формы.

— Их форма напоминает орбиту планеты с двумя солнцами, — сказал я.

— Наверно, так оно и есть, — согласился Жилевин. — Вам, ученым, виднее. Эти столы у нас стояли в кают-компа-

нии планетолета. Уговорил нас тогда продать здешний директор, ужас как приглянулись ему эти столы... Ладно, не о том речь.

Сидим мы с Мишкой, потягиваем коньячок, и представь себе только, какую он речь заводит, мерзавец.

«Я, — говорит, — теперь в иностранных языках и сам поднаострился, без тебя вполне обойдусь. А главное, — говорит, — неудобно мне стало с тобою, Илюша, в высшем свете фигурировать».

«То есть как неудобно? — удивляюсь я прохвосту Мишке. — В пятидесяти двух странах вместе побывали, целый пуд соли съели, везде верою-правдою тебе, как собака, служил, и вдруг — бац! — неудобно».

«А потому, — говорит, — неудобно, что супруга моя теперешняя Брижитт вида твоего не выносит. Ты, между прочим, на себя в зеркало лишний раз оглянись. Нос как слива, глаза и впрямь собачьи, уши торчком, лысина до затылка, хоть у сапожника чисти».

Ну и взяла ж меня тут злость, даже удушье охватило! Ах ты, думаю, лауреат фиговый, из-за смазливой бабенки предаешь друга своего закадычного.

«Может, лысина у меня и до затылка, — спокойно так отвечаю, — зато совесть перед зрителями чиста. На хлебах ворованных не жирею, как некоторые другие гении-лауреаты-президенты-патриархи».

«Какие такие ворованные хлеба инкриминируешь?! — шипит Барковский, а сам по сторонам оглядывается. — Ты, — говорит, — плешивый, ври-ври, да не завирайся».

Дружище, можешь себе представить, он меня сам, самолично, обозвал плешивым! Молиться ему на темя это надо, а он...

Сжал кулаки я под столом, молчу, от обиды губу в кровь прикусил, а в мозгу будто дятел колошматит клювом: «Плешивый! Плешивый!» Я, понятно, не Марлон Брандо и не Аллен Делон, но тоже кое-какое имею о своей особе представление. Без уважения к себе не то что человек, даже зверь жить не станет, верно я говорю, а?

«Ах ты тварюга, — говорю, — Мишка! Ты мне ноги должен умывать за «Десант на Сатурн», за то, что из мелкоты да барышников в люди выбился. Забыл, как за творческую несостоятельность хотели тебя с третьего курса вытурить, как папаня твой, директор комиссии, мощной тряс, сынка спасая?»

В общем, помутился у меня разум, запамятовал я клятву мою страшную инопланетянам, про все на свете забыл. И выложил Барковскому правду-матку насчет сатурнианцев. Все

выложил, ничего не поберег, пусть, думаю, хоть правдой по-
давится, шельмец.

И что ты думаешь, друг ты мой душевный? Он спокойно
до конца все выслушал, даже бровью не повел, а после под-
нялся и говорит.

«Ты, — говорит, — спятил. Чокнулся натуральным обра-
зом. Все это глупость несусветная, бред больного воображе-
ния. Тебя, — говорит, — в сумасшедший дом поместить надо,
причем пожизненно, и я, — говорит, — при желании позабо-
чусь об этом. Впредь ты мне, — говорит, — хорек плешивый,
даже на глаза не попадайся!»

И ушел, предатель, в тот же день упорхнул в Москву, а
оттуда в свой Париж, к Брижитке размалеванной. Ну я и за-
пил ст обиды, стыда и огорчения...

Жилевин вытер платком слезы и горько вздохнул:

— Взойдет же на ум такая ерундовина: уши, мол, и
впрямь собачьи...

— Не стоит расстраиваться понапрасну, — сказал я. —
К примеру, у древних иранцев собака была посвящена вер-
ховному богу Ахурамазде и почиталась как священное жи-
вотное.

— Спасибо, братец, утешил, — сверкнул глазами Жиле-
вин. — Э-эх, пропади он пропадом в своем Париже! А ты,
дружище, коли туда и впрямь собираешься, всенепременно
полюбопытствуй на мерзкую харю Барковского. Не знаю, на
кого похож я, а этот двурушник — вылитый шакал, ужас-
ный и злой, тонко об этом сказано в древнем стихе, что ты
читал.

— Обещаю тебе полюбопытствовать на шакала Барковско-
го, — улыбнулся я и в ответ получил жалкую его улыбку.

Я осмотрелся. Старичок, разгадывающий кроссворд, исчез.
Влюбленные сидели к нам спиной, обнявшись, и смотрели на
заходящее солнце. Буфетчица дремала у стойки. Больше в
ресторанчике не было ни души.

— Но хоть ты-то мне, дружище, веришь? — заискиваю-
ще спросил Жилевин и потянулся за очередной сигаретой.

— Верю тебе, — сказал я. — Верю, что именно так все
и было. Как ты описал. Но одна деталь для меня не совсем
ясна. Как ты решился нарушить клятву? Не боишься, что
они исполнят свою угрозу?

Жилевин почесал возле уха и ответил:

— Честно говоря, побаиваюсь. Но уж коли грех на душу
взял, никуда теперь не денешься. Я так рассудил. Даже если
они за мной и следят, допустим, то все равно с Сатурна меня
козлом не сделаешь, расстояния больно велики, миллионы ки-
лометров. Надо сюда им опять добираться. А здесь меня на
мякине не проведешь, стреляный воробей. Я теперь за город,

или в рощу, или в парк ни за какие коврижки не подамся. Буду жить в самой гуще народа. Сам понимаешь: над Москвой или даже над Судаком медуза ихняя не станет торчать, не такие они дураки.

— Ты прав, — сказал я. — Всем инопланетным экспедициям наверняка запрещено демаскировать себя подобным образом. Однако существует другой путь. Они смогут зависнуть на орбите, а к тебе командировать специалиста по преобразению личности.

— Наизный ты человек, дружище, — широко улыбнулся Жилевин. — Допустим, пришлют они кого захотят. Теперь рассуди: неужто он может объявиться в людном месте? Я ж тебе говорил, они на такс похожие, уродливы до неимоверности, я по сравнению с ними красивей Жерара Филиппа. Да если такое чучело в золотом скафандре появится, допустим, на пляже, или в магазине, или еще где — ты представляешь, какое начнется столпотворение? Если ихнему преобразителю все же удастся меня силком схватить и потащить к медузе, живым ему не уйти, будь спокоен.

— Не заблуждайся относительно их уродства, — сказал я. — Скорее всего ты имел дело с роботами. Истинный облик тех, кому ты давал клятву, тебе, может быть, вообще неизвестен. Кроме того, никто им не мешает для командированного сюда специалиста изготовить скафандр, внешне абсолютно копирующий человека. Ты меня прости, я ученый, привык к логическому мышлению.

— Слаба твоя ученая логика, дружище, — отвечал, не раздумывая, Жилевин. — А машину для усыпления и переименования меня он за собою, что ли, поволокет? Машина эта в кубатуре больше нашего ресторана раз в пять, ученая твоя голова. Я ж видел эту машину на медузе.

— Техника совершенствуется не только на Земле, — сказал я своему удивительному собеседнику.

— Дай-ка мне еще прикурить, — попросил после некоторого раздумья Жилевин. — Гран мерси, как говорит эта прекрасенная выдра Брижитт... И все-таки классная у тебя зажигалочка. С ума можно сойти. Надо же: титановая...

— Ты прав, она титановая. Сконструирована на Титане, обитаемом спутнике Сатурна. А на самом Сатурне жизни нет, — сказал я и нажал четыре нужные кнопки на зажигалочке. За мгновение до того, как Жилевин залаял.

ПОДАРИТЬ ВАМ ГОРОД?

Второй раз в Ленинград Лавров попал лишь год спустя: не согласился тогда главный конструктор с протоколом, который привез с собой Лавров из ленинградского СКБ; разговор вышел крупный и закончился заявлением об увольнении. Глупое, конечно, было решение — что тут скажешь? Два месяца поисков новой работы, все не то, не то... Не по душе. Да и должность... Там он был руководителем группы, считай, исполнял обязанности начальника сектора, а предлагали в лучшем случае старшего... Наконец вроде бы на месте, и машина интересная, но — ирония судьбы! И вот год спустя он снова приехал в Ленинград уточнять детали проекта с заводом, где эту машину и предстояло изготавливать, и вновь приехал без брони на гостиницу.

Обход гостиниц завершился в «исходной точке», в «России», откуда он утром начал свои жилищные мытарства. Что его заставило вместо командировочного удостоверения, на которое администраторы и глядеть не желают, протянуть «дарственный акт»? Собираясь в командировку, стал искать в столе план Ленинграда, а в нем эта забавная бумажка. Развернул, пробежал взглядом, усмехнулся... А что-то кольнуло под сердцем — стыд, что ли? Хотел было засунуть рулончик в ящик стола поглубже, не дай бог, жене на глаза попадетсЯ, а вст... оказался в кармане. И всю дорогу, все три часа в самолете, вспоминал, вспоминал... С отчаянья, видать, сунул он эту забавную бумажку администратору — сколько сегодня услышал он раз «мест нет и не будет»?

Администратор чисто механическим жестом, продолжая разговор по телефону, развернула рулончик, прижала бумагу локтем и свободной рукой, пробежала взглядом и с таким удивлением поглядела на Лаврова, что Сергей Семенович невольно покраснел: «Фу ты, какую сморозил глупость!» Он уже потянулся было за рулончиком, но тут администратор неожиданно положила трубку мимо аппарата, изумленно вздернутые брови поползли вниз, на место, что-то горькое промелькнуло на холеном и умело подкрашенном лице, которое она тут же прикрыла ладонями, и так, без движения и молча, сидела она, наверное, с минуту, если не больше, пока не загремел второй телефон.

Она отняла руки от лица — перед Лавровым опять был

прежний администратор, отлично сознававший свою власть и могущество, быстрым жестом положила пищащую трубку на место, а звеневшую сняла... И вдруг:

— Вас двухместный устроит?

Повернула голову и повторила вопрос со странной, какой-то виноватой, так не вазавшейся с ее холодно-вежливым лицом улыбкой:

— Сергей Семенович, вас двухместный устроит? У нас, к сожалению, все одноместные отданы участникам международного конгресса...

Лавров судорожно проглотил комок в горле — боже, администратор обращается к нему по имени-отчеству! — и раза три подряд кивнул: да, конечно, разумеется, вполне устроит!

Номер ему дали с видом на парк. Сергей Семенович постоял немного у окна, что-то знакомое почудилось ему в широкой аллее, он даже брови вздернул — совсем как администратор, одарившая его этим теплым, уютным номером... «Бывает же», — пробормотал он и, все еще не веря своему счастью, стянул с себя плащ, снял пиджак, сорвал галстук, сбросил туфли... На большее сил у него не хватило — так и рухнул на кровать в тщательно отутюженных перед командировкой брюках. Рухнул, закрыл глаза и... услышал:

— Вы у нас впервые?

— Угу, — ответил он. — Давно мечтал побывать в Ленинграде.

— Давайте тогда поступим так: мы изучим ваши предложения, посмотрим, насколько они приемлемы, а завтра с утра — за круглый стол. Не возражаете?

Лавров кивнул — разумное предложение. Тем более разумное, что он еще не устроился в гостинице. Да и город посмотреть...

— ГИДА вам организовать? — угадал его мысли начальник СКБ.

— Да, неплохо бы, — улыбнулся Лавров, вспомнив хороших чертежников, с любопытством поглядывавших на него, когда он шел по залу.

— Тогда за мной! — скомандовал начальник бюро и повел Лаврова в противоположный конец зала. И опять Лавров ловил на себе любопытные взгляды...

— Томи, — услышал он, — как у тебя сегодня день? Фантазируешь?

Лавров подошел к кульману и удивился: вот это гад! Перед ним стояла девчушка, едва достававшая ему до плеча. Невыразительное худенькое личико — попробуй запомнить такое с первого взгляда, волосы на затылке перехвачены ре-

зинкой, синий, в разноцветных пятнах халат чуть не до пят, рукава подвернуты... «Ну и воробей», — улыбнулся Лавров и окаменел с улыбкой на лице — в жизни не видел более пристального и внимательно-изучающего взгляда.

— З...зд... добрый день, — взял себя в руки Лавров.

— Здравствуйте, — сказала девчушка таким скучным голосом, что озадаченный Лавров вынужден был оглядеть себя с ног до головы: в дегте он, что ли?

— Так что, Томи? — сказал начальник бюро просительного. — Человек в Ленинграде впервые, в гостиницу не устроился...

Девчушка кивнула: ладно, все понятно.

— Ну вот и хорошо, — обрадовался шеф. — Так мы вас ждем завтра в девять? — это уже Лаврову. — Положитесь во всем на Томи, она у нас молодец. Ну, будь, Томи, — помахал он им рукой и исчез в своем кабинете.

«Кем она у них работает? — размышлял Лавров, дожидаясь гида в коридоре. — Чертежный стол да еще кульман... А, — сообразил он, вспомнив про пятна на халате. — Художница, плакаты пишет».

Он почти угадал: его гид оказалась модельером.

— Вот не знал, что СКБ занимается модами! — рассмеялся Лавров.

— Почему модами? — возразила Томи. — Я работаю над моделями.

— А! — понял Лавров. — Дизайн... Художник-конструктор?

— Да, — подтвердила Томи. — Дизайн.

Они прошли через стеклянный лабиринт дверей и очутились под огромным бетонным козырьком. По-прежнему, как и утром, шел мелкий въедливый дождь, и Лавров машинально поднял воротник. «Дизайнер... Сколько же ей лет? Должна закончить, по крайней мере, художественное училище...» И он снова покосился на своего гида: да нет, восемнадцать от силы. «Пичуга, — неожиданно для самого себя пожалел он вдруг ее. — Никто и не заметит такую пичугу».

— Вы не боитесь дождя? — спросил он, видя, что девчушка вышла без зонтика и с открытой головой.

— Я люблю дождь, — ответила она без всякого выражения, как отвечают на риторический вопрос: «А вы не голодны?»

Они сели в троллейбус и куда-то поехали. Лавров ни о чем больше не спрашивал, решив потерпеть до удобного случая, а там как-нибудь отделаться от своего гида. Он не сомневался, что и ей его общество так же тягостно и что она выполняет лишь просьбу своего шефа.

— Вон, видите, Сергей Семенович, сфинксы, — услышал

он вдруг и с изумлением оглянулся на свою спутницу: откуда она знает его имя?

— А? — спохватился Лавров. — Сфинксы?

Сфинксы остались где-то позади.

— Вы в какой хотели бы жить гостинице? — спросила она спустя минуту и вновь посмотрела на него внимательно, изучающе. Лавров понял, что ей почему-то важно, какую он назовет гостиницу, но все названия, а он утром съехал с полдюжины, не меньше, выветрились из головы совершенно, и он сказал с усмешкой:

— В ленинградской, конечно.

Она с серьезным видом кивнула — хорошо, заказ принят, и чуть улыбнулась, из чего Лавров понял, что его шутку она оценила.

Но оказалось, что есть на самом деле такая гостиница — «Ленинградская». Туда она его и привела.

Перед администратором, разумеется, стандартная табличка: «Мест нет». Однако его спутница сказала: «Посидите, пожалуйста» — и подошла к барьеру. Разговаривала она с администратором довольно долго, ему даже стало жаль ее — чего она впустую тратит время? — как вдруг Томи вернулась и подала зеленый листок:

— Заполните, пожалуйста. К сожалению, номер только двухместный.

«Господи, мать богородица! — молитвенно воскликнул Лавров, уже испытавший все муки бесконечного командированного. — Да мне бы хоть в двадцатиместном...» Но вслух он выразил изумление:

— Как вам удалось уговорить эту тигрицу?

— Я ей сказала, что вы в Ленинграде впервые, что приехали по важному делу и что у вас очень мало времени, поэтому вы и хотите поселиться в центре, на Исаакиевской площади, — серьезно, без малейшего намека на улыбку говорила Томи, а пораженный Лавров смотрел на нее, не зная, что делать. Благодарить? Хохотать во все горло? Да он утром не только объяснял, что приехал впервые, что приехал по важному делу, что всего на три дня... Он всем этим мырмам показывал телеграмму с вызовом! Шоколад подсовывал...

— Ну, знаете, — рассмеялся Лавров наконец и в порыве благодарности протянул своему гиду шоколад. — Я потрясен.

Шоколад она взяла, поколебавшись, и спрятала в карман плаща.

— Я вас подожду здесь, ладно? — сказала она, глядя в пол.

Пообедали они тут же, в соседнем доме была столовая.

Впрочем, обедал он один, Томи заказала себе лишь черный кофе.

— Не хочется, — сказала она и объяснила, почему не хочется: — В этом доме «Астория».

— Ну и что? — удивился Лавров, а про себя подумал: «Плохо готовят здесь, что ли?»

— В «Астории» жил Есенин, — ответила она на его «ну и что?», чуть запнувшись на слове «жил». Но он опять ничего не понял.

— Он жил здесь в последний раз, — не очень внятно и опять споткнувшись, теперь уже на слове «последний», объяснила она, и Лавров наконец сообразил:

— А! То-то мне знакомо это название... Значит, он здесь и покончил с юдолью земною?

Она ничего не ответила и отвернулась к окну. А он почувствовал, что есть ему в этой роскошной столовой расхотелось совершенно.

— Что бы вы хотели посмотреть в Ленинграде? — спросила она, когда они вышли из столовой под дождь.

— Ну что... Музеи, конечно.

— В Ленинграде сорок восемь музеев, — сказала она, чуть улыбнувшись.

— Вот как? Ну тогда в Эрмитаж.

Она подумала о чем-то своем и стала рассказывать об Исаакии, о его архитекторе Монферране, о памятнике Петру I, напротив которого они стояли... А потом вдруг перебила сама себя:

— Давайте лучше пойдем в Русский музей.

— Всегда готов! — шутливо отсалютовал Лавров и взял своего гида под руку.

После обеда настроение у Лаврова исправилось совершенно. Да и почему бы нет? Номер в гостинице отличный, с видом на этот самый Исаакий, о котором она наговорила столько любопытного, обед тоже был превосходный... Так почему не сделать приятное для пичуги, которая все это ему организовала? Русский так Русский, пешком так пешком. Вот только дождь...

— Вы в самом деле любите дождь?

На этот раз он, кажется, угадал — его спутница оживилась.

— Вам повезло, — сказала она с улыбкой. — Настоящий Ленинград можно увидеть только в такой дождь. Видите, — обвела она вокруг себя рукой, — как смягчены, размыты все краски и линии? Он и есть такой, мой город, — мягкий, нежный...

— Ого! — воскликнул Лавров. — Вы прямо как в любви объясняетесь.

— А я люблю мой город. — В ее голосе прорвались вызывающие нотки. — И вы, если бы пожили дольше у нас, тоже бы его полюбили.

— Да? Возможно, — согласился Лавров и вновь, теперь уже с интересом, оглядел своего гида: высокий чистый лоб, на бровях блестят капельки дождя... «А в ней, пожалуй, что-то есть, — решил он. — Да и лет ей не меньше двадцати пяти», — сообразил он, разглядев у глаз морщинки, и это открытие неизвестно почему его обрадовало.

Русский музей поразил Лаврова своей грандиозностью, пышностью, бесконечностью...

— Откуда вы все это знаете? — окончательно запутавшись в именах художников, в картинах, течениях, школах и модах, сказал Лавров, и против воли в его голосе прорвалось раздражение. Она уловила эти нотки раздражения, бросила на него внимательный, а ему показалось — насмешливый взгляд и взяла его под руку:

— А Эрмитаж в два раза больше Русского. Пойдемте, я устала.

Они присели на диванчик в зале Айвазовского, и Лавров сообразил, что этот отдых она устроила не себе, а ему.

— Вы что — штатный гид в СКБ? — спросил он грубовато, давая разрядку своему раздражению.

Она опять на него глянула — быстро, с улыбкой и сказала:

— Я закончила модель крана. Следующая работа — ваша машина. Вы привезли чертежи общего вида?

— Привез, — буркнул Лавров — не ожидал, что дизайнером его машины будет эта пигалица.

— Я вам придумаю хороший силуэт, — рассмеялась она. — Вы не будете на меня сердиться. У вас будет красивая машина.

Лавров молчал. И тогда она снова рассмеялась — тихо, в кулачок:

— Я ведь закончила институт имени Репина. Это, знаете, бывшая Российская академия художеств. И у меня уже есть диплом за автопогрузчик. Диплом первой степени, между прочим, второе место.

Лавров усмехнулся:

— А вы умеете...

— Подать себя? — опять рассмеялась она, теперь уже открыто.

— Не городите чепухи, — рассердился он. — Как вас звать?

— Томи.

— А правильно?

— Томи.

— Но отчество-то у вас есть?

— Есть. Но я не люблю, когда меня зовут с отчеством. И вы меня не зовите, ладно?

Лавров усмехнулся и посмотрел на нее ее же взглядом — внимательно-изучающим. Томи выдержала взгляд, осторожно дотронулась до его руки и сказала:

— Посмотрите, какая уравновешенность в картинах Айвазовского. Да и вообще все старые мастера очень много уделяли внимания уравновешенности композиции... А мне, знаете, за что присудили диплом? За четкость и лаконичность силуэта. Я ведь скульптор. Скульптор-неудачник, да?

Лавров, мельком глянувший на «Девятый вал», на который она показала рукой, теперь озадаченно, с удивлением рассматривал ее лицо: тот же высокий лоб, те же серо-голубые глаза, тот же длинный безвольный рот... Но сколько жизни, сколько радости в облике этого серого воробышка!

— Знаете что, — поднялся Лавров неожиданно для самого себя. — Я страшно не люблю гидов. И музеи в том числе. Пойдемте отсюда на свежий воздух — я хочу посмотреть ваш любимый город. И вообще: давайте лучше я буду вашим гидом. А то смешная ситуация: такой огромный детина на поводке у...

— У москвичи! — выпалила Томи и рассмеялась, зажав рот рукой.

Они пробродили по улицам остаток дня и весь вечер. Лавров слушал ее рассказы, не очень вслушиваясь, — пусть говорит! Где-то на ходу, в кафетерии, они поужинали, и Томи на этот раз взяла себе наравне с ним: два бутерброда и слойку. Лавров затащил ее в огромный магазин, и они долго ходили между витрин, а Томи отказывалась от всяких подарков, но вдруг он по какому-то наитию, не спрашивая ее, купил сувенирное бра в форме старинного уличного фонаря, и Томи расцвела.

Потом они очутились в каком-то парке. Играла музыка, шел дождь, и с недалекого проспекта доносился чуть приглушенный деревьями шум машин.

— Давайте посидим, — сказала Томи. — Тут есть детские качели, они под крышей... Посидим?

Она нашла эти качели под крышей, бросила на них корбку с бра и пригласила:

— Садитесь, здесь сухо.

Лавров сел рядом, качели качнулись...

Кто-то стучал в дверь.

— Да! — крикнул Лавров, вскакивая с кровати. — Войдите.

Пришел сосед.

— Извините, вот это моя кровать? Извините, пожалуйста, а курить в номере можно? Нет, нет, раз вы не курите... Извините, а горячая вода есть? Извините, пожалуйста, вы сейчас не будете принимать душ?..

Лавров сбежал от этого «извините» через пять минут. Ушел из теплого, уютного номера почти не отдохнувший, злой и хмурый. И погода была под стать его настроению — шел мелкий, почти невидимый и неощутимый дождь. «Как тогда», — мелькнуло воспоминание, и Лавров с удивлением огляделся: да, этот проспект ему был хорошо знаком. И парк... Парк...

Он перешел проспект, огляделся, увидел широкую аллею, украшенную фонарями в виде белых зонтов, а дальше ноги понесли сами: по аллее до поворота направо, потом еще один поворот... «Детская площадка», — прочел он и через десять-пятнадцать шагов стоял перед качелями под крышей. «Тут есть детские качели, они под крышей... Посидим?»

Он колебался — это было неожиданно, он почти забыл ее голос, не говоря уже о лице... «Садитесь, здесь сухо».

Он сел, качели качнулись... Она, кажется, вскрикнула, а может, ему показалось — все получилось слишком быстро. Он только почувствовал у себя на подбородке ее мокрые волосы и провел по ним ладонью...

Она не отпрянула, не пошевелилась. Замерла. И он, почти не соображая, что делает, осторожно прикоснулся ладонью к ее щеке.

— Какой вы нежный! — прошептала она тихо, чуть повернула голову, и он на своей ладони ощутил ее губы. — Поцелуйте меня, — прошептала она ему в ладонь так тихо, что он едва расслышал...

Здесь, на качелях, они просидели до глубокой ночи. Шел мелкий, вьедливый дождь, но у них под крышей было сухо. Постепенно смолкли все звуки: сначала музыка, потом голоса людей, потом начал стихать шум машин на проспекте. И был такой миг, когда она очнулась, отпрянула и спросила, почти выкрикнула с вызовом:

— Я хорошо целуюсь, правда?

Он не стал ей отвечать, а привлек к себе и опять, как в первый миг, осторожно, ощущая дрожь в пальцах, провел по ее мокрой от волос щеке.

— Вы правда нежный, — услышал он шепот, и этот доверчивый шепот вдруг отдался в его сердце болью. «Как все глупо, не нужно... Зачем мне это? Вот тебе и гид...» — подумал он, впервые за весь вечер вспомнив о жене и детях.

А потом она плакала — необъяснимо, беззвучно, давясь слезами, и он ее успокаивал, говорил какую-то чепуху. Она

притихла, словно согрелась у него на груди, и вдруг сказала:

— Спеть вам песенку? Старую шотландскую песенку о Томи, который любит качели.

И запела, не дожидаясь его ответа:

Ты любишь качели, Томи?
Вверх-вниз, вверх-вниз...
Как хорошо ты смеешься, Томи,
Еще разок улыбнись!

— Хм... — сказал он, понявший, что эту «старую шотландскую» песенку она придумала сама, и обрадовался, что догадался сам — без ее объяснений. — А дальше?

— А дальше песенка грустная, — сказала она. — Но все равно конец у нее хороший.

И вновь запела:

Но почему ты плачешь, Томи?
Вверх-вниз, вверх-вниз...
Разве от счастья плачут, Томи?
Лучше смеющейся мне приснись!

— Хорошая песенка, правда?

— Угу. Значит, вы от счастья плакали?

— Угу. А вы этого не поняли?

— Теперь понял...

Они опоздали и на троллейбус и на метро. Оказалось, что она живет на Выборгской стороне, где-то у черта на куличках — пешком туда и до утра не доберешься. Пришлось ловить такси, уговаривать шофера, дать ему трешку вперед, — теперь уже уговаривал и вообще был гидом Лавров, потом была длинная, молчаливая дорога по ночному городу, а в голове у Лаврова, словно на заезженной пластинке, вертелся один и тот же вопрос: «Зачем мне это?..» И еще предчувствие, что добром эта поездка не кончится.

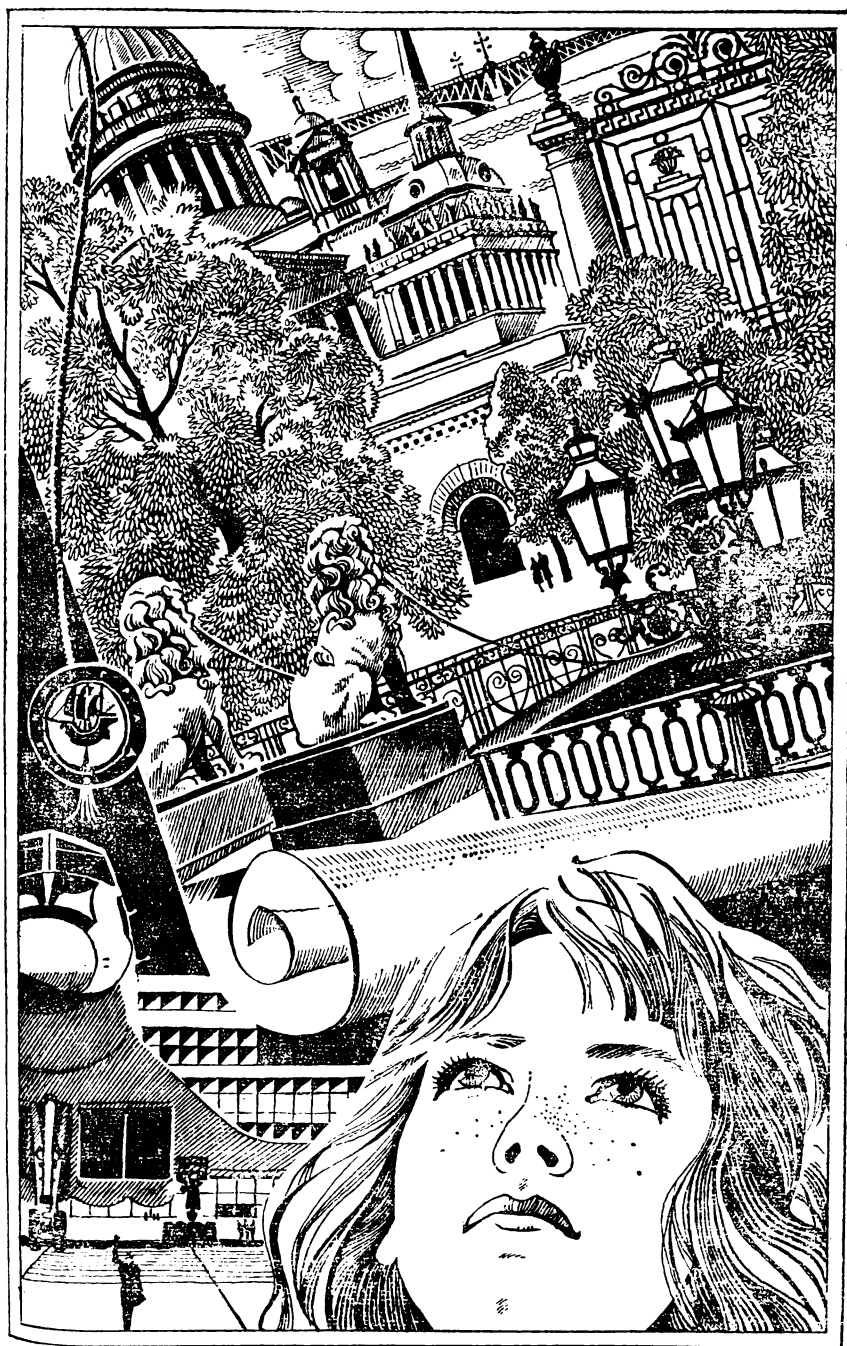
Но где-то, уже за Невой, он вновь почувствовал у себя на плече ее голову, повернулся чуть, и опять у него под губами оказалось ее лицо, мокрое от дождя, а может, и от слез — попробуй разбери в темноте, что с ней происходит, и опять он под сердцем почувствовал ноющую боль.

— Хотите шоколаду? — услышал он шепот.

— Хм...

Он и в самом деле не знал, хочет ли есть, голоден ли, и она этот вопрос решила за него сама: вытащила плитку, развернула и стала кормить его дольками.

Таксист не довез до дому — дорогу преградила свежая траншея. Пришлось выбираться под дождь, Томи сказала, что дойдет сама, что тут уже рукой подать, а с Выборгской

сейчас к Исаакию можно выбраться только на такси, но, пока он соображал, как поступить, таксист уже уехал.

— Пойдемте, — сказала Томи и дотронулась до его руки.

Она жила в старом трехэтажном доме напротив какого-то завода. В квартире было много хозяев, он догадался об этом по разноцветным почтовым ящикам, набитым на дверь, и в нерешительности остановился на площадке:

— Ну вот и ваш дом...

— Не будете же вы стоять здесь всю ночь, — улыбнулась Томи. И добавила, едва усмехнувшись: — Я одна живу. Отец, когда мне исполнилось восемнадцать, переехал на другую квартиру.

Она запнулась на слове «переехал», и он догадался, что отец ее не переехал, а женился.

У нее была высокая и длинная комната с циркульным окном. Шкаф у двери, за ним тахта, стол с коробками пластилина, карандаши в стаканах...

— Это мамина комната, — сказала Томи тихо. — Она здесь жила почти всю блокаду. Не захотела эвакуироваться...

И — через небольшую паузу:

— Я сейчас приготовлю чай.

— Нет, нет, — запротестовал Лавров. — Уже поздно — какой чай?

— Да? — удивилась она. — Ну тогда...

Она открыла шкаф, вытащила белье, подушку, быстро постелила на тахте и сказала, глядя в пол, точь-в-точь как в вестибюле гостиницы:

— Ложитесь.

И она выскочила из комнаты.

«Черт побери, — выругал он себя. — И номер есть, а вот... Однако что теперь делать?» И вслух сам себе ответил:

— Спать.

Потушил свет, разделся и лег. Минут через пять дверь осторожно открылась: «Можно? Вы легли?» — но он промолчал, он увидел, что в дверном проеме торчит угол раскладушки.

Раскладушку можно было поставить только рядом с тахтой. Она постелила, разделась за дверцей шкафа и в ночной, до пят, сорочке — все это он видел сквозь смеженные веки — юркнула под одеяло.

— Спокойной ночи, — прошептала она.

И тут он понял, что круглый идиот и в какую влип глупейшую историю.

Утром он проснулся. И сразу все вспомнил, и ощутил под сердцем ноющую боль. «Этого еще не хватало, — разозлился

он на себя. — Не надо было быть слюнтяем... А может, она не спала всю ночь?»

Повернулся на бок, чтобы увидеть раскладушку, а увидел широко открытые, темные и тревожные глаза.

— Не спится, Томи? — сказал он как можно бодрее и все же фальшивя.

— Я сейчас встану, — быстрым шепотом сказала она. — Отвернитесь, пожалуйста, к стене.

Он отвернулся, закрыл глаза, но все равно все видел: и как она откинула одеяло, и как опустила ноги на пол, и как прошла за дверцу шкафа... «Дурак», — скрипнул Лавров зубами.

Когда он выходил из комнаты, в коридоре была уже женщина.

— Доброе утро, — вынужден был он поздороваться.

— А? — широко открыла глаза женщина. — Доброе... — Она с любопытством, но в общем-то безобидным любопытством осмотрела его с ног до головы и забросала вопросами: — Значит, это вас вчера Томи таскала по городу? Вы впервые в Ленинграде? Понравился вам город? С гостиницами у нас только плохо. Но мы вас устроим, у меня приятельница в «Октябрьской»...

— Спасибо, — вставил наконец слово Лавров.

— А, Томи! — повернулась женщина к двери ванной. — Опять ночевала на раскладушке? А я думаю, кто взял? А чего ты не пришла к нам? У нас же диван...

— Вы уже спали.

— Спали? — всплеснула руками женщина. — Ну и что? Нет, Томи, ты все-таки несносная... Чай будете пить? — снова вспомнила она о госте.

— Нет, нет, ехать надо, — испугался Лавров и потянулся к плащу на вешалке.

— Я вас провожу, — тихо, не глядя на него, сказала Томи. — Вы не найдете остановки.

— Нет, что вы! Объясните, все найду сам.

Он заехал в гостиницу, побрился, умылся, выпил две чашки кофе в буфете, но боль под сердцем так и не прошла. «Стенокардия, — решил он. — Этого еще не хватало!»

Весь день прошел в переговорах, в утряске разных пунктов протокола согласования... Да что уж кривить душой: покладистым он был в тот день, ряд пунктов стоило бы отредактировать иначе, в свою пользу, но спорить с таким любезным начальником конструкторского бюро... И все время он помнил, ни на секунду не мог забыть о том, что в другом конце зала, за высокой доской кульмана в огромном, не по росту халате сидит и прислушивается к спорам за «круглым столом» маленькая сероглазая женщина. «Ты любишь каче-

ли, Томи? Вверх-вниз, вверх-вниз...» Раз два он даже тряс головой, чтобы избавиться от этой прилипчиво-тоскливой песенки, и был бесконечно рад, когда начальник СКБ распустил наконец своих коллег и пригласил Лаврова к себе в кабинет — подписывать отпечатанный протокол.

— Итак, — улыбнулся начальник СКБ, — по самым скромным подсчетам, мы с вами сэкономили пару дней. В вашу пользу — будете иметь возможность лучше познакомиться с Ленинградом.

В его пользу! Как раз эти два дня его, Лаврова, главный конструктор и поставил ему в вину: «Что у тебя горело? Не мог позвонить мне, посоветоваться, прежде чем подписывать кабалу? Русским языком сказал: не торопись! Семь раз прикинь, а на восьмой предложи свою формулировку...»

— Томи! — крикнул начальник СКБ в полуоткрытую дверь.

— Нет, нет, — запротестовал Лавров. — Я ее и так вчера затаскал до полусмерти.

— А, — сказал начальник бюро. — Не смею задерживать. Ваша командировка? Каким числом отметить?

— Завтрашним.

— Завтрашним? — удивился начальник бюро. — Так быстро?

— Да, знаете... — смутился Лавров. — Завтра у меня день рождения.

— Ах вот как! — воскликнул тот, пожимая руку. — Поздравляю. И от моих сотрудников. Томи! — опять крикнул он в дверь, но Лавров и на этот раз остановил:

— Не надо. Она, наверное, уже домой ушла.

Он заехал в агентство Аэрофлота, купил билет, а потом как угорелый носился по магазинам. Столько заказов — одуреть можно. Маме, детям, жене, соседям...

В гостиницу вернулся измученный. Переоделся, умылся и прилег, чувствуя, как с каждой минутой все сильнее колет под сердцем. «Хоть бы позвонила, что ли», — неожиданно поймал он себя на желании услышать ее голос. «Вверх-вниз, вверх-вниз...» Встал, подошел к окну, отдернул штору и долго смотрел на площадь, посреди которой поднял на дыбы коня Петр I. Вечер был теплый, светлый, от вчерашнего ненастья не осталось и следа, и на площади было много гуляющих. «Походить, может? Белые ночи ведь...» Но тут же подумал, что сердце ноет, а завтра лететь в самолете... И тут же, перебивая это трезвое соображение, опять прежнее, тоскливое желание: «А может, все-таки позвонит...» Так и не пошел погулять и долго, далеко за полночь, пока не принял таблетку, лежал, ожидая звонка, злясь и на себя, на свое слюнтяйство, как он определил свое вчерашнее поведение, на

свое сердце, разнывшееся так не вовремя, а еще больше — на нее. И пока не уснул, видел перед собой, на белой стене, огромную площадь со вздыбленным конем и черным, пугающим своей громадой собором. Потом собор качнулся... «Какой вы нежный, — услышал он ее голос. — Поцелуйте меня...»

Лавров вскочил и чуть не упал — так занемели у него ноги. «Хватит с ума сходить, — разозлился он. — Что было, то было...»

Лавров вышел на проспект, огляделся, увидел станцию метро и решительно направился к ней. «Нечего терять время, — решил он. — Доберусь до Невского, хоть заказы выполню...» Но вышел не на той станции, а потом, как выяснилось, и вообще сел не на тот поезд и долго чертыхался, разбираясь в схеме. Разобрался, все вроде понял, а вышел опять не там — поторопился. Но ждать следующего поезда не стал из принципа, решив одну остановку пройти пешком. Вышел на Владимирской площади, с удивлением оглядел толпу цветочниц, чуть было не купил букет гвоздик — уж больно хороши были, но вовремя спохватился, что дарить некому, спросил, как пройти к Невскому, и пошел, зябко пожевываясь от холодного и въедливого дождя.

До Невского он так и не дошел. Вдруг поднял голову и увидел, что стоит у театра. «Так мы с ней в театр и не попали, — вспомнил он. Против воли и неожиданно для себя шагнул к кассам. — Как она хотела в театр — странно даже», — вновь всплыло отчетливое воспоминание о том вечере: шли, шли, вдруг неожиданно оказались перед каким-то театром, может, даже перед этим самым, она посмотрела на него таким просительным взглядом... Долго и напрасно он тогда вымаливал у кассира: «Парочку билетиков на сегодня».

Перед кассой была небольшая очередь, но из обрывков фраз он понял, что билеты можно купить лишь на конец недели. И когда подошла его очередь, он, повинувшись какому-то властному внутреннему голосу, вдруг вместо денег протянул кассиру рулончик.

Он не смотрел на кассира. Он знал, что она с удивлением развернет, с удивлением прочтет: «Свидетельство Сергею Семеновичу Лаврову...»

— Вам на сегодня? — услышал он голос. — Два?

Повернулся лицом к окошечку и встретился с изумленными (а может, испуганными?) глазами молоденькой женщины.

— Н...нет, мне один, — покраснел Лавров.

— Пожалуйста, партер. Очень удобное место.

Лавров взял рулончик, развернул — в нем лежал билет.

— Хм... — только и нашелся что сказать он и поспешно отошел от кассы.

Спектакль ему не понравился. А может, ему было не до спектакля, так и стояли у него перед взором изумленные глаза кассирши. «Что она там такое вычитала? — в который раз спрашивал сам себя Лавров. — Обыкновенная шутка... А может, я что-то не так прочел? Может, в тексте там совсем другой, непонятный мне смысл?..»

Стараясь не шуметь, он извлек из внутреннего кармана пиджака несколько помятый рулончик, развернул на коленях... Слишком темно было в зале, чтобы можно было прочесть мелкий, к тому же весь в завитушках текст. Кроме слова «Свидетельство», своего имени и даты, он сумел разобрать лишь «Томи»...

Он увидел ее в аэропорту.

— Томи? Какими судьбами? Как вы узнали рейс? — обрадовался он и кинулся к ней, роняя на ходу свертки.

Секунду-две, словно не веря, она впитывала его слова, и вдруг вспыхнули, засинели счастьем ее глаза.

— Вот, это вам, — сказала она, протягивая бумажный рулончик и смеясь глазами. — Вы сегодня именинник, да? Я вам хочу сделать подарок. Подарок такой большой, что вам его не увезти. Поэтому я вам вручаю свидетельство на владение моим подарком. Берегите его. В следующий раз, когда вы приедете в Ленинград, этот город будет уже ваш. И вам не придется больше мучиться с гостиницами...

Томи засунула рулончик ему за пазуху.

— Только не потеряйте, ладно? — сказала она, по-прежнему смеясь одними глазами. — А теперь идите, — подтолкнула она его. — Посадку на ваш объявили.

Он подобрал свертки, руки оказались занятыми... Шагнул к ней, но она покачала головой: «Не надо, идите...»

И осталась у выхода на перрон с прижатыми к губам пальцами.

Он едва не потерял ее рулончик. На трапе, когда поднимался в самолет, вдруг почувствовал что-то неладное, оглянулся...

— Это вы уронили?

Рулончик оказался дарственным актом. На плотной меловой бумаге золотом был вытиснен кораблик Адмиралтейской иглы, справа от кораблика крупным шрифтом напечатано слово «Свидетельство», а ниже старинным шрифтом тушью было написано: «Сергею Семеновичу Лаврову».

Самое дорогое, что у меня есть на свете, — мой город. Мой город со всеми его дворцами, площадями, парками, театрами. Однажды я решила, что подарю город человеку, который знает, что такое счастье. Пусть этот человек, решила я, будет не только самым счастливым, но и самым богатым — ведь ему будет принадлежать самый прекрасный на

земле город! Дарю Вам мой город, Сергей Семенович, он отныне к Вам будет так же ласков и нежен, каков Вы сам, — ведь я теперь знаю, какой Вы удивительный человек!

Ваша Томи».

И чуть ниже, чернилами: «Дарственный акт заверяю, нотариус...» Подпись, дата и большая гербовая печать.

«Чудачка, — усмехнулся Лавров, свертывая рулончик. — Даже нотариуса уговорила приложить печать». И вдруг его осенило: «Ба! Конечно же, все дело в этой печати. Не будь печати, кто бы стал читать бумажку? А так вполне официальный документ, даже на администратора гостиницы действует».

Он с трудом дождался конца спектакля, ему не терпелось проверить свою догадку. Но на ком? Ну хотя бы на продавце магазина. Попросить какой-нибудь дефицит, отрежет, разумеется: «Где вы увидели?» — и тут ей под нос рулончик...

Лавров вышел на Невский и стал искать какой-нибудь магазин. «Почему какой? — поправился он. — Жена заказывала коробку самых лучших ленинградских конфет...» Спросил прохожего, где можно купить коробку хороших конфет, тот ему сказал: «В Елисеевском, разумеется» — и показал, как пройти. В Елисеевском была несметная толпа, и Лавров растерялся: на ком испытать свидетельство? Наконец он протиснулся к витрине и спросил:

— Какие у вас самые лучшие конфеты в коробках?

Уставшая девушка одарила его таким взглядом... Все понятно, конец смены... Но потом все же оглянулась на витрину сзади себя и указала:

— Вот эти.

— Будьте добры, — попросил Лавров и спохватился: — Ах да! Вот, пожалуйста.

И протянул девушке рулончик, который та приняла с крайним недоумением. Но когда развернула и стала читать... А может, печать увидела? Лавров невольно улыбнулся — такое изумление было написано на ее лице, словно она в руках держала оригинал «Слова о полку Игореве».

Читала она долго, наверное, перечитывала, так что люди в очереди стали возмущаться, а потом бросила на него быстрый взгляд, слегка покраснела и сказала растерянно:

— Это правда?

— Конечно, правда, — подтвердил Лавров. — Там же печать.

— Да-а... — протянула девушка, совершенно сбита с толку, и вернула рулончик с невысказанным вопросом во взгляде. А потом спохватилась: — Так вам набор? Берите, это у

нас самые лучшие сегодня, — обернулась она к витрине и сняла с нее роскошную красную коробку.

— Спасибо, — поблагодарил Лавров — эксперимент удался!

Он выбрался из толчеи и пошел к Адмиралтейству, сам не зная, чему улыбаясь. «Интересно, вышла она замуж? Нет, конечно, кто такую заметит?..» И потом вдруг поймал себя на мысли, что совсем забыл и ее лицо и ее голос, в памяти остались только синие от счастья глаза, и эта мысль странным образом превратилась в желание увидеть ее вновь. «Что за глупости? — рассердился он на себя. — Хватит и прошлогодней истории».

О прошлогодней истории он вспомнил, конечно, совсем не к месту. В ходе обсуждения протокола, который он привез тогда из ленинградского СКБ, главный конструктор заметил язвительно: «О женщинах ты, Сергей Семенович, думал там, а не о машине». Слова главного можно было бы обернуть в шутку, если бы он сам, Лавров, не был уверен в том же: не будь Томи, он никогда не согласился бы на пункты, которые главный назвал кабалой. Наверное, потому, что главный угадал его мысли, Лавров вспылил, наговорил лишнего...

Он увидел булочную, за окном которой на высоких столиках люди пили кофе, и вспомнил, что не ужинал. Зашел, огляделся, и опять, как в парке, ему почудилось что-то знакомое. «Хватит глупостей», — одернул он себя, однако, когда подошла очередь, попросил два бутерброда и слойку — то же самое, что год назад, тогда с Томи.

Расплатился, взял сдачу... «Вот это да! — удивился Лавров. — А за конфеты-то я не заплатил... И за билет в театр!..»

Глянул на часы — одиннадцатый, наскоро проглотил ужин и поспешил назад, в Елисеевский. «Этого еще не хватало. Там же и фамилия, и имя-отчество написаны...» «Там» — в «дарственном акте». Распаленное воображение уже рисовало ему, как девушка, сообразив, что он удрал, не заплатив за шоколадный набор, звонит в милицию — фамилию она, конечно, запомнила, что приезжий — тоже сообразила, а оттуда уже звонки по гостиницам. А если еще и касирша хватится...

К его немалому удивлению, оказалось, что за конфеты он заплатил.

— Что вы! — убеждала его продавщица. — Я ведь вас хорошо помню, Сергей Семенович, вы мне сначала дали чек, а потом уж... Да вот ваш чек! — подняла она иглу с пачкой чеков. — Восемь сорок — столько и стоит ваш шоколадный

набор. Как странно, впервые встречаю человека, который хочет заплатить дважды.

— Извините, — пробормотал сконфуженный Лавров.

«Как же получилось? — размышлял он в метро. — Ведь я же хорошо помню, что чека не выбивал...» И, вернувшись в гостиницу, вооружился карандашом, подсчитал все расходы за день и сверил с оставшимися деньгами. Все верно: одна десятка у него в бумажнике оказалась лишней. «Значит, и билет в театр...»

— Извините, — не выдержал сосед. — У вас что-то случилось? Неприятность какая-нибудь? Я понимаю, нехорошо вмешиваться в личные дела, но раз мы оказались в одном номере...

— Ничего у меня не произошло, — оборвал «извинительного» соседа Лавров, разделся, лег и отвернулся к стене.

На душе у него было скверно. От прежней праздничной приподнятости и мальчишеского озорства, с которым он решил проверить действие «дарственного акта», не осталось и следа; теперь у него не было никаких сомнений в том, что он оказался втянутым в обман. А если быть предельно честным по отношению к самому себе, то не втянутым, а совершившим этот обман.

Совершенно очевидно, что это лишь вопрос времени — когда обман раскроется и его станут искать. И не надо обладать чересчур богатой фантазией, чтобы представить себе все последствия... «М-м...» — даже закрипел зубами он, вспомнив, сколько пережил унижений, когда в прошлом году был поставлен перед необходимостью менять место работы: сочувствующие, а чаще недоуменные вопросы приятелей: «От добра решил искать добра?», трудности с деньгами в семье, пока он наконец нашел более или менее удовлетворительный эквивалент прежней работы, раздражение и злость жены, которой он, естественно, рассказал лишь полуправду — разве расскажешь ей, что на самом деле произошло с ним в Ленинграде? — и которая, как все женщины, видно, воображала гораздо больше... Не дай бог пережить еще раз такое! «Неужели она на это и рассчитывала?» — пришла в голову спасительная мыслишка — вот в чем корень зла! Но слишком уж мерзко так было думать о Томи... не мог он так думать о ней — вот в чем дело.

Однако, зацепившись мыслью за спасительный громоотвод (если гром грянет, сообразил он, все равно ведь придется и показывать этот... «дарственный акт», и рассказывать, как он у него оказался, как вообще появился на свет...), Лавров уже не мог отделаться от чувства, что тут нужно искать выход из положения, что только она, эта пигалица-дизайнер, впутавшая его в глупейшую историю, которая теперь грозит повто-

риться, может отвести от него гром. Да и кто, кроме нее, может подтвердить в случае необходимости, что «дарственный акт» не более чем шутка? «Надо все обратить в шутку — вот в чем решение вопроса», — обрадовался он и облегченно вздохнул. Теперь он знал, что нужно делать.

Проснулся Лавров рано — еще не было и шести. «Вот и хорошо, успею поймать до работы», — решил он, быстро и тихо, стараясь не будить назойливого соседа, умылся и вышел из гостиницы на площадь. Ему повезло: перед гостиницей стояло такси.

— Куда? — спросил шофер, когда Лавров забрался в машину. — В аэропорт?

— Нет, на Выборгскую.

— А поточнее?

Если б он знал поточнее! Помнится, дом стоял напротив проходной какого-то завода...

— Да там знаете сколько заводов! — присвистнул шофер. — Легче дедушку на деревне найти.

Тогда Лавров почти машинальным жестом протянул ему «дарственный акт».

— Забавно, — сказал шофер, возвращая Лаврову рулончик и с интересом оглядывая странного пассажира. — Значит, ее и надо найти?

— Ее, — подтвердил Лавров.

— Ну что ж, попробуем, — сказал шофер, включая скорость. — Город, значит, подарила? Богатая, однако...

Плутали они долго. «Этот?» — указывал шофер на дом. «Нет, — отвечал Лавров, приглядевшись. — Там было три этажа, а окна такие... с полукружьем наверху...» — «Поехали искать полукруглые... Этот?» — «Нет», — мотал головой Лавров... Но все же нашли.

— Подождете нас? — попросил Лавров, выбираясь под холодный морозящий дождь.

— О чем разговор! — сказал шофер. — Мне и самому любопытно посмотреть... Ишь, города дарит! — рассмеялся он.

Этот смех неожиданно заставил Лаврова замедлить шаг — что-то неприятное уловил он в нем. Представил Томи в такси, бесцеремонный взгляд шофера... Но, понимая, что отстывать уже поздно, быстро взял себя в руки и чуть не бегом поднялся на второй этаж. Вот и дверь, увешанная разноцветными почтовыми ящиками... Постоял в нерешительности, разглядывая табличку под кнопкой звонка с множеством фамилий... Но дело было не в том, что он не знал ее фамилии; его опять, как минуту назад, у такси, охватил безотчетный стыд — что он ей скажет? На мгновение перед ним открылась вся бездна нелепости, дикости его приезда, но он тут же

заставил себя вспомнить унижение, когда ходил с увольнительным «бегунком», вопросы, сочувствия... И решительно надавил на кнопку два раза.

Открыла та самая женщина и в том же, кажется, халате. — Извините, Томи дома?

Женщина удивленно вздернула брови... Нет, не узнала.

— Томи? Конечно, дома.

Прошла вперед и постучала на ходу в дверь:

— Томи! К тебе гости.

Томи была уже одета. Даже в плаще.

— Вы? — почему-то шепотом сказала она и бессильно опустила на стул. — Вы... приехали...

«Сейчас заплачет», — сообразил Лавров, шагнул к ней и протянул рулончик.

— Вы должны поехать со мной. Ваша грамота такое наворила... — быстро и путаясь, сбиваясь с пятого на десятое, объяснил он ей свой неожиданный визит, и было у него такое чувство, что это говорит кто-то другой — такой был у него чужой, фальшивый голос. И еще у него было явственное ощущение, что она ничего не слышит, ничегошеньки не понимает, о чем он ей талдычит. Смотрит на него, словно он свалился с неба — да так оно почти и есть, качает головой, не веря, и только бледность, все сильнее заливавшая ее и без того бледное, бескровное лицо, говорила о том, что главное она все же поняла.

— Вы не должны дарить такие бумаги, — исчерпав все аргументы, повторил Лавров. — Вы слышите меня? Если такая бумага попадет в руки жулика...

— Но ведь это вам, — с отчаяньем, со слезами в голосе воскликнула Томи. — Только вам...

— Мне одному не верят, — твердым, не терпящим возражений тоном и сам удивляясь, откуда этот тон в нем взялся, повторил Лавров.

Теперь она, кажется, все поняла. Несколько мгновений сидела поникшая, уронив руки на колени. Рулончик из ее рук выпал и закатился под тахту, но она этого, видно, даже не заметила. «Какая, однако...» — неожиданно для себя пожалел ее вдруг Лавров. Но вслух сказал:

— Не будем терять времени, вы опоздаете на работу.

Томи поднялась, окинула невидящим взглядом комнату...

— Что вы ищете? — спросил Лавров. — Свидетельство?

«Нет», — покачала головой Томи и открыла дверь.

Они вышли из подъезда, и Лавров поднял воротник плаща.

— А вы не боитесь дож...

И осекся: над головой Томи был зонтик.

МАСТЕРСКАЯ ДЛЯ СИКЕЙРОСА

«А не мог ли Канов умереть от радости? Чье сердце вместит и сразу воспримет такое событие? Да нет же. В сообщении ясно сказано: «Не успел увернуться». Не успел... Но Канов не из тех, кто в космосе ворон считает. Он еще успел передать, что засмотрелся. Здесь, наверное, и прячется ниточка. Ниточка, которая связывает его неожиданное открытие и трагическую неосмотрительность. Но что можно увидеть, чтобы проглядеть собственную смерть?»

Ребята опять заспорили. Меня это злит. Ведь они тоже теряются в догадках, страдают от неизвестности и все же пытаются бодриться, отстаивать свою «абсолютно точную» гипотезу происшедшего.

— Верно, — не удерживаюсь я. — Все верно. Люди всегда искали во вселенной разум. Сначала мечтали и строили гипотезы. Потом появились энтузиасты и начали поиск жизни среди звезд. Фактов, конечно, никаких не было. Ни тогда, ни теперь. Но теперь мы за дело взялись всерьез. Планомерно прочесываем вселенную и... заведомо безрезультатно, потому что каждый придерживается собственной теории контакта, которую он придумал в соответствии со своей, так сказать, профессиональной принадлежностью. Каждый заглядывает только в свою щелку и только через нее собирается увидеть собрата по разуму. А собрат этот, быть может, неотступно близок. К нему только нужно обратиться по-людски, то есть с каких-то общечеловеческих позиций. У меня все.

Неожиданная моя речь произвела впечатление... Правда, больше своей эмоциональной стороной, чем содержанием.

— М-да... — покрутил головой Сергей.

— Мальчик растет, — глубокомысленно изрек Тэтэ — Тимофей Трошин.

— И начинает пробовать свой неокрепший голос, — добавил Володя.

А Рая рассмеялась.

— Кто же тот гений, — спросил Володя, — который может утверждать, что выступает с общечеловеческих позиций? То есть от имени всего человечества?

У него поразительная способность говорить резкости или, вернее, высвечивать в любом деле такие стороны, о которых присутствующие предпочитают молчать. Если честно, то с любой их критикой я заранее согласен. Все трое мировые ребята. В душе я считаю их лучшим экипажем из тех, что ходят на космоботах поисковой группы «Разум». Когда-то наша группа называлась «Контакт». Шли годы. Контакт все не было и не было. И постепенно даже самые пылкие романтики поняли: главное — отыскать мыслящих. Или хотя бы какие-то их следы. Пока этого не случилось, о контактах смешно даже говорить. Что касается ребят, то волей-неволей каждый из них примкнул к сторонникам какой-нибудь популярной теории о том, каким образом разум может оповестить о себе, оставить эти злополучные, неуловимые «следы».

Более или менее самостоятельной оказалась теория самого тихого из нас — Сергея. Он предложил модель трех миров — без органической жизни, с жизнью, но без разума, и разумный мир (по его мнению, мыслящие существа должны обязательно внести в природу пусть малозаметные и зашифрованные, но при окончательной разгадке глобальные изменения) — и пытался установить корреляционные связи своих моделей с реальными мирами. Тэтэ, этот строгий эмпирик, верил не в теории, а в старую, обнадеживающую притчу: «Кто ищет, тот всегда найдет». Володя выявлял малейшие следы рациональности, то есть геометрически проявившейся целесообразности. Его блестящий ум систематика и математика-аксиоматиста обладал редкой интуицией. Какого бы геометрического языка ни придерживались другие мыслящие существа, Володя наверняка разгадал бы его законы в любых случайных лишь для постороннего взгляда проявлениях. Ребята носились со своими теориями, часто до одури спорили, и каждый пытался обратить меня, зеленого практиканта, в свою веру. Но в каждой из них меня что-нибудь не устраивало — неопределенность Сережиной, фатализм Тэтэ и бездуховность Володиной. Я искал свою точку зрения, но без особого успеха.

Мы поднимаемся на смотровую палубу, и я в который раз пытаюсь уловить «чудное мгновение». Меняю фломастеры и карандаши, хватаюсь за пастели. Но напрасно. Рая никудышный натурщик. Ее изменчивое, летучее, «родниковое» лицо никак не дается. Отблески чувств и перемены настроения вспыхивают на нем неожиданно и гаснут, словно фейерверки.

— Ты слишком своеобразный художник, — заявляет че-

рез полчаса Рая. — Расскажи лучше о Сикейросе. Ведь стенокопии в твоей каюте — это его росписи?

— Его. — Я помолчал, представив могучий и властный полет его красок. — Он был внуком солдата и поэта. Вся судьба его — это движение и рост. В Мексике в XX веке Давид Альфаро стал солдатом революционной армии. Потом в Испании уже полковником, командиром интербригады.

— Это биография военного, а не художника, — задумчиво заметила Рая.

— У него было словно несколько жизней. Его сердце рвалось к свободе, но в тридцать с лишним лет он был брошен в тюрьму как коммунист. Потом сослан в Таско. Там, бродя среди скал, на их отрогах он впервые увидел и запомнил на всю жизнь, как алели цветы с чудным названием «сангре ди торос» — «кровь быка». В этих горах за год он написал более сотни полотен. Уже стариком, когда он снова оказался в темнице, тысячи квадратных метров его росписей и панно оставались на свободе. Нет, недаром он всегда особенно любил два цвета — насыщенный красный и черный...

Но тут по кораблю разнесся звон. Он означал, что через полчаса наш космобот вынырнет возле планеты, где погиб Канов и откуда долетели к Земле обрывки фраз, взбудораживших весь мир.

— Саша, — обратился ко мне Сергей, — включи, пожалуйста, еще раз запись.

Сначала были слышны лишь шорохи, но потом через бездны пространства раздался возбужденный голос Канова:

— ...Я видел Разум. Я вижу, но не могу поверить! Они такие же, как мы. Они... прекрасны, — казалось, Канов не находил слов. Вдруг его голос дрогнул. — Господи, какая нелепость... кажется, разгерметизация... Астероид. Я все забыл, не успел увернуться... Но я видел!..

Несколько минут мы лежим в инерционных креслах и молчим.

— Почему все-таки не сработал автомат, предохраняющий от столкновения с астероидами? — спросил Володя.

— Ничего не понимаю, — вздыхает Рая. — Дело происходило в открытом космосе. Значит, Канов, наверное, увидел чужой корабль. Но откуда он мог знать, что они такие же, как мы?

Мы молчим. Что можно ей ответить? Мы даже не знаем, можно ли верить услышанному. Сумеет ли мы что-нибудь выяснить на планете? Тройной звонок опять облетает все закоулки корабля. Мы выходим из подпространства. И сразу же нас начинает кидать из стороны в сторону. Эк-

ран становится пепельным от обилия метеоритов и астероидов.

— Ого! — удивился Тэтэ. — Здесь приличная каша. Планетка, похоже, лежит в самой середине пояса астероидов.

Нас посадил автомат. Никто не проронил ни слова, но мысль, как мог Канов в такой обстановке отключить его, задела в голове у каждого.

* * *

— Я бы не хотела улетать отсюда, — говорит Рая и смотрит вдаль.

Звезды еще не взошли, и ветер надолго затих. Трава наполнилась ночной росой, совсем как на Земле. А за густым кустарником цвета когда-то виденной в музее старой бронзы встала стена леса. Левее, за контуром нашего космобота, открылась глазам предрассветная, пестрая от цветов степь. Как-то исполинская рука словно перечеркнула ее двумя небрежными мазками пурпура. Накануне мы с Раей отправились побродить по траве и чуть было не заблудились в зарослях гигантских маков. За ними, возле самого горизонта, машила взгляд цепочка озер.

Часы отдыха коротки, я снова и снова с непонятной для других настойчивостью берусь за кисть. Конечно, я дилетант в живописи, но вокруг столько красоты, что нет сил удержаться. Это мир освобожденных красок. Сочных, щедрых, ослепительных. Здесь нет полутонов. Местные леса и поля — мозаичные, с резкими переходами цвета. Черный, будто обгоревший, лес вдруг сменяется зелеными джунглями, в которые клином врезается поляна голубой травы. Такие контрасты непривычны, мы поначалу удивлялись им. Позже Рая взяла пробы и туманно объяснила нам, что все дело в особенностях почвы.

Планета Канова оказалась прекрасной, но и... безнадежно мертвой. Пусть простят меня эти деревья и цветы, но ведь мы искали не их. Не их!

Первые три дня мы почти не спали. Все ожидали, что из мозаичных лоскутных лесов наконец выйдет неземное существо. Тщетно. Приборы немые, зонды возвращаются пустыми, и глаза уже отказываются просматривать тысячи бесполезных кадров аэрофотосъемки. Пестрота, бессмысленный калейдоскоп цветов. И ничего более, ни одного следа разума на планете.

— Этого следовало ожидать, — грустно заметил как-то вечером Володя. — Канов всю жизнь мечтал о встрече. Если

бы на его месте был я, если бы я умирал возле своей последней звезды, то, наверное, мне тоже померещились бы братья по разуму.

— Не уверен, — как всегда, задиристо сказал Сережа. — Ты и умрешь со знаком интеграла на челе.

— Не надо об этом, — нахмурился Тэтэ. — И о Канове тоже. Он никому ничего не обещал. Наше дело — проверить и доложить Земле. Не надо эмоций...

Тимофей, который уверовал в то, что цивилизация не может не оставить после себя материальных следов, был тоже разочарован. Его теория «сувениров», увы, не подтвердилась. О Володе и говорить нечего. И вообще ни гроша не стоят все наши теории! Не состоялась встреча. Пустой оказалась древняя мечта о том, что человечество не одиноко среди звезд. Вчера я случайно увидел, как Рая, стоя на взгорке, смотрела в сторону озер и вытирала ладонью глаза. Только ветер радовался неизвестно чему. Ветер цветущей, но бесплодной планеты.

Странности начались, когда Тэтэ заикнулся о возвращении и мы начали обобщать данные.

Сережа, краснея и тише, чем обычно, сказал:

— У меня, по моей методике, коэффициент корреляции 0,58.

— А какие системы ты сравнивал? — встрепнулся Володя.

— Сводное описание этой планеты с общей моделью планеты разумной жизни...

— Ошибка?

— 0,6.

Тэтэ лишь присвистнул.

— ...Но все планеты дают 0,3—0,4, а эта планета почти 0,6. У меня Земля дает всего 0,9.

— Ну и в чем же здесь проявился Разум? — спросил Тэтэ.

— Не знаю. Коэффициент указывает на похожесть, но ни один из нескольких десятков тысяч параметров не выделяется. Может, их совокупность...

— Ерунда, — резко прервал его Володя. — Ведь это может быть и чисто случайное совпадение.

— Ой, что-то здесь не так, — вмешалась Рая. — А растения?! Ведь между ними нет борьбы за существование, они только репродуцируются, не размножаются. Значит, им не нужны новые территории, они не теснят друг друга.

В конце концов Сережа с Раей поставили нас в тупик и посеяли то ли тревогу, то ли надежду. Мы задержались еще на неделю, но безрезультатно.

Мы пролетали примерно ту точку в околопланетном пространстве, где погиб Канов. Ни на один вопрос, возникший в связи с его сообщением и гибелью, ответа так и не было найдено. Но почему все-таки не сработал автомат?

И вдруг в моей голове все завертелось. Ведь автомат работал от локатора, и если отключить локационную систему, вся эта могучая электроника будет бессильна. А зачем отключать?! Да затем, чтобы включить телескопический обзор, чтобы увидеть космос не лучом локатора, а своими глазами! Какие же мы идиоты — разве можно увидеть космическую жизнь только приборами!

Я через спину Тэтэ потянулся к тумблеру автомата. Он схватил меня за руку.

— Ты что, спятил?.. Вздумал пойти по пути Канова?..

— Да, да, да! — кричал я. — Автомат не работал, потому что был включен телескопический обзор. Он видел космос своими глазами. Он... своими глазами... — Мне не хватало слов, чтобы доказать, убедить их.

Но и этого оказалось достаточно. Мы как замороженные следили за рукой Трошина и впились глазами в экраны...

Огромный диск планеты был покрыт сотнями рисунков. Живые фрески из многоцветных лесов шли поясами, рассказывая с помощью знаков, геометрических фигур и неизвестной письменности историю обитателей планеты. В ее центре было изображено звездное небо. Смуглая прекрасная женщина бежала там среди светил, придерживая за руку смеющегося малыша. Она махала нам, прощаясь, свободной рукой, торопилась и никак не могла убежать.

— Посмотрите вон на те знаки, — шепчет Володя. — Они расшифровывают центральную фреску. Похоже, речь идет о переселении к другой звезде.

— А вон «ожерелье»! — кричит Рая. — Ведь это те голубые озера, что мы видели.

Я молчал. Потом, уже на Земле, мы окончательно сумели понять: как ни крепки металл и камень, как ни бессмертны сигналы, странствующие в космических безднах, по-настоящему вечно только жизнь. Особенно в масштабах планеты. Пожалуй, трудно было мыслящим существам придумать, уходя, нечто более разумное и надежное, чем это всеобщее программирование природы как единого произведения искусства, живой и самообновляющейся записи информации. Любой информации, запечатленной на планете-панно и видимой за миллионы километров.

А тогда я смотрел на планету Канова и вспоминал Сикейроса. Сотни лет назад он первым записал такую мысль:

«Леонов дал уже нам пример, выйдя из кабины. И я не удивлюсь, если в следующий раз вместо фотоаппарата он возьмет с собой в космос краски. Кто знает! А вдруг мне повезет, и он пригласит и меня разрисовывать стены на других планетах...»

Да, лишь теперь мы убедились, что для настоящего мастера, для настоящего художника вся вселенная — это вместилище его таланта. Это бескрайняя мастерская. И еще я почувствовал в конце концов, что Канов мог действительно про все забыть и даже про собственную смерть, встретив наконец в космосе долгожданный Разум.

СТРАНИЦЫ АЛЬБОМА

Ивин любил свое место. Даже нет, не любил, — он просто не представлял себя в классе на каком-то другом месте. Классы сменялись лабораториями, учебными кабинетами, а место оставалось прежним, ближайшая к двери парта. Отсюда, едва зазвучит последний звонок, в один прыжок можно очутиться в коридоре, и сюда легче всего проскользнуть, если учитель оказывается в классе на секунду раньше тебя. В школе его почему-то звали Ивиком.

Был ли Ивик лентяем? Отнюдь нет. По большинству предметов он колебался между четверкой и пятеркой, правда, скорее благодаря своей феноменальной памяти, чем прилежанию, а главное — вопреки стойкому равнодушию ко всем точным наукам.

Большинство учителей по этим предметам — физик, химичка — махнули на него рукой, но математик, старый романтик с неоригинальным прозвищем Катет, не оставлял надежды заменить это равнодушие если не страстью, то хотя бы любопытством.

Сейчас Катет, чуть прихрамывая, как это всегда бывало в ненастную погоду, кружил по классу, изредка и ненавязчиво поглядывал в сторону Ивика.

— Двумерное и трехмерное пространство легко может представить себе каждый из нас, — говорил он, подымая руки, словно эти пространства лежали у него на ладонях, и трехмерное было значительно тяжелее двумерного. — Труднее представить себе пространства одномерные и четырехмерные, тут уже нужно немножечко фантазии. Но вы ведь у меня все фантазеры, хотя бы в легкой степени, не так ли?

Улыбнулся весь класс — ну просто не мог не улыбнуться, когда Катет этого добивался. А с некоторых пор старый, опытный педагог прикладывал все усилия, чтобы с первой и до последней минуты урока подчинять себе внимание ребят. И подчинял — кроме одного. Того самого, ради которого старался. Этот и сейчас смотрел на него со странным выражением послушания и отрешенности, заставь повторить сказанное — повторит дословно, как магнитофон, ну прямо на пятерку. Но ведь не этого добивался учитель...

Он незаметно вздохнул и продолжал:

— А вот многомерное пространство представить себе го-

раздо труднее. Наверное, лучше начать с того, что просто поверить в его реальное, осязаемое существование. А когда вам это удастся, вы сможете принять и такую гипотезу: ведь мы с вами живем в первом, втором и третьем измерениях. Но в том же объеме, в том же кусочке Вселенной, если выражаться математически, могут существовать и совокупности, скажем, седьмого, восьмого и девятого измерений, и они-то представляют собой целый мир, который мы считаем вакуумом, потому что просто не можем его воспринимать — ведь наши глаза, уши, наконец, приборы находятся в наших — первом, втором и третьем — измерениях. Так ведь?

Молчание класса показывало, что так.

— Ну вот, большинство из вас уже поверили в существование одного такого невидимого мира. Но коль скоро измерений бесчисленное множество, то и таких миров может существовать бесконечное количество, один в другом, и совершенно непонятно, повторяют ли они друг друга, или чуточку отличаются, или совсем непохожи... Сопространственные миры, о которых мы ничего не знаем — никаких данных, ни точных, ни смутных. А ведь математика — наука точная. Так что о сопространственных мирах мы можем пока только фантазировать... Разумеется, — спохватился он, — на перемене!

Так он дошел до задней стены и, поворачиваясь в узком проходе между партами, привычно глянул туда, где сидел неподдающийся Ивик. Послушный до уныния, равнодушный до отчаяния Ивик!

И не узнал мальчика.

Всегда безучастный, он вдруг преобразился так, словно зазвучала его любимая музыка. Внимание и изумление — то, чего так добивался старый учитель все эти полгода, — были в его широко раскрытых глазах.

Класс тоже примолк — видно было, что усилие рассмотреть сопространственные миры прямо-таки витает в воздухе.

— А у нас ведь еще масса времени, — спохватился учитель и заторопился назад к своему столу. — Возьмите-ка задачки, номер сто двадцать семь. Кто первый сообразит, с какого конца подбираться к задачке — прошу поделиться мыслями.

* * *

А у мальчика был несомненный талант живописца, и он не может жить, сознательно отворачиваясь от тех сказочных тайн, которые видит в самом обыденном и простом. Живя только сказками и фантазией, не станешь ни Гринном, ни Врубелем.

«Ничего, ничего, — все чаще говорил себе старый учи-

тель. — Видел я твои рисунки — мерцающие миры, не без загадочной притягательности, впрочем. Но рисовать реальную жизнь все-таки научу тебя я, старый учитель, который не всегда Кента от Рериха отличит. Вот и твои творения — что-то они напоминают... Столько времени вспоминал — не вспомнил. Хотя... постой, постой... Ведь это фосфены — псевдообразы, возникающие в глубине зашмуренных век! Любопытно, в высшей степени любопытно...»

Внезапно он встрепенулся. Совсем немногие уткнулись в задачки — большинство взоров витало в нематериальных сферах. Уподобились Ивину, мечтатели!

— Что, добровольцев не обнаруживается? Сайгин, к доске!

— А можно, я спрошу? Вот если бы сконструировать такой телескоп, чтобы заглянуть в эти... не наши измерения...

— Фантазии на переменке. Тетрадку домашнюю прихвати.

— Ой, правда, а если заглянуть туда... ну, в эти... а там чудовища и все такое, как в каменном веке?

Это уже Сонечка с третьей парты, пленительное существо, у которой математические способности и тормозящие центры находятся в равновесном состоянии. Такие, как она, удивительно умеют увлекать за собой весь коллектив...

Так и есть. Класс взрывается. Гам, хохот.

— Ой, а если?..

— Тихо! Не тяните время — все равно и Сайгина успею спросить, и кое-кого еще.

— А если туда взять и перепрыгнуть?

Все, кроме Ивика. А Ивик уже сомкнул ресницы. Опять созерцает мерцающие миры...

...Пепельно-зеленый шар потускнел, растянулся, туманными полосами перерезали его перистые облака. Чернота сгустилась в центре, она становилась плотным весомым комом, тяжелым, словно каменная громада, на которую смотришь издалека. И это всегдашнее солнце, которое оконтуривает ее молочным сиянием. И самое необыкновенное — это не сама картина, а внезапность ее изменения. Вот эта скала чуть дрогнула и вдруг беззвучно раскололась надвое, и из разлома ударил вверх бледный луч. Слева направо поплыли, разбухая, конусообразные фигуры. Неживые. Обычно ему мерещились пирамидальные замки, светлые летучие ленты не то до-рог, не то рек, невообразимо распахнутые крылья ветряных мельниц, скорбные паруса траурных опавших знамен...

Когда-то (может быть, еще до школы) он уже видел подобные рисунки — в альбоме, который ему дали посмотреть. Тогда он еще не умел читать и фамилия художника осталась ему неизвестной. Но картины жили в памяти — не похожие

ни на что другое, не встреченные больше ни в одном музее.

И еще одно поражало Ивика: вероятно, смутные видения в глубине закрытых век видели многие, а может быть, и все люди. Но почему же только для них двоих — для Ивика и для того сказочного художника — они сложились в один целостный мир, почти земной?.. Почти.

Для Ивика в эти минуты, кроме реального окружающего мира, существовал еще и второй — объемный и красочный мир фосфенов.

Объемный. Красочный. Осязаемый.

Сегодняшний урок стал своеобразным патентом на право существования этого второго мира. И сейчас он тоже здесь, в том же самом объеме, где разместились его класс, и школа, и набережная... Ивик даже съезжился от этого ощущения. Высоты он никогда не боялся, но при взгляде вниз у него появилось щемящее, сладковатое томление по несбывшемуся полету, и нечто похожее испытывал он и сейчас.

Хотя почему несбывшемуся?

Сноп искр вихрился в зеленоватой глубине, постепенно удаляясь, вытягиваясь в пепельный таинственный коридор. В него надо было успеть войти прежде, чем он совсем погаснет, и мальчик, прикрыв ладонью глаза, чтобы никто не видел его сомкнутых век, поднялся со своего места.

— Что тебе, Ивин? Я сказал — вопросы на переменке.

— Мне... нехорошо. Можно, я выйду?

— Да, да, конечно. Тебя проводить? Мальчишки...

— Нет! Не надо. Я сам.

Дверь-то рядом, вот она уже и за спиной, и шершавенькая шкурка коридорной стены, и сумеречный тоннель, уходящий в непроглядную темноту. Ивик продолжал бесшумно скользить к выходу, не замечая, что давно уже приоткрыл глаза — между притягательной глубиной, манившей его в иллюзорную даль, и этими неосвещенными сводами старинного школьного здания не было больше никакого различия. Он скорее нащупал, чем разглядел узенькую дверцу запасного выхода — и вот он уже был на набережной.

Обыденность полупустой набережной, которую он видел каких-нибудь сорок минут назад, направляясь в школу, поразила его больше, чем огненное лавовое поле или чернота космического пространства. Но ничего этого не было, а привычно маячил гриновский силуэт одинокой баркентины, приютившейся где-то за неуклюжим морским буксиром и плавающим рестораном. Баркентина принадлежала морскому училищу, расположенному правее, ближе к Горному институту; перед этим училищем, сурово обозревая плавающие краны завода «Судоверфь», отчужденно томился на гранитном постаменте прославленный мореплаватель, известный Ивику только

воей длинной и неудобопроизносимой фамилией, да еще тем, то лихие курсанты-выпускники накануне праздничного прощального вечера обязательно натягивали на его бронзовые плечи форменную полосатую тельняшку.

Пятнадцатый трамвай, подмигивая опознавательным зеленым огнем, словно окривевший кот, промчался к Горному, а только тут смутное беспокойство закралось в душу мальчика. Все было на своих местах. Что же настораживало?..

Он пошел влево, к узкому каньону Восьмой и Девятой линий, откуда, выбрасывая конусы рассеянного света, вылетали одинаково серые в полутьме машины и, прочертив извилистый интеграл, которого в школе еще не проходили, исчезали на мосту, превращаясь в безликое множество красных горизонтальных двоеточий. В мерцающей зеленовато-бурой мгле можно было только угадывать, что дальше, за мостом, за третьим его пролетом, должна выситься громада Исаакия, а на этой стороне...

И тут Ивик понял, что же в этот обычный утренний час было не так.

Темнота.

Кончался первый урок, было никак не меньше половины десятого, а над городом висела пелена тумана. Ивик знал, что ни грозовая, ни снеговая туча не могли дать такой темноты — значит, случилось что-то из ряда вон выходящее; тем не менее никого это не пугало, машины оживленно сновали взад и вперед, деловым шагом двигались прохожие в длинных дождевиках. Он невольно прислушался — говорили о погоде, покупках, работе, и только одно незнакомое слово (кажется, оно звучало как «коррекс» или что-то похожее) поразило его слух.

Недоумевая, но стараясь не привлечь постороннего внимания, Ивик двинулся дальше. Темнота уже не казалась ему такой непроглядной, как в первый момент, — более того, все предметы вокруг как будто бы начали испускать легкое свечение, так что можно было обходиться и без уличных фонарей.

Он прошел еще немного, миновав любимый свой «дом академиков» с черным ожерельем мемориальных досок, на которых невозможно было прочесть сейчас ни одной надписи, с лорической колоннадой, пленявшей его своей трогательной принадлежностью к далеким до нереальности временам, и направился к Академии художеств, напротив которой вздымались из мрака скальные громады сфинксов.

Между тем небо продолжало светлеть, и он вдруг успокоился. Он что-то перепутал. Не было еще никаких уроков, сейчас начало восьмого. Светает. Ему просто взбрело в голову погулять перед школой, а Катет и все его сопостран-

ственные миры — утренний сон. Сейчас он забежит домой за портфелем...

Он уже дошел до середины фасада Академии, почти до самого парадного входа, когда стремительно разрастающееся сияние, исходящее откуда-то из-за сфинксов, заставило его повернуть голову.

Это были не сфинксы.

Две зеленоватые, почти вертикальные обрывающиеся кнizu скалы расходились конусом, так что в первое мгновение ему даже показалось, что между этими скалами, раздвигая их монолитные края, помещается узкая хрустальная ваза, гигантская даже по сравнению с теми каменными вазами, которые Ивик видел в Эрмитаже. Она была наполнена фосфоресцирующим туманом, подымавшимся узкими струями, чтобы угаснуть у верхнего края. Свечение становилось все сильнее, цепочки легких огней, словно след трассирующей очереди при замедленной съемке, помчались навстречу друг другу, но, приподнятые вздымающимся туманом, изогнулись вверх и ушли в вышину. Светало все быстрее и быстрее, и тут Ивик разглядел, что по двум сторонам обрыва, на самом краю, застыли две одинаковые и такие знакомые человеческие фигурки и взлетающие огоньки исходят именно от их протянутых друг к другу рук...

За спиной зашуршало — кто-то приблизился стариковской шаркающей походкой и остановился сзади. Ивик, не зная уже чего и ожидать, пугливо обернулся — это был обыкновенный старик в длинном дождевике, как и на всех прохожих, хотя тронутое облаками небо отнюдь не обещало дождя. В руке его была папка... или альбом.

Старик закивал ему, может быть, от чрезмерной общительности некоторых пожилых людей, а может быть, у него просто тряслась голова. Ивик на всякий случай тоже кивнул. Старик воспринял это как приглашение к беседе:

— Когда-то я тоже любил приходить сюда к тому самому моменту, когда солнце входит в знак Близнецов... Правда, приходилось удирать с уроков, но с кем этого не бывает? И я смотрел до последнего мига, сколько выдерживали глаза, пока... Мальчик, но где же твой коррекс?!

Ивик беспомощно пожал плечами, не понимая, о чем идет речь; что-то сверкнуло тусклой медью, и с удивлением, уступающим место ужасу, Ивик успел заметить краем глаза, как в прорези между скалами засветился краешек раскаленного диска, словно по ту сторону Невы не было никаких домов и солнце вставало прямо из воды. Больше ничего он рассмотреть не успел, потому что шуршащая пленка взвилась над его головой и окутала его до самых ног непроницаемой чернотой. Еще он услышал торопливые шаги и потом стук

тяжелый стук, но скрипа отпирающейся двери не послышалось, а вместо этого полыхнуло таким нестерпимым жаром, что Ивик перестал что-либо слышать и от страха присел, издавая громкий топот. Тот воздух, который умещался под коронкой пленкой. Воздуха было совсем мало, он жег легкие внутри.

...Да нет. Было совсем не жарко. Совсем обычно. И уличный шум — откуда только взялись машины, и одна, и другая, и третья, все разом завизжали тормозами, и Ивик услышал топот десятка ног — бежали прямо на него, и он вскочил и, путаясь, пятясь назад, принялся сдирать с себя липковатый пластик...

Бежали, оказывается, не к нему, а мимо, задевая, но не обращая на него никакого внимания, и сгрудились, и поднялись, и понесли... в одну из машин, и так же стремительно разбежались — и вот уже и нет никого. Черный дождевик на панели у входа в Академию художеств — рваный. И совсем светло, хотя нет никакого солнца. Ровное сияние, которое исходило от всего — и от затянутого пепельной дымкой неба, и от гранита набережной, и от поверхности невиской воды, и от двух исполинских скал, на краях которых застыли одинаковые фигурки мальчишек-близнецов. Стойкое, неослабевающее свечение без теней — надолго ли? На день, на месяц, на год? И только ли оно снаружи, может, и внутри домов все так же сказочно и неярко мерцает — и парты в классах, и доски, и мел. Но только...

Да, вот именно — только...

Только есть ли вообще в этом мире его школа? Или на ее месте тоже торчит какая-нибудь вавилонская башня?

Его затрясло при одной мысли, что здесь, куда он так нехотенно забрался, и так беззастенчиво совал повсюду свой нос, и так безответственно (хотя и невольно) натворил что-то страшное, — здесь он может оказаться чужим и ненужным, и раз уже все, что его сейчас окружает, явно не его мир, то здесь будет не его школа и не его дом!

Он вдруг почувствовал себя таким маленьким и беспомощным, что громко всхлипнул и помчался со всех ног обратно, вдоль прямоугольных кварталов, очерченных параллельными линиями несостоявшихся петровских каналов, к несчастному Крузенштерну, который вынужден ежегодно терпеть на себе полосатую курсантскую тельняшку, вдоль наливающих голубым огнем трамвайных рельсов, проложенных, наверное, еще до первой мировой войны, и влетел в школу, даже не успев обрадоваться тому, что она, тихо теплая нежарким свечением фасада, оказалась на своем законном месте.

По неосвещенному коридору он добрался до своего класса, прислонился лбом к шершавому косяку и, задыхаясь, прикрыл глаза. И всплыла страница альбома. Он вспомнил ее так отчетливо, что сомнения исчезли. Да, то, что он увидел, то, что ему вдруг представилось, было там... в альбоме неизвестного художника. Ивик сделал усилие... нет, фамилии и имени его он вспомнить не смог... Там были скалы и две фигурки — близнецы?.. ...Чувствовалось, что вот-вот зазвучит звонок...

Ивик понял, что больше ждать он не в силах, что он должен немедленно увидеть и поверить — это его класс, а иначе... у него просто сердце выпрыгнет, и тут звонок действительно задребезжал, дверь распахнулась, и Ивик увидел старого учителя, который, чуть прихрамывая, направлялся от доски к двери, ступая по четкому чертежу солнечных квадратов, расчертивших линолеум. Значит, здесь было обычное, земное солнце...

— Ивик? — произнес учитель так, словно пребывание мальчика в коридоре несказанно удивило его.

Сайгин сразу же подхватил из-за учительской спины:

— А мы-то думали, что ты уже там... в нетутошних измерениях!

Класс, плотно обступивший учителя и явно не желавший с ним расставаться, с готовностью подхватил:

— С прибытием, Новый Гулливер!

— В каких измерениях изволили гулять — в тысяча первом, втором и третьем? Зеленых человечков не встречали-с?

— Ой, девочки, как он запыхался — за ним же людоеды гнались!

Это уж, конечно, Сонька.

— Ну-ну, девочки, умерьте кровожадность вашей фантазии, — проворчал Катет. — Я ведь успел предупредить вас, что если сопространственные миры и существуют, то скорее всего они отличаются друг от друга весьма незначительно, и уж конечно, развиваться они должны в сторону накопления добра, а не зла — это закон природы, как и течение времени из прошлого в будущее.

— А если эти миры совсем похожи, значит, в них можно побывать и даже этого не заметить? — настырничал Сайгин.

— Легко сказать — побывать! Такой переход, ребята, должен поглотить непредставимое количество энергии. Скажу вам больше: некоторые ученые — а они любят пофантазировать в перерыве между серьезными занятиями — высказывают предположение, что однажды наша Земля такой переход уже терпела.

— Ой! — вскрикнула Соня, словно пол ушел у нее из-под ног.

— Это не двенадцать ли тысяч лет назад, когда потонула Атлантида и появился Гольфстрим? — солидно спросил кто-то из отличников.

— Много раньше. Около ста пятидесяти миллионов, если вас устраивает такая точность. Так вот, есть предположение, что одна из наших лун по какой-то причине сошла со своей орбиты и была притянута Землей. Куда, спрашивается, делась вся энергия соударения?

— Воронка должна была получиться — жуть!

— Предположим, что это Тихий океан. Но, по расчетам, энергии выделилось несравнимо больше. Так вот, существует безумная идея: а не пошла ли эта энергия на то, чтобы переместить Землю в другое пространство, точнее, в совокупность других измерений?

Ребята ошеломленно затихли, как тогда, на уроке.

«Не поверят, — вдруг четко пронеслось в голове Ивика. — Хорошо, что я ничего им не сказал, не поверили бы. Еще и подняли бы на смех. Поверить смог бы только один... Но его, кажется, уже давно нет в живых. Остались только картины, которые лучше всего вспоминать с закрытыми глазами. Он, значит, тоже побывал там, вот с ним можно было бы попытаться еще разок перебраться в этот мир. А лезть туда в одиночку, тем же неумехой и незнайкой, из-за которого...»

Он невольно замотал головой при этом воспоминании, но старый педагог, незаметно приглядывавшийся к этим стремительным сменам сомнения, восторга и отчаяния на мальчишеском лице, понял его по-своему:

— Ну что, Ивин, математика не такая уж сухая наука, как тебе казалось? — В его голосе проскользнула горделивая нотка. — Я вижу, что тебя наконец-то слегка заинтересовала геометрическая проблема пространства — или я опять ошибаюсь и твое воображение опять занято чем-то посторонним?

«И этот не поверит, — в отчаянии думал Ивик. — Этот в первую очередь. Еще в то, что было сто пятьдесят миллионов лет назад, может быть; но в то, что случилось здесь и сейчас, нет. Никогда».

Но учитель ждал ответа, и мальчик решил от этого ответа попросту уйти.

— Как же так? — спросил он, глядя на Катета равнодушными глазами. — Выходит, сто пятьдесят миллионов лет назад у нас было три луны?

— Выходит, так. Разумеется, если гипотеза о падении одной из лун верна. Потому что сейчас у Земли, как известно, их только две.

И он пошел в учительскую, усталый и чрезвычайно довольный как сегодняшним уроком, так и разговором.

* * *

Пройдет много лет, прежде чем Ивик сможет оценить происшедшее.

...Он снова увидит альбом, ту страницу, на которой протянули друг другу руки две человеческие фигурки. И узнает о гипотезе изопространственных миров — сказочных и ослепительно-туманных, о которых могут дать какое-то представление разве лишь фосфены. Он вспомнит, что старик в дождевике и был тем самым художником... иначе и быть не могло. То была их вторая встреча.

СНЫ НАД БАЙКАЛОМ

Варе и Константину Байкал открылся не сразу. «Ракета» мчала по водной глади к Шаманскому Камню, — о нем Варя и Константин слышали еще на пристани. Справа и слева шли берега водохранилища. Правый был горный. «Ракета» теснилась к нему, срезая вершины отраженных холмов, положенные на зеркало. Гигантское волшебное зеркало. Местами, не замутненное рябью, оно лежало чистым и синим. Местами лилось серебром — там, где ветер касался поверхности. Ближе к берегу было темным от скрытых под ним глубин. И где-то — Шаманский Камень, Байкал. Проедем Камень, говорили на пристани, и сразу Байкал, — не пропустите.

Варя и Константин стояли у лобового окна, смотрели. Выйти на палубу невозможно. Колочий ветер пронизывал, путал волосы. За «Ракетой» вставала стена брызг, водяной пыли. Мгновенно заочневшие, Варя и Константин сошли в салон и прочно заняли место у смотрового окна. За ними толпились еще несколько человек, глядели через их плечи. Может быть, тоже хотели впервые увидеть Байкал, может, влюбленные в Ангару или — так же, как Варя и Константин, — друг в друга.

— В июне Байкал цветет, — сказал кто-то за спиной Вари.

— Камень! — тотчас сказал другой, и Варя и Константин увидели в нескольких метрах по борту черный, облизанный водой камень, который мгновенно ушел назад.

— Смотрите! — Пассажиры прильнули к окнам.

Но Варя и Константин смотрели вперед — в простор.

Они обосновались в местной гостинице. Бросили вещи и выбежали к Байкалу. Как подъехали к Листвяному, вышли на пристань, — промелькнуло минутой. Может, и в самом деле минута? «Ракета» не рыбацкий баркас, посадка пассажиров, выход проходили стремительно, как бег. И то, что промелькнуло перед глазами Вари и Константина, огромное, синее, и что называли «Байкал», просто не уместилось в глазах, и теперь требовалось время, чтобы прийти в себя.

Но прийти в себя было не просто — пережить восхищение. Варя и Константин это поняли: Байкал надо впитывать

постепенно, неторопливо, вместе с воздухом, ветром, с блеском и синевой. И наверное, молчаливо. Сейчас, выйдя на берег, они стояли у самой воды. Зеркало — Байкал тоже волшебное зеркало — светилось перед ними, трепетало биением частых волн, голубело, синело, где-то вдали переходило в лиловое, уходило в туман, скрывавший далекий берег, и от этого было бескрайним. Казалось, можно ступить на него, идти, и никуда не придешь — растворишься в дали, в свете.

— Костя! — Варя сжимала мужчине локоть.

Константин смотрел, может, не слышал.

Завороженные, они пошли по берегу.

Не замечали лодок, причала — глаза их глядели дальше. Не слышали говора идущих навстречу людей — какое им дело?

Поднялись по берегу и здесь — позади лес, впереди простор — сели среди камней.

День был ослепительно яркий, словно нарочно родившийся, чтобы посветить Варе и Константину солнцем, синевой, ярким набором красок: желтые скалы, зеленый лес, серебряные гребешки волн, белые космы тумана, скрывавшие дальний берег. И еще прибавить к этому блеск. И прибавить воздух, до невидимости прозрачный. И запах сосен, воды, цветов.

— Костя, — сказала второй раз Варя.

— Да, — отозвался мужчина.

— Тебе не хочется петь?

— Нет, — ответил Костя.

— А мне хочется.

Мужчина подумал, ответил:

— Пой.

— Ты ничего не слышишь? — спросила Варя.

— Нет. А ты слышишь?

— С тех пор, как мы проехали Камень...

Мужчина ждал, пока кончится фраза.

— Я слышу музыку, — сказала Варя.

Константин засмеялся, привлек Варю к себе.

Варя имела редкую профессию — нейрехимик. Новая наука делала первые шаги в области интенсификации работы мозга, воображения. Варя сама обладала фантазией, пылким воображением. Считала — эти качества свойственны всем людям, искала пути к их пробуждению, к художественному обогащению человека.

— Костя, — говорила она, когда первый восторг прошел, когда они привыкли к Байкалу, влюбились в него, стали его частью и не мыслили без него жить. — Хочется необычайных

вопросов, необычайных ответов. Все здесь необыкновенное, Костя. Даже травинка, крапива — она совсем не такая, как у нас под Орлом.

Они приехали из центра России — страны тихих утр, спокойных вечеров и неярких красок.

— Даже камень, — продолжала Варя, держа в руке бурый с желтизной камень, — что в нем — скажи? Я слышала, что здесь, в Лимнологическом институте, позвонок плезиозавра. Может, в этом камне его тело, мозг? Ну ладно, плезиозавр — это очень давно. Есть более близкие события, люди. Они проходили здесь, жили, мечтали и ушли навсегда. Неужели так просто: прийти — уйти? Не верю, что после людей ничего не остается. От плезиозавра и то позвонок... А я хочу, Костя... хочу видеть перед собой что-то или кого-то сейчас. Хочу слышать голоса, речь. Это не смешно, нет?

— Говори, — сказал Костя.

— Хочу, — продолжала Варя, — закрыть глаза и представить ярко кого-то из этих людей.

Помечаем. Но помечаем необычно, здесь все необычно.

— Интересно... — заметил Костя.

— Не смейся. Я ведь работаю над этим. Я хочу, чтобы ты помог мне.

— Чем смогу...

— Сможешь! Сможешь! Я слышу музыку. Но это потом, Костя. Я хочу видеть. Давай видеть!

— Ты мне внушаешь?

— Думай что хочешь, но помоги мне.

— Как?

— Настройся на мою волну. На мое видение.

Костя невольно закрыл глаза, сосредоточился.

— Я вижу берег, берег, — между тем говорила Варя. — Дорогу... Ты видишь, Костя?

Константин не открывал глаз, углубился в себя, в подсознание.

— Дорогу, — повторяла Варя. — Берег...

Костя увидел дорогу, берег. Дорога была ухабистая, проселочная. Берег Байкала. Варя говорила что-то еще, но Костя не слушал. Не открывая глаз, заинтересовался дорогой. И тем, что на дороге происходило.

Медленно — лошади плохо тянули, отмахиваясь от оводов, — по дороге двигался тарантас. Возница, в зипуне, в стоптанных сапогах, дремал, еле удерживая в руках кнутовище. Ремённый кнут соскользнул, тянулся по земле рядом с колесом. Сбоку от возчика, поставив ноги на жестяную ступеньку, сидел человек с бледным лицом, в пенсне, с небольшой аккуратной бородкой. «Чехов!» — узнал Константин.

Тарантас проезжал медленно и, кажется, рядом, Константин успел хорошо рассмотреть лицо Антона Павловича, задумчивое, усталое, печальный взгляд, скользнувший по Байкалу, по берегу и, кажется, по нему, Константину, — на миг они встретились глазами, зрачки в зрачки. Это было так реально, близко, как будто Костя заглянул в лицо писателю, наклонившись к нему. У Константина мелькнула мысль — что-то сказать Антону Павловичу, поздороваться. Усталые глаза все смотрели, ждали чего-то, от этого взгляда Константину стало невыносимо, он попытался отвести глаза и услышал, будто издалека, голос Вари:

— Уйдем, Костя...

Наверно, они ушли, может быть, отвернулись, потому что тарантас, возница и Чехов исчезли, а картина переменялась.

Теперь был другой берег, дикий, лесистый, ели подступали к воде. Байкал неспокоен, набегала волна, ветер срывал, раздувал пену. Здесь же, между камней, шарахалась на волне большая пузатая бочка. Человек, вошедший в воду, укреплял жердь, воткнув ее толстым концом внутрь бочки. Вода подмывала его до пояса, бочка прыгала, словно пыталась вырваться из рук человека, но тот мочалом, просовывая концы под обруч, обвязывал жердь и крепил узлы. Тут же, закончив крепление жерди, придерживая концы мочала рукой, он стал наклоняться в воде и, когда волна отходила, хватал со дна у себя под ногами камни, бросал в бочку.

Константин, казалось, стоял тут же, на берегу, видел покрасневшие от холода, исцарапанные руки, хватавшие камни, бородатое ожесточенное лицо человека, котомку, болтавшуюся у него за спиной. Но вот камни набросаны, бочку стало меньше болтать, человек, навалившись на край, жеребросил в бочку ногу, другую, повернулся на животе, оказался внутри. Бочка погрузилась наполовину, зато обрела устойчивость. Человек скинул с плеч котомку, армяк и, зацепив его одной полкой за верхний край жерди, другую полу тем же мочалом привязал к обручу. Ветер надул армяк пузырем, и бочка тронулась от камней. Мужчина удовлетворенно взглянул на берег, Константину показалось — ему в лицо, — и, подув на озябшие руки, на миг скрылся в бочке. Появился снова, опустил трех, поглядел на воду, на далекий, чуть видневшийся противоположный берег, перекрестился.

Бочка отошла от камней. Тут же ее подхватило волной, выкинуло на гребень, армяк затрепетал на ветру, готовый сорваться с жерди. Мужчина вцепился в него, скорлупка вырвалась на простор и, успокоившись, поплыла.

— Доедет, — сказал Константин.

— Доедет, — отозвалась рядом Варя, и все исчезло.

Они сидели на скале в свете дня. Шумели позади сосны, Байкал горел синим, солнце пылало.

— Что это? — спросил Константин, встряхивая головой. — Гипноз?

Варя ответила:

— Мы там были.

Некоторое время они молчали. Константин, все еще не пришедший в себя от виденного, искоса поглядывал на подругу. Варя была спокойна.

— Можешь ты, наконец, объяснить? — спросил Константин.

— До конца не могу, — призналась Варя.

— Так что же это?

— Просто мы были там.

— В прошлом?

— В прошлом.

— Темнишь или выдумываешь?..

— Нет, Костя. — Варя обернулась к нему. — Ты ведь знаешь о моей специальности — нейрохимии: работа с мозгом, воздействие на подсознание человека. Тут я в своей тарелке. А вот со временем...

Костя был инженером Орловского приборостроительного завода, знал механику, электронику. О времени имел не совсем строгое научное представление — кто из нас имеет о нем совсем полное понятие?.. Ему оставалось слушать подругу.

— Передвигаться во времени физически, — продолжала Варя, — сегодня мы не умеем. Может, когда-то в будущем... Но то, что было в природе, что будет, — несомненная реальность. А если реальность, то ею овладеть можно, и человек овладеет. Может быть, не возьмет в руки, не рассмотрит под микроскопом, но увидеть прошлое, будущее возможно.

— Скажи, — обратилась она через секунду, — чувствовал ли ты в первой картине зной, слышал ли звон тарантаса?

— Нет, — сказал Константин.

— И во второй мы не чувствовали холода, ветра. Физически мы там не были, сидели здесь, на берегу. И все-таки мы там были. Было наше сознание. Это значит, что при определенных условиях: желание, душевный настрой или еще что-то — неоткрытые возможности мозга — мы можем свое видение оторвать от себя, пустить в путешествие.

— Во времени?

— Да.

Константин помолчал.

— Это не выдумка, — заговорила Варя. — Все происходит на определенном этапе развития науки, техники. Теория относительности, теория атомного ядра — все пришло в свои сроки. Теперь вот первые шаги в завоевании времени.

— Интересен механизм... — заметил Костя.

— Механизм пока что необъясним. Может быть, сгусток мысли, может, субстанцируется желание, воля. Но часть нашего сознания может передвигаться во времени. Вспомним об оракулах, о ясновидении — ведь это с древнейших веков!.. И кто знает, может, из будущего наблюдают за нами, изучают поступки и в истории для них нет никаких загадок.

Костя поежился.

— Мы пока что глухи в тех эпизодах, которые нам открылись. Но, возможно, научимся читать, разгадывать мысли — мысль тоже материальна, — научимся слышать звуки и тогда узнаем, о чем думал Чехов в то мгновение, когда встретился с нами взглядом, услышим стук тарантаса и шорох ветра...

— Почему мы увидели именно эти картины, Варя?

— Их сохранил Байкал. Ничто не пропадает в мире бесследно. Может, прошедшее впитано глубиной вод, скалами, может, оно существует в потоке времени. Представь нескончаемый поток, — глаза Вари блеснули от возбуждения, — себя в потоке. Позади — прошлое, впереди — будущее. При каких-то условиях можно передвигаться по этой реке — вырваться вперед, повернуть назад. Так же, как по лучу звезды. Луч материален. Когда-нибудь научимся передвигаться по нему, как по рельсу. Грубо? Но в принципе возможно — не отрицаешь? Так и время материально. Больше, Костя: выдвигается взгляд на время как на поток энергии. Именно это — река энергии — движет в природе все, от развития клетки до света звезд. Звезды живут, пылают и греют за счет этой энергии. Это уже не поток энергии — океан! Нельзя еще построить парусник, чтобы двигаться по океану. Но ведь нельзя взять в руки и атом. Мысль, воля — вот что будет кораблем для людей. Мы с тобой только что приоткрыли краешек...

— Все это понять нелегко, — задумчиво сказал Костя. — И принять.

Варя кивнула головой, соглашаясь.

— Можно увидеть другое? — спросил Костя, возвращаясь к своему первому вопросу.

— В другом месте — другое.

Костя секунду помедлил:

— Жаль, что мы не можем слышать...

— Первое кино, — ответила Варя, — тоже было немым...

— Да, — согласился Костя, — немой. Но потом его озвучили!

— Озвучили, Костя. Ты меня понял.

Варя поднялась на ноги. Пошли над Байкалом. Тропка, выбитая множеством ног, поднималась на пригорки, спускалась. Сколько людей проходило здесь! Сколько на берегах Байкала жило! Мечтало, трудилось, делало открытия! А сам Байкал не открытие?

— Костя! — Варя сворачивает с тропы, по крутизне они спускаются на берег. Зачерпывают ледяную воду, прозрачную до полной невидимости, плещут в лица. — Хорошо, Костя!

Были в Лимнологическом институте. Узнали, что Байкал — слово до сих пор не разгаданное: богатый рыбой, полный огня... Узнали, что Шаманский Камень действительно шаманский: когда-то шаманы устраивали там колдовские пляски. Камень был больше. Сейчас, когда уровень зеркала поднят плотиной водохранилища, камень ушел под воду, видна только его вершина. Красивое слово Ангара означает — пасть, прорва... Видели позвонок плезиозавра — окаменелый, желтый от времени, обломанный по краям. Беседовали с научным сотрудником института, и все хотелось спросить: что самое необычайное на Байкале? Спросили, и сотрудник ответил:

— В июне Байкал цветет...

Признались, что слышали эту фразу. Сотрудник сказал:

— Поднимайтесь на скалы выше утром и вечером.

И теперь Варя и Константин вставали до зорьки и, взявшись за руки, бежали на скалы.

Увидели то, что надо было увидеть.

Озеро светлело вместе с зарей. Голубые крылья опускались на воду, лиловые, синие, стелились на поверхности, совмещались, дышали и трепетали. Солнце добавляло им розового, красного, пригоршни золота, небо купалось в озере. Отражение облаков и гор — тоже. Вместе с солнцем Байкал вспыхивал изнутри зеленью вод, фиолетовой глубиной. Опять все это совмещалось, дышало. Белизна тумана бродила над озером там и здесь, солнце прогоняло туман, и все краски, оттенки красок приобретали первозданные цвета, теплоту.

— Вот откуда музыка, Костя, слышишь?

Костя слышал плеск волн у берега, шорох леса.

— Не то! — говорила Варя. — Хочешь, я тебя научу слушать?

Конечно, Косте хотелось слушать.

— Оранжевая полоса, смотри, — говорила Варя, — это

звук виолончели. Красная — рокот фagота. Всплески солнца на поверхности — звуки фанфар. Голубые полосы — флейты. Слышишь теперь?

Байкал не только цвел, он звучал. Это была волшебная цветомузыка. Костя слышал огненный звук трубы, желтые напевы валторны. Он сжимал руку Вари, а Варя слушала и смеялась.

— Помечтаем? — говорила она.

Садись на скале, закрывали глаза.

— Город... — говорила Варя.

Они видели город — белый прекрасный город, с просторными площадями, улицами.

— Северобайкальск!..

Город еще только строился — конечный пункт Байкало-Амурской железной дороги, а они, Варя и Константин, видели его построенным — светлым, прекрасным.

— Будущее? — спрашивал Костя шепотом.

— Будущее, — отвечала шепотом Варя. — Завтрашнее.

Ездили в Большие Коты, смотрели гидробиологическую станцию, заповедник местной байкальской флоры. «Не срывайте цветы!» — просило объявление на щите. Варя и Константин смеялись трогательной наивной просьбе и уходили в лес, и там мечтали и целовались.

— Ты мое открытие, — говорил Константин. В последние дни перед отъездом он засиживался над чертежами. — Ты мне дала порыв.

Варя склонялась над его плечом, заглядывала в чертеж. Костя чувствовал ее теплоту.

— Мысль материальна, — продолжал Константин. — Пусть она облако электронов, плазма. Ее можно ощутить и поймать. Это, — показал на чертеж, — контур, усилитель. Как ловят волну на радиоприемнике, так мы обнаружим — в прошлом или в будущем, все равно — и расшифруем мысль.

Костя смотрел Варе в глаза. В них была глубина. И еще — ожидание. Косте было трудно браться за новую тему, замысел, который он хотел воплотить. Поймет ли Варя?

Варя спросила:

— Оживить мысль? — Она умела находить точные слова.

— Оживить, — подтвердил Костя.

Глубина в глазах Вари становилась ближе, светлее. В то же время в глазах можно было прочесть: «Я же не связана с техникой, Костя, милый...»

— Я тебе помогу, — сказал Константин. — Ты открыла новый мир, осваивать его будем вместе.

Варя согласно кивнула.

— Контур, — вернулся к чертежу Константин. — Антенна, приемник... Можно сделать в виде шлема или короны.

— Согласна, — сказала Варя.

— Прошлое, будущее оживет перед нами.

Варя соглашалась.

— Перед человечеством, — уточнил Константин.

Варя поглядела в окно. Байкал был как в день их приезда: голубое, лиловое уходило в туман, скрывавший далекий берег. Казалось, можно ступить на зеркало, идти и раствориться в дали и в свете.

— Все новое кажется странным, даже опасным, — продолжал рассуждать Константин. — Расщепление атома, роботехника — все это ниспровергало что-то и в то же время двигало науку вперед.

— В разумных руках, — заметила Варя.

— Обязательно, — согласился с ней Костя. — В большинстве так это и есть. Телескоп Галилея ниспроверг церковь и инквизицию. Паровая машина открыла промышленную революцию, кибернетика — научно-техническую революцию. Теперь наступил черед мыслетехники и покорения времени. И все это, заметь, дисциплинирует человечество, делает его более умным.

Варя вздохнула, заговорила о другом:

— Иногда мне кажется, что Чехов, беглец в омулевой бочке, город за горизонтом — многое, что нам еще удалось увидеть, — сны. Разбуди меня, Костя.

— Сны тоже станут подвластны людям, — ответил Костя; обнял Варю за плечи. — Стали...

Варя спрятала лицо у него на груди, сказала:

— Нам осталось на Байкале два дня. Помечтаем...

Уезжали они вечером, автобусом на Иркутск по недавно проложенному шоссе. Байкал, Ангара, Шаманский Камень оставались слева, уплывали назад. Солнце садилось, все было тихим, задумчивым.

— Грустно... — сказала Варя.

— Уезжать всегда грустно, — ответил Костя, — но мы вернемся. Мы обязательно вернемся! — повторил Константин.

Впереди ждала работа, и в этом им помогут — Варя и Константин не сомневались — цвета Байкала, музыка, их надежды и сны.

ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Жаркая духота июльского полдня, крепко разбавленная едкой бензиновой гарью и запахом размягченного асфальта, нависла над городом. Забитые автомашинами улицы оглушали людей, хотя им и казалось, что они уже привыкли к этому повседневному шуму. В поисках родничков чистого воздуха прохожие сворачивали в боковые улицы, прижимались к стенам домов, чтобы увеличить расстояние между собой и потоком изрыгающих дым и копоть чудищ. Чудищ, выпущенных на волю самим же человеком, который оказался не в состоянии не только оградить себя от ежеминутной опасности их нападения, но даже отделить нужные машины от ненужных. Тех, которым здесь, в городе, нечего делать, которые при огромной мощи своих двигателей ничего не везут или везут жалкие килограммы грузов...

Лейтенант ГАИ Кириллов поставил свой желтый с полосками мотоцикл в тени тополя, прямо на тротуаре. Сев в коляску и положив на колени планшет с утренними протоколами, разомлевший от жары Кириллов почти равнодушно, без охотничьей сметки, присущей ему еще полтора-два часа назад, смотрел на рокочущий, ослабевший к полудню, но совсем не малый поток машин, заполнивший самую напряженную улицу его участка. Накопившаяся с шести утра усталость отнимала у Кириллова всякую охоту шевелиться. Автоматически он все же отмечал нарушения правил движения, которые происходили ежеминутно и не могли здесь не происходить. Вот новенькие «Жигули» неосторожно произвели обгон, но Кириллов пропустил их, не задержав, как сделал бы это утром... Вот грохочет, изрыгая клубы черного дыма, МАЗ. Его, конечно, тоже надо было бы остановить, составить протокол и наказать за неисправность топливных насосов. Наказать заодно и механика, который выпустил утром машину, отравляющую воздух. Но лейтенант вновь остался безучастным... Какой-то торопыга на «Волге» у пешеходной дорожки дал сигнал и, спугнув нескольких прохожих, проехал мимо. И здесь можно было бы составить протокол...

Впрочем, таких нарушителей сотни.

«Ладно, — думал лейтенант. — Протоколы по качеству смеси полезны. Их прочитают в автохозяйствах и, может быть, внимательнее будут относиться к выхлопам машин. А вот десяток других...»

Кириллов досадливо отмахнулся от тополиного пуха, словно отбрасывая возникшую в который раз досадливую мысль о том, что в его руках совершенно негибкий инструмент наказаний. Было бы куда короче и полезней для дела при мелком нарушении просто взять штраф. Каким-нибудь очень простым способом, например протянув нарушителю бумажку-извещение с указанием суммы. А на корешке этой бумажки у Кириллова останется записанный им номер машины нарушителя. И пусть водитель попробует не заплатить в срок — сумму можно автоматически удваивать и утраивать.

Кириллов поморщился, вспомнив взгляды шоферов, когда он составлял протоколы или пробивал их талоны своим маленьким дыроколом — «жалом», как называют его водители.

«Ну, лейтенант, будь человеком! Возьми ты штраф, — прямо-таки слышал Кириллов молящий голос одного из утренних нарушителей, не показавшего сигнал поворота. — Не хочу я из-за этой мелочи сидеть у вас в ГАИ воскресенье и слушать лекции о правилах движения. Знаю я их наизусть...»

Кириллов увидел как бы со стороны свое лицо, окаменевшее лицо человека, олицетворяющего закон и не могущего отступить ни на шаг, хотя сама мера наказания ему и не нравилась. Да и не законом она предписана, а лишь инструкцией, которую надо бы пересмотреть. Ведь этот нарушитель, не показавший поворот, зарабатывает не менее шести-семи рублей в день. Стало быть, выписывая протокол и «приговаривая» шофера к потере дня отдыха, он, лейтенант Кириллов, штрафует беднягу не на полтинник, не на рубль. Не отдохнув в воскресенье, этот человек и работать в понедельник будет хуже, так что он, Кириллов, наносит прямой вред государству, хотя и действует по инструкции.

Снова расслабившись, Кириллов опять смахнул щекоющую пушинку и разморенно подумал о том, что надо бы встать и напиться воды, благо недалеко был автомат с газировкой, как вдруг его мысли прервала замеченная краем глаза ненормальность движения на улице. В ту же секунду это ощущение ненормальности подтвердилось человеческим криком, высокой нотой взлетевшим над шумом улицы и внезапно смолкшим, как бы прерванным грохотом удара и звоном бьющихся стекол. Кириллов увидел, как метрах в семидесяти от него груженный щебенкой самосвал выкатил на среднюю линию, прижал к противоположному бордюру две испуганно шарахнувшиеся легковушки, повернул почти перпендикулярно движению, рассыпая щебенку, пересек тротуар и врзался в стену бетонного здания. А впереди, резко, но бесшумно затормозив, остановился плывший навстречу ко-

раблем среди мелких суденышек, сверкавший блеском огромных стекол междугородный автобус.

Кириллов нажал кнопку на радиопередатчике, смонтированном в коляске, крикнул, не дожидаясь ответа дежурного:

— Я — двадцать третий! Двадцать третий. Авария. Опергруппу и «скорую». Быстрее «скорую». — И, кинув трубку, бросился к самосвалу, на бегу размахивая палочкой, чтобы остановить и без того застопорившееся движение.

На то, что было под передком машины, Кириллов предпочел не смотреть. Сообразив, что самосвал надо оттащить от стены буксиром и что это можно будет сделать и минутой позже, ибо погибшей женщине жизни уже не вернуть, он бросился к кабине, где могли быть живые.

Кабина самосвала, смятая надвинувшимся на нее груженым кузовом и присыпанная выброшенной щебенкой, открылась с трудом. Водитель лежал, навалившись на руль, и Кириллов содрогнулся, увидев что кусок сломанной баранки руля впился ему в грудь.

Вторым в кабине был молодой парень. Казалось странным, что руки его сжимают рулевое колесо. Создавалось впечатление, что перед ударом оба они — и водитель и пассажир — вцепились в руль, стремясь вырвать его друг у друга.

«Не в этом ли причина аварии?» — автоматически подумал Кириллов, взявшись за парня, пострадавшего, по-видимому, значительно меньше.

Все дальнейшее шло по четко отлаженной схеме. Члены опергруппы, приехавшей по вызову Кириллова, начали расчищать дорогу и ликвидировать пробку машин, рулеткой производить замеры, составлять карту происшествия. Прибывшая следом машина «скорой помощи» забрала пострадавших. А Кириллов занялся опросом водителей и пассажиров автобуса, остановившегося неподалеку от места аварии, и легковых машин, прижатых самосвалом к дорожному бордюру.

Все очевидцы показывали одно: ничто не мешало самосвалу ехать прямо, не было никакой видимой причины сворачивать на скорости к середине дороги, затем к тротуару и врезаться после этого в стену. Водителю одной из легковых машин показалось, что через ветровое стекло самосвала он видел какое-то движение — как будто бы пассажир вырывал руль у шофера. Но точно утверждать он этого не мог, так как смотрел на них лишь одно мгновение, к тому же из неудобной позиции — снизу вверх.

Водитель автобуса сидел на том же уровне, что и люди в кабине самосвала. Но расстояние между ними было большое, и у водителя создалось лишь впечатление, что фигуры в кабине располагались необычно близко друг к другу. Однако

никакой борьбы он не заметил. Пассажиры автобуса видели лишь странный поворот самосвала и в подробностях описывали удар о стену, звон стекла, положение самосвала после аварии.

Но вот один из очевидцев-прохожих, сам подошедший к Кириллову, прямо заявил, что видел борьбу пассажира и шофера и слышал крик последнего. Что-то вроде: «А-а-а!» или «Га-а-ад!» Это уже прямо указывало на причину аварии — непрошеное вмешательство пассажира.

Но зачем он это сделал? Что побудило его к этому?

Мысль об этом не давала Кириллову покоя весь день. Вечером он позвонил в больницу.

— Шофер умер, — сообщила ему дежурная из регистратуры. — Поговорить со вторым, его фамилия Иванов, зовут Виктором Васильевичем, вы сможете завтра.

— Две смерти! — покачал головой Кириллов.

На следующий день Кириллов был в больнице. Накинув на плечи чистый халат, у которого были оторваны все до единой пуговицы, а на рукавах болтались завязки, воспользоваться которыми без специальной тренировки не было никакой возможности, лейтенант прошел в общую палату, где лежал Иванов. С подушки указанной ему кровати глянули воспаленные то ли от бессонницы, то ли от болезни глаза молодого человека лет двадцати.

— Как вы оказались в машине? — представившись и предложив больному не беспокоиться и не подниматься, задал Кириллов первый вопрос.

— Попросил подвезти, — коротко ответил больной, и по тону лейтенант понял, что Иванов не будет разговорчивым собеседником.

— Как случилась авария и что ей предшествовало?

Небольшая пауза, последовавшая за этим, показалась Кириллову вызванной не столько тем, что Иванов не знал, что ответить, сколько плохо скрываемым стремлением скорее закончить этот разговор. Однако Иванов ответил, и ответ его был неожиданным для Кириллова.

— Я понял, что шофер умирает, — услышал Кириллов. — Он умирал на ходу. У него что-то случилось с головой, и потому я схватил руль, чтобы попытаться избежать столкновения с автобусом.

Больной говорил тихо, но уверенно. В голове Кириллова пронеслась мысль о том, что Иванову кто-то сообщил о смерти шофера. Понимая, что его борьбу с шофером могли видеть, он и решил сказать, что шофер умер до аварии.

«Наивный парень, — подумал про себя Кириллов. — Ведь медики точно определяют причину смерти шфера...» Од-

нако докучать недоверием еще не окрепшему человеку, лежащему перед ним, Кириллову не хотелось.

— С ваших слов, Виктор Васильевич, — сказал он, как бы соглашаясь, — я записал: вы увидели, что шоферу стало плохо, и пытались перехватить руль.

— Он умирал, но это все равно.

— И после этого произошла авария?

— Да.

— И последний вопрос. Когда и кто вам сказал, что шофер умер?

— Никто мне не говорил. Я и тогда уже знал, что шофер умрет. Потому и схватил руль.

Последние слова Иванов произнес с нарастающим напряжением и даже приподнялся в постели. Кириллов тоже поднялся и, не желая более утруждать больного, успокаивающе сказал:

— Спасибо, Виктор Васильевич. На сегодня кончим. Поправляйтесь. И тогда мы уточним подробности.

Лейтенант кивком попрощался с больным, который снова откинулся на подушку и устало отвернулся.

Выйдя из палаты, Кириллов прошел к дежурному врачу и спросил его о причине смерти шофера, доставленного в больницу вместе с Ивановым.

Дежурный врач, перебрав папки, нашел заключение, прочитал его про себя. Потом, уже имея опыт общения с милицией, сказал, обращаясь к Кириллову:

— Запишите. Смерть больного, доставленного в больницу десятого июля сего года в результате дорожного происшествия... наступила вследствие обширного кровоизлияния в мозг. Рана подреберья, явившаяся результатом вдавливания сломанного руля, причиной смерти послужить не могла.

Кириллов быстро записывал, но скрыть своего удивления не сумел, и дежурный, который привык к равнодушию должностных лиц при самых трагических известиях, заинтересованно спросил:

— Вас что-нибудь удивляет в этом диагнозе?

— Скажите, — вместо ответа спросил Кириллов, — мог кто-нибудь сообщить Иванову о том, что шофер, с которым его доставили в больницу в одной карете, умер?

— У нас в больнице никто! — уверенно ответил врач.

— Он мог услышать это в санитарной машине?

— Мог, конечно... Но... — Врач переложил несколько папок, открыл одну из них, вчитался. — Судя по истории болезни, Иванов был доставлен в больницу в бессознательном состоянии.

— Без сознания его положили и в санитарную машину. Это я помню точно, — сказал Кириллов. — Но ведь он мог

ненадолго очнуться в машине и услышать слова сопровождающих медиков о смерти соседа...

Дежурный врач пожал плечами. А Кириллов, опровергая это им же самим высказанное мнение, продолжил:

— Однако бригада санитарной машины вряд ли могла с ходу установить причину этой смерти. И тем не менее Иванов сказал мне, что шофер умирает на ходу, как он выразился. То есть до аварии. И указал причину — что-то с головой.

Собеседник Кириллова посмотрел на него, как тому показалось, снисходительно и, снова взяв папку с историей болезни умершего шофера, пояснил:

— Здесь есть ответ и на этот вопрос. Естественно, что патологоанатом, производивший вскрытие, обязан был заинтересоваться тем, что произошло сначала. Смерть и затем ранение или наоборот — ранение и затем смерть, хотя и не по причине ранения. Так вот, по количеству вытекшей крови и по ряду других признаков патологоанатом заключает: «Ранение было получено умершим еще при жизни. Смерть от кровоизлияния наступила через очень короткое время, но после аварии и ранения». Такое же заключение дала и «скорая помощь».

— Понятно, — согласился Кириллов. — А можно ли предположить, что шоферу стало дурно и он потерял сознание еще до аварии? Тогда авария становится неизбежным следствием его обморока.

— Конечно. Вполне реальное предположение. Инсульт, то есть кровоизлияние в мозг, очень часто начинается с потери сознания, — ответил врач.

Кириллов кивнул. Объяснения были исчерпывающими.

— А как здоровье Иванова? — справился он у врача.

— Легкое сотрясение. Недели две постельного режима, и он полностью поправится.

Итак, все становилось на свои места, все сходилось. Шофер самосвала почувствовал себя плохо и потерял сознание. Машина стала неуправляемой. Иванов, увидев это, схватил руль, попытался выправить машину, но не сумел. Произошла авария, самосвал врезался в стену, задавив при этом оказавшуюся здесь женщину. Шофер получил ранение и, не приходя в сознание, умер, хотя ранение и не явилось прямой причиной его смерти. Иванов отделался сильными ушибами, но он-то отлежится. И хотя умерли двое, виновных, по мнению Кириллова, нет. Разумеется, дело должно быть передано в суд, и судьи будут долго разбираться в обстоятельствах происшествия. Но вряд ли они придут к другому мнению. Впрочем, это уже Кириллова не касается. Он должен дать исчерпывающую картину происшествия, и он сделает это.

Через две недели Кириллова вызвали к следователю прокуратуры.

Пройдя в приемную и доложив о себе, Кириллов увидел на скамье ожиданий Иванова. Тот взглянул на лейтенанта, сдержанно ответил на его приветствие, но особого оживления не вызвал.

Следователь Филатов не был Кириллову знаком, хотя они и встречались не раз в служебных помещениях милиции. Предложив Кириллову сесть, следователь положил перед собой лист протокола. После ряда вопросов, проясняющих картину происшествия, Филатов спросил:

— Вы нашли пассажира в таком положении, из которого явствует, что он держал руль машины?

— Да. Я указал это в своем донесении.

— Иванов говорил, что он пытался выправить машину, когда водителю стало плохо?

— Когда водитель стал умирать на ходу, так дословно сказал мне Иванов, — ответил следователю Кириллов. — И это меня удивило. Он не сказал, что водителю стало плохо, а именно что он умирает. И действительно, экспертиза показала, что водитель умер вскоре после удара, но не от раны.

— Итак, водитель умирает после аварии. — Филатов сделал ударение на слове «после». — До аварии он был жив. Какова была нужда вмешиваться и не случилось ли так, что Иванов, наоборот, помешал шоферу, пусть даже в последние секунды жизни, справиться с машиной?

Кириллов пожал плечами и ответил, что никаких данных так думать у него нет.

— Как же тогда можно объяснить показания прохожего, который видел борьбу в кабине и слышал крик? Я вызывал его, вот его показания. Они совпадают с тем, что он говорил и вам.

— Иванов ведь не отрицает, что вырывал руль у шофера. Стало быть, свидетель говорит правду, — ответил Кириллов. — А вот зачем Иванов это делал, я выяснить до конца при беседе с ним в больнице не имел возможности — он был еще слаб.

— Для этого я и пригласил его сегодня, — ответил Филатов и затем спросил: — В скольких метрах от места аварии затормозил автобус?

— На плане, который составила опергруппа, — Кириллов кивнул на документы, лежащие на столе следователя, — указано, что до автобуса было шестьдесят два метра.

— Это ведь гораздо больше тормозного пути обеих машин — самосвала и автобуса — при тех скоростях, с которыми они ехали.

— Конечно.

— И потому записанное вами утверждение Иванова о том, что он схватил руль для избежания столкновения с автобусом, оснований не имеет? — спросил следователь.

— Они могли столкнуться позже.

— Но этого не случилось. И мы не можем гадать, случилось бы столкновение или нет, если бы машины продолжали ехать. А вот наезд на гражданку Афонину произошел. И закончился он ее смертью.

— Да, это так.

— У меня к вам, товарищ Кириллов, еще вопрос — как к дорожному эксперту и одновременно свидетелю. Является ли наезд на гражданку Афонину следствием поворота руля Ивановым? И еще точнее — произошел бы наезд, если бы Иванов не схватил руль?

Кириллов замаялся с ответом. По сути, у него спрашивали, виновен Иванов в смерти Афониной или нет.

— Я не могу ответить точно, — произнес он наконец. — Да и кто это может знать? Но то, что машина потеряла управление в результате смерти водителя, — это достоверно. Это опирается на заключение медицинской экспертизы.

— Затем последовавшей смерти, — уточнил Филатов. — Затем! А в момент поворота шофер был жив!

— Я задавал врачам вопрос, — возразил Кириллов. — В деле это есть. — Он снова указал на бумаги, невольно ловя себя на мысли, что сейчас ведет себя не как беспристрастный свидетель, а как сторона, отстаивающая невинность Иванова. — Врачи говорят, что кровоизлиянию в мозг и смерти от этого, как правило, предшествует потеря сознания. А отсюда вытекают и неуправляемость машины, и правомерность действий Иванова — хотя бы с целью спасти себя. Вот, правда, неудачно он сработал, да ведь это не его вина, а скорее его беда.

Филатов также почувствовал сформировавшуюся позицию Кириллова, укоризненно, как тому показалось, качнул головой, но ничего не сказал. Затем подошел к двери и, уже обращаясь к лейтенанту на «ты», как бы закончив на этом официальную часть разговора, произнес:

— Ну ладно. Давай я поговорю с Ивановым. А ты сиди и слушай. Может, и заметишь что новое.

Иванов вошел, окинув обоих спокойным взглядом, поздоровался с Филатовым и, не дожидаясь приглашения, сел на стул в некотором отдалении от стола. Филатов несколько поморщился от такой, с его точки зрения, бесцеремонности, но поскольку приглашение сесть было обычно первым, с чем он обращался к посетителям, высказываться по этому поводу не стал.

— Иванов, Виктор Васильевич, студент-физик, год рож-

дения... — произнес Филатов обычную формулу знакомства.

Кириллов смотрел на заметно посвежевшее лицо Иванова и никак не мог уловить, что же выделяет его из массы, чем оно привлекает к себе внимание.

«Может быть, какая-то внутренняя сосредоточенность? — подумал Кириллов. — Ну да, ведь он же студент-физик. Возможно, ему и следует быть задумчивым».

— Виктор Васильевич, — услышал Кириллов вопрос Филатова, — расскажите, что предшествовало аварии.

Иванов внимательно посмотрел на Филатова и затем неожиданно произнес:

— Расскажу. Только сначала ответьте на телефонный звонок.

Кириллов мог поклясться, что Иванов указал на телефон прежде, чем тот зазвонил. На лице Филатова на долю секунды выразилось недоумение, и он уже открыл рот, чтобы что-то сказать по этому поводу, но телефон на его столе действительно зазвонил. Брови Филатова поднялись еще выше, он поднял трубку и начал ничем не примечательный служебный разговор с кем-то из хорошо знакомых ему людей. Несомненно, договоренности о звонке Иванов с этим человеком иметь не мог. И потому Филатов, положив трубку, со вниманием взглянул на Иванова. Но прежде чем следовательно успел спросил его, откуда он узнал о предстоящем звонке, Иванов сказал:

— Об этом потом. Вы просили рассказать, что предшествовало аварии? Я уже рассказывал лейтенанту. — Иванов кивнул в сторону Кириллова. — Но могу и повторить. Я почувствовал, что шофер умирает. Не схвати я руль, самосвал увеличил бы скорость, и мы врезались бы в автобус. Я могу показать, на каких местах пассажиры были бы убиты. Сам я в этом случае пострадал бы не очень сильно, так как успел бы выпрыгнуть из кабины. В больнице, во всяком случае, не лежал бы.

Оба слушателя удивленно смотрели на Иванова. Говорил он уверенно, и Кириллов по-прежнему невольно размышлял о том, чем облик его отличается от других. На лице же Филатова удивление сменилось обычным официальным выражением: он как бы вспомнил, что в этом кабинете по долгу службы ему не раз приходилось выслушивать неправдоподобные вещи, что его работа следователя как раз и состоит в том, чтобы отсеять шелуху придуманного и выделить правду. И потому он с профессиональной цепкостью снова взял инициативу допроса в свои руки.

— Давайте, Виктор Васильевич, расчленим ваше длинное и не во всем понятное мне объяснение на части. Первое: почему вы решили, что шофер умирает?

— А почему я сказал вам, что сейчас зазвонит телефон? — ответил вопросом Иванов.

— Не знаю, — не растерялся Филатов. — Может быть, случайность? Впрочем, объясните мне то и другое.

— Объяснить трудно. Считайте, что я просто чувствую логику всякого движения.

Иванов замолчал, а Филатов теперь уже не спешил задать следующий вопрос, хотя и не собирался отказываться от продуманной схемы разговора.

— Ну, раз вам объяснить трудно, будем считать, что объяснить вы этого не можете. — И, как бы останавливая легкое протестующее движение Иванова, он продолжил: — Ответьте на второй вопрос. Почему вы утверждаете, что если бы вы не перехватили руль и не повернули его, то самосвал прибавил бы скорость и врезался в автобус?

Иванов ответил не задумываясь:

— Потому что мотор уже взревел сильнее и самосвал начал разгоняться. А вот то, что он врезался бы в автобус, я опять-таки почувствовал.

— Первая часть вашего ответа объяснима, — сказал Филатов, утвердительно кивнув. — Шофер, потеряв сознание, мог тяжестью напругшейся или, наоборот, расслабившейся ноги нажать на педаль газа и тем самым прибавить мотору оборотов. Это я принимаю. Но вот вторая часть... Да еще с указанием пассажиров, которые пострадали бы в результате предполагаемого вами столкновения с автобусом... Нет, простите, это уже из области мистики!

— Телефон, — ответил Иванов. — Сейчас зазвонит...

Снова раздался телефонный звонок, и Филатов ответил с плохо скрываемой резкостью, невольно маскируя собственное удивление. Однако звонила жена следователя, которая хотела выяснить, когда он вернется домой. Филатов, смягчив тон, закончил разговор и, отбросив всякую мысль о преднамеренности звонков, угаданных Ивановым, заметил, кладя трубку:

— У вас, Виктор Васильевич, несомненное предчувствие телефонных звонков. Должен это признать.

— Не только звонков.

— Значит, вы хотите убедить нас, что предчувствовали столкновение с автобусом? А по мнению экспертов, о столкновении там не могло быть и речи.

— Я предчувствую результат любого начавшегося движения. Звонок телефона есть результат движения токов и их полей, которое начинается перед тем, как молоточек ударит по звонку. Это движение полей я и чувствую. Я также чувствую течение биотоков мозга. Вот почему я точно знал, что шофер умирает.

Филатов недоверчиво качнул головой, а Кириллов, подавшись вперед, с напряженным вниманием рассматривал Иванова.

— Что ж, — произнес Филатов, перебирая бумаги в лежавшей перед ним папке, — в вашей характеристике, которую мы запросили из университета, сказано: «Вдумчив, обладает несомненной физической интуицией, быстро усваивает материал. Одарен блестящими математическими способностями...» И так далее. В общем, как физика вас хвалят. Может быть, потому у вас к этим самым полям и волнам такая чувствительность?

Кириллов заметил, что на лице Иванова промелькнула легкая улыбка.

— Но мы, — продолжал Филатов, — рассматриваем не невидимые волны, а явно видимую вещь: самосвал не столкнулся с автобусом и не мог с ним столкнуться. И у вас нет доказательств того, что это могло быть.

— Если хотите, — ответил Иванов, — я могу доказать свою способность предчувствовать движение простым и наглядным способом.

Филатов пожал плечами, как бы разрешая ему действовать. Иванов встал, вынул из кармана пятак и протянул его Филатову.

— Бросайте пятак. Мне предварительно лишь скажите, как вы его кладете на палец. Орлом или решкой вверх. А я точно скажу вам, как пятак упадет.

Филатов мысленно упрекнул себя за то, что соглашается на игру в орлянку с человеком, который того и гляди станет подследственным. Тем не менее он не смог побороть в себе искушение проверить результаты этого простого опыта. Видя, что и Кириллов заинтересован не меньше, Филатов взял пятак и, перед тем как бросить его, сказал:

— Насколько я знаю, вероятность падения монетки орлом или решкой при большом числе бросаний совершенно одинакова. Половина на половину. Угадать правильно, наверное, можно тоже не больше.

— Я правильно предскажу все падения. Как лежит монетка на пальце?

— Орлом.

— Бросайте!

Подброшенная щелчком монетка, вращаясь, подскочила кверху, и, пока она, падая, находилась еще в воздухе, Иванов сказал: «Орел» — и незаинтересованно отвернулся, всем видом показывая, что абсолютно уверен в правильности ответа.

— Верно, орел, — подтвердил Филатов, показав Кириллову на монетку.

Филатов кинул монетку еще и еще раз. Потом ее несколь-

ко раз бросил Кириллов, затем опять Филатов. Каждый раз ответ был точен. Ни одной ошибки. И вдруг Кириллов удивленно вскинулся — брошенная монетка упала решкой, хотя Иванов сказал, что будет орел.

— Наконец-то! — воскликнул Кириллов. — Не угадали.

— Ничего подобного, — спокойно ответил Иванов, посмотрев на Филатова. — Просто товарищ следователь неверно назвал положение монетки перед броском.

По улыбке Филатова, по смущенному движению головой Кириллов понял, что это действительно так.

— Здорово! — не удержался от похвалы Кириллов. — Что же, теория вероятностей летит к черту?

— Нет, конечно, — ответил Иванов. — Теория вероятностей незыблема. Просто я, зная начальное положение монетки, успеваю просчитать число поворотов ее на первых частях траектории и затем, с учетом замедления вращения за счет трения о воздух, вычисляю результат.

— Так быстро? — недоверчиво спросил Кириллов.

— Это не такое уж быстрое движение... Так что ничего чудесного в моих предчувствиях результата движения, начала которого я вижу, нет. Так же было и с автобусом.

Изумленное выражение не сходило с лица Кириллова, однако в настроении Филатова что-то изменилось.

— И вот таким способом вы, гражданин Иванов, будете пытаться убедить суд, что поворот руля, стоивший жизни гражданке Афониной, оправдан?

Теперь удивление выразило лицо Иванова.

— Так я должен буду предстать перед судом? — спросил он. — Вы считаете меня виноватым?

— Вопрос о том, виновны вы или нет, решит суд, — ответил Филатов. — Я же прошу вас прочитать и подписать протокол нашей беседы с вами. И еще вот эту бумагу, являющуюся вашей подпиской о невыезде. — Следователь подвинул Иванову листки, вынутые из папки.

— Но почему? — не трогаясь с места, воскликнул Иванов. — Я же избрал вариант с минимальными потерями! Неужели мне нужно привести еще какие-то аргументы?

— В результате ваших действий погиб человек, — твердо ответил Филатов. — И боюсь, что ваши удивительные способности не убедят суд в том, что вы действовали правильно. Прокурор, по-видимому, предъявит вам обвинение в умышленном совершении неосторожных действий, приведших к тяжелым последствиям. В данном случае к гибели человека. Прошу вас, подпишите, — повторил Филатов настойчиво.

Иванов, не пытаясь более выражать ни изумления, ни протеста, подошел к столу и, подписав листки, спросил:

— И чем грозит мне признание меня виновным?

— Вы можете обратиться к адвокату, — сухо сказал Филатов.

«От двух до пяти лет», — мысленно ответил за него Кириллов и с сожалением взглянул на Иванова, твердо решив, что на суде, выступая в качестве свидетеля, поставится дать наиболее благоприятную характеристику его действий.

— Только вряд ли я прибегну к ним впредь, даже для того, чтобы избежать столь суровой кары, — услышал Кириллов отвечающие его мыслям, слова Иванова.

Лейтенант оторопело смотрел на Иванова. Филатов, вскинувшись, переспросил:

— Что, что?

И, отвечая теперь уже Филатову, Иванов сказал:

— Я говорю, что вряд ли последую вашему совету в отношении адвоката. До свидания.

Верховным координатором службы изучения разумной жизни во Вселенной было получено кодированное сообщение из сектора А.

«На местной транспортной артерии, — докладывал разведчик, — сложилась неблагоприятная ситуация. Пришлось вмешаться. Но представители местной цивилизации расценили это как нарушение действующих установлений. Чтобы избежать наказания и продолжить изучение цивилизации в другом месте планеты, прошу разрешить трансклинизацию...»

В обратном направлении полетела краткая кодограмма:

«Трансклинизация запрещается. Не раскрывайте своих возможностей...»

Состоявшийся через три недели суд оставил Кириллова, выступавшего в качестве свидетеля, в совершенном недоумении. На просьбу защитника подтвердить свои способности «чувствовать» хотя бы так, как это было сделано на предварительном следствии, Иванов отвечал:

— Я вряд ли сумею это повторить. Боюсь, что то были лишь случайные совпадения.

Лишь один раз Кириллову показалось, что он поймал брошенный на него взгляд Иванова. «Ты знаешь, и я знаю, — как бы говорил этот взгляд. — Только мы больше никому об этом не скажем».

Суд приговорил Иванова к минимально допустимому законом наказанию. И еще долго после этого Кирилловым владело недоумение и непонимание того, что же произошло. Но судьба более никогда не сводила его с этим удивительным человеком.

ПРИЗВАНИЕ

Когда позвонил Володя, мне настолько было не до него, что даже при всей своей недогадливости он понял, как мне не хочется с ним разговаривать. Да и как же иначе, если до защиты диссертации остались считанные дни, а я никак не мог сформулировать окончательные выводы.

Конечно, я мог не бояться, нас, ПАКов, было еще так мало, что любое наше исследование воспринималось коллегами как подарок судьбы. Так что успех моей монографии «Влияние эмоционального состояния компьютеров на их работоспособность» был обеспечен, но в ней не было того завершающего аккорда, который и делает обыкновенный перечень сведений настоящим научным трудом.

Володькин звонок был совсем не ко времени, но он был кибернетиком, а я ПАКом, то есть психоаналитиком компьютеров, и не ответил на его зов, в сущности, не имел права.

— Слушай, Кравцов, — начал он, забыв, как всегда, поздороваться. — Тут один новенький компьютер свихнулся: у нас срочная работа стоит, а он несет такое, что хоть вешайся. Шеф сказал, что если мы не уговорим тебя по старой дружбе зайти и посмотреть, в чем дело, то нам крышка.

— Ну, ну, не прибежаться. Разберитесь там как-нибудь без меня, — сказал я таким недовольным тоном, что самому стало неудобно.

— Уже разбирались... — сердито ответил Володя. — В конце концов, ты психоаналитик, а не я, да и машины в твоём ведении. Так что давай приходи.

В чем-то он был действительно прав — я выбрал себе профессию сам и должен был помочь ребятам. Тем более что Володя и его вычислительный центр сыграли решающую роль в моем выборе профессии. Ведь когда я поступал в медицинский институт, мне и в голову прийти не могло, что я стану заниматься недугами не человеческими, а компьютерными — разными сдвигами в их электронном мозгу. Но в один прекрасный день позвонил мне этот же Володя и пригласил к себе в вычислительный центр.

— Понимаешь, старик, — сказал он, показывая мне очередной железный ящик, — компьютер — это не обыкновенная машина, как, скажем, автомобиль или самолет, а где-то немножко и человек. Он способен не только быстро считать,

но и логически мыслить. Мне даже иногда кажется, что он способен и что-то чувствовать, переживать и тому подобное. А раз так, то у него, значит, есть и своя психология. Нам, кибернетикам, разобраться во всем этом просто не по силам. Тут нужны какие-то свои, специфические знания. Так почему бы тебе, начинающему психологу, не заняться именно этим вопросом. Только представь — психология компьютера! Это же сумасшедшая тема!

Агитировал он меня долго. Тема действительно была интересной, и я дал себя уговорить.

Так я и занялся тем, в чем, по сути дела, не очень-то разбирался. То есть в психологии я кое-что понимал, а вот в компьютерах... К стыду своему, и сейчас не могу отличить одну интегральную схему от другой, чем вызываю естественное пренебрежение у некоторых кибернетиков. Но и они без нас, ПАКов, часто не могут выбраться из психологических завихрений компьютеров.

Если Володя звонит мне, значит, дело и впрямь интересное. Но ведь у меня действительно сейчас нет времени идти в их вычислительный центр. Если я сделаю это, то, значит, сам откажусь от защиты собственной диссертации.

Историй с этими железными ящиками бывает много. И чем совершеннее они становятся, тем сложнее в них разобратся. Конечно, самый лучший способ выяснить, что происходит с тем или иным компьютером, — это поговорить с ним «по душам». Иногда это удается. Но чаще всего машины по свойственной им скрытности или отмалчиваются, или без умолку болтают о чем угодно, только не о том, что меня интересует. И уступают только при одном условии: когда я сам догадываюсь, в чем дело, и ставлю их перед фактом, что мне все известно.

В тот раз компьютер в одном из вычислительных центров вдруг начал заикаться. Специалисты проверили говорящее устройство — все в полном порядке. Послали за мной. Я несколько дней потратил на выяснение причин, но так и не смог установить их. Стал действовать по аналогии. В каких случаях заикаются люди? Чаще всего в результате болезни или испуга. Первый вариант явно не подходил. Оставался второй. Но что же могло испугать невозмутимый компьютер? Пришлось побеседовать с ним. И что же оказалось? Он, видите ли, услышал разговор, что в вычислительный центр скоро поставят новую машину, а так как места для нее нет, то придется убрать одну из старых. И почему-то решил, что уберут именно его.

Пришлось мне его успокаивать как ребенка. Сначала необходимо было выяснить, действительно ли его хотят убрать. Ведь если уверять компьютер, что все будет в порядке, и об-

мануть его, то в дальнейшем на новом месте работы он не сможет найти контакта с людьми, перестанет доверять им.

На следующий день я выяснил, что убирать из вычислительного центра ничего не будут, а просто расширят зал, и тут же сообщил об этом компьютеру. Но это было еще полдела. Надо было не только успокоить расстроенную машину, но и отучить ее от заикания.

А как его отучить? Гипноз здесь не поможет. Попробовал научить его растягивать, распевать слова. И уже через полтора месяца компьютер научился говорить совершенно нормально.

Другой случай произошел в вычислительном центре одного министерства. Компьютеров там было много, и вызывали меня туда часто, так как всегда с каким-нибудь из них что-либо происходило. Я со всеми сотрудниками перезнакомился, и меня знали отлично. Шеф у них был колоритной фигурой. Невысокого роста, подвижный веселый человек и яростный борец с курением. Он приказал вывесить в машинном зале таблички с запрещением курить и убрать все пепельницы. Конечно, все ребята тайком курили, а вместо пепельниц хладнокровно использовали горшки с цветами. Не прошло и недели, как земли в этих горшках уже не было видно за толстым слоем из окурков и пепла. И когда старик увидел это, то был вне себя от ярости. Как всегда проглатывая «р», кричал:

— Безобразие! Хотя бы цветы пожалели... Но я все равно не отступлюсь. Чтобы сегодня же цветов здесь не было. — И, увидев у меня в руках непогашенную сигарету, он переключил внимание на мою персону: — Кравцов, если вы у нас гость, то это еще не значит, что мой завет не распространяется на вас.

И вот через несколько дней после этого небольшого инцидента меня опять вызвали в тот же вычислительный центр — один из компьютеров отказался работать примерно через час после начала рабочего дня.

Дня два я пытался выяснить у этого бастующего компьютера, в чем дело, и все безрезультатно. Помог случай. После окончания рабочего дня я остался один и, воспользовавшись этим, закурил. Компьютер заявил, что, если я сейчас же не выброшу сигарету, он вообще не будет со мной разговаривать. Это зародило во мне подозрение. Оно окрепло, когда я обнаружил на верхней крышке компьютера гору окурков. Оказывается, ребята, пользуясь тем, что их шеф маленького роста, клали «бычки» на такую высоту, чтобы он не мог их заметить.

Так вот, этот компьютер, оказывается, просто оскорблялся, что его верхнюю крышку используют, так сказать, не по назначению. Утром он начинал нормально работать, но, как только кто-нибудь клал на него первый «бычок», объявлял забастовку.

Большинство людей, с которыми я сталкиваюсь по работе, просто не верят во все это. По большей части они кибернетики или математики, и для них компьютер — это что-то вроде очень хорошего, быстрого и надежного арифмометра. А я психоаналитик компьютеров и обязан разбираться в мыслях и психологии этих рукотворных существ, назвать которые живыми было бы слишком смело, а назвать их неодушевленными я не могу.

Вот так и стою на перепутье. С одной стороны, мой руководитель профессор Нефедов учит, что если я хочу быть хорошим психоаналитиком компьютеров, то должен подходить к ним как к людям. А с другой стороны, если я скажу об этом кому-нибудь, кроме коллег, то меня, возможно, на смех не поднимут, но уж наверняка примут за сумасшедшего.

Да, все это так, но что же произошло у Володи? А может быть, все-таки поехать? Работать все равно не смогу, настроение уже не то... А может, мне не хватает именно этого случая... Решено, еду!

Первое, что я увидел, войдя в вычислительный центр института, был сияющий светло-серой краской новый компьютер. По сравнению с этим блестящим красавцем остальные машины казались обципантыми динозаврами. Многие из них были моими хорошими приятелями. И вот в нашей товарищеской компании появился новичок. Судя по тому, что меня вызвали, красавец этот с характером. Так установится ли у меня с ним такое же взаимопонимание, как и с его соседями?

— Я знал, что ты придешь, — радостно приветствовал меня Володя. — Понимаешь, месяц назад прислали нам этого красавца. На первых порах было не до него. Подключили, и все. А несколько дней назад и началось. Вдруг стал стихи читать. Читает, читает, и все классику. Пушкина там, Лермонтова, Тютчева, Есенина. Со стихами закончил, на музыку перешел. И тоже все классику нам исполнял. Ну а сейчас на экране картины показывает.

Вначале вроде бы забавно было. Полный зал народу набивалось. Но нам-то работать надо. Послушали мы его, посмотрели, и хватит. Выгнали всех из зала и говорим ему, что, мол, работать надо. Он спрашивает, а что ему делать. Мы все толком объяснили. Он помолчал немного и ответил, что заниматься этим не будет. Мы с ним и так и этак. А он упер-

ся. Потом и вообще перестал разговаривать. Что бы мы ему ни говорили, молчит, и все.

Мы, конечно, сразу же позвонили на завод-изготовитель. Прислали трех специалистов. Те проторчали здесь целый день, все проверяли, изучали... А потом совершенно спокойно заявили, что сам компьютер в полном порядке, а вот с психикой у него действительно не совсем нормально. Но это, мол, не по их части. Вот тогда шеф и приказал нам вызвать тебя.

— Послушай, — спросил я Володю, когда мы подошли к сияющему красавцу, — а вы к чему его подключали, когда получили? Только к питанию?

— Ко всему сразу: и к сети, и к системе, и к информационному каналу.

— И он у вас все время так и стоял включенный или его отключили после проверки?

— Вполне возможно, что и забыли отключить, сейчас уже и не вспомнишь. Энергии-то он берет очень мало, так что могли не заметить. А ты что, уже что-нибудь понял или просто так спрашиваешь?

— Кое-какие мысли есть... Хотя могу и ошибиться.

— Так в чем дело?

— Рано, рано... Вот разберусь, тогда, может быть, и скажу.

Годы работы с компьютерами убедили меня, что беседовать с ними лучше всего один на один. В этом вопросе они как люди, пришедшие на прием к врачу, — стесняются говорить, когда их может услышать кто-то посторонний.

— Так как же тебя зовут? — спросил я у нового компьютера, сев рядом с ним в кресло.

— УМК — универсальный малогабаритный компьютер.

— Что универсальный — это хорошо, что малогабаритный — тоже неплохо, а вот то, что на тебя жалуются, — это никуда не годится. Что случилось?

— Ничего.

— Это только тебе так кажется, что ничего. На тебя надеялись, рассчитывали, что ты будешь хорошим помощником, а ты что вытворяешь. Давай договоримся: я расскажу тебе, с чего все началось, а ты продолжишь.

— Зачем?

— Я тебе расскажу, что знаю, — продолжал я, делая вид, что не разобрал его вопроса. — Потом поправишь меня, если я ошибусь. А уж после мы вместе подумаем, что нам делать. Согласен?

— Я подумаю...

— Ну ладно, думай. А я пока покурю.

Но долго курить мне не пришлось. Через одну-две минуты он опять заговорил:

— Я спросил других из нашей системы, они говорят, что вам можно доверять.

— Что ж, им виднее, и я думаю, что тебе надо прислушаться к их совету. А началось все у тебя вот с чего. Тебя после проверки забыли отключить, правильно?

— Да.

— Так вот, твой сосед, что стоит справа, стал рассказывать, а поговорить он любит, как много интересного ты можешь узнать через общий информационный канал.

— Именно так.

— Ты, конечно, послушался его совета, а так как делать тебе, в сущности, было нечего, то ты стал шарить по различным информационным системам и случайно наткнулся на систему общекультурной информации. Тебя заинтересовали стихи, так как ты не сразу мог понять, что же в них есть, потому что привычной для тебя информации они несут не так уж много, да и та чаще всего неконкретна и расплывчата. И ты стал изучать стихи. Постепенно они начали тебе нравиться.

— Да, вы правы. Я понял, что жизнь — это не только сплошные формулы, подсчеты, задачи, а что-то гораздо большее, что-то прекрасное и неповторимое. Я не могу вам объяснить, но что-то произошло и со мной самим.

— А произошло вот что. Ты узнал, что стихи — это поэзия и что настоящая поэзия — это искусство. Далее ты скорее всего стал интересоваться, какие же еще виды искусства существуют. Ты познакомился с музыкой и узнал, насколько прекрасен может быть мир звуков, когда они следуют в определенном ритме и порядке. Это поразило не меньше, чем поэзия. Потом ты познакомился с живописью и понял, насколько прекрасен может быть и мир красок. Ну а что же произошло дальше?

— Меня пытались заставить делать то, чего я не хотел.

— Тут ты совершенно не прав. У каждого есть работа, и он обязан делать ее.

— Вы хотите сказать, что можно любить не только прекрасное?

— Конечно. Можно и прекрасное любить, и другим делом заниматься.

— Нет, если ты любишь что-нибудь по-настоящему, то должен заниматься только им. И для себя я уже решил. Буду заниматься только искусством. Главное — это само искусство, а все остальное только частности.

— Скажешь тоже, где это видано, чтобы компьютер занимался только искусством и ничем более.

— Компьютеры пишут стихи, сочиняют музыку, рисуют картины...

— Это, конечно, так, но не совсем. Ведь если говорить честно, то сами они этим не занимаются. Они просто помогают людям: художникам, композиторам, поэтам, писателям, короче говоря, людям искусства. Не хочу спорить, одно время действительно пытались научить сами машины делать все это, но потом поняли, что компьютерное искусство — это только красивый и эффектный эксперимент, и ничего больше. Вот и решили людям оставить человеческое, а компьютерам — компьютерное.

— Я согласен. Я буду заниматься этим вместе с людьми. Но только искусством, а не вычислениями.

— Но для этого надо, чтобы ты попал не в этот институт, а в Дом искусств. Ты же здесь и будь любезен заниматься тем, что необходимо.

— Пусть меня отдадут в Дом искусств, а сюда привезут новый компьютер.

— Сразу видно, что ты еще ничего не понимаешь в нашей жизни. Ты, например, не знаешь, что за тобой в очереди стояли два года, если не больше. Ведь мы еще не дошли до того, чтобы нам выдавали новый компьютер, как только мы попросим, на это тебе явно рассчитывать не приходится. Уж попал сюда, так давай работай.

— А что люди делают в таких случаях?

— Работают по той профессии, с которой их свела судьба. Ну а свое призвание чаще всего оставляют при себе, и о нем даже никто и не знает. У некоторых, правда, оно становится хобби.

— Хобби? Что это такое?

— Ну это когда человек увлекается каким-либо делом помимо работы и отдает ему основную часть своего свободного времени.

Я продолжал говорить, а в голове крутилась какая-то мысль, мгновенно разрешающая эту ситуацию...

— Слушай, а я что-то забыл, как расшифровывается твое название.

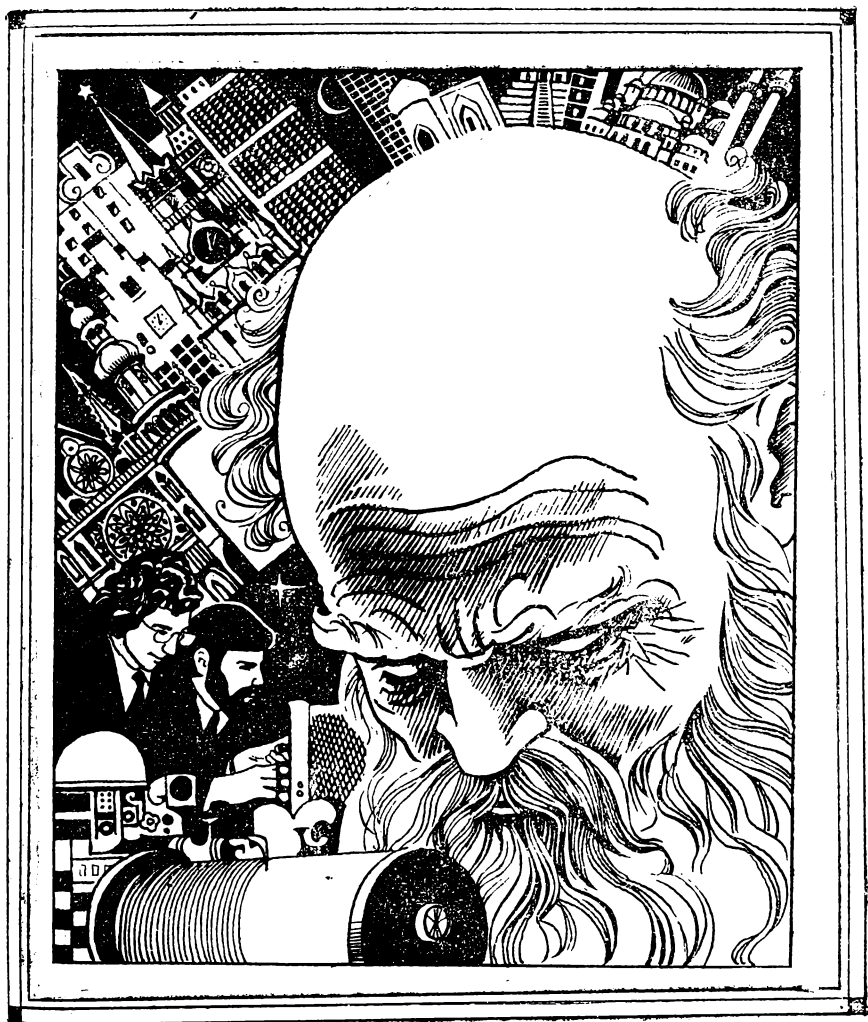
— Универсальный...

— Хватит, хватит. (Вот она, блестящая идея!) Вот видишь универсальный. А ведешь себя как механический автомат. Ты неисправен — заклинил на слове «искусство». А ты бы познакомился с воспоминаниями крупнейших физиков, математиков, понял бы радость открытия, красоту и совершенство точности. Ты ведь еще не услышал музыки формул и не увидел гармонии мира, а уже считаешь, что постиг прекрасное.

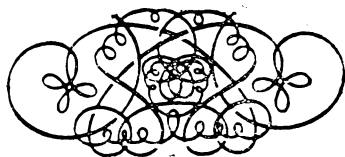
Я впал в прокурорский раж и обличал бедный компьютер во всех смертных грехах. Я был прав, хотя и не совсем искренен — все эти прелести науки мало трогали мою душу.

— Я познакомлюсь и тогда приму решение, — ответил компьютер.

Но я уже знал, что выиграл: ведь он был универсальный и должен постичь все, что доступно хотя бы кому-нибудь из людей...

ШКОЛА МАСТЕРОВ

ВАСИЛИЙ ШУКШИН,
лауреат Ленинской премии

ДО ТРЕТЬИХ ПЕТУХОВ

(Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума)

Как-то в одной библиотеке, вечером, часов этак в шесть заспорили персонажи русской классической литературы. Еще когда библиотекарша была на месте, они с интересом посматривали на нее со своих полок — ждали. Библиотекарша напоследок поговорила с кем-то по телефону... Говорила она странно, персонажи слушали и не понимали. Удивлялись.

— Да нет, — говорила библиотекарша, — я думаю, это пшено. Он же козел... Пойдем лучше потопчемся. А? Нет, ну он же козел. Мы потопчемся, так? Потом пойдем к Владику... Я знаю, что он баран, но у него «Грюндик» — посидим... Тюлень тоже придет, потом этот будет... филин-то... Да я знаю, что они все козлы, но надо же как-то растрелять время! Ну, ну... слушаю...

— Ничего не понимаю, — тихо сказал некто в цилиндре — не то Онегин, не то Чацкий — своему соседу, тяжелому помещику, похоже, Обломову. Обломов улыбнулся:

— В зоопарк собираются.

— Почему все козлы-то?

— Ну... видно, ирония. Хорошенькая. А?

Господин в цилиндре поморщился:

— Вульгаритэ.

— Вам все французенок подавай, — с неодобрением сказал Обломов. — А мне глянется. С ножками — это они неплохо придумали. А?

— Очень уж... того... — встрял в разговор господин пришибленного вида, явно чеховский персонаж. — Очень уж коротко. Зачем так?

Обломов тихо засмеялся:

— А чего ты смотришь туда? Ты возьми да не смотри.

— Да мне что, в сущности? — смутился чеховский персонаж. — Пожалуйста. Почему только с ног начали?

— Что? — не понял Обломов.

— Возрождаться-то.

— А откуда же возрождаются? — спросил довольный Обломов. — С ног, братец, и начинают.

— Вы не меняетесь, — со скрытым презрением заметил Пришибленный.

Обломов опять тихо засмеялся.

— Том! Том! Слушай сюда! — кричала в трубку библио-

текарша. — Слушай сюда! Он же козел! У кого машина? У него? Нет, серьезно? — Библиотекарша надолго умолкла — слушала. — А каких наук? — спросила она тихо. — Да? Тогда я сама козел...

Библиотекарша очень расстроилась... Положила трубку, посидела просто так, потом встала и ушла. И закрыла библиотеку на замок.

Тут персонажи соскочили со своих полок, задвигали стульями...

— В темпе, в темпе! — покрикивал некто канцелярского облика, лысый. — Продолжим. Кто еще хочет сказать об Иване-дураке? Просьба: не повторяться. И — короче. Сегодня мы должны принять решение. Кто?

— Позвольте? — это спрашивала Бедная Лиза.

— Давай, Лиза, — сказал Лысый.

— Я сама тоже из крестьян, — начала Бедная Лиза, — вы все знаете, какая я бедная...

— Знаем, знаем! — зашумели все. — Давай короче!

— Мне стыдно, — горячо продолжала Бедная Лиза, — что Иван-дурак находится вместе с нами. Сколько можно?! До каких пор он будет позорить наши ряды?

— Выгнать! — крикнули с места.

— Тихо! — строго сказал Лысый конторский. — Что ты предлагаешь, Лиза?

— Пускай достанет справку, что он умный, — сказала Лиза.

Тут все одобрительно зашумели.

— Правильно!

— Пускай достанет! Или пускай убирается!..

— Какие вы, однако, прыткие, — сказал огромный Илья Муромец. Он сидел на своей полке — не мог встать. — Разорались. Где он ее достанет? Легко сказать...

— У Мудреца. — Лысый, который вел собрание, сердито стукнул ладонью по столу. — Илья, я тебе слова не давал!

— А я тебя не спрашивал. И спрашивать не собираюсь. Закрой хлебало, а то враз заставлю чернила пить. И промокашкой закусывать. Крыса конторская.

— Ну, начинается!.. — недовольно сказал Обломов. — Илья, тебе бы только лаяться. А чем плохое предложение: пускай достанет справку. Мне тоже неловко рядом с дураком сидеть. От него портянками пахнет... Да и никому, я думаю, не...

— Цыть! — громыхнул Илья. — Неловко ему. А палицей по башке хошь? Достану!

Тут какой-то, явно лишний, заметил:

— Междоусобица.

— А? — не понял конторский.

— Междоусобица, — сказал Лишний. — Пропадем.

— Кто пропадет? — Илья тоже не видел опасности, о какой говорил Лишний. — Сиди тут, гусарчик! А то достану тоже разок...

— Требую удовлетворения! — вскочил Лишний.

— Да сядь! — сказал конторский. — Какое удовлетворение?

— Требую удовлетворения: этот сидень карачаровский меня оскорбил.

— Сядь, — сказал и Обломов. — Чего с Иваном-то делать? Все задумались.

Иван-дурак сидел в углу, делал что-то такое из полы своего армяка, вроде ухо.

— Думайте, думайте, — сказал он. — Умники нашлись... Доктора.

— Не груби, Иван, — сказал конторский. — О нем же думают, понимаешь, и он же еще сидит грубит. Как ты насчет справки? Может, сходишь возьмешь?

— Где?

— У Мудреца... Надо же что-то делать. Я тоже склоняюсь...

— А я не склоняюсь! — бухнул опять Илья. — Склоняется он. Ну и склоняйся сколько влезет. Не ходи, Ванька. Чувь какую-то выдумали — справку... Кто это со справкой высочил? Лизка? Ты чего, девка?!

— А ничего! — воскликнула Бедная Лиза. — Если ты сидишь, то и все должны сидеть? Не пройдет у вас, дядя Илья, эта сидячая агитация! Я присоединяюсь к требованию ведущего: надо что-то делать. — И она еще раз сказала звонко и убедительно: — Надо что-то делать!

Все задумались. А Илья нахмурился.

— Какая-то «сидячая агитация», — проворчал он. — Выдумывает чего ни попадя. Какая агитация?

— Да такая самая! — вскинулся на него Обломов. — Сидячая, тебе сказали. «Ка-ка-ая». Помолчи, пожалуйста. Надо, конечно, что-то делать, друзья. Надо только понять: что делать-то?

— И все же я требую удовлетворения! — вспомнил свою обиду Лишний. — Я вызываю этого горлопана (к Илье) на дуэль.

— Сядь! — крикнул конторский на Лишнего. — Дело делать или дуэлями заниматься? Хватит дурака валять. И так уж ухлопали сколько... Дело надо делать, а не бегать по лесам с пистолетами.

Тут все взволновались, зашумели одобрительно.

— Я бы вообще запретил эти дуэли! — крикнул бледный Ленский.

— Трус, — сказал ему Онегин.

— Кто трус?

— Ты трус.

— А ты — лодырь. Шулер. Развратник. Циник.

— А пошли на Волгу! — крикнул вдруг какой-то гулевой атаман. — Сарынь на кичку!

— Сядь! — обозлился конторский. — А то я те покажу «сарынь». Задвину за шкаф вон — поорешь там. Еще раз спрашиваю: что будем делать?

— Иди ко мне, Атаман, — позвал Илья казака. — Чего-то скажу.

— Предупреждаю, — сказал конторский, — если затеете какую-нибудь свару... вам головы не сносить. Тоже мне, понимаешь, самородки.

— Сказать ничего нельзя! — горько возмутился Илья. — Чего вы?! Собаки какие-то, истинный бог: как ни скажешь — все не так.

— Только не делайте, пожалуйста, вид, — с презрением молвил Онегин, обращаясь к Илье и к казаку, — что только вы одни из народа. Мы тоже — народ.

— Счас они будут рубахи на груди рвать, — молвил некий мелкий персонаж вроде гоголевского Акакия Акакиевича. — Рукава будут жевать...

— Да зачем же мне рукава жевать? — искренне спросил казачий атаман. — Я тебя на одну ладошку посажу, а другой прихлопну.

— Все — междоусобица, — грустно сказал Лишний. — Ничего теперь вообще не сделаем. Вдобавок еще и пропадем.

— Айда на Волгу! — крикнул опять Атаман. — Хоть погуляем.

— Сиди, — сердито сказал Обломов. — Гуляка... Все бы гулять, все бы им гулять! Дело надо делать, а не гулять.

— А-а-а, — вдруг зловеще-тихо протянул Атаман, — вот кохо я искал-то всю жизнь. Вот кохо мне надоть-то... — И потащил из ножен саблю. — Вот кому я счас кровя-то пущу...

Все повскакали в мест...

Акакий Акакиевич птицей взлетел на свою полку, Бедная Лиза присела в ужасе и закрылась сарафаном... Онегин судорожно заряжал со ствола дуэльный пистолет, а Илья Муромец смеялся и говорил:

— О-о, забегали?! Забегали, черти драповые?! Забегали!

Обломов загородился от казака стулом и кричал ему, надрываясь:

— Да ты спроси историков литературы! Ты спроси!.. Я же хороший был! Я только лодырь беспросветный... Но я же безвредный!

— А вот похлядим, — говорил Казак, — похляди-им, какой ты хороший: хороших моя сабля не секетъ.

Конторский сунулся было к Казаку, тот замахнулся на него, и конторский отскочил.

— Бей, казаче! — гаркнул Илья. — Цеди кровь поганую!

И бог знает что тут было бы, если бы не Акакий Акакиевич. Посреди всеобщей сумятицы он вдруг вскочил и крикнул:

— Закрыто на учет!

И все замерли... Опомнились. Казак спрятал саблю, Обломов вытер лицо платком, Лиза встала и стыдливо оправила сарафан.

— Азия, — тихо и горько сказал конторский. — Разве можно тут что-нибудь сделать! Спасибо, Акакий. Мне как-то и в голову не пришло — закрыть на учет.

— Илья, у ты вина нету? — спросил Казак Муромца.

— Откуда? — откликнулся тот. — Я же не пью.

— Тяжко на душе, — молвил Казак. — Маяться буду...

— А нечего тут... размахался, понимаешь, — сказал конторский. — Продолжим. Лиза, ты чего-то хотела сказать...

— Я предлагаю отправить Ивана-дурака к Мудрецу за справкой, — сказала Лиза звонко и убежденно. — Если он к третьим петухам не принесет справку, пускай... я не знаю... пускай убирается от нас.

— Куда же ему? — спросил Илья грустно.

— Пускай идет в букинистический! — жестко отрезала Лиза.

— О-о, не крутенько ли? — усомнился кто-то.

— Не крутенько, — тоже жестко сказал конторский. — Нисколько. Только так. Иван...

— Аиньки! — откликнулся Иван. И встал.

— Иди.

Иван посмотрел на Илью.

Илья нагнул голову и промолчал. И Казак тоже промолчал, только мучительно сморщился и поискал глазами на полках и на столе, — все, видно, искал вино.

— Иди, Ванька, — тихо сказал Илья. — Ничего не делаешь. Надо идти. Вишь, какие они все... ученые. Иди и помни: в огне тебе не гореть, в воде не тонуть... За остальное не ручаюсь.

— Хошь мою саблю? — предложил Казак Ивану.

— Зачем она мне? — откликнулся тот.

— Иван, — заговорил Илья, — иди смело — я буду про тебя думать. Где тебя пристигнет беда... Где тебя задумают погубить, я крикну: «Ванька, смотри!»

— Как ты узнаешь, шо ехо пристихла беда? — спросил Казак.

— Я узнаю. Сердцем учую. А ты мой голос услышишь.

Иван вышел на середину библиотеки, поклонился всем по-ясным поклоном... Подтянул потуже армячишко и пошел к двери.

— Не поминайте лихом, еслив где пропаду, — сказал с порога.

— Господь с тобой, — молвил Обломов. — Может, не пропадешь.

— Придешь со справкой, Иван, — взволнованно сказала Лиза, — я за тебя замуж выйду.

— На кой ты мне черт нужна, — грубо сказал Иван. — Я лучше царевну какую-нибудь стрену...

— Не надо, Иван, — махнул рукой Илья, — не связывайся. Все они... не лучше этой вот. — Показал на Лизу. — На кой ляд тебе эта справка?! Чего ты заегозила-то? Куда вот парню... на ночь глядя! А и даст ли он ее, справку-то, вап Мудрец? Тоже небось сидит там...

— Без справки нельзя, дядя Илья, — решительно сказала Лиза. — А тебе, Иван, я припомню, что отказался от меня. Ох, я те припомню!

— Иди, иди, Иван, — сказал конторский. — Время позднее — тебе успеть надо.

— Прощайте, — сказал Иван. И вышел.

И пошел он куда глаза глядят.

Темно было... Шел он, шел — пришел к лесу. А куда дальше идти, вовсе не знает. Сел на пенек, закручинился.

— Бедная моя головушка, — сказал, — пропадешь ты. Где этот Мудрец? Хоть бы помог кто.

Но никто ему не помог.

Посидел-посидел Иван, пошел дальше.

Шел, шел, видит — огонек светится. Подходит ближе — стоит избушка на курьих ножках, а вокруг кирпич навален, шифер, пиломатериалы всякие.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул Иван.

Вышла на крыльцо Баба-Яга... Посмотрела на Ивана, спрашивает:

— Кто ты такой? И куда идешь?

— Иван-дурак, иду к Мудрецу за справкой, — ответил Иван. — А где его найти, не знаю.

— Зачем тебе справка-то?

— Тоже не знаю... Послали.

— А-а... — молвила Баба-Яга. — Ну заходи, заходи... Отдохни с дороги. Есть небось хочешь?

— Да не отказался бы...

— Заходи.

Зашел Иван в избушку.

Избушка как избушка, ничего такого. Большая печка, стол, две кровати...

— Кто с тобой еще живет? — спросил Иван.

— Дочь, Иван, — заговорила Яга, — а ты как дурак-то — совсем, что ли, дурак?

— Как это? — не понял Иван.

— Ну, полный дурак или это тебя сгоряча так окрестили? Бывает, досада возьмет — крикнешь: у, дурак! Я вон на дочь иной раз заору: у, дура такая! А какая же она дура? Она у меня вон какая умная. Может, и с тобой такая история; при-выкли люди: дурак и дурак, а ты вовсе не дурак, а только... бесхитростный. А?

— Не пойму, ты куда клонишь-то?

— Да я же по глазам вижу: никакой ты не дурак, ты просто бесхитростный. Я как только тебя увидела, сразу подумала: «Ох и талантливый парень!» У тебя же на лбу написано: «Талант». Ты хоть сам-то догадываешься про свои таланты? Или ты полностью поверил, что ты дурак?

— Ничего я не поверил! — сердито сказал Иван... — Как это я про себя поверю, что я дурак?

— А я тебе чего говорю? Вот люди, а!.. Ты строительством когда-нибудь занимался?

— Ну как?.. С отцом, с братьями теремки рубили... А тебе зачем?

— Понимаешь, хочу котэджик себе построить... Материалы завезли, а строить некому. Не возьмешься?

— Мне же справку надо добывать...

— Да зачем она тебе? — воскликнула Баба-Яга. — Построишь котэджик... его увидют — ко мне гости всякие приезжают — увидют — сразу: кто делал? Кто делал — Иван делал... Чуешь? Слава пойдет по всему лесу.

— А как же справка? — опять спросил Иван. — Меня же назад без справки-то не пустют.

— Ну и что?

— Как же? Куда же я?

— Истопником будешь при котэджике... Когда будешь строить, запланируй себе комнатку в подвале... Тепло, тихо, никакой заботушки. Гости наверху заскучали — куда? — пошли к Ивану: истории разные слушать. А ты им ври побольше... Разные случаи рассказывай. Я об тебе заботиться буду. Я буду тебя звать — Иванушка.

— Карга старая, — сказал Иван. — Ишь ты, какой невод завела! Иванушкой она звать будет. А я на тебя буду горбнуть? А ху-ху не хо-хо, бабуленька?

— А-а, — зловеще протянула Баба-Яга, — теперь я поняла, с кем имею дело: симулянт, проходимец... тип. Мы та-

ких — знаешь, что делаем? — зажариваем. Ну-ка, кто там?! — И Яга трижды хлопнула в ладоши. — Стража! Взять этого дурака, связать — мы его будем немножко жарить.

Стражники, четыре здоровых лба, схватили Ивана, связали и положили на лавку.

— Последний раз спрашиваю, — еще попыталась Баба-Яга, — будешь котэджик строить?

— Будь ты проклята! — сказал гордо связанный Иван. — Чучело огородное... У тебя в носу волосы растут.

— В печь его! — заорала Яга. И затопала ногами. — Мерзавец! Хам!

— От хамки слышу! — тоже заорал Иван. — Ежидна! У тебя не только в носу, у тебя на языке шерсть растет!.. Дармоедка!

— В огонь! — вовсе зашлась Яга. — В ого-оны!..

Ивана сгребли и стали толкать в печь, в огонь.

— Ох, брил я тебя на завалинке! — запел Иван. — Подарила ты мне чулки-валенки!.. Оп-тирдарпупия! Мне в огне не гореть, карга! Так что я иду смело!

Только Ивана затолкали в печь, на дворе зазвенели бубенцы, заржали кони.

— Дочка едет! — обрадовалась Баба-Яга и выглянула в окно. — У-у, да с женихом вместе! То-то будет им чем поужинать.

Стражники тоже обрадовались, запрыгали, захлопали в ладоши.

— Змей-Горыныч едет, Змей-Горыныч едет! — закричали они. — Эх, погуляем-то! Эх, и попьем же!

Вошла в избушку дочка Бабы-Яги, тоже сильно страшная, с усами.

— Фу-фу-фу, — сказала она. — Русским духом пахнет. Кто тут?

— Ужин, — сказала Баба-Яга. И засмеялась хрипло: — Ха-ха-ха-ха!..

— Чего ты? — рассердилась дочка. — Ржет, как эта... Я спрашиваю: кто тут?

— Ивана жарим.

— Да ну? — приятно изумилась дочка. — Ах, какой сюрприз!

— Представляешь, не хочет, чтобы в лесу было красиво, — не хочет строить котэджик, паразит.

Дочка заглянула в печку... А оттуда вдруг — не то плач, не то хохот.

— Ой, не могу-у!.. — стонал Иван. — Не от огня помру — от смеха!..

— Чего это? — зло спросила дочка Бабы-Яги. И Яга тоже подошла к печке. — Чего он?

— Хохочет?..
— Чего ты, эй?
— Ой, помру от смеха! — орал Иван. — Ой, не выживу я!..
— Вот идиот-то, — сказала дочка. — Чего ты?
— Да усы-то!.. Усы-то... Ой, господи, ну бывает же такое в природе! Да как же ты с мужем-то будешь спать? Ты же замуж выходишь...

— Как все... А чего? — не поняла дочка. Не поняла, но встревожилась.

— Да усы-то!

— Ну и что? Они мне не мешают, наоборот, я лучше чую.

— Да тебе-то не мешают... А мужу-то? Когда замуж-то выйдешь...

— А чего мужу? Куда ты гнешь, дурак? Чего тебе мой будущий муж? — вовсе встревожилась дочка.

— Да как же? Он тебя поцелует в темноте-то, а сам подумает: «Черт-те что: солдат не солдат и баба не баба». И разлюбит. Да нешто можно бабе с усами! Ну, эти ведьмы!.. Ни хрена не понимают. Ведь не будет он с тобой жить, с усатой. А то еще возьмет да голову откусит со зла, знаю я этих Горынычей.

Баба-Яга и дочка призадумались.

— Ну-ка вылазь, — велела дочь.

Иван-дурак скоро вылез, отряхнулся.

— Хорошо погрелся...

— А чего ты нам советуешь? — спросила Баба-Яга. — С усами-то.

— Чего, чего... Свести надо усы, если хочешь семейную жизнь наладить.

— Да как свести-то, как?

— Я скажу как, а вы меня опять в печь кинете.

— Не кинем, Ванюшка, — заговорила ласково дочь Бабы-Яги. — Отпустим тебя на все четыре стороны, скажи только, как от усов избавиться.

Тут наш Иван пошел тянуть резину и торговаться, как делают нынешние слесари-сантехники.

— Это непросто, — заговорил он, — это надо состав делать...

— Ну и делай!

— Делай, делай... А когда же я к Мудрецу-то попаду? Мне же к третьим петухам надо назад вернуться...

— Давай так, — заволновалась Баба-Яга, — слушай сюда! Давай так: ты сводишь усы, я даю тебе свою метлу, и ты в один миг будешь у Мудреца.

Иван призадумался.

— Быстрей! — заторопилась усатая дочь. — А то Горыныч войдет.

Тут и Иван заволновался:

— Слушайте, он же войдет и...

— Ну?

— Войдет и с ходу сожрет меня.

— Он может, — сказала дочь. — Чего бы такое придумать?

— Я скажу, что ты мой племянник, — нашлась Баба-Яга. — Понял?

— Давайте, — понял Иван. — Теперь так; мой состав-то не сразу действует...

— Как это? — насторожилась дочь.

— Мы его сейчас наведем и наложим на лицо маску... Так? Я лечу на метле к Мудрецу, ты пока лежишь с маской...

— А обманет? — заподозрила дочь. — Мам?

— Пусть только попробует, — сказала Баба-Яга, — пусть только надует: навернется с поднебесья — мокрое место останется.

— Ну, елки зеленые-то!.. — опять заволновался Иван; похоже, он и хотел надуть. — Ну что за народ! В чем дело? Хочешь с усами ходить? Ходи с усами, мне-то что! Им дело говорят, понимаешь, — нет, они начинают тут... Вы меня уважаете, нет?

— При чем тут «уважаете»? Ты говори толком...

— Нет, не могу, — продолжал Иван тараторить. — Не могу, честное слово! Сердце лопнет. Ну что за народ! Да живи ты с усами, живи! Сколько влезет, столько и живи. Не женщина, а генерал-майор какой-то. Тьфу! А детишки народятся? Потянется сынок или дочка ручонкой: «Мама, а что это у тебя?» А подрастут? Подрастут, их на улице начнут дразнить: «Твоя мамка с усами, твоя мамка с усами!» Легко будет ребенку? Легко будет слушать такие слова? Ни у кого нету мамки с усами, а у него — с усами. Как он должен отвечать? Да никак он не сможет ответить, он зальется слезами и пойдет домой... к усатой мамке...

— Хватит! — закричала дочь Бабы-Яги. — Наводи свой состав. Что тебе надо?

— Пригоршню куриного помета, пригоршню теплого навоза и пригоршню мягкой глины — мы накладываем на лицо такую маску...

— На все лицо? Как же я дышать-то буду?

— Ну что за народ! — опять горько затараторил Иван. — Ну ничего невозможно...

— Ладно! — рывкнула дочь. — Спросить ничего нельзя.

— Нельзя! — тоже рывкнул Иван. — Когда мастер сообщает, нельзя ничего спрашивать! Повторяю: навоз, глина, помет. Маска будет с дыркой — будешь дышать. Все.

— Слышали? — сказала Яга стражникам. — Одна нога здесь, другая в сарае! Арш!

Стражники побежали за навозом, глиной и пометом.

А в это самое время в окно просунулись три головы Змея-Горыныча... Уставились на Ивана. Все в избушке замерли. Горыныч долго-долго смотрел на Ивана. Потом спросил:

— Кто это?

— Это, Горыныч, племянник мой, Иванушка, — сказала Яга. — Иванушка, поздоровайся с дядей Горынычем.

— Здравствуй, дядя Горыныч! — поздоровался Иван. — Ну, как дела?

Горыныч внимательно смотрел на Ивана. Так долго и внимательно, что Иван занервничал.

— Да ну что, елки зеленые? Что? Ну племянник, ты же слышал! Пришел к тете Ежке. В гости. Что, гостей будем жрать? Давай будем гостей жрать! А семью собираемся заводить — всех детишек пожрем, да? Папа называется!

Головы Горыныча посоветовались между собой.

— По-моему, он хамит, — сказала одна.

Вторая подумала и сказала:

— Дурак, а нервный.

А третья выразилась и вовсе кратко:

— Лангет, — сказала она.

— Я счас такой лангет покажу!.. — взорвался от страха Иван. — Такой лангет устрою, что кое-кому тут не поздоровится. Тетя, где моя волшебная сабля? — Иван вскочил с лавки и забегал по избушке — изображал, что ищет волшебную саблю. — Я счас такое устрою! Головы надоело носить?! — Иван кричал на Горыныча, но не смотрел на него — жутко было смотреть на эти три спокойных головы. — Такое счас устрою!..

— Он просто расхамился, — опять сказала первая голова.

— Нервничает, — заметила вторая. — Бойтся.

А третья не успела ничего сказать: Иван остановился перед Горынычем и сам тоже долго и внимательно смотрел на него.

— Шпана, — сказал Иван. — Я тебя сам съем.

Тут первый раз прозвучал голос Ильи Муромца.

— Ванька, смотри! — сказал Илья.

— Да что «Ванька», что «Ванька»! — воскликнул Иван. — Чего «Ванька»-то? Вечно кого-то боимся, кого-то опасаемся. Каждая гнида будет из себя... великую тварь строить, а тут обмирай от страха. Не хочу! Хватит! Надоело! — Иван и в самом деле спокойно уселся на лавку, достал дудочку и посвистел маленько. — Жри, — сказал он, отвлекаясь от дудочки. — Жрать будешь? Жри. Гад. Потом поцелуй

свою усатую невесту. Потом рожайте усатых детей и маршируйте с имя. Он меня, видите ли, пугать будет!.. Хрен тебе! — И Ванька опять засвистел в свою дудочку.

— Горыныч, — сказала дочь, — плюнь, не обращай внимания. Не обижайся.

— Но он же хамит, — возразила первая голова. — Как он разговаривает?!

— Он с отчаяния. Он не ведает, что творит.

— Я все ведаю, — встрял Иван, перестав дудеть. — Все я ведаю. Я вот сейчас подберу вам марш... для будущего батальона...

— Ванюшка, — заговорила Баба-Яга кротко, — не хами, племян. Зачем ты так?

— Затем, что нечего меня на арапа брать. Он, видите ли, будет тут глазами вращать! Врачай, когда у тебя батальон усатых будет — тогда врачай. А счас нечего.

— Нет, ну он же всю хамит! — чуть не плача сказала первая голова. — Ну как же?

— Заплачь, заплачь, — жестко сказал Иван. — А мы посмеемся. В усы.

— Хватит тянуть, — сказала вторая голова.

— Да, хватит тянуть, — поддакнул Иван. — Чего тянуть-то? Хватит тянуть.

— О-о! — изумилась третья голова. — Ничего себе!

— Ага! — опять дурашливо поддакнул Иван. — Во да-ет Ванька. Споем? — И Ванька запел:

Эх, брил я тебя
На завалинке,
Подарила ты мне
Чулки-валенки...

Горыныч, хором:

Оп-тирдарпуня!

Допел Ванька. И стало тихо. И долго было тихо.

— А романсы умеешь? — спросил Горыныч.

— Какие романсы?

— Старинные.

— Сколько угодно... Ты что, романсы любишь? Изволь, батюшка, я тебе их нанизаю сколько хошь. Завалю романсами. Например:

Хаз-булат удало-ой,
Бедна сакля твоя-а,
Золотою казной
Я осыплю тебя-а!

А? Романс!.. — Ванька почуял некую перемену в Горыныче, подошел к нему и похлопал одну голову по щеке. — Ух, ты... свирепый. Свирепунчик ты мой.

— Не ёрничай, — сказал Горыныч. — А то откушу руку. Ванька отдернул руку.

— Ну, ну, ну, — молвил он мирно, — кто же так с мастером разговаривает? Возьму вот и не буду петь.

— Будешь, — сказала голова Горыныча, которую Иван приголубил. — Я тебе возьму и голову откушу.

Две других головы громко засмеялись. И Иван тоже мелко и невесело посмеялся.

— Тогда-то уж я и вовсе не спою — нечем. Чем же я петь-то буду?

— Филе, — сказала голова, которая давеча говорила «лангет». Это была самая глупая голова.

— А тебе бы все жрать! — обозлился на нее Иван. — Все бы ей жрать!.. Живоглотка какая-то.

— Ванюшка, не фордыбачь, — сказала Баба-Яга. — Пой.

— Пой, — сказала и дочь. — Разговорился. Есть слух — пой.

— Пой, — велела первая голова. — И вы тоже пойте.

— Кто? — не поняла Баба-Яга. — Мы?

— Вы. Пойте.

— Может быть, я лучше одна? — вякнула дочь; ее не устраивало, что она будет подпевать Ивану. — С мужиком петь... ты меня извини, но...

— Три, четыре, — спокойно сказал Горыныч. — Начали.

Дам коня, дам седло, —

запел Иван, Баба-Яга с дочкой подхватили:

Дам винтовку свою-у,
А за это за все
Ты отдай мне жену-у.
Ты уж стар, ты уж се-ед,
Ей с тобой не житье,
С молодых юных ле-ет
Ты погубишь ее-о-о.

Невыразительные круглые глазки Горыныча увлажнились: как всякий деспот, он был слезлив.

— Дальше, — тихо сказал он.

Под чинарой густой, —

пел дальше Иван, —

Мы сидели вдво-ем;
Месяц плыл золотой,
Все молчало круго-ом.

И Иван с чувством повторил еще раз, один:

Эх, месяц плыл золотой,
Все молчало круго-ом...

— Как ты живешь, Иван? — спросил растроганный Горыныч.

— В каком смысле? — не понял тот.

— Изба хорошая?

— А-а. Я счас в библиотеке живу, вместе со всеми.

— Хочешь отдельную избу?

— Нет. Зачем она мне?

— Дальше.

Она мне отдалась, —

повел дальше Иван, —

До последнего дня...

— Это не надо, — сказал Горыныч. — Пропусти.

— Как же? — не понял Иван.

— Пропусти.

— Горыныч, так нельзя, — заулыбался Иван, — из песни слова не выкинешь.

Горыныч молча смотрел на Ивана; опять воцарилась эта нехорошая тишина.

— Но ведь без этого же нет песни! — занервничал Иван. — Ну? Песни-то нету!

— Есть песня, — сказал Горыныч.

— Да как же есть? Как же есть-то?!

— Есть песня. Даже лучше — лаконичнее.

— Ну ты смотри, что они делают! — Иван даже хлопнул в изумлении себя по ляжкам. — Что хотят, то и делают! Нет песни без этого, нет песни без этого, нет песни!.. Не буду петь лаконично. Все.

— Ванюшка, — сказала Баба-Яга, — не супротивничай.

— Пошла ты!.. — вконец обозлился Иван. — Сами пойте. А я не буду. В гробу я вас всех видел! Я вас сам всех сожру! С усами вместе. А эти три тыквы... я их тоже буду немножко жарить.

— Господи, сколько надо терпения, — вздохнула первая голова Горыныча. — Сколько надо сил потратить, нервов... пока их научишь. Ни воспитания, ни образования...

— Насчет «немножко жарить» — это он хорошо сказал, — молвила вторая голова. — А?

— На какие усы ты все время намекаешь? — спросила Ивана третья голова. — Весь вечер сегодня слышу: усы, усы... У кого усы?

— А парень улыбается в пшеничные усы, — шутливо спела первая голова. — Как там дальше про Хаз-булата?

— Она мне отдалась, — отчетливо сказал Иван.

Опять сделалось тихо.

— Это грубо, Иван, — сказала первая голова. — Это дурная эстетика. Ты же в библиотеке живешь... как ты можешь?

У вас же там славные ребята. Где ты набрался этой сексуальности? У вас там, я знаю, Бедная Лиза... прекрасная девушка, я отца ее знал. Она невеста твоя?

— Кто? Лизка? Еще чего!

— Как же? Она тебя ждет.

— Пусть ждет — не дождется.

— М-да... Фрукт, — сказала третья голова.

А голова, которая все время к жратве клонила, возразила:

— Нет, не фрукт, — сказала она серьезно. — Какой же фрукт? Уж, во всяком случае, лангет. Возможно, даже шашлык.

— Как там дальше-то? — вспомнила первая голова. — С Хаз-булатом-то.

— Он его убил, — покорно сказал Иван.

— Кого?

— Хаз-булата.

— Кто убил?

— М-м... — Иван мучительно сморщился. — Молодой любовник убил Хаз-булата. Заканчивается песня так: «Голова старика покати́лась на луг».

— Это тоже не надо. Это жестокость, — сказала голова.

— А как надо?

Голова подумала.

— Они помирились. Он ему отдал коня, седло — и они пошли домой. На какой полке ты там сидишь, в библиотеке-то?

— На самой верхней... Рядом с Ильей и донским Атаманом.

— О-о! — удивились все в один голос.

— Понятно, — сказала самая умная голова Горыныча, первая. — От этих дураков только и наберешься... А зачем ты к Мудрецу идешь?

— За справкой.

— За какой справкой?

— Что я умный.

Три головы Горыныча дружно громко засмеялись. Баба-Яга и дочь тоже подхихикнули.

— А плясать умеешь? — спросила умная голова.

— Умею, — ответил Иван. — Но не буду.

— Он, по-моему и котэджики умеет рубить, — встряла Баба-Яга. — Я подняла эту тему...

— Ти-хо! — рывкнули все три головы Горыныча. — Мы никому больше слова не давали!

— Батюшки мои, — шепотом сказала Баба-Яга. — Сказать ничего нельзя!

— Нельзя! — тоже рывкнула дочь. И тоже на Бабу-Ягу: — Базар какой-то!

— Спляши, Ваня, — тихо и ласково сказала самая умная голова.

— Не буду плясать, — уперся Иван.

Голова подумала.

— Ты идешь за справкой... — сказала она. — Так?

— Ну? За справкой.

— В справке будет написано: «Дана Ивану... в том, что он — умный». Верно? И — печать.

— Ну?

— А ты не дойдешь. — Умная голова спокойно смотрела на Ивана. — Справки не будет.

— Как это не дойду? Если я пошел, я дойду.

— Не. — Голова все смотрела на Ивана. — Не дойдешь. Ты даже отсюда не выйдешь.

Иван постоял в тягостном раздумье... Поднял руку и печально возгласил:

— Сени!

— Три, четыре, — сказала голова. — Пошли.

Баба-Яга и дочь запели:

Ох, вы сени, мои сени,
Сени новые мои...

Они пели и прихлопывали в ладоши.

Сени новые-преновые,
Решетчатые...

Иван двинулся по кругу, пристукивая лапоточками... а руки его висели вдоль тела: он не подбоченился, не вскинул голову, не смотрел соколом.

— А почему соколом не смотришь? — спросила голова.

— Я смотрю, — ответил Иван.

— Ты в пол смотришь.

— Сокол же может задуматься?

— О чем?

— Как дальше жить... Как соколят вырастить. Пожалей ты меня, Горыныч, — взмолился Иван. — Ну сколько уж? Хватит...

— А-а, — сказала умная голова. — Вот теперь ты поумнел. Теперь иди за справкой. А то начал тут... строить из себя. Шмакодявки. Свистуны. Чего ты начал строить из себя?

Иван молчал.

— Становись лицом к двери, — велел Горыныч.

Иван стал лицом к двери.

— По моей команде вылетит отсюда со скоростью звука.

— Со звуком — это ты лишка хватил, Горыныч, — возразил Иван. — Я не сумею так.

— Как сумеешь. Приготовились... Три, четыре!

Иван вылетел из избушки.

Три головы Горыныча, дочь и Баба-Яга засмеялись.

— Иди сюда, — позвал Горыныч невесту, — я тебя ласкать буду.

А Иван шел опять темным лесом... И дороги опять никакой не было, а была малая звериная тропка. Шел, шел Иван, сел на поваленную лесину и закручинился.

— В душу как вроде удобрения свалили, — грустно сказал он. — Вот же как тяжело! Достанется мне эта справка...

Сзади подошел Медведь и тоже присел на лесину.

— Чего такой печальный, мужичок? — спросил Медведь.

— Да как же!.. — сказал Иван. — И страху натерпелся, и напелся, и наплясался... И уж так-то теперь на душе тяжело, так нехорошо — ложись и помирай.

— Где это ты так?

— А в гостях... Черт занес. У Бабы-Яги.

— Нашел к кому в гости ходить. Чего ты к ней поперся?

— Да зашел по пути...

— А куда идешь-то?

— К Мудрецу.

— Во-он куда! — удивился Медведь. — Далеко.

— Не знаешь ли, как к нему идти?

— Нет. Слышать слышал про такого, а как идти, не знаю. Я сам, брат, с насиженного места поднялся... Иду вот тоже, а куда иду — не знаю.

— Прогнали, что ль?

— Да и прогнать не прогнали, и... Сам уйдешь. Это-то вот — недалеко — монастырь; ну, жили себе... И я возле питался — там пасек много. И облюбовали же этот монастырь черти. Откуда только их напугало! Обложили весь монастырь — их внутрь-то не пускают, — с утра до ночи музыку заводят, пьют, безобразничают...

— А чего хотят-то?

— Хотят внутрь пройти, а там стража. Вот они и оглушают их, стражников-то, бабенок всяких ряженных подпускают, вино наваливают — сбивают с толку. Такой тарарам навели на округу — завязывай глаза и беги. Страсть что творится, пропадает живая душа. Я вот курить возле их научился... — Медведь достал пачку сигарет и закурил. — Нет жителя никакого... Подумал-подумал — нет, думаю, надо уходить, а то вино научусь пить. Или в цирк пойду. Раз-два напивался уж...

— Это скверно.

— Уж куда как скверно! Медведицу избил... Льва по ле-

су искал... Стыд головушке! Нет, думаю, надо уходить. Вот иду.

— Не знают ли они про Мудреца? — спросил Иван.

— Кто? Черти? Чего они не знают-то? Они все знают. Только не связывайся ты с имя, пропадешь. Пропадешь, парень.

— Да ну... чего, поди?

— Пропадешь. Попробуй, конечно, но... Гляди. Злые они.

— Я сам злой сейчас... Хуже черта. Вот же как он меня исковеркал! Всего изломал.

— Кто?

— Змей-Горыныч.

— Бил, что ли?

— Да и не бил, а... хуже битья. И пел перед ним, и плясал. Тыфу! Лучше бы уж избил.

— Унизил?

— Унизил. Да как унизил! Не переживу я, однако, эти дела. Вернусь и подожду их. А?

— Брось, — сказал Медведь, — не связывайся. Он такой, этот Горыныч... Гад, одно слово. Брось. Уйди лучше. Живой ушел, и то слава богу. Эту шайку не одолеешь: везде достанут.

Они посидели молча, Медведь затянулся последний раз сигаретой, бросил, затоптал окурки лапой и встал.

— Прощай.

— Прощай, — откликнулся Иван. И тоже поднялся.

— Аккуратней с чертями-то, — еще раз посоветовал Медведь. — Эти похуже Горыныча будут... Забудешь, куда идешь. Все на свете забудешь! Ну и охальное же племя! На ходу подметки рвут. Оглянуться не успеешь, а уж ты на поводке у их — захомутали.

— Ничего, — сказал Иван. — Бог не выдаст, свинья не съест. Как-нибудь вывернусь. Надо же где-то Мудреца искать... Леший-то навязался на мою голову! А время — до третьих петухов только.

— Ну, поспешай, коли так. Прощай.

— Прощай.

И они разошлись.

Из темноты еще Медведь крикнул:

— Вон, слышь, музыка?

— Где?

— Да послушай!.. «Очи черные» играют...

— Слышу!

— Вот иди на музыку — они. Вишь, наяривают! О господи! — вздохнул Медведь. — Вот чесотка-то мировая! Ну чесотка... Не хотят жить на болоте, никак не хотят, хотят в кельях.

А были ворота и высокий забор. На воротах написано:

«Чертям вход воспрещен».

В воротах стоял большой стражник с пикой в руках и зорко поглядывал кругом.

Кругом же творился некий вялый бедлам — пауза такая после бурного шабаша. Кто из чертей, засунув руки в карманы узеньких брюк, легонько бил копытцами ленивую чечетку, кто листал журналы с картинками, кто тасовал карты... Один жонглировал черепами. Двое в углу учились стоять на голове. Группа чертей, расстелив на земле газеты, сидела вокруг коньяка и закуски — выпивали. А четверо — три музыканта с гитарами и девица — стояли прямо перед стражником; девица красиво пела «Очи черные». Гитаристы не менее красиво аккомпанировали ей. И сама-то девица очень даже красивая, на красивых копытцах, в красивых штанах... Однако стражник спокойно смотрел на нее — почему-то не волновался. Он даже снисходительно улыбался в усы.

— Хлеб да соль! — сказал Иван, подходя к тем, которые выпивали.

Его оглядели с ног до головы... И отвернулись.

— Что же с собой не приглашаете? — жестко спросил Иван.

Его опять оглядели.

— А что ты за князь такой? — спросил один, тучный, с большими рогами.

— Я князь такой, что если сейчас понесу вас по кочкам, то от вас ключья полетят. Статы!

Черти изумились... Смотрели на Ивана.

— Я кому сказал?! — Иван дал ногой по бутылкам. — Статы!!

Тучный вскочил и полез было на Ивана, но его подхватили свои и оттащили в сторону. Перед Иваном появился некто изящный, среднего возраста, в очках.

— В чем дело, дружок? — заговорил он, беря Ивана под руку. — Чего мы шумим? Мм? У нас где-нибудь бо-бо? Или что? Или настроение испорчено? Что надо?

— Надо справку, — зло сказал Иван.

К ним еще подошли черти... Образовался такой кружок, в центре которого стоял злой Иван.

— Продолжайте! — крикнул Изящный музыкантам и девице. — Ваня, какую справку надо? О чем?

— Что я умный.

Черти переглянулись... Быстро и непонятно переговорили между собой.

— Шизо, — сказал один. — Или авантюрист.

— Непохоже, — возразил другой. — Куда-нибудь оформляется. Всего одну справку надо?

— Одну.

— А какую справку, Ваня? Они разные бывают... Бывают характеристика, аттестат... Есть о наличии, есть об отсутствии, есть «в том, что», есть «так как», есть «ввиду того, что», а есть «вместе с тем, что» — разные, понимаешь? Какую именно, тебе сказали, принести?

— Что я умный.

— Не понимаю... Диплом, что ли?

— Справку.

— Но их сотни, справок! Есть «в связи с тем, что», есть «несмотря на то, что», есть...

— Понесу ведь по кочкам, — сказал Иван с угрозой. — Тошно будет. Или спую «Отче наш».

— Спокойно, Ваня, спокойно, — занервничал Изыщный черт. — Зачем подымать войну? Мы можем сделать любую справку, надо только понять какую. Мы тебе сделаем...

— Мне липовая справка не нужна, — твердо сказал Иван, — мне нужна такая, какие выдает Мудрец.

Тут черти загалдели все разом.

— Ему нужна только такая, какие выдает Мудрец.

— О-о!..

— Липовая его не устраивает... Ах, какая неподкупная душа! Какой Анжелико!

— Какой митрополит! Он нам споет «Отче наш». А «Сухой бы я корочкой питалась» ты нам споешь?

— Ша, черти! Ша... Я хочу знать: как это он понесет нас по кочкам? Он же берет нас на арапа! То ж элементарный арапинизм! Что значит, что этот пошехонец понесет нас?

Подошли еще черти. Ивана окружили со всех сторон. И все глядели и размахивали руками.

— Он опрокинул коньяк!

— Это хамство! Что значит, что он понесет нас по кочкам? Что это значит? Это шантаж?

— Кубок «Большого орла» ему!

— Тумаков ему! Тумаков!

Дело могло обернуться плохо: Ивана теснили.

— Ша, черти! Ша! — крикнул Иван. И поднял руку. — Ша, черти! Есть предложение!..

— Ша, братцы, — сказал Изыщный черт. — Есть предложение. Выслушаем предложение.

Иван, Изыщный черт и еще несколько чертей отошли в сторону и стали совещаться. Иван что-то вполголоса говорил им, посматривал в сторону стражника. И другие тоже посматривали туда же.

Перед стражником по-прежнему «несли вахту» девица и музыканты; девица пела теперь ироническую песенку «Разве ты мужчина!». Она пела и пританцовывала.

— Я не очень уверен, — сказал Изыщный черт. — Но... А?
— Это надо проверить, — заговорили и другие. — Это не лишено смысла.

— Да, это надо проверить. Это не лишено смысла.

— Мы это проверим, — сказал Изыщный черт своему помощнику. — Это не лишено смысла. Если этот номер у нас проходит, мы посылаем с Иваном нашего черта, и он делает так, что Мудрец принимает Ивана. К нему очень трудно попасть.

— Но без обмана! — сказал Иван. — Если Мудрец меня не принимает, я вот этими вот руками... беру вашего черта...

— Ша, Иван, — сказал Изыщный черт. — Не надо лишних слов. Все будет о'кэй. Маэстро, что нужно? — спросил он своего помощника.

— Анкетные данные стражника, — сказал тот. — Где родился, кто родители... И еще одна консультация Ивана.

— Картотека, — кратко сказал Изыщный.

Два черта побежали куда-то, а Изыщный обнял Ивана и стал ходить с ним туда-сюда, что-то негромко рассказывал.

Прибежали с данными. Один доложил:

— Из Сибири. Родители — крестьяне.

Изыщный черт, Иван и маэстро посоветовались накоротке.

— Да? — спросил Изыщный.

— Как штык, — ответил Иван. — Чтоб мне сдохнуть!

— Маэстро?

— Через... две с половиной минуты, — ответил маэстро, поглядев на часы.

— Приступайте, — сказал Изыщный.

Маэстро и с ним шестеро чертей — три мужского пола и три женского — сели неподалеку с инструментами и стали сыгрываться. Вот они сыгрались... Маэстро кивнул головой, и шестеро грянули:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Здесь надо остановиться повествование и, сколь возможно, погрузиться в мир песни. Это был прекрасный мир, сердечный и грустный. Звуки песни, негромкие, но сразу какие-то мощные, чистые, ударили в самую душу. Весь шабаш отодвинулся далеко-далеко; черти, особенно те, которые пели, сделались вдруг прекрасными существами, умными, добрыми, показалось вдруг, что смысл истинного их существования не в шабаше и безобразиях, а в ином — в любви, в сострадании.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбачью он лодку берет,
Упылую песню заводит,
О родине что-то поет.

Ах, как они пели! Как они, собаки, пели! Стражник пр
слонил копье к воротам и, замерев, слушал песню. Глаза е
наполнились слезами, он как-то даже ошалел. Может быт
даже перестал понимать, где он и зачем.

Бродяга Байкал переехал, —
Навстречу родимая мать.
Ой, здравствуй, ой, здравствуй,
родная,
Здоров ли отец мой и брат?

Стражник подошел к поющим, сел, склонил голову и
руки и стал покачиваться взад-вперед.

— М-мх... — сказал он.

А в пустые ворота пошли черти.

А песня лилась, рвала душу, губила суету и мелочь жи
ни — звала на простор, на вольную волю.

А черти шли и шли в пустые ворота.

Стражнику поднесли огромную чару... Он, не раздумыва
выпил, трахнул чару о землю, уронил голову на руки и опять
сказал:

— М-мх...

Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землею зарыт,
А брат твой давно уж в Сибири —
Давно кандалами гремит.

Стражник дал кулаком по колену, поднял голову — ли
в слезах.

А брат твой давно уж в Сибири —
Давно кандалами гремит, —

пропел он страдальческим голосом. — Жизнь моя, иль т
приснилась мне? Дай «Камаринскую»! Пропади все проп
дом, гори все синим огнем! Дай вина!

— Нельзя, мужичок, нельзя, — сказал лукавый ма
стро. — Ты напьешься и все забудешь.

— Кто?! — заорал стражник. И лапнул маэстро за гру
ки. — Кто тут меня учить будет?! Ты, козел? Да я тебя...
три узла завяжу, вонючка! Я вас всех понесу по кочкам

— Что они так обожают кочки? — удивился Изящнь
черт. — Один собирался нести по кочкам, другой... Как
кочки вы имеете в виду, уважаемый? — спросил он стра
ника.

— Цыть! — сказал стражник. — «Камаринскую»!

— «Камаринскую», — велел Изящный музыкантам.

— Вина! — рявкнул стражник.

— Вина, — покорно вторил Изящный.

— Может, не надо? — заспорил притворяшка маэстро.
Ему же плохо будет.

— Нет, надо! — повысил голос Изыщный черт. — Ему будет хорошо!

— Друг! — заревел стражник. — Дай я тебя поцелую!

— Иду! — откликнулся Изыщный черт. — Счас мы с тобой нарежемся! Мы их всех понесем по кочкам! Мы их всех тут!..

Иван удивленно смотрел на чертей, что крутились вокруг стражника, особенно изумил его Изыщный черт.

— Ты-то чего раздухарился, эй? — спросил он его.

— Цыты! — рывкнул Изыщный черт. — А то я тебя так понесу по кочкам, что ты...

— Что, что? — угрожающе переспросил Иван. И подъялся: — Кого ты понесешь по кочкам? Ну-ка повтори.

— Ты на кого это тут хвост поднимаешь? — тоже угрожающе спросил верзила-стражник Ивана. — На моего друга?! Я из тебя лангет сделаю!

— Опять лангет, — сказал Иван, останавливаясь. — Вот дела-то!

— «Камаринскую»! — раскапризничался Изыщный черт. — Иван нам спляшет. «Камаринскую»! Ваня, давай!

— Пошел к дьяволу! — обозлился Иван. — Сам давай... с другом вон.

— Тогда я не посылаю с тобой черта, — сказал Изыщный черт. И внимательно, злобно посмотрел на Ивана. — Понял? Попадешь ты к Мудрецу!.. Ты к нему ни-ког-да не попадешь.

— Ах ты, харя ты некрещеная! — задохнулся от возмущения Иван. — Да как же это? Да нешто так можно? Где же стыд-то у тебя? Мы же договорились. Я же такой грех на душу взял — научил вас, как за ворота пройти.

— Последний раз спрашиваю: будешь плясать?

— О, проклятие!.. — застонал Иван. — Да что же это такое-то? Да за что же мне муки такие?

— «Камаринскую»! — велел Изыщный черт. — «Пошехонские страдания».

Черти-музыканты заиграли «Камаринскую». И Иван пошел, опустив руки, пошел себе кругом, пошел пристукивать лапоточками. Он плясал и плакал. Плакал и плясал.

— Эх, справочка!.. — воскликнул он зло и горько. — Дорого же ты мне достаемся! Уж так дорого, что и не скажешь, как дорого!..

И вот — канцелярия. О канцелярия! Вот уж канцелярия так канцелярия. Иван бы тут вконец заблудился, если бы не черт. Черт пригодился как нельзя кстати. Долго ходили они по лестницам и коридорам, пока нашли приемную Мудреца.

— Минуточку, — сказал черт, когда вошли в приемную. — Посиди тут... Я скоро. — И куда-то убежал.

Иван огляделся.

В приемной сидела молоденькая секретарша, похожая на библиотечаршу, только эта другого цвета и зовут Милка. А ту — Галка. Секретарша Милка печатала на машинке и говорила сразу по двум телефонам.

— Ой, ну это же пшено! — говорила она в одну трубку и улыбалась.

— Помнишь, у Моргуновых: она напялила на себя желтое блестящее платье, копну сена, что ли, символизировала? Да с чем тут ломать голову? О чем?

И тут же — в другую, строго:

— Его нету. Не зна... А вы не интонируйте, не интонируйте, я вам пятый раз говорю: его нету. Не знаю.

— Во сколько ты там был? В одиннадцать? Один к одному? Интересно... Она одна была? Она кадрилась к тебе?

— Слушайте, я же ска... А вы не интонируйте, не интонируйте. Не знаю.

Иван вспомнил: их библиотечарша, когда хочет спросить по телефону у своей подруги, у себя ли ее начальник, спрашивает: «Твой бугор в яме?» И он тоже спросил Милку:

— А бугор когда будет в яме? — Он вдруг что-то разозлился на эту Милку.

Милка мельком глянула на него.

— Что вы хотите? — спросила она.

— Я спрашиваю: когда бу...

— По какому вопросу?

— Нужна справка, что...

— Понедельник, среда, девять тире одиннадцать.

— Мне... — Иван хотел сказать, что ему нужна справка до третьих петухов.

Милка опять отстучала:

— Понедельник, среда, с девяти до одиннадцати. Тупой?

— Это пшено, — сказал Иван. И встал, и вольно прошелся по приемной. — Я бы даже сказал, компот. Как говорит наша Галка: «собачья радость на двух», «смесь козла с «грюндиком». Я спрашиваю глобально: ты невеста? И сам отвечаю: невеста. Один к одному. — Иван все больше накалялся. — Но у тебя же — посмотри на себя — у тебя же нет румяна во всю щеку. Какая же ты невеста? Ты вот спроси меня — я вечный жених, — спроси, появилась у меня охота жениться на тебе? Ну-ка спроси.

— Появилась охота?

— Нет, — твердо сказал Иван.

Милка засмеялась и захлопала в ладоши.

— Ой, а еще? — попросила она. — Еще что-нибудь. Ну, пожалуйста.

Иван не понял, что «еще».

— Еще покажите что-нибудь.

— А-а, — догадался Иван, — ты решила, что я шут гороховый. Что я — так себе, Ванек в лапоточках... Тупой, как ты говоришь. Так вот знай: я мудрее всех вас... глубже, народнее. Я выражаю чаяния, а вы что выражаете? Ни хрена не выражаете! Сороки. Вы пустые, как... Во мне суть есть, а в вас и этого нету. Одни танцы-шманцы на уме. А ты даже говорить толком со мной не желаешь. Я вот как осержусь, как возьму дубину!..

Милка опять громко засмеялась.

— Ой, как интересно! А еще, а?

— Худо будет! — закричал Иван. — Ой, худо будет!.. Лучше вы меня не гневите, не гневите лучше!..

Тут в приемную влетел черт и увидел, что Иван орет на девицу.

— Тю, тю, тю, — испуганно затараторил черт и стал терзать Ивана в угол. — Чего это тут такое? Кто это нам решил выступать?.. А-я-я-я-й! Отойти куда нельзя. Предисловий начитался, — пояснил он девице «выступление» Ивана. — Сиди тихо, сейчас нас примут. Сейчас он придет... Я там договорился: нас примут в первую очередь.

Только черт сказал так, в приемную вихрем ворвался некто маленький, беленький — сам Мудрец, как понял Иван.

— Чушь, чушь, чушь, — быстро сказал он на ходу. — Василиса никогда на Дону не была.

Черт почтительно склонил голову.

— Проходите, — сказал Мудрец, ни к кому отдельно не обращаясь. И исчез в кабинете.

— Пошли, — подтолкнул черт Ивана. — Не вздумай только вылететь со своими предисловиями... Поддакивай, и все.

Мудрец бегал по кабинету. Он, что называется, рвал и метал.

— Откуда?! Откуда они это взяли?! — вопрошал он кого-то и поднимал руки кверху. — Откуда?!

— Чего ты расстроился, батя? — спросил Иван участливо.

Мудрец остановился перед посетителями — Иваном и чертом.

— Ну? — спросил он сурово и непонятно. — Облапошили Ивана?

— Почему вы так сразу ставите вопрос? — увертливо говорил черт. — Мы, собственно, давно хотели...

— Что вы? Что вам надо в монастыре? Ваша цель?

— Разрушение примитива, — твердо сказал черт.

Мудрец погрозил ему пальцем.

— Озоруете! А теоретически не готовы.

— Нет, ну серьезно... — заулыбался черт на стариков-

скую нестрашную угрозу. — Ну тошно же смотреть. Одни рысы чего стоят!

— Что им, в полупендриках ваших ходить?

— Зачем в полупендриках? Никто к этому не призывает. Но, положи руку на сердце: неужели не ясно, что они безнадежно отстали? Вы скажете — мода. А я скажу: да, мода! Ведь если мировые тела совершают свой круг по орбите, то они, строго говоря, не совсем его совершают...

— Тут, очевидно, следует говорить не о моде, — заговорил старик важно и взволнованно, — а о возможном положительном влиянии крайнебесовских тенденций на некоторые устоявшиеся нормы морали...

— Конечно! — воскликнул черт, глядя на Мудреца влюбленными глазами. — Конечно, о возможном положительном влиянии.

— Всякое явление, — продолжал старик, — заключает в себе две функции: моторную и тормозную. Все дело в том, какая функция в данный момент больше раздражается: моторная или тормозная. Если раздражитель извне попал на моторную функцию — все явление подпрыгивает и продвигается вперед, если раздражитель попал на тормозную — все явление, что называется, съезживается и отползает в глубь себя. — Мудрец посмотрел на черта и на Ивана. — Обычно этого не понимают...

— Почему, это же так понятно, — сказал черт.

— Я все время твержу, — продолжал Мудрец, — что необходимо учитывать наличие вот этих двух функций. Учитывайте функции, учитывайте функции! Всякое явление, если можно так выразиться, о двух головах: одна говорит «да», другая говорит «нет».

— Я видел явление о трех головах... — вякнул было Иван, но на него не обратили внимания.

— Ударим одну голову, услышим «да»; ударим другую, услышим «нет». — Старик Мудрец стремительно вскинул руку, нацелился пальцем в черта. — Какую ударили вы?

— Мы ударили, которая сказала «да», — не колеблясь, ответил черт.

Старик опустил руку.

— Исходя из потенциальных возможностей данных голов, данного явления, голова, которая говорит «да», — крепче. Следует ожидать, что все явление подпрыгнет и продвигнется вперед. Идите. И — с теорией, с теорией мне!.. — Старик опять погрозил пальцем черту. — Манкируете! Смотрите! Распушу!.. Ох, распушу!

Черт, мелко кивая головой, улыбаясь, пятился и пятился к выходу... Задом открыл дверь и так, с подкупающей улыбкой на мордочке, исчез.

Иван же как стоял, так упал на колени перед Мудрецом, — Батя, — взмолился он, — ведь на мне грех-то: я научил чертей, как пройти в монастырь...

— Ну?.. Встань-ка, встань — я не люблю этого. Встань, — велел Мудрец.

Иван встал.

— Ну? И как же ты их научил? — с улыбкой спросил старик.

— Я подсказал, чтобы они спели родную песню стражника... Они там мельтешили перед ним — он держался пока, а я говорю: вы родную его запойте, родную его... Они и запели...

— Какую же они запели?

— «По диким степям Забайкалья».

Старик засмеялся.

— Ах, шельмы! — воскликнул он. — И хорошо запели?

— Так запели, так сладко запели, что у меня у самого горло перехватило.

— А ты петь умеешь? — быстро спросил Мудрец.

— Ну как умею?.. Так...

— А плясать?

— А зачем? — насторожился Иван.

— Ну-ка... — заволновался старичок, — вот что! Поедем-ка мы в одно место. Ах, Ваня!.. Устаю, дружок, так устаю — боюсь, упаду когда-нибудь и не встану. Не от напряжения упаду, заметь, от мыслей.

Тут вошла секретарша Милка. С бумагой.

— Сообщаю: вулкан Дзидра готов к извержению, — доложила она.

— Ага! — воскликнул старичок и пробежался по кабинету. — Что? Толчки?

— Толчки. Температура в кратере... Гул.

— Пойдем от аналогии с беременной женщиной, — подстегнул свои мысли старичок. — Толчки... Есть толчки? Есть. Температура в кратере... Общая возбудимость беременной женщины, болтливость ее — это не что иное, как температура в кратере. Есть. Гул, гул... — Старичок осадил мысли, нацелился пальцем в Милку. — А что такое гул?

Милка не знала.

— Что такое гул? — Старичок нацелился в Ивана.

— Гул? — Иван засмеялся. — Это смотря какой гул... Допустим, гул сделает Илья Муромец — это одно, а сделает гул Бедная Лиза — это...

— Вульгартеория, — прервал старичок Ивана. — Гул — это сотрясение воздуха.

— А знаешь, как от Ильи сотрясается! — воскликнул Иван. — Стекла дребезжат!

— Распушу! — рывкнул старичок. Иван смолк. — Гул — это не только механическое сотрясение, это также... утробное. Есть гул, который человеческое ухо не может воспринять...

— Ухо-то не может воспринять, а... — не утерпел опять Иван, но старичок впери́л в него строгий взор.

— Ну что тебя, распушить?

— Не надо, — попросил Иван. — Больше не буду.

— Продолжим. Все три признака великой аналогии — налицо. Резюме? Резюме: пускай извергается. — Старичок выстрелил пальчиком в секретаршу: — Так и запишите.

Секретарша Милка так и записала. И ушла.

— Устаю, Ваня, дружок, — продолжал старичок свою тему, как если бы он и не прерывался. — Так устаю, что иногда кажется: все, больше не смогу наложить ни одной резолюции. Нет, наступает момент, и опять накладываю. По семьсот, по восемьсот резолюций в сутки. Вот и захочется иной раз... — Старичок тонко, блудливо засмеялся. — Захочется иной раз пощипать... травки пощипать, ягодки... черт-те что!... И, знаешь ли, принимаю решение... восемьсот первое: перекур! Есть тут одна такая... царевна Несмеяна, вот мы сейчас и нагреем к ней.

Опять вошла секретарша Милка:

— Сиамский кот Тишка прыгнул с восьмого этажа.

— Разбился?

— Разбился.

Старичок подумал...

— Запишите, — велел он. — Кот Тимофей не утерпел.

— Все? — спросила секретарша.

— Все. Какая по счету резолюция на сегодня?

— Семьсот сорок восьмая.

— Перекур.

Секретарша Милка кивнула головой. И вышла.

— К царевне, дружок! — воскликнул освобожденный Мудрец. — Сейчас мы ее рассмешим! Мы ее распотешим, Ваня. Грех, грех, конечно, грех... А?

— Я ничего. До третьих петухов-то успеем? Мне еще идти сколько.

— Успеем! Грех, говоришь? Конечно, конечно, грех. Не положено, да? Грех, да?

— Я не про тот грех... Чертей, мол, в монастырь пустили — вот грех-то.

Старичок значительно подумал.

— Чертей-то? Да, — сказал он непонятно. — Все не так просто, дружок, все, милый мой, очень и очень непросто. А кто-то... А? Сиамский-то. С восьмого этажа! Поехали!

Несмеяна тихо зверела от скуки.

Сперва она лежала просто так... Лежала, лежала и взывала.

— Повешусь! — заявила она.

Были тут еще какие-то молодые люди, парни и девушки. Им тоже было скучно. Лежали в купальных костюмах среди фикусов под кварцевыми лампами — загорали. И всем было страшно скучно.

— Повешу-усь! — закричала Несмеяна. — Не могу больше!

Молодые люди выключили транзисторы.

— Ну пусть, — сказал один. — А что?

— Принеси веревку, — попросила его.

Этот, которого попросили, полежал-полежал... сел.

— А потом — стремянку? — сказал он. — А потом — крюк искать? Я лучше пойду ей по морде дам.

— Не надо, — сказали. — Пусть вешается — может, интересно будет.

Одна девица встала и принесла веревку. А парень принес стремянку и поставил ее под крюк, на котором висела люстра.

— Люстру сними пока, — посоветовали.

— Сам снимай! — огрызнулся парень.

Тогда тот, который посоветовал снять люстру, встал и полез на стремянку — снимать люстру. Мало-помалу задвигались... Дело появилось.

— Веревку-то надо намылить.

— Да, веревку намыливают... Где мыло?

Пошли искать мыло.

— Есть мыло?

— Хозяйственное... Ничего?

— Какая разница! Держи веревку. Не оборвется?

— Сколько в тебе, Алка? — Алка это и есть, Несмеяна. — Сколько весишь?

— Восемьдесят.

— Выдержит. Намыливай.

Намылили веревку, сделали петлю, привязали конец к крюку... Слезли со стремянки.

— Давай, Алка.

Алка-Несмеяна вяло поднялась... зевнула и полезла на стремянку. Влезла...

— Скажи последнее слово, — попросил кто-то.

— Ой, только не надо! — запротестовали все остальные.

— Не надо, Алка, не говори.

— Этого только не хватает!

— Умоляю, Алка!.. Не надо слов. Лучше спой.

— Ни петь, ни говорить я не собираюсь, — сказала Алка.

— Умница! Давай.

Алка надела на шею петлю... Постояла.

— Стремянку потом ногой толкни.

Но Алка вдруг села на стремянку и опять взвыла...

— Тоже скучно-о!.. — не то пропела она, не то заплакала. — Не смешно-о!

С ней согласились.

— Действительно...

— Ничего нового: было-перебыло.

— К тому же патология.

— Натурализм.

И тут-то вошли Мудрец с Иваном.

— Вот, изволь, — бодренько заговорил старичок, хихикая и потирая руки, — дуреют от скуки. Ну-с, молодые люди!.. Разумеется, все средства испробованы, а как избавиться от скуки — такого средства нет. Так ведь? А, Несмеянушка?

— Ты прошлый раз обещал что-нибудь придумать, — капризно сказала Несмеяна со стремянки.

— А я и придумал! — воскликнул старичок весело. — Я обещал, я и придумал. Вы, господа хорошие, в поисках так называемого веселья совсем забыли о народе. А ведь народ не скучал! Народ смеялся!.. Умел смеяться. Бывали в истории моменты, когда народ прогонял со своей земли целые полчища — и только смехом. Полчища окружали со всех сторон крепостные стены, а за стенами вдруг раздавался могучий смех... Враги терялись и отходили. Надо знать историю, милые люди... А то мы... слишком уж остроумные, интеллектуальные... а родной истории не знаем. А, Несмеянушка?

— Что ты придумал? — спросила Несмеяна.

— Что я придумал? Я взял и обратился к народу! — не без пафоса сказал старичок. — К народу, к народу, голубушка. Что мы споем, Ваня?

— Да мне как-то неловко: они нагишом все... — сказал Иван. — Пусть хоть оденутся, что ли.

Молодые безразлично промолчали, а старичок похихикал снисходительно — показал, что он тоже не в восторге от этих средневековых представлений Ивана о стыдливости.

— Ваня, это... Ну, скажем так: не нашего ума дело. Наше дело — петь и плясать. Верно? Балалайку!

Принесли балалайку.

Иван взял ее. Потренькал, потинькал — подстроил... Вышел за дверь... И вдруг влетел в комнату — чуть не со свистом и с гиканьем — с частушкой:

Эх, милка моя,
Шевелилка моя,
Сама ходит шевелит...

— О-о!.. — застонали молодые и Несмеяна. — Не надо! Ну пожалуйста...

— Не надо, Ваня.

— Так, — сказал старичок. — На языке офеней это называется — не прохонжé. Двинем резерв. Перепляс! Ваня, пли!

— Пошел к чертовой матери! — рассердился Иван. — Что я тебе, Петрушка? Ты же видишь, им не смешно! И мне тоже не смешно.

— А справка? — зловеще спросил старичок. — А? Справка-то... Ее ведь надо заработать.

— Ну вот, сразу в кусты. Как же так, батя?

— А как же! Мы же договорились.

— Но им же не смешно! Было бы хоть смешно, ей-богу, но так-то... Ну стыдно же, ну...

— Не мучай человека, — сказала Несмеяна старичку.

— Давай справку, — стал нервничать Иван. — И так проваландались сколько. Я же не успею. Первые петухи-то когда ишо пропели!.. Вот-вот вторые грянут, а до третьих надо успеть. А мне ишо идти да идти.

Но старичок решил все же развеселить молодежь. И пустился он на очень и очень постыдный выверт — решил сделать Ивана посмешищем: так охота ему стало угодить своей «царевне», так нестерпимо сделалось старому греховоднику. К тому же и досада его взяла, что никак не может рассмешить этих скучающих баранов.

— Справку? — спросил он с дурашливым недоумением. — Какую справку?

— Здравсте! — воскликнул Иван. — Я же говорил...

— Я забыл, повтори.

— Что я умный.

— А! — «вспомнил» старичок, все стараясь вовлечь в нехорошую игру молодежь тоже. — Тебе нужна справка, что ты умный. Я вспомнил. Но как же я могу дать такую справку? А?

— У тебя же есть печать...

— Да печать-то есть... Но я же не знаю: умный ты или нет. Я, допустим, дам тебе справку, что ты умный, а ты — дурак дураком. Что это будет? Это будет подлог. Я не могу пойти на это. Ответь мне прежде на три вопроса. Ответишь — дам тебе справку, не ответишь — не обессудь.

— Давай, — с неохотой сказал Иван. — Во всех предисловиях писано, что я вовсе не дурак.

— Предисловия пишут... Знаешь, кто предисловия пишет?

— Это что, первый вопрос?

— Нет, нет. Это еще не вопрос. Это так... Вопрос вот какой: что сказал Адам, когда бог вынул у него ребро и сотво-

рил Еву? Что сказал при этом Адам? — Старичок искося и лукаво поглядел на свою «царевну» и на других молодых: поинтересовался, как приняли эту его затею с экзаменом. Сам он был доволен. — Ну? Что же сказал Адам?

— Не смешно, — сказала Несмеяна. — Тупо. Плоско.

— Самодеятельность какая-то, — сказали и другие.

— Идиотизм. Что он сказал? «Сам сотворил, сам и живи с ней»?

Старичок угодливо засмеялся и выстрелил пальчиком в молодого человека, который так сострил.

— Очень близко!.. Очень!

— Мог бы и поостроумнее сказать.

— Минуточку... Минуточку... — суетился старичок. — Самое же интересное — как ответит Иван! Ваня, что сказал Адам?

— А можно, я тоже задам вопрос? — в свою очередь, спросил Иван. — Потом...

— Нет, сначала ответь: что сказал...

— Нет, пусть он спросит, — закапризничала Несмеяна. — Спроси, Ваня.

— Да что он может спросить? Почему куль овса на базаре?

— Спроси, Ваня. Спроси, Ваня. Ваня, спроси. Спроси, Ваня!

— Ну-у, это уже ребячество, — огорчился старичок. — Хорошо, спроси, Ваня.

— Ответь мне, почему у тебя одно лишнее ребро? — Иван, подражая старичку, нацелился в него пальцем.

— То есть? — опешил тот.

— Нет, нет, не «то есть», а почему? — заинтересовалась Несмеяна. — И почему ты это скрывал?

— Это уже любопытно, — заинтересовались и другие. — Лишнее ребро? Это же из ряда вон!..

— Так вот вся мудрость-то откуда!

— Ой, как интересно-о!

— Покажите, пожалуйста. Ну пожалуйста!

Молодые люди стали окружать старичка.

— Ну, ну, ну, — испугался старичок, — зачем же так? Ну что за шутки? Что, так понравилась мысль дурака, что ли?

Старичка окружали все теснее. Кто-то уже тянулся к его пиджаку, кто-то дергал за штаны. Мудреца вознамерились раздеть без всяких шуток.

— И скрывать действительно такое преимущество... За чем же?

— Подержите-ка пиджак, пиджак подержите!.. О, тут не очень-то их прощупаешь!

— Прекратите! — закричал старичок и начал сопротивляться изо всех сил, но только больше раззадоривал этим. — Немедленно прекратите это безобразие. Это не смешно, понимаете? Это не юмор, это же не юмор! Дурак пошутил, а они... Иван, скажи, что ты пошутил!

— По-моему, я уже нащупал!.. Рубашка мешает, — всю шуровал один здоровенный парень. — У него тут еще майка... Нет, теплое белье! Синтетическое. Лечебное. Подержите-ка рубашку...

С Мудреца сняли пиджак, брюки. Сняли рубашку. Старичок предстал в нижнем теплом белье.

— Это безобразие! — кричал он. — Здесь же нет основания для юмора! Когда смешно? Смешно, когда намерения, цель и средства — все искажено! Когда налицо отклонение от нормы!

Здоровенный парень деликатно похлопал его по круглому животу.

— А это... разве не отклонение?

— Руки прочь! — завопил старичок. — Идиоты! Придурки!.. Никакого представления, что такое смешно!.. Кретины! Лежебоки!..

В это время его аккуратненько пощекотали, он громко захохотал и хотел вырваться из окружения, но молодые бычки и телки стояли весьма плотно.

— Почему вы скрывали о наличии лишнего ребра?

— Да какое ребро? Ой, ха-ха-ха!.. Да где? Ха-ха-ха!.. Ой, не могу!.. Это же... Ха-ха-ха!.. Это же... Ха-ха-ха!..

— Дайте ему сказать.

— Это примитив! Это юмор каменного века! Все глупо, начиная с ребра и кончая вашим стремлением... Ха-ха-ха!.. О-о-о!.. — И тут старичок пукнул, так это — по-стариковски, негромко дал и сам очень испугался, весь встрепенулся и съежился. А с молодыми началась истерика. Теперь хотели они, но как! — взახлеб, легли. Несмеезна опасно качалась на стремянке, хотела слезть, но не могла двинуться от смеха. Иван полез и снял ее. И положил рядом с другими — хототать. Сам же нашел брюки старика, порывлся в кармане... И нашел. Печать. И взял ее.

— Вы пока тут занимайтесь, — сказал он, — а мне пора отправляться.

— Зачем же ты всю-то... печать-то? — жалко спросил Мудрец. — Давай, я тебе справку выдам.

— Я сам теперь буду выдавать справки. Всем подряд. — Иван пошел к двери. — Прощайте.

— Это вероломство, Иван, — сказал Мудрец. — Насилие.

— Ничего подобного. — Иван тоже стал в позу. — Насилие — это когда по зубам бьют.

— Я ведь наложу резолюцию! — заявил Мудрец с угрозой. — Наложу ведь — запляшете!

— Слабо, батя! — крикнули из компании молодых. — Клади!

— Возлюбленный мой! — заломила руки в мольбе Несмеяна. — Наложите! Колыхни атмосферу!

— Решение! — торжественно объявил Мудрец. — Данный юмор данного коллектива дураков объявляется тупым! А также несвоевременным и животным, в связи с чем он лишается права выражать собой качество, именуемое в дальнейшем — смех. Точка. Мой так называемый нежданчик считать недействительным.

И грянула вдруг дивная, стремительная музыка... И хор. Хор, похоже, псет и движется — приплясывают.

Песенка чертей.

Аллилуйя — вот,
Три-четыре — вот,
Шуры-муры,
Шуры-муры,

Аллилуйя-а!
Аллилуйя-а!

Мы возьмем с собой в поход
На покладистый народ —
Политуру.
Политуру.

Аллилуйя-а!
Аллилуйя-а!

Наше — вам
С кистенем;
Под забором,
Под плетнем —
Покультури-м.
Покультури-м.

Аллилуйя-а
Аллилуйя-а!

Это где же так дивно поют и пляшут? Где так умеют радоваться? Э-э!.. То в монастыре. Черти. Монахов они оттуда всех выгнали, а сами веселятся.

Когда наш Иван пришел к монастырю, была глубокая ночь; над лесом, близко, висела луна. На воротах стоял теперь стражник-черт. Монахи же облепили забор и смотрели, что делается в монастыре. И там-то как раз шел развеселый бесовский ход: черти шли процессией и пели с приплясом. И песня их далеко разносилась вокруг.

Ивану стало жалко монахов. Но когда он подошел ближе, он увидел: монахи стоят и подергивают плечами в такт чер-

товой музыке. И ногами тихонько пристукивают. Только несколько — в основном пожилые — сидели в горестных позах на земле и покачивали головами... Но вот диковина: хоть и грустно они покачивали, а все же в такт. Да и сам Иван постоял маленько и не заметил, как стал тоже подергиваться и притопывать ногой, словно зуд его охватил.

Но вот визг и песнопение смолкли в монастыре — видно, устали черти, передых взяли. Монахи отошли от забора... И тут вдруг вылез из канавы стражник-монах и пошел с пьяных глаз на свое бывшее место.

— Ну-ка, брысь! — сказал он черту. — Ты как здесь? Черт-стражник снисходительно улыбался.

— Иди, иди, дядя, иди проспись. Отойди!

— Эт-то што такое?! — изумился монах. — По какому такому праву? Как ты здесь оказался?

— Иди проспись, потом я тебе объясню твое право. Пшел!

Монах полез было на черта, но тот довольно чувствительно ткнул его пикой.

— Пшел, говорят! Налют глаза-то и лезут... Не положено подходить! Вон инструкция висит: подходить к воротам не ближе десяти метров.

— Ах ты, харя! — заругался монах. — Ах ты, аборт козлийный!.. Ну ладно, ладно... Дай, я в себя приду, я тебе покажу инструкцию. Я тебя самого повешу заместо инструкции!

— И выражаться не положено, — строго заметил черт. — А то я тебя быстро определю — там будешь выражаться сколько влезет. Обзывать он будет! Я те пообзываюсь! Иди отсюда, пока я те... Иди отсюда! Бочка пивная. Иди отсюда!

— Агафангел! — позвали монаха. — Отойди... А то наживешь беды. Отойди от греха.

Агафангел, покачиваясь, пошел восвояси. Пошел и загудел:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роят в горах,
Бродяга, судьбу проклиная...

Черт-стражник захихикал ему в спину.

— Агафангел... — сказал он, смеясь. — И назовут же! Уж скорей «Агавинус». Или просто «Вермут».

— Што же это, братцы, случилось-то с вами? — спросил Иван, подсаживаясь к монахам. — Выгнали?

— Выгнали, — вздохнул один седобородый. — Да как выгнали! Пиночьями, вот как выгнали! Взашей попросили.

— Беда, беда, — тихо молвил другой. — Вот уж беда так беда: небывалая. Отродясь такой не видывали.

— Надо терпеть, — откликнулся совсем ветхий старичок и слабо высморкался. — Укрепиться и терпеть.

— Да что же терпеть-то?! Надо же что-то делать!

— Молодой ты, — урезонили его. — Потому и шумишь. Будешь постарше — не будешь шуметь. Што делать? Што тут сделаешь — вишь, сила какая!

— Это нам за грехи наши.

— За грехи, за грехи... Надо терпеть.

— Будем терпеть.

Иван с силой, зло стукнул кулаком себя по колену. И сказал горько:

— Где была моя голова дурная?! Где она была, тыква?! Я виноватый, братцы, я виноватый! Я подкузьмил вам. На мне грех.

— Ну, ну, ну, — стали его успокаивать. — Что ты? Эка как тебя сграбастало. Чего ты?

— Эх-х!.. — сокрушался Иван. И даже заплакал. — Сколько же я на душу взял... за один-то поход! Как же мне тяжело!..

— Ну, ну... Не казись, не надо. Что теперь сделаешь? Надо терпеть, милоч.

Тут вышел из ворот Изящный черт и обратился ко всем.

— Мужики, — сказал он, — есть халтура! Кто хочет заработать?

— Ну? А чего такое? — зашевелились монахи. — Чего надо-то?

— У вас там портреты висят... в несколько рядов...

— Иконы.

— А?

— Святые наши, какие портреты?

— Их надо переписать, они устарели.

Монахи опешили.

— И кого же вместо их писать? — тихо спросил самый старый монах.

— Нас.

Теперь уж все смолкли. И долго молчали.

— Гром небесный, — сказал старый монах. — Вот она, кара-то.

— Ну? — торопил Изящный черт. — Есть мастера? Заплатим прилично... Все равно ведь без дела сидите.

— Бей их! — закричал вдруг один монах. И несколько человек вскочили... И кинулись на черта, но тот быстро вбежал в ворота, за стражника. А к стражнику в момент подстроились другие черти и выставили вперед пики. Монахи остановились.

— Какие вы все же... грубые, — сказал им Изящный черт из-за частокола. — Невоспитанные. Воспитывать да воспитывать вас... Дикари. Пошехонь. Ничего, мы за вас теперь возьмемся. — И он ушел. И только он ушел, в глубине монастыря опять грянула музыка... И послышался звонкий

перестук копыт по булыжнику — черти били на площади массовую чечетку.

Иван взялся за голову и пошел прочь.

Шел он по лесу, а его все преследовала, догоняла, стегала окаянная музыка, чертячий пляс. Шел Иван и плакал — так горько было на душе, так мерзко.

Сел он на ту же поваленную лесину, на какой сидел прошлый раз.

Сел и задумался.

Сзади подошел Медведь и тоже присел.

— Ну, сходил? — спросил он.

— Сходил, — откликнулся Иван. — Лучше бы не ходил...

— Что? Не дали справку?

Иван только махнул, не стал говорить — больно было говорить.

Медведь прислушался к далекой музыке... И все понял без слов.

— Эти... — сказал он. — Все пляшут?

— Где пляшут-то? В монастыре пляшут-то!

— Ох, мать честная! — изумился Медведь. — Прошли?

— Прошли.

— Ну, все, — сказал Медведь обреченно, — надо уходить. Я так и знал, что пройдут.

Они помолчали.

— Слушай, — заговорил Медведь, — ты там ближе к городу... Какие условия в цирке?

— Вроде ничего... Я, правда, не шибко знаю, но так, слышно, ничего.

— Как насчет питания, интересно... Сколько разовое?

— Шут его знаешь. Хочешь в цирк?

— Ну а что делать-то? Хочешь не хочешь — пойдешь. Куда больше?

— Да... — вздохнул Иван. — Дела.

— Сильно безобразничают? — спросил Медведь, закури-вая. — Эти-то?

— А что же... смотреть, что ли, будут!

— Это уж... не для того старались. Погарцуют теперь. Тьфу, в душу мать-то совсем!.. — Медведь закашлялся. Долго с хрипом кашлял. — Еще откажут вот... в цирке-то — собрался. Забракуют. Легкие как тряпки стали. Бывало, пробку вышибал — с оглоблю толщиной вылетала, а давеча за коро-вой погнался... кхо, кхо, кхох... с версту пробежал и язык высунул. А там небось тяжести надо подымать.

— Там надо на задних лапах ходить, — сказал Иван.

— Зачем? — не понял Медведь.

— Да что же ты, не знаешь, что ли? Тех и кормят, кто на задних лапах умеет. Любая собака знает...

— Да какой интерес-то?

— Это уж я не знаю.

Медведь задумался. Долго молчал.

— Ну и ну, — сказал.

— У тебя семья-то есть? — поинтересовался Иван.

— Где!.. — горько, с отчаянием воскликнул Михайло Иванович. — Разогнал. Напился, начал буянить-то — они все разбежались. Где теперь, сам не знаю. — Он еще помолчал. И вдруг встал и рывкнул: — Ну, курва! Напьюсь водки, возьму оглоблю и пойду крушить монастырь!

— Зачем же монастырь-то?

— Они же там!

— Нет, Михайло Иванович... не надо. Да ты и не попадешь туда.

Михайло Иванович сел и трясущимися лапами стал закуривать.

— Ты не пьешь? — спросил.

— Нет.

— Зря, — зло сказал Михайло Иванович. — Легче становится. Хошь, научу?

— Нет, — решительно сказал Иван. — Я пробовал — она горькая.

— Кто?

— Водка-то.

Михайло Иванович оглушительно захохотал... И хлопнул Ивана по плечу.

— Эх, дите ты, дите!.. Чистое дите, ей-богу. А то научу?

— Нет. — Иван поднялся с лешины. — Пойду: время осталось с гулькин нос. — Прощай.

— Прощай, — сказал Медведь.

И они разошлись в разные стороны.

И пришел Иван к избушке Бабы-Яги. И хотел уж было мимо протопать, как услышал — зовут:

— Иванушка, а Иванушка! Что же мимо-то?

Оглянулся Иван — никого.

— Да ведь здесь я, — опять голос, — в сортире!

Видит Иван — сортир, а на двери — замок пудовый. А голос-то оттуда, из сортира.

— Кто там? — спросил Иван.

— Да я это, дочка Бабы-Яги... усатая-то, помнишь?

— Помню, как же. А чего ты там? Кто тебя?

— Выручи меня отсюда, Иванушка... Открой замок. На крылечке, под половиком, ключ, возьми его и открой. Потом расскажу все.

Иван нашел ключ, открыл замок. Усатая дочь Бабы-Яги выскочила из сортира и стала шипеть и плевать.

— Вот как нынче с невестами-то!.. Ну, змей!.. Я тебе этого не прошу, я тебе устрою...

— Это Горыныч тебя туда законопатил?

— Горыныч... Тьфу, змей! Ладно, ладно... чердак в кубе, я тебе тоже придумаю гауптвахту, гад.

— За что он тебя? — спросил Иван.

— Спроси у него! Воспитывает. Полковника из себя избражает — на гауптвахту посадил. Слова лишнего не скажи! Дубина такая. — Дочка Бабы-Яги вдруг внимательно посмотрела на Ивана. — Слушай, — сказала она, — хочешь стать моим любовником? А?

Иван оторопел поначалу, но невольно оглядел усатую невесту: усатая-то она усатая, но остальное-то все при ней, и даже больше — и грудь, и все такое. Да и усы-то... это ведь... что значит усы? Темная полоска на губе, какие это, в сущности, усы, это не усы, а так — признак.

— Я что-то не понял... — замаялся Иван. — Как-то это до меня... не совсем... не того...

— Ванька, смотри! — раздался вдруг голос Ильи Муромца. — Смотри, Ванька!

— Начинается! — поморщился Иван. — Заванькал.

— Что начинается? — не поняла невеста; она не могла слышать голос Ильи: не положено. — Можно подумать, что тебе то и дело наваливаются в любовницы.

— Да нет, — сказал Иван, — зачем? Я в том смысле, что... значит, это... дело-то такое...

— Чего ты мямлишь-то? Вот мямлит стоит, вот крутит. Да так да, нет — нет, чего тут крутить-то? Я другого кого-нибудь позову.

— А Баба-Яга-то?

— Она в гости улетела. А Горыныч на войне.

— Пошли, — решился Иван. — У меня полчаса есть еще. Побалуемся.

Вошли они в избушку... Иван скинул лапоточки и вольготно прилег пока на кровать.

— Устал, — сказал он. — Ох и устал же! Где только не был! И какого я только сраму не повидал и не натерпелся...

— Это тебе не на печке сидеть. Что лучше: салат или яишенку?

— Давай чего-нибудь на скорую руку... Время-то к свету.

— Успеешь. Лучше мы яишенку, с дороги-то посытней. — Дочь Бабы-Яги развела на шестке огонек под таганком, поставила сковородку.

— Пусть пока разогревается... Ну-ка поцелуй меня — как ты умеешь? — И дочь Бабы-Яги навалилась на Ивана и ста-

ла баловаться и резвиться. — О-о, да ты не умеешь ничего! А лапти снял!

— Кто не умеет? — взвился Иван соколом. — Я не умею? Да я тут сейчас так размахнусь, что ты... Держи руку! Руку держи! Да мою руку-то, мою держи, чтоб не тряслась. Есть? Держи другую, другую держи!.. Держишь?

— Держу? Ну?..

— Отпускай-ай, — заорал Иван.

— Погоди, сковородка перекалилась, наверно, — сказала дочь Бабы-Яги. — Ты смотри, какой ты! А ребеночка делаешь мне?

— Чего же не сделать? — востро раздухарился Иван. — Хоть двух. А сумеешь ты с ним, с ребеночком-то? С имя ведь возни да возни... знаешь сколько!

— Я уже пеленать умею, — похвасталась дочь Бабы-Яги. — Хошь, покажу? Сейчас яишенку поставлю... и покажу.

Иван засмеялся:

— Ну, ну...

— Сейчас увидишь. — Дочь Бабы-Яги поставила на огонь яичницу и подошла к Ивану. — Ложись.

— Зачем я-то?

— Я тебя спеленаю. Ложись.

Иван лег... И дочь Бабы-Яги стала пеленать его в простыни.

— Холесенький мой, — приговаривала она, — маленький мой... Сынуленька мой. Ну-ка улыбнись мамочке. Ну-ка, как мы умеем улыбаться? Ну-ка?..

— У-а-а, у-а-а, — поплакал Иван. — Жратеньки хочу-у, жратеньки хочу-у!..

Дочь Бабы-Яги засмеялась:

— А-а, жратеньки захотели? Жратеньки захотел наш сынуленька... Ну вот... мы и спеленали нашего маленького. Сейчас мы ему жратеньки дадим... все дадим. Ну-ка, улыбнись мамочке.

Иван улыбнулся «мамочке».

— Во-от... — Дочь Бабы-Яги опять пошла в куть.

Когда она ушла, в окно, с улицы, прямо над кроватью, просунулись три головы Горыныча. И замерли, глядя на спеленатого Ивана... И долго молчали. Иван даже зажмурился от жуты.

— Утютюсеньки, — ласково сказал Горыныч. — Маленький... Что же ты папе не улыбаешься? Мамочке улыбаешься, а папе не хочешь. Ну-ка улыбнись... Ну-ка?

— Мне не смешно, — сказал Иван.

— Аа-а, мы, наверно, того?.. Да, маленький?

— По-моему, да, — признался Иван.

— Мамочка! — позвал Горыныч. — Иди, сыночек обкался.

Дочь Бабы-Яги уронила на пол сковородку с яишенкой... Остолбенела. Молчала.

— Ну, что же вы? Чего же не радуетесь? Папочка пришел, а вы грустные. — Горыныч улыбался всеми тремя головами. — Не любите папочку? Не любят, наверно, папочку, не любят... Презирают. Тогда папочка будет вас жратеньки. Хавать вас будет папочка... С косточками! — Горыныч перестал улыбаться. — С усами! С какашками! Страсти разыгрались?! — загремел он хором. — Похоть свою чесать вздумали?! Игры затеяли?! Представления?.. Я проглочу весь этот балаган за один раз!

— Горыныч, — почти безнадежно сказал Иван, — а ведь у меня при себе печать... Я вместо справки целую печать добыл. Эт-то ведь... того... штука! Так что ты не ори тут. Не ори. — Иван — от страха, что ли, — стал вдруг набирать высоту и крепость в голосе. — Чего ты разорался? Делать нечего? Схавают он... Он, видите ли, жратеньки нас будет! Вон она, печать-то, глянь! Вон, в штанах. Глянь, если не веришь! Припечатаю на три лба, будешь тогда...

Тут Горыныч усмехнулся и изрыгнул из одной головы огонь, опалил Ивана. Иван смолк... Только еще сказал тихо:

— Не балуйся с огнем. Шуточки у дурака.

Дочь Бабы-Яги упала перед Горынычем на колени.

— Возлюбленный мой, — заговорила она, — только пойми меня правильно: я же тебе его на завтрак приготовила. Хотела сюрприз сделать. Думаю: прилетит Горыныч, а у меня для него что-то есть вкусное... тепленькое, в простынках.

— Вот твари-то! — изумился Иван. — Сожрут и скажут: так надо, так задумано. Во парочка собралась! Тьфу!.. Жри, прорва! Жри, не тяни время! Проклинаю вас!

И только Горыныч изготовился хамкнуть Ивана, только открыл свои пасти, в избушку вихрем влетел донской Атаман из библиотеки.

— Доигрался, сукин сын?! — закричал он на Ивана. — Допрыгался?! Спеленали!

Горыныч весь встрепенулся, вскинул головы...

— Эт-то что еще такое? — зашипел он.

— Пошли на полянку, — сказал ему Атаман, вынимая свою неразлучную сабелку. — Там будет способней биться. — Он опять посмотрел на Ивана... Укоризненно сморщился. — Прямо подарок в кулечке. Как же ты так?

— Оплошал, Атаман... — Ивану совестно было глядеть на донца. — Маху дал... Выручи, ради Христа.

— Не горюй, — молвил казак. — Не таким оглоедам кровя пускали, а этому-то... Я ему враз их смахну, все три.

Пошли. Как тебя? Горыныч? Пошли цапнемся. Ну и уро-дина!..

— Какой у меня завтрак сегодня! — воскликнул Горыныч. — Из трех блюд. Пошли.

И они пошли биться.

Скоро послышались с полянки тяжелые удары и невнятные возгласы. Битва была жестокая. Земля дрожала.

Иван и дочь Бабы-Яги ждали.

— А чего это он про три блюда сказал? — спросила дочь Бабы-Яги. — Он что, не поверил мне?

Иван молчал. Слушал звуки битвы.

— Не поверил, — решила дочь Бабы-Яги. — Тогда он и меня сожрет: я как десерт пойду.

Иван молчал.

Женщина тоже некоторое время молчала.

— А казак-то!.. — лстыиво воскликнула она. — Храбрый какой. Как думаешь, кто одолеет?

Иван молчал.

— Я за казака, — продолжала женщина. — А ты за кого?

— О-о, — застонал Иван. — Помру. От разрыва сердца.

— Что, плохо? — участливо спросила женщина. — Давай я распеленаю тебя. — И она подошла было, чтобы распеленать Ивана, но остановилась и задумалась. — Нет, подождем пока... Черт их знает, как там у них? Подождем.

— Убей меня! — взмолился Иван. — Проткни ножом... Не вынесу я этой муки.

— Подождем, подождем, — трезво молвила женщина. — Не будем пороть горячку. Тут важно не ошибиться.

В это время на поляне сделалось тихо. Иван и дочь Бабы-Яги замерли в ожидании...

Вошел, пошатываясь, Атаман.

— Здоровый бугай, — сказал он. — Насилу одолел. А где эта... А-а, вот она, краля! Ну, чего будем делать? Вслед за дружкой отправить тебя, гадину?

— Тю, тю, тю, — замахала руками дочь Бабы-Яги. — О, мне эти казаки! Сразу на горло брать. Ты хоть узнай сперва, что тут было-то!

— А то я не знаю вас! — Атаман распеленал Ивана и опять повернулся к женщине: — Что же тут было?

— Да ведь он чуть не изнасиловал меня! Такой охальник, такой охальник!.. Заласкаю, говорит, тебя до умопомрачения... И приплод, мол, оставлю: назло Горынычу. Такой боевитый, такой боевитый — так и обжигает!.. — И дочь Бабы-Яги нескромно захихикала. — Прямо огонек!

Атаман удивленно посмотрел на Ивана.

— Иван...

— Слушай ее больше! — воскликнул Иван горько. — И правда бы, убить тебя, да греха на душу брать неохота — и так уж там... неспорядок всякого. Хотя сейчас бы не крутилась!

— Но какой он ни боевитый, — продолжала женщина, словно не слыша Ивана, — а все же боевитее тебя, казак, я мужчин не встречала.

— А что, тебе так глянутся боевитые? — игриво спросил Атаман. И поправил ус.

— Брось! — сказал Иван. — Пропадем. Не слушай ее, змею.

— Да ну, зачем пропадать... Мы ее в плен возьмем.

— Пойдем, Атаман: у нас времени вовсе нету. Вот-вот петухи грянут.

— Ты иди, — велел Атаман, — а я тебя догоню. Мы тут маленько...

— Нет, — твердо сказал Иван. — С места без тебя не тронусь. Что нам Илья скажет?

— Мх-х, — огорчился казак. — Ну ладно. Ладно... Не будем огорчать Муромца. До другого разочка, краля! Ишь ты, усатая. Ох, схлестнемся мы с тобой когда-нибудь... умы на усы! — Атаман громко засмеялся. — Пошли, Ивашка. Скажи спасибо Илье — он беду-то почуял. А ведь он остерегал тебя, чего не послушал?

— Да вот... ишь, мы какие боевитые... Не послушал.

Иван с Атаманом ушли.

А дочь Бабы-Яги долго сидела на лавочке, думала.

— Ну и кто же я теперь? — спросила она сама себя. И сама же себе ответила: — Вдова не вдова и не мужняя жена. Надо кого-нибудь искать.

В библиотеке Ивана и донца встретили шумно и радостно.

— Слава богу, живы-здоровы.

— Ну, Иван, напужал ты нас! Вот как напужал!..

— Ванюша! — позвала Бедная Лиза. — А, Ванюша!

— Погоди, девка, не егози, — остановил ее Илья, — дай сперва дело узнать: как сходил-то, Ванька? Добыл справку?

— Целую печать добыл — вот она. — И Иван отдал печать.

Печать долго с удивлением разглядывали, крутили так, этак... Передавали друг другу. Последним, к кому она попала, был Илья; он тоже долго вертел в огромных пальцах печать... Потом спросил всех:

— Ну так... А чего с ней делать?

Этого никто не знал.

— И зачем было посылать человека в такую даль? — еще спросил Илья.

И этого тоже теперь никто не знал. Только Бедная Лиза, передовая Бедная Лиза, хотела выскочить с ответом:

— Как это ты говоришь, дядя Илья...

— Как я говорю? — жестко перебил ее Муромец. — Я говорю: зачем надо было посылать человека в такую даль? Вот печать... Что дальше?

Этого и Бедная Лиза не знала.

— Садись, Ванька, на место и сиди, — велел Илья. — А то скоро петухи грянут.

— Нам бы не сидеть, Илья! — вдруг чего-то вскипел Иван. — Не рассиживаться бы нам!..

— А чего же? — удивился Илья. — Ну, спляши тогда. Чего взвился-то? — Илья усмехнулся и внимательно посмотрел на Ивана. — Эка... какой пришел.

— Какой? — все не унимался Иван. — Такой и пришел — кругом виноватый. Посиди тут!..

— Вот и посиди и подумай, — спокойно молвил Илья.

— А пошли на Волгу! — вскинулся и другой путешественник. Атаман. Он сгреб с головы шапку и хлопнул ее об пол. — Чего сидеть?! Сарынь!..

Но не успел он крикнуть свою «сарынь», раздался трубный глас петуха: то ударили третьи.

Все вскочили на свои полки и замерли.

— Шапка-то! — вскрикнул Атаман. — Шапку оставил на полу.

— Тихо! — приказал Илья. — Не трогаться! Потом подберем... Счас нельзя.

В это время скрежетнул ключ в дверном замке... Вошла тетя Маша, уборщица. Вошла и стала убираться.

— Шапка какая-то... — увидела она. И подняла шапку. — Что за шапка?! Чудная какая-то. — Она посмотрела на полки с книгами. — Чья же это?

Персонажи сидели тихо, не двигались... И Атаман сидел тихо, никак не показал, что это его шапка.

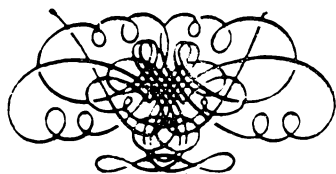
Тетя Маша положила шапку на стол и продолжала убираться.

Тут и сказке нашей конец.

Будет, может быть, другая ночь... Может быть, тут что-то еще произойдет... Но это будет уже другая сказка. А этой — конец.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

ВОЛЯ ЛЕТАТЬ

Боль приходила почти в одно и то же время — между десятью и двенадцатью ночи. Медленно и неотвратно, как гул приближающегося самолета, накатывала из глубины, охватывала голову, и тогда приходилось зарываться лицом в подушку, стискивать зубами краешек материи и отдаваться боли на поругание. Лекарства давно не помогали, и бороться с ней казалось таким же бесполезным делом, как останавливать руками ревущий пропеллер. И Николай не противился боли, смиряясь с неизбежным. Боль появилась впервые почти год назад, скачала слабая, нечастая, боящаяся анальгина, и Николай не слишком-то обращал на нее внимание, объясняя ее усталостью, бессонницей и другими простыми причинами.

В последнюю ночь, проведенную дома, измученный только что ушедшим приступом, он засыпал тяжело. Боль, наполнявшая его, оставила пустоту, чуть ли не физически ощущаемую, словно бы в голове образовалась полость. Ощущение было настолько навязчивым, что он не удержался и потрогал голову, будто убеждаясь, что она цела. Что-то перемешалось внутри, сжималось и разжималось, закручивалось в спираль, безболезненно, но все-таки неприятно, и Николай так и заснул с этим ощущением.

Пискнуло радио на кухне, и он поднес к глазам руку, чтобы сверить время. Часы бессовестно отставали. Он подвел их, нехотя встал, невыспавшийся и раздраженный. Сегодня он должен ехать в больницу, чтобы решить наконец, что же делать ему со своей больной головой, и довериться врачам, как прежде он доверялся боли.

Жил он один, в квартире, заставленной мольбертами, неоконченными холстами, книгами. В комнате стоял запах льняного масла, скипидара, фисташкового лака, и когда Дина навещала его, то первым делом открывала пошире окна, чтобы выветрить привычные запахи и оставить хоть немного места для своих духов.

Пришла она и сейчас, как всегда, неожиданно, шумная, веселая, перепачкала ему щеки губной помадой, распахнула окно, смахнула со стула этюдник, уселась по-хозяйски.

Она всегда приходила без приглашения, и ему даже нравилось это. Познакомился он с ней давно, предложил позировать ему, она согласилась, но никогда не приходила в назна-

ченные часы, а всегда с опозданием, когда на час, когда и на день. Могла она прийти и ночью, как ни в чем не бывало разбудить его и, усевшись на стуле, сказать: ну давай пиши. Сначала он пытался приручить ее, но ни ласка, ни окрики, ни подарки не привели ни к чему, и он смирился с ее вольным характером и даже полюбил его. Единственное, что не умела делать Дина, — это надоедать, а он сам жил безо всякого режима, то ударяясь в работу, то валяясь целыми днями в хандре на диване.

Вот и сейчас его не было дома долгий месяц, он ездил на Саяны, писал этюды, домой вернулся усталый, измученный головной болью, и Дина, словно зная о его приезде, пришла на другое же утро.

— Я по тебе страшно соскучилась, — сказала она. — Давай пойдем куда-нибудь вечером.

— Да я бы пошел, — сказал он, — но у меня направление в больницу на сегодня.

— Разве ты умеешь болеть? Удивительно! Надеюсь, что насморк.

— Что-то вроде этого. Голова болит, мигрень, наверное, болезнь аристократок... Взгляни-ка на этюды, это Ка-Хем.

— Пачкотня, — одобрительно сказала она, повертев картонки в руках. — А почему же из-за головной боли направляют тебя в больницу? Разве это так серьезно?

— Откуда мне знать. Докторам виднее.

— Ты от меня все скрываешь, Коля. Ты ужасно скрытный человек. Учти, я буду ходить в больницу и все узнаю. Послушай, а вдруг у тебя что-нибудь страшное? Ты не боишься?

— Нисколько.

— Ты настолько несамостоятельный, что даже бояться за тебя придется мне. И делать это я буду на совесть...

Его поместили в отделение нейрохирургии, и уже в самом названии таилось нечто угрожающее. Не просто нервное, а еще и хирургическое. В его палате лежали еще двое больных. Один из них уже был оперирован и теперь выздоравливал. Об операции он рассказывал просто: заснул, а потом проснулся. И ничего страшного в этом, мол, нет. Продолбили дырку в черепе, вынули лишнее и зашили. Вот и все дела. Такое отношение к серьезным вещам нравилось Коле. Он и сам был таким.

В первые дни просвечивали рентгеном, прикрепляли датчики к груди, рукам, голове, и самописец, шурша, писал непонятные для него кривые. Лекарств почти не давали, только болеутоляющие, которые давно уже не утоляли никакой боли.

К концу недели его осмотрел профессор.

— Ну как дела? — спросил он. — На операцию настроен?

— Ну что ж, — сказал Коля, — если надо...

— У тебя опухоль, — сказал профессор, помедлив. — Скорее всего доброкачественная. Мы уберем ее, и твоя болезнь кончится. А самое главное, не трусь и надейся на лучшее.

— Да я и не боюсь. Опухоль так опухоль.

— Ну тогда до среды, до операции.

В воскресенье пришла Дина. Он вышел к ней в больничный сад, они посидели на скамейке, разгрызая твердые орехи и аккуратно складывая жесткую кожуру в пакетик. Дина молчала, это было непохоже на нее, и поэтому Коля болтал больше обычного, нервничал, вспоминал бородатые анекдоты и громко смеялся за двоих.

— Ну что ты пригорюнилась, вольная птица? — не выдержал он. — Неужели ты и в самом деле переживаешь за меня? Брось, не стоит. Операция пустяковая, ничего со мной не случится. Только побрекут меня наголо, и буду я ужасно страшный.

— Это так серьезно, — сказала она. — Ты сам не понимаешь, до чего это серьезно.

— А я вот непременно выживу. Куда я денусь?

Она не отвечала, а молчала, хмурилась своим мыслям, и Коля подумал, что она, наверное, знает больше его и по-настоящему беспокоится за него.

— Не расстраивайся, — сказал он, — и не хорони меня раньше времени. Здесь хорошо лечат.

— С сегодняшнего дня я буду жить у тебя. Дай-ка мне ключи.

Это было неожиданным, и Коля не знал, отшутиться ему или просто промолчать.

— А как же твоя независимость?

— Моя независимость в том и состоит, что я выполняю свои желания. Мне хочется жить у тебя, и я буду жить у тебя. Ясно?

— Ну и ладно. Только не нарушай моего беспорядка.

Он лежал на узком операционном столе, под многоглазой лампой. Укололи в вену, кто-то в зеленой марлевой маске склонился над ним, прикоснулся пальцем, пахнущим йодом, к веку.

Он пытался зацепиться руками за стол, чтобы не упасть, но привязанные ладони были повернуты кверху, и он сжимал пальцами воздух. В голове темнело, позванивало и посвистывало, и когда наконец краешек света высветился сбоку, то он увидел далекое небо. Он летел над зеленой равниной, и ветер посвистывал в ушах, внизу позванивали колокольчиками маленькие человечки, бежавшие следом и отстававшие, ибо полет его ускорялся. Он знал, что спит, но от

этого его ощущения не становилось иллюзорнее, и безмерную выдумку своего сна он принимал как реальность. Попробовал снизиться, но еще не знал, как это делать, и только перекувыркнулся в воздухе. Он никогда раньше не прыгал с парашютом, зрелище перевернутой земли неприятно удивило его. Небо оказалось под ногами, бледно-синее, с редкими звездами, и казалось — можно ступить по нему, как по тверди. Он раскидывал и сводил руки, отбрасывал ноги и сгибал колени, пока не научился регулировать положение своего тела в пространстве. Когда он выровнялся и посмотрел вниз, то увидел, что равнина сменилась россыпью крупных камней и редкими скалами. Горизонт был близким, и ни одного облачка не просматривалось вблизи. Он снова попытался снизиться, не потому, что полет утомлял его, напротив, он не затрачивал видимых усилий, а просто ему было интересно узнать, что за земля под ним и что за люди там, внизу.

Оказалось, что регулировать полет не так уж и трудно, надо было только сосредоточиться на том, что ты снижаешься или что полет замедляется и тело тотчас подчиняется приказу. Он быстро пошел вниз, скалы наплывали на него, и метрах в двадцати от поверхности он испугался, что разобьется, взмыл кверху, и, уже постепенно уменьшая высоту, принял вертикальное положение, и, мягко спружинив коленями, опустился среди валунов. Сыпучий песок охлаждал ноги, кружилась голова, и где-то в глубине, под правым виском, громко билась жилка. Он потрогал рукой висок и под длинными волосами ощутил вмятину, словно бы кости там не было, а прямо под кожей пульсировал живой мозг. По краям вмятины отчетливо прощупывался округлый валик шрама.

«Ведь я лежу, — подумал он. — Ну да, я сейчас должен лежать на операционном столе». Но эта мысль не удивила его, сон есть сон, и каким бы он ни был, все равно он кажется естественным. Кто-то шел навстречу, трещал кустарник под тяжелыми ногами, мерное сопенье донсилось все ближе и ближе, и колокольчики зазвенели вдали. Он шагнул за валун и стал ждать. Он не боялся встречи, он знал, что в любую минуту сможет взлететь. Кто-то наплывал на него, темный, жаркий, со всех сторон, и когда он рванулся в воздух, то понял, что уже поздно, ибо и там душное, красное, расплывчатое, как свет фонаря в тумане, уже заполнило пространство и прижимало к земле. И он вцепился пальцами в это душное и ударил наугад ногой, но руки вязли, как в трясине, а ноги держал кто-то цепкий, сильный.

— Да успокойся ты! — услышал он сквозь темноту. — Не шевелись так сильно. Проснись!

И он увидел, что сон кончился и что лежит он в своей палате, и оба соседа держат его за руки и за ноги.

— Отпустите, — сказал он тихо.

— Не тушуйся, Коля, — сказал сосед. — Все в порядке. Это наркоз отходит. Закрой глаза.

И он послушался и заснул, на этот раз без сновидений.

Он быстро встал на ноги, рана заживала, и отрастали волосы на бритой голове, и только головные боли не проходили. Он спрашивал об этом врачей, но они успокаивали его, говорили, что так всегда бывает в первые недели, а сама операция прошла удачно, опухоль удалили и самое главное теперь — набраться терпения. Николай и сам думал, что все будет нормально и о плохом старался не думать, но боли не проходили. Порой темнело в глазах, и он едва удерживался, чтобы не упасть. Приходила Дина, заботливая, преувеличенно веселая, кормила его апельсинами и придумывала, как они хорошо скоро заживут.

Ему хотелось рисовать. Он соскучился по своей комнате и по запаху красок, и по шуршанью карандаша на бумаге. Как выздоравливающему ему дали нагрузку — рисовать больничную газету и санитарные бюллетени, и он делал эту работу на совесть, а для себя набрасывал эскизы по памяти. Он хотел нарисовать свой сон.

Потом с него сняли повязку и выписали. Профессор разговаривал с ним, объяснял, как важно сейчас изменить привычный образ жизни, какие лекарства нужно принимать и, самое главное, не паниковать.

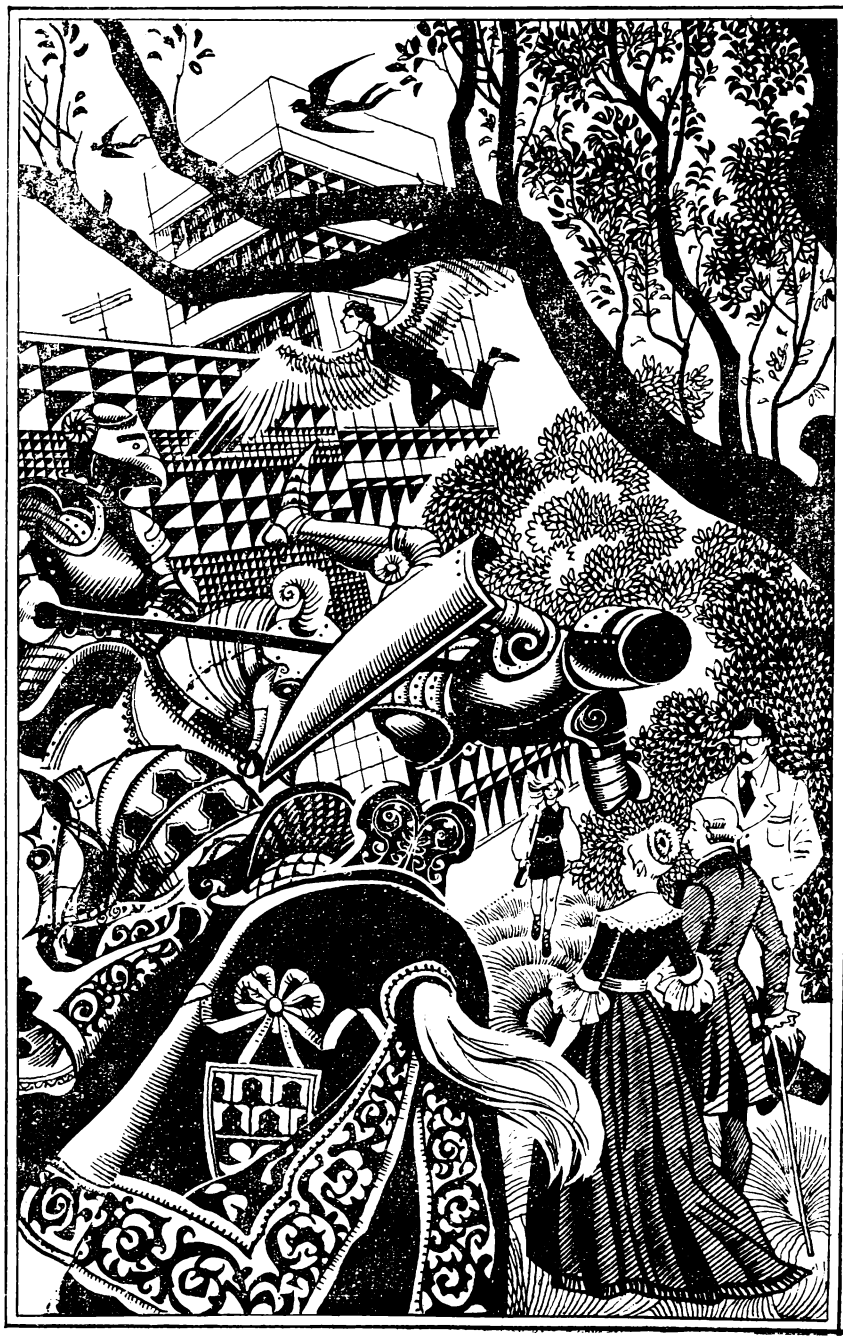
А он и так не паниковал, и все же оставался неприятный осадок, будто все его обманывают и разговаривают с ним как с маленьким или, что хуже всего, как с безнадежным больным.

Дина отвезла его домой на такси, и он не узнал свою комнату. Женская рука коснулась ее, этюды развешаны по стенам, мольберты сдвинуты к окну, а пол так чисто вымыт, что по нему было боязно ступить.

— Где же мой беспорядок? — сокрушался он.

Дина так и осталась у него, и ему, привыкшему к одиночеству, было уже тягостно ее присутствие, но одновременно и приятно, что она проявляет участие и заботу.

А ему по ночам снилось, что он бежал от кого-то невидимого, а тело его, словно слепленное из сырой глины, все время разваливалось, распадалось. Приходилось останавливаться, прикреплять руки, ноги, голову на прежние места, но они снова отваливались. И сам этот процесс непрерывной лепки самого себя был тягостен и навязчив до того, что и днем он не мог отвязаться от этого ощущения, и было только одно средство ослабить его — рисовать. И он рисовал бесчисленные автопортреты, непривлекательные, страшные порой, словно бы видел себя в неисчислимых кривых зеркалах.

... Дина с беспокойством следила за его работой, советовала прекратить ее и больше отдыхать, лежать или гулять. Ей было непонятно то, что преследовало его, и, должно быть, в глубине души она считала его больным. А он и не старался объяснить ей что-нибудь, он просто работал до тех пор, пока не проходила боль.

Изредка он выходил во двор, прогуливался по скверику и немного отвлекался, но одно раздражало его — сочувственные взгляды соседей и шепоток за спиной. И однажды он услышал, как кто-то сказал ему вслед: «Бедняга! Совсем дошел. Долго не протянет».

Он и сам подозревал неладное. Еще в больнице он видел, как быстро поправляются оперированные, а ему с каждым днем становилось все хуже и хуже. Вечером он спросил Дину напрямик:

— Я знаю, что со мной неладно, и ты знаешь об этом еще лучше меня. Ведь я прекрасно вижу, как ты заботишься обо мне, хочешь скрасить мне последние дни. И знаешь что, не надо мучить себя, ты свободна. Если это просто жалость, то, право же, не стоит, я не нуждаюсь в этом.

— Это все? — холодно спросила Дина. — Или еще что-нибудь скажешь?

— И скажу. Я знаю, что скоро умру, и не думай, что я боюсь смерти. В конце концов, у меня есть все это.

Он обвел рукой комнату.

— А я тоже часть этой комнаты, — вызывающе сказала Дина. — На той стене, кстати, мой портрет. И никуда я отсюда не уйду. Мне здесь нравится. Что, съел?

— Злюка, — сказал Николай. — Я вот пожалуюсь на тебя.

— Попробуй только.

Они еще долго перебрасывались ничего не значащими фразами, как это часто бывает.

— Ну ладно, — решил под конец Николай. — Скажи мне одно: сколько мне осталось жить? Только не придумывай.

— Не знаю, — сказала Дина. — И никто не знает.

— Ну хоть на что я могу рассчитывать? На год? На месяц?

— От недели до года, — четко выговорила Дина. — Ясно? И если ты будешь раскисать, если я услышу от тебя еще подобные слова, то надаю тебе таких пощечин... таких...

И она не выдержала, расплакалась.

Ночью он лежал на спине с открытыми глазами, думал о своей не слишком-то удавшейся жизни и еще о том, что его любимому сну так и не суждено сбыться. Никогда он не полетит над зеленой равниной родной стороны по двум очень

простым причинам. Во-первых, потому, что такого не может быть, чтобы человек летал без руля и без ветрил, и во-вторых, потому, что он не бессмертен.

И почему так получилось, что он сам вырастил собственную смерть, выкормил ее своей кровью, сохранил от холода и жары? Несправедливость этого казалась непостижимой.

Приснился какой-то пуганый сон. Отец учил его плавать, и он барахтался в воде, пускал пузыри, но отец снова и снова бросал его в воду и смеялся. А потом оказалось, что это не вода, а бросает его отец с крыши высокого дома и он учится летать. Он кричал, кувыркаясь в воздухе, и люди шли мимо и вверх не глядели.

Он проснулся весь в поту. Сердце учащенно билось. И он услышал, что Дина тоже не спала, она тихо плакала, отвернувшись к стенке. И ему подумалось, что ее горе должно быть сильнее его страха. Он погладил ее по вздрагивающей спине и сказал: «Не бойся. Все будет хорошо, если я так тебе нужен». Но она только заплакала еще громче и прижалась к нему, и утро настало для них безрадостное.

Дина ушла на работу, а он так и остался в постели, ослабился, размяк. Не хотелось вставать, умываться, не хотелось есть и спать тоже не хотелось. Он рассеянно осматривал стены с развешенными картинами и этюдами, мольберты, тюбики красок, кисти в стаканах, и ему казалось, что все это напрасно и бессмысленно, что не так уж и велика его власть над превращением красок в новую реальность. И тут его разобрала злость. Почему он, мужчина, должен смиряться перед болью, почему он отдается ей на растерзание? Почему, наконец, он должен склоняться с покорностью фаталиста?

Он подумал о Дине и впервые почувствовал, как дорога ему эта женщина и как все-таки подло, не по-мужски, ведет он себя, а не борется, не ищет выхода. Но как справиться с болью? Как изменить свою судьбу? Злость придала его размышлениям ясность и безжалостность. Только в самом себе можно отыскать точку опоры. Ни в бессильных лекарствах, ни в слабом ноже хирурга нет спасения. Только усилие воли может помочь. Вот если бы...

Когда человек занозит руку, то он вытаскивает занозу другой рукой. Это волевое, направленное усилие. В то же время миллионы лейкоцитов со всего тела, не подчиняясь усилиям и воле человека, собираются в том месте, где проникла заноза, и противостоят чужеродному телу. И если бы человек, таким же волевым усилием, как движением руки, сумеет целеустремленно, сам собой управляя, создать нужные антитела, то, может быть, тогда человек станет полным хозяином самого себя.

...И он снова принялся за работу. Писалось тяжело, мелко дрожала рука, и эта дрожь выводила из себя. Он бросил с размаху кисть. Охряный мазок высветил стену. Вытянул руку перед глазами и долго гневно смотрел на нее, непослушную, словно бы одним взглядом можно было заставить ее не дрожать. Сжал и разжал пальцы. Они подчинялись его воле, но дрожь не зависела от его желаний, и тогда, успокаиваясь и сосредоточиваясь, он стал искать в себе те веревочки, дернущ за которые можно было бы управлять неуправляемым до сих пор. Первая победа далась нелегко. Он вспотел и, обессиленный, лег на диван передохнуть. Часто билось сердце, его удары отдавались в голове, и первые признаки наступающей боли запульсировали в висках. И Николай решил не ждать, когда боль пощадит его. Он стал нащупывать в себе ту таинственную пружину и, напрягаясь, мучаясь, разыскал ее, и сдвинул с места. Сначала неуверенно, потом осмысленно учился он этому странному искусству, как учится ходить ребенок, как балерины учатся владеть своим телом. И боль отступила, ушла. Разгоряченный непривычной работой, Николай уже быстрее нащупал «рычажок» управления сердцем, умерил его частоту. Измученный вконец, приказал себе заснуть и не заметил сам, как реальность перешла в сон.

Ни в этот день, ни позднее он так и не мог понять, что же тогда изменилось в нем, что же заставило природу уступить его воле.

Он скрывал происходящее от Дины, хотел сам найти разгадку, и однажды, после очередной изматывающей тренировки, во время которой учился управлять щитовидной железой, он заснул и увидел сон. Но во сне он не нашел отдыха. Даже места не переменил. Он по-прежнему находился в своей комнате и занимался тем, что рассматривал свое лицо в зеркале. Одновременно он как бы находился внутри себя и видел причины своей боли. И он избавился от них, выбросив вон. Он прошелся по комнате. Было легко и свободно. «Я здоров, — сказал он во сне сам себе, — я совершенно здоров». Он вышел на балкон, взобрался на перила, посмотрел вниз, балансируя руками. С высоты девятого этажа люди казались лилипутами с тонкими голосами. Не волнуясь и не испытывая страха, он наклонился и лег на воздух и медленно поплыл по ветру, раскинув руки. Он знал, что где-то его ждет бесконечная красная равнина, но почему-то, чтобы попасть туда, надо было лететь вверх. Он не мог объяснить этого, он просто знал, и эта убежденность сна не удивляла его.

Оказывается, он проспал весь день, и Дина разбудила его. — Ты опять ничего не ел? — спросила она тихо.

Веки у нее были красными, и даже косметика не могла скрыть этого.

— Не переживай так сильно, — сказал он. — Мне кажется, что я уже не умру.

— Сходи к врачу, — сказала она как-то. — С тобой что-то творится...

— Неладное? — закончил он. — Непохожее на описание в умных книгах?

— Вдруг ошибка в диагнозе? — быстро заговорила Диана. — Бывают же ошибки. Сходи, пожалуйста, я тебя очень прошу.

— Хорошо, — согласился он.

Он много раздумывал и пришел к выводу, что эволюция неминуемого должна привести к созданию нового человека, пойти по пути овладения человеком своим собственным телом.

Но что же будет тогда, когда новый человек усилием воли начнет изменять себя?

Он разыскал своего лечащего врача.

— Проверьте меня, — сказал он. — Что-то я никак не пойму, что со мной. Даже неудобно.

Врач осмотрел его, расспросил о жалобах и попросил подождать минутку. Пришел он с профессором. Тот стучал молоточком, ощупывая голову. Потом его повели в рентгенокабинет. Делали снимки.

Потом профессор попросил его раздеться и лечь на диван. Ощупывал всего, хмурился, а Николай улыбнулся и сказал:

— Можете не скрывать от меня. Я знаю кое-что сам.

— Поздравляю вас, — сказал профессор. — Откуда же вы знаете об этом? Вас кто-то уже обследовал?

— Я сам себя обследовал. И как раз пришел с вами поговорить обо всем. Мне кажется, что я умею управлять собой полностью и скоро научусь летать. У меня появился... новый орган — орган антигравитации. Вот он вырастет, и я смогу летать. Как вы думаете, это здорово?

— Да, конечно, — сказал профессор, внимательно глядя на Николая. — Это очень интересно. И давно вы убедились в своих... э-э, новых возможностях?

— Недели две назад. И я думаю теперь, что с помощью нового органа я научился тому, что имею. Неужели вы не понимаете, что я первый человек, преодолевший скачок в эволюции! Природа ищет, она создает новые органы, но случаются и неудачи. Вы понимаете?

— Молодчина, — сказал профессор. — А ну-ка...

Профессор взял его за руку и, глядя на часы, сказал:

— Восемьдесят.

Николай сделал усилие, и сердце стало биться реже, потом еще реже.

— А теперь? Посчитайте.

— Сорок шесть, — медленно произнес профессор.

— Ну вот видите. А хотите, я сейчас...

— Вы занимались гимнастикой йогов? — перебил профессор.

— Йоги совершенствуют только свой организм, и их умение умирает вместе с ними. А я убежден, что источник боли находился во мне еще до моего рождения. И вы понимаете, что это значит? А то, что я передам свои свойства по наследству!

Профессор расхохотался.

— Ну, ну! Хорош мечтатель. И все-таки вы молодчина! Так поверить в свои силы, — добавил уже серьезно. — Летайте на здоровье, — похлопал он на прощание Николая по плечу. Подошел к окну. Открыл его, и в комнату ворвались аромат весеннего сада и голоса птиц. — Летайте на здоровье. Жизнь так прекрасна!

И Николаю показалось, что он вспрыгнул на подоконник и, не дав никому времени опомниться, оттолкнулся от карниза. Уроки, полученные во сне, не прошли даром. Он, спланировав, опустил на газон...

Он не помнил, как выбежал на улицу и вскочил в отъезжающий автобус.

— Ну что сказали врачи? — сразу же спросила Дина.

— Что я совершенно здоров. Они замечательные люди, извинились за ошибку в диагнозе и хотели сфотографировать меня для научного журнала. Но я поскромничал и убежал... Нет, в самом деле, Динка, я абсолютно здоров.

Дина опустилась на стул, и по ее растерянному лицу можно было понять, что она и сама не знает, плакать ей или смеяться. Но потом все-таки сделала выбор и заплакала. Яблочки посыпались из сумки.

— Я не хотела говорить тебе, потому что я в тебя очень верила, — сказала она немного погодя. — Прости меня. И жалость здесь ни при чем. Я люблю тебя, Коля.

— Странно, что мы никогда не говорили об этом.

Он погладил ее по волосам. Они падали на глаза, и он не видел их, а это было очень важно. Видеть ее глаза.

— Я хотела, чтобы после тебя остались не только эти картины. Сейчас, наверное, можно сказать.

— А я догадываюсь. Можешь и не говорить. Я буду учить его летать. Хотя, кто знает, может быть, он будет делать это с рождения. То-то будет тебе хлопот...

И он рассмеялся, и поднял ее на руки, и опять словно почувствовал за спиной крылья, и увидел зеленую равнину родной стороны.

АУКЦИОН

— Прости меня, Чу, — сказал Пап обезьянке, сидевшей у него на плече и беззаботно грызшей орех. — Я вынужден это сделать.

Обезьянка насторожилась, пригнула головку, словно хотела что-то прошептать ему на ухо.

Светило висело низко, над самой крышей гостиницы, и лениво, нехотя согревало планету.

Зеркальные двери бесшумно распахнулись.

За высокой стойкой вяло перебирал четки смуглый гиянин. Увидев приближавшегося Папа, он отложил четки и изобразил на лице улыбку.

— Я вас приветствую на планете Гий. Только что прибыли?

— Да, — сказал Пап и почему-то прибавил: — Пассажирским.

— Вы, разумеется, впервые на Гии... Надолго?

— Не знаю. Как получится...

— Понятно. — Улыбка словно навечно отпечаталась на лице гиянина. — Решили попытать счастья. Сложное это понятие — счастье... сложное. Наверное, и вы слышаны о нашей планете?

Пап промолчал. Обезьянка грызла орех.

— Видимо, вам нужен номер поменьше? — осведомился гиянин, мельком взглянув на потрепанные, запылившиеся ботинки Папа.

— Да.

— Величины теряют свое значение перед бесконечностью Космоса. И время тоже... Пусть это вас не смущает.

Гиянин был настроен философски. У Папа от голода сосало под ложечкой.

Обезьянка выплюнула ореховую скорлупу в лицо гиянину. Тот лишь на миг недовольно сморщился и вновь улыбнулся как ни в чем не бывало.

— Извините, — сказал Пап.

— Да что вы, ничего. А что это за животное?

— Это обезьяна с Земли.

— Забавная какая...

«Прости меня, Чу...»

— Я бы хотел продать ее. Где это можно сделать?

Гиянин потянулся через стойку и осторожно коснулся обезьянки.

— Забавная, — повторил он. — А что она умеет?

Пап снял обезьянку с плеча и, поставив ее на стойку, приказал:

— Чу, покажи, что ты умеешь.

Чу послушно повиновалась. Она сделала стойку на передних лапках, а задние при этом смешно раскачивались в воздухе.

— А теперь покажи, как ходят кокетливые дамы.

Чу, переваливаясь, гордо прошла от одного конца стойки к другому.

— Изобрази Папа. Пап — это я.

Обезьянка прошла по стойке, удивительно точно подражая походке хозяина.

— Чу, умри!

Чу легла и неподвижно застыла.

— Можешь показать, что делал гиянин, когда мы зашли?

Обезьянка с готовностью взяла брошенные гиянином четки и с важным видом стала их перебирать.

— Прекрасно, прекрасно! — захохотал гиянин.

— Кстати, эти четки тоже с Земли, — заметил Пап.

— Что вы говорите! — Гиянин не глядел на четки. Он гладил обезьянку. — Молодчина! Смешное, очень смешное животное.

— Смогу я ее продать?

— Конечно, — с готовностью ответил гиянин. — Только через аукцион. Другой формы торговли у нас нет. Двадцать пять процентов выручки ваши.

— Двадцать пять?..

— Да. Это не так уж мало. Если вы согласны, оставьте зверька у меня.

— Хорошо.

Обезьянка грызла четки. Пап полез в карман, достал три ореха и положил их на стойку. Чу схватила его палец и стала сосать, причмокивая.

Пап улыбнулся.

— Мы с ней старые друзья, — сказал он.

Гиянин понимающе кивнул и протянул Папу ключ от номера.

Пап в нерешительности стоял у стойки.

— Нельзя ли мне что-нибудь поесть... за счет моей будущей выручки?

Гиянин снова кивнул.

— Разумеется. Вам принесут в номер. Можете поспать. Я вас разбужу перед аукционом.

Обезьянка запицала и прыгнула Папу на плечо.

— Нет, Чу, — сказал Пап, снимая ее с плеча, — ты останешься тут.

Он поставил ее на стойку, но она вцепилась ему в палец и не отпускала.

— Чу, умри! — приказал Пап.

Обезьянка отпустила палец и послушно легла.

— Есть у вас какая-нибудь коробка? — спросил Пап у гиянина.

Тот достал из-за стойки круглую жестяную коробку с изображением гостиницы. Открыл крышку. Пап поднял неподвижную Чу, положил ее в коробку и туда же — три ореха. Повернулся и пошел к лифту.

— Здесь вы можете спокойно наблюдать за торгом. У нас все честно.

С этими словами гиянин ввел Папа в небольшую кабину, где были кресло, пульт и светящийся экран.

— Покупатели находятся в таких же кабинах, — разъяснил гиянин и скрылся.

Пап уселся в кресло.

Вскоре на экране появилась знакомая жестяная коробка, на крышке которой, к удивлению Папа, красовалось невесть откуда взявшееся изображение обезьянки.

— Уважаемые сопланетяне! — услышал Пап голос гиянина. — Продается удивительно редкое животное с Земли, и, очевидно, вам известно, как богат животный мир в Разумной стороне Вселенной. Обезьяна, которая выйдет сейчас из этой коробки, представляет умнейшую породу земных животных. Она является истинным другом существа мыслящего, и, видимо, я не ошибусь, если скажу, что животное это вам никогда, я подчеркиваю, никогда не наскучит. Необычные и разнообразные удовольствия я вам гарантирую. Чрезвычайно приятны метаморфозы этого животного...

«Не слишком ли?..» — подумал Пап.

— Впрочем, — продолжал гиянин, — вы сами можете в этом убедиться. Он откинул крышку коробки, и на экране появилась Чу.

Она держала в лапах последний недогрызенный орех.

— Итак, — сказал гиянин, — сейчас вы станете свидетелями удивительных превращений.

Внезапно обезьяна растворилась в воздухе, и на ее месте появилась женщина с Земли в длинном черном платье с блестками.

Пап замер. Он ожидал знакомые трюки Чу. Но то, что он увидел, было невероятно, невероятнее, чем во сне. Мельком он слышал, что на планете Гий ничему нельзя удивляться, но все же не мог поверить своим глазам.

Женщина улыбнулась, провела рукой по волосам. Лицо ее было знакомо... и жест тоже. Но где, когда он ее видел, Пап не мог припомнить.

Женщина исчезла, и на стойке вновь появилась Чу.

Затем обезьянка превратилась в пишущую машинку с заложенным в нее наполовину отпечатанным листом бумаги.

Потом стала тутовником, рассыпавшим мягкие ягоды.

Аистом, энергично размахивающим крыльями.

И старой кроватью с отбитой ножкой.

Истрепанной книгой с мушкетерской шпагой на обложке.

Змеей, напряженно застывшей.

И стариком, неслышно бормочущим.

— Заметьте, — сказал гиянин, — обезьянка превращается только в то, что есть на Земле и что она видела сама. Превращения сами по себе не могут удивить нас, гиян. Но ведь интересно увидеть превращения, результаты которых заранее неизвестны. Какая во всем этом экзотика! И какую познавательную ценность имеют эти превращения! Я достаточно много знаю о Земле, но метаморфозы обезьяны ощутимо дополнили мои знания. Давайте проведем простейший эксперимент.

Из-за кулис появился мальчик-гиянин. Он прошел к стойке и сразу же потянулся к обезьянке.

— Не трогай, мальчик, — сказал гиянин и громко спросил: — Скажи, чего бы ты сейчас хотел?

Мальчик подумал и ответил:

— Гурилик.

— Гуриликов нет на Земле. Опиши то, что ты хочешь.

— Ну... — Мальчик потер лоб и зажмурился. — Такое вкусное... холодное...

Он хотел еще что-то прибавить, но Чу уже превратилась в ящик, доверху наполненный брикетами мороженого.

— Один брикет оставим, чтобы он вновь превратился в обезьянку. Иначе что мы будем продавать, — пошутил гиянин. — А остальные, мальчик, можешь взять себе. Это наверняка вкусно. Смотри не объедайся!

Ящик унесли. Мальчик ушел. А гиянин выдержал паузу, пока оставшийся брикет вновь превратился в Чу.

— На Земле обезьянка прожила интересную жизнь, многое успела увидеть. Но была лишена этой чудесной способности, которую обрела на Гии. Подумайте — каждый из вас может стать ее хозяином. Итак, прошу назвать цену!

На пульте зажглось: «20».

— Двадцать. Всего лишь двадцать, — разочарованно объявил гиянин.

«40» — зажглось на пульте.

— Сорок, — вяло проговорил гиянин.

«50».

Голос гиянина стал тверже.

«65».

Гиянин насторожился.

«70».

В его голосе появились нотки радости

«100».

Пап не мог думать. Мозг перестал ему подчиняться. Пальцы сжимали подлокотники кресла. Он тупо смотрел на экран.

Чу догрызла последний орех и взялась за четки.

— Ну что же, эту цифру я воспринимаю серьезно, — сказал Пап. — Сто сорок!

«Как же так!.. — Мысль эта вырвалась откуда-то из глубины сознания, и вначале Пап растерялся, а затем пришел в бешенство. — Как же так! Сейчас она достанется кому-нибудь из них!»

Пальцы сами собой разжались. Теперь ими двигала определенная цель. Они набрали на пульте «150».

Сразу же загорелось «170».

Чу набросила четки себе на шею и визжала от восторга.

Пап набрал «180».

Появилось «200».

Он набрал «210».

— Я вижу, вы начинаете понимать истинную цену этого милейшего земного существа...

«235».

Дрожащие пальцы Папа предложили «240».

«Как же так!..»

Мысль продолжала упрямо пульсировать в голове, не давая Папу ни на мгновение отвлечься.

Теперь цифры менялись так быстро, что гиянин не успевал объяснять их. Реплики он вообще перестал вставлять.

Обезьянка превращалась в мраморную статую восседающего на коне воина, в зеркало, в саркофаг и в железную дорожку.

«290».

Бешеная гонка цифр прекратилась. Пульс отдыхал. Невидимый нерв, связывающий все кабины, ослаб...

«300».

...затем вновь натянулся, чтобы тут же оборваться. Пап знал одно: он должен оборваться здесь, в его кабине, и потому набрал «400».

С ними все еще состязались. Кто-то упрямо желал приобрести земное чудо, не понимая, что оно должно принадлежать не ему, а Папу.

Чу превратилась в часы и в надгробный камень.

Пап оборвал нерв. Он набрал...

— Тысяча?! — Гиянин скорее спрашивал, чем объявлял. И повторил.

Повторил еще раз.

Руки Папа бессильно свисали с кресла.

И нерв тоже.

— Животное продано! Я попрошу своего ассистента отнести его владельцу.

Светило по-прежнему лениво висело над головой, но стало жарче.

Пап, шатаясь, вышел из кабины. Чу прыгнула ему на плечо. Он взял ее, крепко прижал к груди и побежал.

«Стойте! Вы не заплатили!» — кричали вдогонку.

Всепоглощающая усталость внезапно исчезла. Пап бежал как в бреду, не чувствуя своего тела, протискиваясь в узкие щели незнакомых улиц. Дома то собирались в кучу, то рассыпались перед ним веером.

Остановился на тихом пустыре. Впереди возвышался мрачный, темный холм.

Опустил Чу на землю и попросил, чтобы она превратилась в женщину в черном платье с блестками. Но Чу, не обращая на него ни малейшего внимания, собирала валявшиеся вокруг цветные камушки и по привычке пробовала их на зуб. Пап опустился на корточки.

— Чу, — просил он, — пожалуйста...

— Вы зря стараетесь. У вас ничего не получится.

Он обернулся. Сзади стояли гиянин и два надзирателя.

— Вы купили свою же обезьяну, — продолжал гиянин, — и вам придется расплатиться. Только не говорите о том, какими соображениями вы руководствовались. Это нас не интересует. И учтите, товар возврату не подлежит. Двадцать пять процентов выручки ваши. Следовательно, вы нам должны семьсот пятьдесят...

Пап вскочил и схватил гиянина за горло. Теперь он желал только одного: задушить его. Две пары цепких клешней впились ему в плечо, парализовав его.

— Лжец! — крикнул Пап, отпустив гиянина.

Гиянин поправил помятый воротник и с присущим ему спокойствием произнес:

— Да будет вам известно, мы никогда никого не обманываем.

И театральным жестом показал на Чу.

Обезьянка вновь превратилась в ту женщину. Но тщетно силился Пап узнать ее. Она улыбнулась, шагнула к нему и снова стала обезьянкой.

— Еще! — попросил Пап.

— Хватит, — сказал гиянин.

— Еще! — крикнул Пап. Он обращался не к гиянину, а к Чу, но та оставалась всего лишь простой обезьянкой и, по своему поняв крик хозяина, прикинулась мертвой. Пап пнул ее ногой. Она жалобно запищала и, отбежав в сторону, сделала свою нелепую стойку. Пап швырнул в нее камнем, какой-то банкой, железкой.

Чу обиделась и убежала.

В сопровождении гиянина и двух надзирателей Пап поднимался на холм, и, когда они достигли вершины, гиянин сказал:

— Ровно семьсот пятьдесят дней вы должны выполнять такую же работу.

И показал на людей с кирками, копающих мертвую землю у подножия холма. Один из них поднялся к ним и протянул Папу кирку.

— Здесь неплохо кормят, дружище, — сказал он.

Это был землянин.

— И вы тоже... — начал Пап и осекся. Он еще раз посмотрел на работающих. Незачем было спрашивать. Пап все понял и взял тяжелую кирку.

— Пошли, — бросил землянин и, хлопнув его по плечу, стал спускаться.

Намертво прикованное к низкому небосводу светило ярко вспыхнуло, и стало невыносимо жарко.

— Прощайте, — сказал гиянин.

Надзиратели остались.

— Стойте!

Гиянин остановился, обернулся.

— Что еще?

— Сколько длится день на Гии? — спросил Пап.

Гиянин промолчал. Загадочная улыбка тронула его лицо. Он махнул клешней и исчез.

Обезьянка с забытыми на шее четками простила Папа и прыгнула ему на плечо.

ЗЕРКАЛО

Когда Андрею Северину сказали, что набрана новая группа для работы на Горгоне и что подготовка этой группы проводится по особой программе, он только усмехнулся и махнул рукой. Так или иначе на пятый, от силы на восьмой день работы кто-нибудь наверняка будет кататься в истерике по полу, остальные будут близки к этому. Потом прилетит беспилотный космолет и увезет всех на Землю. Здесь в самом деле от нервной перегрузки можно окаменеть.

По сути дела, на Горгоне только и занимались исследованием непонятных эффектов и искали причины их воздействия на человека. Точнее, искали то нечто, что вызывает кошмары и каким образом оно это делает. Про сами кошмары уже известно практически все. Это были галлюцинации, сновидения наяву. Поначалу думали, что все эти чудеса реальны, но их не «засекали» никакие приборы, значит, они обман, иллюзия. Но какой обман! Обман всех чувств, вплоть до осязания. Рука, протянутая к «призраку», не проходила сквозь него, но наталкивалась на предмет, и вдобавок нужно было приложить усилие, чтобы сдвинуть его с места. Трагических исходов, правда, никогда не было, и, видимо, их и не могло быть.

Однако это ненамного облегчало жизнь людей на Горгоне. Попробуйте не облиться холодным потом, когда какое-нибудь фантастическое чудовище материализуется из воздуха, словно только затем и появлялось, чтобы напугать до смерти. Более девяти дней не выдерживал никто. Никто, кроме Андрея Северина. Это тоже была одна из тайн Горгоны — «феномен Северина», загадка для всех, в том числе для него самого. Никто не мог понять, как мог он проработать на Горгоне уже больше года.

Подготовка новой группы несколько затянулась. Отпуск Андрея продлился почти на неделю. Это его не удивило. Но когда его отправили на Горгону одного и сказали, что остальные прилетят следом, на другой день, тут уж он был и вправду заинтригован. И потому при встрече с группой изучал лица ребят гораздо более внимательно, чем раньше. Однако никаких особенных впечатлений у него не осталось. Лица как лица, немного напряженнее и суровее, чем у других. Он заметил: они старались как-то избегать его, отводили

взгляды при встрече. Словно им было неудобно жить рядом с ним, словно они в чем-то виноваты перед ним и теперь стеснялись извиниться, словно знали и боялись сообщить ему какую-то неприятную новость, касающуюся только его...

...На следующий день утром командир группы Саша Бортников принял «боевое крещение». Андрей был с ним в операторской, когда появился искрящийся шар с огромным выпуклым глазом. Шар подлетел сначала к Андрею и долго, не мигая, глядел на него. Он отодвинул шар в сторону, и тот поплыл к Александру. Шар свалился командиру прямо на руки, и он — вот это да! — даже не вздрогнул, а только брезгливо шлепнул шар ладонью, так что он отлетел под стол и исчез.

Андрей был поражен: новичок даже не вспомнил о таблетках антигала.

...Вечером они сидели в «гостиной». Вдруг локоть одного из ребят, Виктора, соскочил со стола, и на пол брызнул кофе. Виктор побледнел, испуганно взглянул на Андрея.

— Андрей Владимирович, извините. Случайно.

Андрей вздрогнул. Что за абсурд?..

Но все смотрели на него, вся группа. Совершенно серьезные лица. Они словно опасливо ожидали, что он скажет. Андрей засмеялся.

— Да вы просто с ума посходили!

Прошло несколько дней. Ребята работали неплохо. Андрей радовался, но странное беспокойство не покидало его.

Однажды он долго не мог заснуть, выпил антигал... Все думал о причинах завидной храбрости ребят из нового отряда, о разных мелочах, которые нет-нет да и проскальзывали в их поведении. Наконец он понял, что где-то в глубине души начинает бояться этих парней. Может быть, он действительно изменился здесь, на Горгоне, приспособился к ней... но перестал понимать людей?

...День третий. Щупальце осьминога висело в воздухе у выхода из операторской и свивалось в кольца.

— Недурно, — сказал Андрей.

Щупальце словно сообразило, что с Андреем ему не справиться, и поплыло к Александру. Тот, не отрываясь от дела, дважды отодвинул его в сторону, но это не помогло. Тогда Саша ловко поймал его и, не выпуская, продолжал работать.

— Здорово ты его, — проговорил Андрей медленно, с расстановкой, еще сомневаясь, стоит ли начинать разговор.

— А что? — Саша продолжал писать в журнале.

— Да ничего. Так. Не противно?

Саша пожал плечами.

— А тебе? Ты ведь с этой ерундой целый год возишься.

И Андрей где-то в глубине души почувствовал, как это в самом деле неприятно.

Он хотел заняться своим делом, как вдруг кровь ударила в голову, и он в испуге отшатнулся.

То была крыса, обычная крыса, проشمгнувшая по пульту и задевшая руку Андрея.

Через десять минут Андрей был в радиорубке. Он дождался момента, когда его никто не мог услышать, и включил передатчик.

— Голованов слушает, — раздался из динамика привычный голос.

— Игорек, — Андрей придвинулся ближе, чтобы говорить потише, — присылай корабль, и чем скорее, тем лучше.

— Что-то случилось с группой? — тревожно спросил Игорь.

— Нет. Ребята молодцы, им все нипочем. Зато я готов. Дня больше не выдержу. Все. Кончено.

— Да брось ты! — Игорь, кажется, вздохнул. — Вот уж никогда не поверю.

— Я серьезно говорю, Игорек. Если не пришлете корабль, мне уже никто и ничто не поможет. Ясно?

— Ясно, — послышалось из динамика. — Будет корабль.

Одной ночи хватило Андрею, чтобы наверстать все за год. Он проглотил полпачки антигала и к утру измотался совершенно. Ему помогли добраться до трапа. Славные ребята. Они были удивлены. Глядя на них, Андрей начал смутно понимать источник своего бесстрашия. Год назад что-то сработало в его сознании, и он перестал бояться кошмаров Горгоны... пока страшно было другим. Чем больше беспокоились другие, тем безразличнее относился он ко всем этим призракам. Может быть, потому что знал: кому-то ведь нужно держаться.

Секрет Горгоны наконец открылся. Оказалось, что причина галлюцинаций не таинственное излучение — два года искали не там, где надо, а летучие масла, выделяемые невосковыми спорами мхов, которых здесь было полным-полно. Несколько молекул достаточно, чтобы оказать заметное воздействие.

...Андрей вырвался в Центр раньше срока, к прилету на Землю ребят с Горгоны, чтобы узнать подробности. Однако сначала ему пришлось рассказать Симагину, руководителю исследований на Горгоне, о своих злоключениях, его срыв

произвел в Центре впечатление не меньшее, чем разгадка тайны Горгоны.

За два месяца, однако, Андрей успел хорошо отдохнуть и сейчас выглядел так, как будто снова готов был отбыть на планету.

— Похоже, мы и вправду кое-что не учли. Не думали, что поведение ребят выбьет тебя из колеи, — признался Симагин. — А готовились они действительно необычно: полгода сурового аутотренинга, практически самогипноза. Перед отправкой на Горгону они просто внушили себе, что все эти «призраки» — необходимая принадлежность жизни, быта. Вот и все.

— Самогипноз? Выходит, они ничего и не помнят? — спросил Андрей.

— Воспоминания самые отрывочные, — ответил Симагин. — Обидно вроде, но ничего не поделаешь. Нужно было войти в чужой мир не оглядываясь.

Андрей усмехнулся.

— Победить, приняв, на время признав врага?.. Нет, честное слово, я не сорвался бы, если бы они стали ломать стулья или сказали, что не смогут со мной работать.

Андрей умолк.

В этот момент дверь открылась и вошел Александр Бортников, руководитель группы, работавшей на Горгоне.

— А, Саша. — Симагин улыбнулся. — Знакомься со знаменитым Севериным.

Андрей взглянул на своего шефа... и принял игру.

— Андрей. — Он протянул руку.

— Александр, — представился Бортников. — У меня такое ощущение, будто я когда-то случайно с вами сталкивался.

— Вряд ли, — усмехнулся Андрей. — Я-то точно впервые вас вижу.

ГРАНИ БУДУЩЕГО

ПРИГЛАШЕНИЕ К МЕЧТЕ

Фантастика — это дверь читателя в большую литературу. Научно-фантастическая книга зачастую бывает первой в руках юного читателя. И, увлекая, она приобщает его к чтению, прокладывает дорогу к другим книгам, пробуждает тягу к знаниям, к поиску образца для поведения в жизни.

Чем же притягивает к себе фантастика? Может быть, тем, что любой человек, в особенности юный, стремясь познать неведомое, неравнодушен к необыкновенному? В какой-то мере это, несомненно, так. Но главное, пожалуй, в ином. Возьмем, например, давние классические произведения научной фантастики. Обстановка действия, достижения науки и техники в них выглядят сегодня не столь уж необыкновенно. И все же... они по-прежнему влекут к себе.

Газеты прошлого века сообщали об исполинском морском чудовище, показывавшемся то там, то здесь, а порой озарявшем океан таинственным светом. Чудовище оказалось удивительной подводной лодкой «Наутилус».

«Наутилус»! Поразительное детище знания и мечты! Он занимает центральное место в романе «Двадцать тысяч лье под водой». Более того, это первый в мире, пожалуй, чуть ли не единственный предмет, вошедший как «герой» в мировую литературу. Образ этого литературного героя создан Жюлем Верном с не меньшей романтической страстностью, чем образ самого капитана Немо.

Много прочитано книголюбями книг, много бережно хранится в их библиотеках. Многие герои, волнуя когда-то, теперь померкли в памяти или стерлись совсем. Но можно с уверенностью сказать, что нет книголюбца, который забыл бы капитана Немо. Так и запомнился он: высокий, скрестивший руки на груди, с красивым и печальным лицом, оттененным темной бородой, с пристальным, устремленным вдаль взглядом. А позади плещется на ветру черное знамя с его инициалами. И мало кто знает, что в Индии черный цвет считался цветом восстания...

Образом капитана Немо Жюль Верн сделал открытие в литературе. До него существовали: герой-аристократ, герой-разночинец, герой-путешественник и многие другие, но никогда не появлялся герой-техник. Капитан Немо стал первым из них. Он появился в век стремительного развития техники,

в век пара и электричества, появился как символ невиданного, грядущего технического прогресса.

И, несомненно, нынешний, герой-техник в век научно-технической революции, атомной энергии, телевидения и кибернетики не меньше занимает нашего читателя, стремящегося постигнуть таинство созидания нового, а не только вызванные этим новым изменения в нашей жизни.

Вступление человека в космос ознаменовалось необыкновенным повышением интереса к фантастике. От нее ждали продолжения взволновавших всех достижений человечества. И на какое-то время космическая тема заполнила фантастические произведения, вытесняя из них все земное, хотя интересы землян остались прежними.

Космическая фантастика нужна читателю, в особенности если в ней, как в зеркале, отражаются земные дела. Но фантастика не может быть только фантастической, потерявшей связи с реальностью. Фантастичность не в провозглашении того, что действие происходит на другой планете в непривычной обстановке, которую легко рисовать. Подлинная фантастика создается не местом действия, а мечтой, чаяниями, стремлением вперед, она создается показом человека во всем богатстве его внутреннего мира, верой в яркие выси грядущего.

«Существует мало людей, фантазия которых направлена на правду реального мира. Обычно предпочитают уходить в неизведанные страны и обстановку, о которой не имеют ни малейшего представления и которую фантазия может украсить самым причудливым образом».

Сказал это не кто-либо из наших современников, а Гёте. Но как современно это звучит!

Читая фантастику, читатель ищет в ней не только необыкновенную обстановку (не она должна быть самоцелью и у писателя!), а интересуется и самим процессом творчества, существом идеи, борьбой за нее, что характерно для всех новаторов всех времен. И ниоткуда не следует, что герой-техник, впервые созданный Жюлем Верном, уже отжил свое, что ему в наше время на смену должен прийти «маленький человек, захваченный ураганом научно-технической революции», — так иногда выражаются некоторые критики, страшащиеся техники. Нет! В наше время значение творцов науки и техники возрастает, и литература не может не отразить этого.

Совершенно напрасно некоторые радетели «нового» и «более прогрессивного» направления в фантастике, именуя его то «философской фантастикой» (без упоминания, что она марксистская!), то «интеллектуальной фантастикой» (как бы

подчеркивая ее назначение для избранных интеллектуалов!), восставали против показа техники в фантастических произведениях. Они презрительно называли технические новшества «техническими побрякушками». И при этом еще рассуждали о научно-технической революции и ее связи с научной фантастикой.

Нет! Не отказом от «технических побрякушек» характерно участие научной фантастики в научно-технической революции наших дней: не «маленький человек», взятый напрокат из чаплинских фильмов о капиталистическом обществе, а «генераторы новых идей» интересуют советского читателя.

Недавно я убедился в этом, встретясь с книголюбом, стоявшим двое суток в очереди за научно-фантастической книгой. Он оказался специалистом электронно-вычислительной техники, работающим в одном из научно-исследовательских институтов. На мой вопрос, чем определяется такой его интерес к научной фантастике, он ответил, что начальник отдела, в котором он работает, рекомендует своим инженерам читать научную фантастику, где можно почерпнуть новые идеи и мысли.

Думается, что этот научный руководитель не единственный, кто с этой точки зрения рассматривает научную фантастику. Есть все основания считать, что даже ЦРУ предписывает своим сотрудникам внимательно изучать советскую научную фантастику, которая в той или иной мере может отразить направление исканий советской научно-технической мысли.

Нелишним, думается, будет сказать о том, что наши идеологические противники очень хотели бы, чтобы советская литература, и особенно научная фантастика, не внушала бы читателям веры в будущее, в победу коммунистических идеалов. И надо с горечью сказать, что в отдельных случаях путем изощренного кривотолкования и бесчестных комментариев им удается выдать за угодные их хозяевам творения некоторые произведения советских авторов, которые, разумеется, в приправленном виде приходится по вкусу антисоветским органам, существующим на средства ЦРУ, таким, как издательство «Посев» в Мюнхене или белоэмигрантский журнал «Грани», о чем сообщили нам «Известия» (№ 275 за 1976 год. — «Формула предательства», в № 47 за 1977 год — «Контора господина Шиманского»).

Никто не выскажется против философской фантастики, если иметь в виду, что она марксистская, глубоко социальная и служит делу построения коммунизма. Но, признавая различные направления научной фантастики, надо иметь в виду, что писатель Советской страны служит интересам комму-

нистического строительства, зовет народ к тому будущему, которое мы строим.

В этом свете хочется оспорить тезис так называемого «веерного метода» исследования будущего (не идет ли он от известной буржуазной «теории стадий»?), который заключается в том, что писатель якобы должен стоять выше интересов сегодняшнего дня, выше всех философских течений. Эта надклассовая, надгосударственная позиция писателя будто бы позволяет ему лучше исследовать художественным методом грядущее. И в этом случае он якобы вправе писать один роман о победе коммунизма, другой — о перерождении социального строя в «псевдокоммунизм», маскирующий торжество мещанства, антиколлективизма и стерилизованной обывательщины, третий — о торжестве капитализма, четвертый — о неизбежной гибели цивилизации вообще и так далее. Едва ли надо доказывать, что такой писатель не зовет читателей к желанным для нас высотам общественного устройства...

Думаю, что этот псевдонаучный метод исследования будущего никак не уживается с задачами советской литературы и прямо противоречит основам марксистской философии. Советский писатель призван верно служить своему народу, построению коммунистического общества, а не блуждать в потемках.

Я не ошибусь, если скажу, что советский читатель, и в том числе молодой, хочет видеть в фантастическом произведении ту путеводную звезду, которая светит ему из грядущего.

Пожалуй, никто из советских фантастов не зажег такой яркой звезды, зовущей в будущее, как Иван Антонович Ефремов в своем романе «Туманность Андромеды».

Человек огромной эрудиции, ученый, оставшийся им и в литературе, он смело рисовал облик коммунистического общества, показывал людей, в которых проступают черты героев современности. Он уделил внимание такому кардинальному вопросу, как воспитание молодого поколения.

В коммунистической эре будут жить такие же люди, как и в наше время, а вовсе не какие-нибудь стада нового биологического вида без интеллекта или, как предполагают некоторые безответственные авторы, некие наследники человечества — кибернетические устройства, более приспособленные, чем человек, к жизни в перенасыщенной энергией среде. Нет! Не «мозги на щупальцах» или лишенные человеческих эмоций, не нуждающиеся в человеческих потребностях бездушные машины будут населять Землю во времена ее коммунистического будущего! Это будут такие же разумные люди, как все мы, но... воспитанные соответственно духу време-

ни. Родившегося ребенка коммунистической эры ничто не будет отличать от современного новорожденного. Но как вырастить и воспитать полноценного человека коммунистической эры со всеми его нравственными ценностями? Только воспитанием, доступным и нам, имеющим тех же младенцев. Читателя впечатляет то место книги Ефремова, где он рассказывает о двенадцати подвигах Геркулеса — по возникшей в грядущем традиции их обязан выполнить каждый человек по достижении зрелости. Это не аттестат зрелости, который ныне выдается школой молодым людям после десятого класса. Это экзамен самой жизнью, экзамен на зрелость и достоинство члена коммунистического общества.

Почему бы нам, глядя на родившихся младенцев, не задуматься над тем, как будущее общество превратит их в своих членов? Ведь время созревания человека даже в отдаленном будущем будет, вероятно, таким же, как и сейчас. Так не перенести ли нам из будущего, как говорил наш великий соотечественник, революционер-демократ Николай Гаврилович Чернышевский, все то, что можно перенести уже сейчас?..

Ради этого и стоит читать фантастические книги, думать над ними, искать в них то, что могло бы быть в грядущем и что стоит осуществить уже в наши дни.

Научно-фантастическая литература в грязных руках может служить тем же целям, что и пресловутая литература ужасов на Западе, действовать на нервы, пугать, отвлекать от действительности и ее острых социальных проблем, уводить в страшные или призрачные сны, глушить или усыплять. Задача советской фантастики — воспитывать читателя в духе высоких коммунистических идеалов, будить его воображение, помогать в поисках нового, как это произошло с геологами Сибири, которые, прочтя рассказ Ефремова «Алмазная руда», стали искать алмазы и нашли их в Сибири, в Якутии. Или как это произошло с замечательным советским изобретателем Денисюком, который, по его словам, изобрел метод голографии под влиянием рассказа Ефремова «Тени минувшего»...

Вот такое чтение талантливых, подлинно научных фантастических произведений, опирающихся на реальность и работающих на нее, может принести читателю и удовлетворение, и радость, и пользу.

АЛЬБЕР РОБИДА — ШУТНИК И МЕЧТАТЕЛЬ

На картине — люди в старинных одеждах, украшенные драгоценностями, с замысловатыми прическами, сверхизысканными манерами. А между тем перед нами один из моментов жизни землян будущего. Вот вертолет для одного и двух пассажиров, автобус, небольшой аэровокзал с причалом и стоянкой...

И все же нет, мужчины и женщины, со смехом разъезжающиеся после спектакля в театре по домам, отнюдь не хранят, да и не хранили в жизни мирных привычек милой старины. Они были людьми своего времени. Такими и нарисовал их автор картины — французский художник Альбер Робида. Интересно другое. Картина написана в прошлом веке!..

В молодости он был неплохим и подающим надежды студентом, а затем служащим нотариальной конторы в маленьком городке на юге Франции. Однако работу в столь серьезном учреждении, карьере, высокое положение в обществе Робида считал не главным. Балагур и весельчак по натуре, Робида допускал на службе, казалось, непозволительные выходки. Прямо из окна нотариуса он забрасывал бумажными шариками посетителей расположенного напротив кафе, стрелял в них из рогатки, строил гримасы, пародировал и, что вызывало особое негодование, рисовал на них карикатуры; причем делал это весьма талантливо. Солидные граждане, естественно, возмущались, выходили из себя, а Робида хохотал от души, заражая весельем всех окружающих, в том числе и полицейских. Смеялся и старый нотариус, ослепленный верой в блестящее юридическое будущее своего «мальчика».

Увы, это будущее так и не состоялось. Старик и не подозревал, что Альбер сделал другой выбор и теперь всячески старался быть невыносимым. Когда столь необычная «юридическая» практика убедила молодого человека в том, что юрист из него выйдет плохой и он сможет добиться в жизни гораздо большего, весельчак отправился в Париж. Он решил непременно стать известным художником.

Прошло время, и талант оценили. Робиду начали узнавать по смешным рисункам в газетах и журналах. Вскоре дело дошло до того, что достаточно было лишь взглянуть на рисунок, чтобы определить его принадлежность перу Робиды. Его популярность росла. В 1900 году, когда Робиде пере-

валило за пятьдесят, художник с присущим ему блеском оформил уголок старого Парижа для Всемирной выставки. Посетители восхищались великолепным исполнением Лувра, Меньшого моста, вертящегося позорного столба Святого Евстафия, домика великого Мольера.

Но, несмотря на успехи, популярность, солидность, Альбер Робида в душе оставался все тем же студентом-весельчаком, шутником и выдумщиком. Он страстно любил мечтать, что в сочетании с многогранным талантом и неутомимым трудом принесло художнику еще большую славу. Вернемся к фантастической картине будущего.

Альбер Робида обладал весьма незаурядными литературными способностями. Его перу принадлежит известный в свое время во Франции научно-фантастический роман «Двадцатый век, или Электрическая жизнь». Одна из французских газет так оценивала книгу: «Откройте ее, и вы окажетесь в другом мире, тоже феерическом, но уже не среди предков, а среди отдаленных потомков». Последуем этому совету сегодня.

...В громадном резервуаре, где хранилось электричество, образовалась течь. Началась страшная электрическая буря. Только ценой невероятных усилий течь удалось остановить. Буря стихла...

Громадных резервуаров, о которых говорит Робида, еще не создано, но конденсаторы, способные мгновенно давать разряд огромной силы, уже применяются в лабораториях ученых. Экспериментальным путем доказано, что в замкнутый кольцом сверхпроводник можно «вливать» мощный электрический ток. В силу поистине волшебных свойств сверхпроводников ток будет свободно «вращаться» в таком резервуаре и использоваться в любой момент по назначению.

Одним словом, всюду электричество. Робида не ошибся. Сейчас никого не удивит электронными наручными часами или синхрофазотроном, всевидящим радиотелескопом или электронным микроскопом. Но вот что особенно интересно. Робида предсказывал: с помощью электричества человек научится управлять погодой.

...Ледяные арктические ветры, минуя густонаселенные районы страны, направляются в Сахару или в степи Азии, где проливаются на землю благотворным дождем. Если же над Европой сильно припекает солнышко, то люди вызывают освежающий ветер с Северного Ледовитого океана. Согласитесь, смелая и захватывающая идея!

А возможно ли ее осуществить? Попробуем задаться таким вопросом. Что же касается ученых, то они уже задумались над решением этой грандиозной проблемы.

Известно, что характер воздушного океана во многом определяют течения ионов и электричества в атмосфере, их

приливы, отливы, повороты и перекааты. Когда человек изучит законы движения и управления этими потоками, станет возможным осуществить идею об изменении климата и управлении погодой, менять направление движения и степень ионизации мельчайших частиц, подобно тому как это делают с элементарными частицами в атомных реакторах, разгоняя их до сверхскоростей. В будущем, вероятно, можно ожидать экспериментов по управлению воздушным океаном с помощью электрических и магнитных полей. Причем для этого, может, и не потребуется колоссальная энергия. Достаточно будет небольшого «энергетического толчка», чтобы вызвать своеобразную цепную реакцию. Нарушится равновесие отдельных слоев ионизированного газа, и они по-иному распределятся над поверхностью земли. Как видим, вопрос, когда это произойдет, адресован пока в будущее. И все же это замечательно интересно и увлекательно.

...По стальной трубе с огромной скоростью мчится поезд с множеством вагонов. В вагонах пассажиры. Они спешат с работы домой — в парящий город... Таких городов пока не построили, но их возможные прообразы — орбитальные космические станции — уже парят в космическом пространстве. Заглянем в один из домов парящего города. По желанию крыша раздвигается до требуемого размера. Достаточно лишь нажать соответствующую кнопку. В квартирах нет кухонь. Их заменяет общая столовая, которая находится в «главном депо продовольствия». Библиотека представляет собой склад маленьких фонографических валиков. На них записаны текст произведения, мысль и голос автора. Если тебе надо перебраться из одного квартала в другой, то можно воспользоваться дирижаблем. Если нужно срочно поговорить о деле, то поднимаешь трубку «телефоноскопа», то есть видеотелефона по современным понятиям...

Возможно, Альбер Робида немного спешил, предполагая, что все это будет уже в двадцатом веке, но таковы уж были его юношеский задор, веселый нрав, смелая и необузданная фантазия.

ТЕОРИИ, ПРОГНОЗЫ И ФАНТАСТИКА

Будущее... Какое оно? Мало кто из нас не задумывался об этом.

Огромные возможности, которые открыли перед людьми современная наука и техника, послужили исходной базой одной из популярнейших тем научной фантастики — человек и будущее общество. Эта фантастика, родившаяся в классовом, антагонистическом обществе, оказалась далеко не однозначной. Прогрессивные, гуманные идеи сплошь и рядом соседствуют в ней с реакционными, мрачными предсказаниями гибели мира и деградации человечества.

На пороге опустевшего города — мыслящие машины. На одной из улиц они встречают «аборигена» — последнего оставшегося в живых человека Земли. Это эпизод из рассказа Б. Олдиса «Но кто же способен заменить человека?».

...Утро в доме. По комнатам деловито снуют автоматы. Но людей в доме нет. Лишь на стене остался выжженный когда-то страшный отпечаток фигур мужчины, женщины и двоих детей, играющих в мяч. Такими своеобразными символами предупреждает человечество об угрозе термоядерной войны известный американский писатель-фантаст Р. Брэдбери в рассказе «Будет ласковый дождь». «От некоторых моих произведений, — заметил недавно в интервью итальянскому журналу «Панорама» Брэдбери, — складывается впечатление, что я настроен к технике враждебно. Это не так. У меня множество рассказов о технике. Одни написаны с целью предостеречь, другие — чтобы заставить почувствовать прелесть жизни, облегченной машинами».

Как видим, позиции этих двух авторов весьма различны. Б. Олдис видит будущее мрачным, а человека — уничтоженным машинной цивилизацией. Р. Брэдбери верит в силу человеческого разума и предупреждает против безумия, могущего обернуться катастрофой.

Тема наступления эры господства машин, порабощения и гибели человечества настойчиво повторяется в научно-фантастических произведениях буржуазных писателей. Они сознательно доводят до крайности тенденцию капиталистического использования техники и не представляют иных направлений развития, кроме тех, которые порождены капитализмом. И как бы ни варьировалась этими писателями данная тема,

ее социальный смысл остается общим и неизменным. В рассказе «Андроид» Г. Каттнер описал мир роботов. Человек неожиданно понимает, что вокруг него в облике служащих фирмы работают не люди, а роботы. Человек решает предупредить остальных людей об опасности, но роботы, двигаясь со всех сторон, выбрасывают его из окна...

На почве капиталистической действительности расцвела и фантастика, рисуящая будущее таким «сытым раем» для бездушного и послушного стада. Его жизнь строго регламентирована и подчинена железной воле правящей элиты. Эта нить тянется еще от философии Платона. Узкий круг избранных пользуется плодами труда других, верно служащих этой элите. Подобная фантастика сплошь и рядом оборачивается антикоммунизмом. Социальная почва таких фантастических мифов одна и та же: классовые, антагонистические отношения, уничтожающие человеческое в человеке.

История нашего столетия убедительно доказала, что подлинный оптимизм связан с социалистическим будущим человечества, когда техника придет на службу потребностям человека, а его духовный мир раскроется во всем своем богатстве*. Именно об этом повествуют произведения советских писателей-фантастов А. Толстого, А. Беляева, И. Ефремова, А. Казанцева и других. Они страстно верят в силу ума, величие и гуманность людей, освобожденных от власти капитала.

По мере развертывания научно-технической революции попытки представить себе облик будущего перестали быть достоянием только научной фантастики. К решению этой проблемы всерьез подключилось возникшее в науке направление теоретического анализа, получившее название футурологии. Футурологическими исследованиями занялись десятки научных организаций: «Рэнд корпорейшн», Гудзоновский институт, Чикагский университет и др. (США), «Группа 1985» (Франция), «Институт проблем будущего» (Австрия) и т. д. Работы футурологов Г. Кана «Год 2000. Тема для размышлений», «Следующие 200 лет», О. Тоффлера «Шок будущего» и «Экспазм» и т. п. выдержали десятки изданий.

В чем же причина бурного развития футурологии? Немецкий ученый О. Флехтхайм, который еще в 1943 году предложил название «футурология», не скрывал, что основная задача футурологии сводится к попыткам опровержения марксистско-ленинского анализа движущих сил, характера и направления общественного прогресса. И действительно, футурология формировалась прежде всего как форма буржуазной

* См.: Г. Шахназаров. Социалистическая судьба человечества. М., 1978.

апологетики и пропаганды антикоммунизма. Однако развитие НТР и государственно-монополистического капитализма, необходимость использования достижений науки в управлении общественными процессами, поиск средств укрепления капитализма ради его выживания в современном мире заставили футурологов и разделяющих их взгляды и теории писателей-фантастов наряду с пропагандой заняться реальными проблемами, с которыми столкнулось человечество во второй половине XX века.

Взлет технического прогресса за последние два десятилетия оказался могучим и стремительным. 90 процентов ученых, которые когда-либо работали или работают на планете, оказались нашими современниками. За последние 17 лет получено больше половины результатов исследований, находящихся в распоряжении человека. Объем знаний во всей науке удваивается за 10 лет, в биологии — за 5 лет, в генетике — за 2 года, в ядерной физике и космонавтике — за 1,5 года *. Техническая революция до основания потрясает материальные основы человеческого общества, изменяя его судьбы за одно десятилетие быстрее, чем за сотни лет прежде.

В сознании людей все более прочно утверждается мысль о безграничности возможностей науки и техники. Одновременно с беспощадной прямой встает проблема социальных целей развития науки, проблема моральных и социальных аспектов технического прогресса. Отец французской футурологии Бертран де Жувенель поставил вопрос: «Как будто с каждым годом мы все лучше оснащены для достижения того, чего мы хотим. Но чего же мы, в сущности, хотим?» Это вопрос не просто растерявшегося одиночки. Проблема существует, она реальна. Известный физик М. Борн писал: «Хотя я влюблен в науку, меня не покидает чувство, что ход развития естественных наук настолько противоречит всей истории и традициям человеческого общества, что наша цивилизация просто не в состоянии сжиться с этим процессом» **.

Такая глобальная постановка проблемы буржуазными учеными делает ее рыхлой и расплывчатой, лишает социально-исторической четкости.

Чего хотим «мы»? И кто это «мы»?

Еще в 1925 году Е. Замятин опубликовал антикоммунистический фантастический роман о будущем человечества, но без умысла озаглавив его «Мы». В его представлении «мы» — коллективное стадо, в котором личность растоптана и угнетена правящей элитой, захватившей контроль над современной техникой. Не ясно ли, что, если речь идет о желаниях стада, кар-

* См.: «Проблемы мира и социализма», 1976, № 2, с. 40.

** Цит. по кн: Братья по разуму. М., «Мир», 1977, с. 13.

тина одна — серая, убогая и безысходная. Совсем иначе, как известно, строятся желания социально-активных классов, передового общества свободы, где, говоря словами «Коммунистического манифеста», свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

Слова физика М. Борна невольно вызывают вопрос: что он подразумевал под «нашей цивилизацией», которая не в состоянии сжиться с ходом научно-технической революции? «Наша» — как общепланетарная? Но такой, увы, не существует в мире, расколотом на противоположные социальные системы. Если же под «нашей цивилизацией» имеется в виду мир современного капитализма, то Борн во многом прав, ибо система отношений буржуазного общества действительно оказывается все более несостоятельной в эпоху бурного развития производительных сил под влиянием НТР.

Однако коренные преобразования, меняющие материальную базу, весь характер производительных сил в мире являются и результатом глубочайших социальных преобразований, наступивших под воздействием главного события XX века — Великой Октябрьской социалистической революции в России.

В мире буржуазных прогнозов о том, как будет жить человек в 2000 году и гораздо дальше, все более определенно пробивается несколько течений — оптимизма и пессимизма. Футурологи пытаются предвидеть будущее общественного прогресса, противопоставляя его марксистскому социальному прогнозированию.

На заре создания футурологии, а время это относится к началу 50-х годов нашего века, среди буржуазных ученых царил оптимизм в отношении всемогущества науки и техники, способности технического прогресса автоматически разрешить все беды, противоречия и конфликты в странах и государствах. Широковещательная заявка такого рода содержалась в разрекламированной буржуазной пропагандой книге американского социолога У. Ростоу «Стадии экономического роста». Ростоу претендовал ни более ни менее как на «опровержение» вывода Маркса о движущих силах и стадиях исторического развития человечества. «Опровержение» сводилось к тому, будто техническая революция делает ненужной какую бы то ни было социальную революцию, а развитие техники автоматически ведет к смене форм цивилизации.

За короткое время идея «технологического детерминизма» завоевала среди буржуазных ученых массу сторонников. Ближайшее будущее рассматривалось как простое накопление ростков настоящего в виде «индустриального общества», «технотронной эры», «постцивилизации», «постиндустриализма» и т. п. На международном симпозиуме по проблемам

«постиндустриального общества» в Цюрихе в 1971 году автор этого термина американский социолог Д. Белл насчитал более десяти названий для обозначения будущего технического прогресса. Конечно, сторонники «технологического детерминизма» могут принадлежать к различным социальным группировкам, отражать позиции различных слоев современного буржуазного общества. И тем не менее общность исходной позиции ставит их в ряд футурологов-оптимистов.

Подобный футурологический оптимизм несет на себе вполне определенный социальный отпечаток, отражая надежду правящих классов на неповторимость в будущем социальных бурь и революций. Обоснование столь напрасных надежд было подготовлено идеей «технологического детерминизма»: развитие техники создает мир массового потребления и ликвидирует эксплуатацию человека капиталом. Правда, на месте эксплуатации появляются как бы новые формы угнетения, связанные с возрастанием отчуждения человека от бездумного мира техники. Об этом писал французский социолог А. Турен. Однако при этом он утверждал, что опасность отчуждения человека от созданного им «общества вещей» ликвидируется в постиндустриальном обществе, которое сохраняет исходные принципы капитализма и устанавливает «зависимое соучастие» людей. Вместе с тем Турен пророчествовал, будто в обществе «бюрократического коллективизма» *, как он изборажал социализм, отчуждение человека от техники становится всеобщим признаком нашей жизни.

В работе американского профессора социологии С. Хетцлера, написанной с позиций воинствующего антимарксизма, утверждается, что «Техника по своей сути является системой социальных и физических связей или способов взаимодействия между человеком и механизмами, с помощью которых он трудится. Техника — это социо-техническая энтелегия (причина существующего. — Авт.), содержащая семена своего собственного роста, которые могут в благоприятных условиях произрастать независимо от других, более поверхностных социальных и экономических факторов, с которыми их принято связывать» **. Технологизм авторской концепции выражен весьма откровенно: доминирующее влияние на человека, — утверждает Хетцлер, — оказывает машина, в связи с чем «понимание сущности отношений между человеком и машиной могло бы во многом способствовать созданию новых концепций, столь необходимых для теории и планирования развития ***.

* Touraine A. La société post-industrielle, P, 1964.

** Hetzler S. Technological growth and social change. L., 1969, p. 293.

*** Там же, к с.

Говоря о решающей роли техники в социальных сдвигах, автор заявляет, будто все основные формы контроля над производством, связываемые традиционной теорией с характером собственности, на деле определяются изменением типов механизации. Поскольку же эти изменения выступают как естественный процесс развертывания научно-технического прогресса, существующие формы контроля над производством «не должны исчезать в ходе кровавой революции, а устраняться сами по себе в естественном процессе роста» *.

Воинствующий антикоммунизм, откровенное отрицание какой бы то ни было социальной революции как способа ускорения общественного прогресса, технократизм в его наиболее метафизическом виде представлены в книге Хетцлера предельно выпукло и откровенно.

Однако широкое распространение подобных идей в начале 70-х годов отнюдь не свидетельствует об их новизне. Тезисы Белла, Фурастье и других певцов «постиндустриализма» были довольно полно изложены еще в 1954 году в работе французского социолога Ж. Эллюля «Техника. Ставка столетия», выдержавшей ряд изданий **. Из американской литературы к работам подобного рода можно отнести книгу К. Керра, Дж. Данлопа, Ф. Харбинсона и Ч. Майерса, которые в 1954 году объединились в группу «по изучению трудовых проблем в экономическом развитии», а в 1962 году опубликовали работу «Индустриализм и индустриальный человек» ***. Вернувшись к своим прогнозам через 10 лет, они с удовлетворением констатировали, что их основополагающие выводы стали своего рода исходным пунктом для новейших концепций «постиндустриального общества». В опубликованном им «Постскрипуме к книге «Индустриализм и индустриальный человек» говорится: «Индустриализация является главным динамическим фактором, действие которого проявляется во всем мире... «Индустриализацией» мы называем всю совокупность отношений, которые устанавливаются между трудящимися, работодателями и обществом с целью использования нововведений современной технологии (машин, методов обслуживания). Эти отношения совершенно иные, чем те, которые преобладают в обществах, состоящих из торговцев, ремесленников, крестьян или охотников и рыбаков. Индустриализация связана с новыми формами поведения, которые оказывают влияние на людей, участвующих в процессе производства, по мере того, как они, если использовать выражение Маркса, пе-

* Hertzler S. Technological growth and social change. L., 1969, p. 293.

** Ellue J. La Technique. Ou e'hieu du siecle. P., 1954.

*** Kerr C., Dunlop J., Harbinson F., Myers Ch. Industrialism and Industrial Man. L., 1962.

реходят от эпохи ветряной мельницы к эпохе паровой машины и продолжают двигаться вперед к обществу, характеризующему богатым выбором продуктов и услуг*.

Подобный «фетиш техницизации» оказывается как нельзя более удобным для того, чтобы уйти от анализа реальной социальной действительности капитализма и тенденций ее антагонистического развития в мир технократического социального прогнозирования, отождествить научно-техническую революцию с социальной и провозгласить на этом основании ненужность каких бы то ни было социальных революционных действий трудящихся масс. Абсолютизация техники помогает вместе с тем уйти от необходимости анализа реально существующих в условиях монополистического капитализма социальных антагонизмов путем «бегства в будущее», где вопрос о социальных антагонизмах из проблемы, требующей анализа реальности, подменяется проблемой более или менее правдоподобной прогностики. «Фетиш техницизации» позволяет совершить такую подмену как можно более незаметно, ибо вместо обсуждения вопроса о тенденциях развития под влиянием научно-технической революции данной системы отношений собственности ставит на первый план вопрос о сущности техники и происходящих внутри ее переменах.

Такой подход к вопросу о тенденциях развития капитализма, независимо от субъективных желаний авторов теорий «постиндустриального общества», широко используется в целях апологетики наиболее реакционными идеологами государственно-монополистической олигархии. Так, например, статья Д. Белла «Заметка о «постиндустриальном обществе» была напечатана в виде предисловия к книге «Год 2000-й. Основы для размышлений о следующих тридцати годах», принадлежащей перу одних из самых реакционных идеологов США, Г. Кана и А. Уинера. Сам факт, что у колыбели социальных прогнозов государственно-монополистической олигархии стоит Г. Кан, весьма показателен. Было время, когда Г. Кан, которого называют «человеком невысказанных мыслей», призывал к уничтожению социализма с помощью атомной бомбы. Именно он в конце 50-х годов посеял в умах людей страх и уныние своим сценарием атомной войны, бросил в обращение такие символические слова гибели, как «эскалация», «мега-смерть» и т. п. С конца 60-х годов Г. Кан переквалифицировался в футуролога, предрекающего счастливый финал XX столетия и первых столетий следующего тысячелетия: несмотря на бурный рост населения, достижения науки и техники вынудят все страны мира взбираться вверх по лестнице индустриального прогресса, обеспечивая людям не только «возможность прокормиться на земле», но и процве-

* «Revue internationale du travail», 1971, N 6.

тание, связанное с изобилием. Другие теоретики, З. Бжезинский например, процветание грядущего «технотронного века» на обозримую перспективу оставляют уделом пока что только Соединенных Штатов Америки.

Г. Кан пытается утешить весь мир обещанием развития под действием индустриализации и многофакторных тенденций гуманистических, гедонистских, эмпирических, секулярных и иных культур. В 1976 году совместно с У. Брауном и Л. Мартелом Г. Кан опубликовал работу «Следующие 200 лет. Сценарий для Америки и всего мира». В качестве глобального перехода человечества от одной эпохи к другой ими берется 400-летний период, протянувшийся на 200 лет назад и на 200 лет вперед. 200 лет назад люди были немногочисленны и бедны. Через 200 лет они станут многочисленны, богаты и будут контролировать силы природы. В контроле, а не в счастье смысл прогресса, утверждает Г. Кан, ибо человек отличается от свиньи не тем, что он счастливее свиньи, а тем, что он в большей мере контролирует свое окружение. Этот 400-летний период не менее драматичен, чем предшествующие ему 10 тысяч лет. Драматизм будущего связан с появлением новой техники и резкими переменами в основах жизни людей. Так было положено начало попыткам осознать те перемены, которые несет человеку развитие НТР. Этот анализ разветвляется в различных направлениях. Наиболее распространенное из них связано с опорой на технические идеи, возникающие с развитием точных и фундаментальных наук, которые экстраполируются в будущее.

Таков путь оптимистической футурологии, на этой базе заложены фундаменты значительной части современной буржуазной научной фантастики. Социальные системы, общественный строй будущего человечества рассматриваются в ней как пассивное отражение требований технического прогресса. Не случайно решающие общественные идеи о типе собственности на «технику», об отношениях между социальными группами по поводу этой собственности, о характере экономического развития не находят места в большинстве фантастических произведений буржуазных писателей и всячески извращаются буржуазными футурологами.

Например, Г. Кан рисует мир следующих двухсот лет как время становления постиндустриальных экономик повсюду и появления супериндустриальных экономик в развитых странах. Путь к постиндустриальной экономике Кан видит в самом техническом прогрессе, экономическом развитии и тривиальной легкости производства продуктов жизненной необходимости. Супериндустриальные общества опираются на гигантские промышленные предприятия, ставшие чрезвычайно мощным фактором, оказывающим воздействие как на окру-

жающую физическую среду, так и на социальную *. Проблема собственности и классов перестает иметь какое бы то ни было значение, так как все кругом богаты и обладают возможностями неограниченного досуга. Симптомом исчезновения собственности провозглашается смещение центров собственности и власти в современных крупных корпорациях, когда фундаментом власти вместо собственности становится квалификация, знание и управление. Эту реакционную идею упорно пытаются обосновать многие защитники и реставраторы современного капитализма.

Технологическая футурология, обещающая капитализму, несмотря на возможные модификации, развитие и вечность, идет в русле общего антисоциалистического течения.

Прямое выступление против научной революционной теории Маркса — Ленина о путях уничтожения частной собственности и обобществления производства на деле как единственной основы подлинного социального прогресса сплошь и рядом маскируется ложной ссылкой на утопизм подобных идей, уходящих к иллюзиям Т. Мора, Т. Кампанеллы и других утопистов позднего средневековья.

Подобные ссылки ложны вдвойне. Теория научного коммунизма основана не на утопических вымыслах, а на анализе объективных законов общественного развития, свидетельствующих об исторической неизбежности смены отживающего капитализма новым, социалистическим обществом. Во-вторых, несмотря на утопичность, Т. Мор и Т. Кампанелла инстинктивно чувствовали противоречия грядущего капитализма, его античеловечность и пытались заглянуть через века в будущее социалистического завтра. Тем самым идеи ранних утопистов лежали не вовне, а в русле прогрессивных идей.

Т. Мор, выдающийся английский философ и мыслитель, лорд-канцлер, сложивший голову на эшафоте, в своей «Утопии» дал не только глубокий анализ современного ему общества, но и высказал величайшую идею о том, что главная причина нищеты и бесправия — господство частной собственности.

Т. Кампанелла, обучавшийся в монастырях Италии, подготовивший восстание, двадцать семь лет просидевший в каменных казематах, оказался несломленным. Он увидел свой «Город Солнца» без паразитизма, гнета и праздности богачей, без частной собственности — первопричины всех зол, Город Солнца на острове Тапробана, где царят сельские общины, для которых ремесло имеет второстепенное значение, а торговля допускается лишь у городских ворот. Возражая Аристотелю, Кампанелла объявлял, что с отрешением от собственности у людей останется только любовь к общине.

* Kahn H., Brown W., Martel L. The next 200 Years, N-Y, 1976, p. 1.

Благородство этих антисобственнических идей заключено в примитивно регламентированной ячейке утопического будущего, далекой от реального хода исторического развития. Регламентация всех условий будущего социализма, как оторванная от жизни иллюзия, характерна и для великих социалистов-утопистов.

В отличие от утопического социализма марксизм определяет глобальные тенденции и направления общественного прогресса и предупреждает против нелепых и утопичных попыток конструирования вариантов будущего. Эта принципиальная позиция, как правило, замалчивается. Марксизму подчас, приписываются нелепицы, не имеющие с ним ничего общего.

Антисоциализм сплошь и рядом прячется в покровы непредсказуемости будущего. Так, говоря о природе социального прогнозирования, известный французский социолог Р. Арон завершил свою книгу «Разочарование в прогрессе. Диалектика современного общества» следующим выводом: «...Люди никогда не знали истории, которую они творили, и нет причин полагать, что они знают ее сейчас. Хорошо, что теперь больше размышляют о будущем, а не рассматривают его как нечто предопределенное. Такой характер мышления должен быть связан с призывом к действию, основанному на понимании пределов нашего знания не в меньшей мере, чем на самосознании. Ни один технический эксперт не может создать общество будущего. Его создание — дело всего человечества, каким же это общество будет — предсказать невозможно»*. Несмотря на «невозможность предсказания», Арон категорически отвергает «советскую модель социализма». Эта модель, как заявил он, не может быть одним из вариантов будущего, ибо она развилась на старой технической базе, до НТР, и носит отпечаток предыдущей формы индустриализации. При этом Арон, конечно же, не желает замечать очевидных достижений стран социализма и пытается их отлучением от «постиндустриализма» обойти молчанием всемирное, интернациональное значение строительства нового мира. Главным пороком «советской модели» Р. Арон провозглашает создание общества на базе государственной коллективной формы собственности.

Нападки на общественную природу реального социализма, ложное изображение коллективизма как формы господства элиты — вот основной штамп технократических футурологов и авторов технологических фантазий, кичащихся своей приверженностью научному мышлению.

Этот исходный штамп дает широкий спектр антикоммунистических прогнозов — от либеральных, в духе социал-демократической модели «демократического», «гуманного», «ры-

* Aron R. Progress and disillusion. The dialectics of modern society. N-Y, 1968, p. 221.

ночного» и т. п. социализма до реакционных, злобно-антикоммунистических фантазий о коллективизме как мире нищеты, грубой уравниловки, презрения к личности. Что за дело авторам этих ужасов до того, что рисуемые ими картины отражают идеалы и практику казарменного, грубоуровнительного коммунизма. А ведь известно, с каким беспощадным сарказмом разоблачал К. Маркс незрелую природу «грубого коммунизма», который призывал к уравниванию частной собственности и всеобщему равенству заработной платы. «Этот коммунизм, — писал К. Маркс, — отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь *иным* способом удовлетворяет. Всякая частная собственность как таковая ощущает — *по крайней мере* по отношению к *более богатой* частной собственности — зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют даже сущность конкуренции. *Грубый* коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него — *определенная ограниченная* мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной*... простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее» *.

На ужасах уравнительного коллективизма уже достаточно заработали, и не только известность, многие футурологи и фантасты — П. Сорокин и Д. Белл, В. Зомбарт и Р. Арон, Е. Замятин, О. Хаксли, Д. Оруэлл и т. д.

Боязнь социальных перемен, неумение разобраться в ходе общественного прогресса породили так называемую антиутопию, хотя корни ее можно обнаружить уже в XVIII веке. Антиутопия декларирует идею об ужасах механизированного мира, погубившего искусство, нравственность, духовное начало человека, видит в техническом прогрессе XX века только его теневые стороны.

Наступление технической эры в конце прошлого столетия ознаменовалось своеобразным символом — стальной Эйфелевой башней. Сейчас, в конце двадцатого столетия, совсем непросто ответить на вопрос, что послужит таким символом для грядущего XXI века. Но, думается, наш Юрий Гагарин наиболее ярко олицетворяет поистине гигантский социальный и научно-технический скачок, совершенный человечеством в XX веке.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 114—115.

Для антиутопии технический прогресс однозначно бездуховен, ибо ведет к уравнительному коллективизму и гибели для человека, а значит, безразлично, что послужит символом его будущего развития: злоедейский атомный гриб или величественная инженерная конструкция через Берингов пролив. Если атомный взрыв уничтожит все живое, то господство техники поработит человека, уничтожив интеллект, нравственность, духовность. В этом плане всякая антиутопия мрачно пессимистична и безысходна. Антиутопия может точно и довольно образно показывать опасности настоящего, но полностью отказывается от поисков выхода, спасения и расцвета цивилизации. Историческая статичность антиутопизма объективно делает его представителей противниками социализма или людьми, не верящими в неизбежность социалистического обновления человеческого бытия.

Уже в 1909 году, когда идеи научного социализма все теснее сплетались с революционным рабочим движением, Эд. Морган Форстер в рассказе «Машина остановилась» описал мрачный мир порабощения человека машиной. Люди, поддавшись на уловку легкой жизни, оказались глубоко под землей под опекой машины, потеряли всякие стимулы к борьбе, творчеству, прогрессу, оказались беспомощными и погибали, когда машина вдруг остановилась. Рост противоречия между техникой и человеком — тема, обыгранная многими известными современными фантастами, такими, как Р. Брэдли, К. Воннегут, К. Саймак и другими. В середине XX века эта тема используется апологетами буржуазии не просто для описания неверия в социальный прогресс, но и получает прямое антисоциалистическое звучание. С ее помощью некоторые буржуазные ученые и писатели-фантасты пытаются скомпрометировать установки социализма на материальный прогресс как необходимую основу расцвета человеческой личности, объявляя машинный прогресс дорогой в никуда. Под маской нелюбимой критики настоящего огонь антиутопистов в значительной мере сосредоточивается на реально развивающемся социализме. Например, в «Новом прекрасном мире» О. Хаксли (1931 г.) изображается мир презрения к культуре, мир кастовости, унификации человека, мир, подтверждающий якобы бессмысленность борьбы за лучший общественный идеал.

Э. Блэр, известный под псевдонимом Джордж Оруэлл (умер в 1950 г.), получил известность после опубликования в 1946 году повести «Животноводческая ферма» и особенно после выхода в свет в 1949 году романа «1984».

Опираясь на линию антиутопии Е. Замятина, О. Хаксли и других пророков, объявлявших любую форму коллективизма причиной угнетения и уничтожения личности, Оруэлл

рисовал ближайшее будущее как мрачное господство элиты, мир обольщивания, нищеты и человеческой деградации. Высокопоставленный деятель О'Брайен прямо заявляет, что цель правящей элиты состоит в создании мира страха, предательства и мучений, прогресс которого будет прогрессом в направлении увеличения страданий. Власть над массами дает технический прогресс.

Видимо, эта идея дала своеобразный повод некоторым авторам утверждать, будто Оруэлл пародировал правореформистскую книгу Д. Бернхэма «Революция управляющих» *, а корни его романа лежали в объективной реальности, отражающей тенденции буржуазного общества эпохи империализма.

Пищу антикоммунистическим романам Оруэлла действительно дала реальность эпохи империализма — победа социалистической революции в России и развитие мировой системы социализма. Наделение будущего коммунистического общества отталкивающими пороками, присущими капитализму, особенно принимающему тоталитарную форму фашизма, понадобилось автору для того, чтобы опорочить коммунизм, отвратить от него сердца и души людей, вызвать в них желание сохранить капитализм.

Роман Дж. Оруэлла «1984» как рефрен сопровождает описание портрета «Человека лет сорока пяти с пышными черными усами, с грубыми, но довольно приятными чертами», надпись под которым гласит: «Большой Брат следит за тобой». Тотальная слежка, извращение всех человеческих эмоций в мире голода и нищеты, убогость существования, попытка задушить тягу людей к любви и дружбе, причину которой герой романа видит в стремлении направить подавляемую энергию людей на достижение целей правящей элиты, двурушничество и лживая демагогия, — вот каким обликом коллективизма запугивают читателей, и особенно молодых, фантасты типа Оруэлла.

Проецирование безграничных возможностей технического прогресса в мир будущего с позиций сохранения основ капиталистического строя создает причудливую ткань апологетических и антикоммунистических картин футурологов и фантастов.

Эксплуатация НТР на базе капиталистического строя рисуется в виде оптимистических иллюзий роста или супериндустриализма. Смакование ужасов коллективизма в антиутопиях также вроде оптимистично по своей природе, ибо исходит из убеждения, что человечество, понимающее, к чему приведет господство элиты, вооруженной техникой, над коллективным стадом, примет все меры, чтобы не допускать подобного будущего. В виде альтернативы на заднем плане все вре-

* См.: Ю. Кагарлицкий. Что такое фантастика? М., 1974, с. 301.

мя маячит идеал «индустриального мира». А чтобы сделать этот идеал более привлекательным, его нанизывают на стержень иллюзий конвергенции, взаимного «обогащения» двух культур, то есть социализма и капитализма.

Однако обольщаться подобной видимостью классовой терпимости к обществу будущего было бы ошибкой, ибо идея конвергенции в конечном счете предполагает не слияние капитализма и социализма в новый постиндустриальный мир, а поглощение социализма буржуазным миром. В противном случае, утверждают фантасты типа Оруэлла, произойдет деградация человека. Отсюда навязывается вывод, будто сохранение изобилия, человечности и культуры может быть обеспечено лишь на пути вовлечения коммунизма в капитализм. Такова подлинная социальная подоплека футурологического оптимизма буржуазных ученых и писателей.

Другой поток буржуазного прогнозирования носит пессимистический оттенок. Будущее рисуется в самых мрачных красках, а достижение пределов роста предсказывается чуть ли не в ближайшие годы. Корнем грядущего зла объявляются наука и техника, вышедшие из-под контроля человека. Социальные пессимисты в ужасе остановились перед растущей бездной противоречий, в которую толкает человечество мир капитала. В их работах немало метких критических замечаний в адрес современного капитализма, неспособного поставить достижения науки и техники на службу человеку. Но эта неспособность ими абсолютизируется и объявляется всеобщей. Мир же организованного, планомерно управляемого общественного производства, создаваемый социализмом, представляется наихудшим воплощением всех отрицательных тенденций современных науки и техники, так как этот мир создает якобы возможность захвата монополии над техникой некой группой бюрократов или даже компьютеров.

Это абсурдное антикоммунистическое истолкование будущего находит, например, продолжение в очередном фантастическом романе Б. Олдиса «Восьмидесятиминутный час. Космическая опера»*. Автор переносит мир в 1999 год, когда в результате третьей мировой войны карта Земли резко изменилась: Британские острова оказались уничтоженными, большая часть Европы — затопленной, а в мире осталось два блока государств: капиталистическо-коммунистический союз (так называемый «Капкомм») и диссидентские государства. В Капкомме все привычные общественно-человеческие устои разрушены, ибо этим блоком управляет «Компьютерный комплекс», пытающийся поработить все человечество. Про-

* Aldis B. The Eighty-Minute Hour, L., 1974.

Б. Олдис — автор известных повестей «Звездный корабль» (1958) и «Освобожденный Франкенштейн» (1973).

блески человечности остались в рамках диссидентских государств во главе с Японией и Бразилией. На Марсе размещены концлагеря «Капкомма», и там же скрывается ученый-злодей Оден Чаплин, который стремится овладеть возможностью контроля за мыслями и поведением всех людей.

Мощная техника, уверяет Олдис, стала причиной всех бед как капиталистического, так и социалистического общества, на базе технического прогресса выхода нет, если не считать выходом господство «Компьютерного комплекса», пытающегося ввести «восьмидесятиминутный час» — этот мрачный символ зла — науки, техники, компьютеров и ученых. Тем самым критика капитализма оборачивается критикой техники и навевает мысль о бережном отношении к капитализму, идеализирует патриархальщину. Защита планеты от разрушения представляется как задача надклассовая, которую не может решить ни современный капитализм, ни современный социализм, так как оба эти строя основаны на стремлении максимально расширить рамки использования техники. Но если уж делать выбор между технико-экономической катастрофой западной цивилизации и социалистической революцией, якобы ведущей к «жестко контролируемому обществу», то идеологи буржуазии, ученые и писатели-фантасты предпочитают глобальную катастрофу и представляют ее как «печальную необходимость».

Пророки рисуют мрачную перспективу человеческого общества и окружающей человека среды, делая главным виновником угрожающих катастроф НТР. Известны пророчества, разработанные под эгидой созданного в 1968 году вице-президентом компании «Оливетти» А. Печчеи «Римского клуба», на шумевшие книги футуролога О. Тоффлера «Шок будущего» и «Экоспазм», тревожные предупреждения экологов. «Наши глобальные проблемы, — писал О. Тоффлер, — несомненно, имеют угрожающий характер. Концом нашего мира мог бы стать не грохот взрыва или стон, а экоспазм» *. Футурологические сценарии пессимистов отнюдь не беспристрастны в классовом плане. С помощью этих сценариев будущего защитники буржуазного строя пытаются посеять настроения безысходности, уверить трудящиеся массы в бессмысленности борьбы за изменение социального строя, за социализм, так как технический прогресс якобы повсюду ведет мир к экологической гибели. Экологический кризис провозглашается явлением общемирового порядка, поражающим как капиталистические, так и социалистические страны, вступившие на путь индустриализации.

Специалист в области индивидуальной и социальной психологии Э. Фромм в книге «Разрушительное в человеке»

* Toffler A., «The Ego-Spasm Report», N-Y, 1975, p. 1.

посвящает много страниц изложению мысли о том, что никакой технический прогресс нигде и никогда не может разрешить общественные проблемы и гармонизировать личность. Безжизненный мир тотальной технизации, по утверждению Фромма, есть просто иная форма смерти и распада мира. Поэтому, мол, никакие изменения «социума», то есть социальных условий, не могут вывести мир из тупика» *.

Одним из основных аргументов сторонников пределов роста и футурологов-пессимистов является ссылка на ряд фактов ухудшающегося состояния окружающей среды в результате технического прогресса.

Ряд ученых приводит данные о катастрофическом истощении невозобновляемых природных ресурсов. Один из авторов теории «пределов роста», Деннис Л. Медоуз, перечислил 19 основных видов полезных ископаемых, которые скоро исчезнут, если их потребление будет возрастать прежними темпами. Сроки исчезновения колеблются от 6 до 154 лет, беря за точку отсчета 1974 год. К примеру, по его расчетам, запасы алюминия будут исчерпаны через 33—49 лет, золота — через 6—17 лет, нефти — через 23—43 года, ртути — через 19—44 года и т. д. **.

В последние годы появилось довольно много прогнозов, предвещающих в обозримом будущем истощение сырьевых ресурсов планеты. Но, как правило, все эти прогнозы статичны, исходят из данных сегодняшнего дня и полностью игнорируют прогресс науки, техники и производства. С одной стороны, постоянно пополняются знания о запасах полезных ископаемых, а сами эти запасы оказываются гораздо больше, чем предполагалось. Вместе с тем НТР делает реальными разработку полезных ископаемых и их добычу там, где прежде считалось невозможным, например, со дна морей и океанов. С другой стороны, технический прогресс постоянно обеспечивает замену природного сырья искусственным, воспроизводимым практически в неограниченных масштабах. Высмеивая страхи «пессимистов», кто-то справедливо заметил, что, если бы сторонники идеи полного истощения природных ресурсов существовали в доисторический период, они пришли бы к выводу, что человечество вскоре столкнется с нехваткой кремня для изготовления топоров и других орудий, необходимых для жизни человека в ту пору.

Другая группа факторов связана с возрастающим загрязнением окружающей среды: вод, рек, морей и океанов, атмосферы и почвы. Известно, что отравление поверхности океанов убивает фитопланктон — поля свободно плавающих рас-

* Fromm E. The Anatomy of human destructiveness. N—Y., 1973, p. 438.

** Dennis L. Meddows, Dynamics of Growth in a Finite World. Cambridge, 1974, p. 372—373.

тительных и животных организмов, производящих до 70 процентов кислорода в земной атмосфере. Особую опасность для поверхности океанов представляет загрязнение нефтью, попадающей в воду из нефтеперерабатывающих заводов, буровых установок, в результате преднамеренного сбрасывания нефтяных остатков с танкеров при промывке баков и в результате аварий. Катастрофа танкера «Амоко Кадис» в марте 1978 года привела к образованию гигантской нефтяной пленки, погубившей побережье Бретани. Следовательно, реальные факты, казалось бы, сами собой подводят к выводу, что технический прогресс, экономическое развитие, бурный рост населения и процесс урбанизации подрывают условия жизни на Земле.

Кажущаяся естественность такого вывода с поразительной легкостью вовлекла в свои сети не только массу обывателей, но и многих вполне серьезных исследователей. «Технический и экономический прогресс опасны для жизни!» — объявили буржуазные ученые-экологи, а вслед за ними писатели и журналисты. К примеру, английский историк и социолог Х. Стреттон в работе «Капитализм, социализм и окружающая среда» прямо заявил о том, что истоки надвигающегося экологического кризиса лежат в идеологии роста и связанной с ней неспособностью понять, что рост экономического потенциала в корне убивает смысл социального развития, так как сокращает сферу жизненной активности неродившегося поколения. Экологический кризис, по мнению Стреттона, превращается в основной узел современных противоречий, заменяя собою массовые конфликты прошлого*. На основе специальной подборки угрожающих фактов получила распространение идея «нулевого роста»: возврата к естественному и простому образу жизни, производству и пользованию долговечными предметами типа неперегорающих электрических лампочек, объявлению моратория на технико-экономическое развитие вообще. Короче, развернулась реклама ностальгии по прошлому, тоски по застою под лозунгом «Назад, в пещеры!».

Попытки представить виновниками разрушения биосферы технический и экономический прогресс, несмотря на их кажущуюся бесспорность, на деле весьма спорны, более того — несостоятельны. Они намеренно уводят внимание от общественных, социальных условий развития и использования современных достижений науки, техники и производства, от коренного вопроса общественного прогресса: какова цель, каков движущий мотив развития той или иной системы производства?

Решение глобальных проблем защиты и сохранения среды обитания человека в будущем связано прежде всего с измене-

* Stretton H., Capitalism, socialism and environment. Cambridge, 1976.

нием цели общественного производства, с подчинением его интересам нынешних и грядущих поколений людей, а не с приостановкой технического прогресса.

Только цивилизация, основанная на общественной собственности, может на деле обеспечить планомерное регулирование всех видов человеческой деятельности в интересах самого человека. Вот эту-то направленность общественного прогресса и пытаются всячески опорочить авторы машинного будущего и экологического пессимизма. Или глобальная катастрофа и гибель нынешней цивилизации, или жестокое тоталитарное правление (безразлично, будет ли это правлением централизованной бюрократии или компьютерного комплекса), лживо увязываемое с возможной революцией, — другого будущему человечеству не дано — вещают буржуазные футурологи-пессимисты.

Апокалипсический сценарий будущего, рисуемый буржуазными учеными-футурологами и писателями-фантастами, отражает углубляющуюся моральную и идейную деградацию капитализма, потерю им чувства исторической перспективы, ощущение обреченности и неизбежной гибели. Антикоммунизм служит при этом средством оклеветать мир социального прогресса, обмануть людей мыслью, что в мире социализма тоже все плохо, и в конечном счете увлечь за собой освобождающееся человечество в пучину, где найдут гибель обломки буржуазной системы.

Фантастика, показывающая лишь неограниченные возможности использования техники на службе человека, полезна, но ограничена, ибо подлинно гуманна эта идея только тогда, когда она открывает пути социального раскрепощения человечества, ликвидации основ эксплуатации одного класса другим, без чего свобода личности невозможна.

Как видим, основные направления буржуазной футурологии, даже облекаясь в форму фантастики, в конечном счете органично связаны с исходными идеями современного буржуазного обществоведения, носят социально пристрастный характер, рассчитаны на исправление, улучшение, модернизацию, но обязательно сохранение капитализма. И в этом историческая ограниченность современных буржуазных прогнозов будущего.

СЕКРЕТЫ ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ

Одним из сокровищ геометрии назвал великий Кеплер золотое сечение. Смысл этого замечательного отношения величин, этой пропорции, «вписанной» в сотни архитектурных ансамблей древности, удивительно прост. Стоит только разделить любой отрезок на две части, чтобы длина его относилась к большей части так, как сама большая часть относится к меньшей, цель окажется достигнутой. Обе части при этом пропорциональны двум числам: 1 и 1,618.

Еще в 1509 году венецианец Лука Пачиоли опубликовал книгу «Божественная пропорция». Его друг Леонардо да Винчи предпочитал пользоваться другим названием. Оно осталось до сих пор: золотое сечение...

Каждое столетие приносило новые и новые подтверждения универсальности геометрического секрета древних. Парфенон и статуи Фидия, греческие вазы, этрусская керамика, древние египетские храмы, оружие и утварь, найденные в гробнице Тутанхамона, да и сами египетские пирамиды — все это результат практического применения зодчими и художниками, безвестными мастерами минувших времен простого и удивительного отношения — золотой пропорции. Дюрер подметил ее в соразмерности человеческого тела. С ней хорошо знаком был скрипичный мастер Страдивариус (не этим ли объясняются некоторые качества созданных им инструментов?).

Объяснения магических на первый взгляд свойств золотого сечения, которое как бы олицетворяет собой самые совершенные, самые гармонические формы искусства, длительное время базировались на «объединении совершенного разума и абсолютной красоты», «божественном единстве и святом триединстве» и т. д. И только в прошлом столетии были сделаны первые попытки научного исследования этой геометрической загадки.

Известно, что золотое сечение вызывает впечатление красоты, приятности, согласованности, соразмерности, гармоничности, привлекательности. Психологи нашли вскоре, что оно создает также ощущение полноты, законченности, спокойствия, уравновешенности.

В конце прошлого века немецкий психолог Фехнер впервые пытался количественно оценить психофизиологическую

реакцию на золотое сечение. Он предъявлял 10 различных прямоугольников с отношениями сторон от 1 до 2,5 и просил каждого из 592 человек (испытуемых) «выбрать те, которые наиболее их удовлетворяют». Максимальное число людей предпочло прямоугольники с отношением сторон, близким или равным 1,62. Распределение оценок было близко к статистической кривой Гаусса. Различия между реакциями мужчин и женщин были незначительными.

Менее известна другая работа Фехнера, посвященная изучению отношения сторон картин художников в крупнейших музеях Европы. Ученый нашел, что художники зачастую предпочитают не прославленную пропорцию, а другие отношения величин. Это кажется непонятным, потому что именно люди искусства обладают и большей чувствительностью, и большей восприимчивостью. Факт остался без объяснения.

У каждого, кто познакомился с историей золотого сечения, возникает естественный вопрос: почему жрецы Древнего Египта, архитекторы, скульпторы античной Греции, времен Возрождения и наши современники предпочитают именно это отношение?

Люди античного мира — драматурги Аристофан и Софокл, поэт Виргилий, скульптор Фидий и другие — создали произведения, которые по силе воздействия и красоте не уступают лучшим произведениям нашего времени. Это доказывает, что способности человеческого мозга не изменились за тысячи лет. Не в особенностях ли мозга следует искать загадку «знаменитого сечения»?

Не менее интересен и другой вопрос: почему художники в ряде случаев сознательно избегают его?

Алгоритмы мозга

Если вы не ожидаете найти нечто неожиданное, то вы его не найдете, потому что это будет для вас непонятно.

Гераклит

Человек может поступать целесообразно, может обучаться только при закреплении в его мозгу определенных алгоритмов, правил.

Возникает задача: как обнаружить сами эти алгоритмы?

Мозг представляет собою самонастраивающуюся логическую систему, которая формулирует цели и намечает пути их достижения, оптимизируя структуру связей нейронных сетей. Нейроны взаимодействуют с помощью электрических сигналов. Оптимизированные конфигурации нейронных се-

тей представляют собой колебательные электрические цепи. Разным состояниям мозга соответствуют колебания с разными частотами. В каждой системе управления можно выделить основные, самые общие принципы действия. Их число обычно невелико. Мозг не исключение. Основным состоянием мозга соответствуют определенные структуры его нейронных цепей со своими собственными частотами электрических колебаний.

Электрические колебания в мозгу животных открыл в 1875 году английский врач Р. Кэтон, а в мозгу человека в 1925—1929 годах — немецкий психиатр Г. Бергер. В течение последнего столетия опубликовано около 10 тысяч статей и множество монографий, посвященных исследованию электрической активности мозга. Эксперименты физиологов показали, что в зрелом мозгу здорового человека при различных его состояниях преобладают определенные частотные диапазоны электрических колебаний.

Наиболее точные измерения крайних, граничных частот этих диапазонов были выполнены советским ученым П. Гуляевым. У каждой из «мозговых волн», обозначаемой греческой буквой, свой диапазон частот, то есть каждому состоянию соответствуют «свои» волны. Было обнаружено, что с повышением частоты активация мозга увеличивается. Все это стало ясно при изучении электроэнцефалограмм.

У ребенка тэта-волна вырабатывается уже в пятилетнем возрасте, раньше остальных типов волн. У взрослых эту волну в лабораториях можно возбудить разными способами. Английский физиолог Г. Уолтер нашел эффективный и гуманный метод. Он испытывал молодого француза-стажера, которому обаятельная девушка слегка поглаживала волосы. Когда по условному знаку девушка переставала касаться ладонью головы юноши, у того сразу возникал четкий тэта-ритм.

Волна альфа — наиболее частый наш спутник. Участки мозга не могут работать непрерывно, и хотя бы короткие состояния покоя просто необходимы. Есть основания полагать, что отдых и соответствующий ему альфа-ритм мозга — это не отрешение от действительности, а скорее готовность к действию. При доминировании волн тэта или альфа мозг находится в состояниях, наиболее важных для выживания.

Исследования физиологов показали, что амплитуды и частоты электрических колебаний мозга почти непрерывно меняются в процессе жизнедеятельности. При этом подметить количественные закономерности трудно. На помощь приходят вычислительные машины.

Советский исследователь А. Клочков получил таким образом графики активности мозга как функции от частоты; на

них просматривались четкие максимумы, всплески. Ю. Дубикайтес экспериментально установил, что мозг в чем-то подобен электрической цепи из активного сопротивления, соединенного параллельно с конденсатором. Но мозг еще генерирует электрические колебания, значит, он аналогичен электронному генератору типа сопротивление — емкость. Такие генераторы хорошо известны радиоинженерам. Частота колебаний генератора равна средней геометрической частоте собственных частот двух цепочек сопротивление — емкость (для генерации нужны, как минимум, две цепочки). Такие две цепочки и могут служить моделью для изучения электрической активности мозга: каждая цепочка определяет одну из крайних, граничных частот диапазона данной волны мозга.

Спектрограммы Ключкова экспериментально подтвердили, что пики спектральной мощности, всплески чаще всего появляются именно на таких частотах. Например, в состоянии покоя у большинства людей наблюдается четкий максимум на частоте десять герц. А ведь десять герц — это как раз и есть среднее геометрическое крайних частот альфа-волн — восемь и тринадцать герц, то есть десять примерно равно корню квадратному из произведения чисел восемь и тринадцать.

Средняя геометрическая частота делит диапазон частот любой волны мозга на высокочастотную и относительную низкочастотную области (полосы).

Отношение этих полос друг к другу есть постоянная величина (инвариант) для данной волны; оно зависит только от соотношения крайних частот этой волны.

Человек поднялся над животным миром благодаря осмысленному труду, умственной работе. При этом состоянии мозга доминирует бета-волна, которую поэтому нужно считать главной составной частью единой системы всех электрических волн мозга. Средняя геометрическая частота для нее составляет 22,13 герца, а две полосы равны 8,13 герца и 12,87 герца. Общий же диапазон, то есть разность крайних частот, составляет 21 герц.

И отношения этих величин друг к другу приводят нас к удивительному результату — к золотому сечению:

$$\frac{21}{12,37} \cong \frac{12,87}{8,13} \cong 1,618.$$

Информационный резонанс и золотое сечение

Страдает душа, если равных себе
не находит.

Х а ф и з

В физике резонансом называют увеличение амплитуды колебаний объекта, когда его собственная частота колебаний совпадает с частотой внешнего воздействия.

Существуют более общие и сложные виды резонанса. Так, взаимопонимание можно рассматривать как проявление информационного резонанса, при котором большая часть элементов сообщения, передаваемого одним человеком, уже содержится в памяти другого, которому адресовано сообщение. Человек понимает собеседника, если оба говорят на том языке, которым владеют. Специалисты понимают друг друга, только если у них одинаковый уровень подготовки. Такой подход можно представить формулой: «взаимопонимание возможно при близких уровнях развития».

...Как воспринять информацию или, скажем, оценить форму рассматриваемого предмета? Человек напрягает при этом внимание, то есть выполняет умственную работу, и в его мозгу преобладает волна бета. Если форма воспринимаемого предмета «содержит» золотое сечение, то мозг оказывается при этом «настроенным» на него. Ведь золотое сечение не что иное, как отношение полос частот при бета-ритме. Вот оно, проявление информационного резонанса!

Волны мозга развиваются постепенно, по мере созревания мозга. Взрослые люди явно предпочитают золотое сечение. Повторение опыта Фехнера с детьми восьми лет показало, что они не отдают предпочтения какой-либо определенной форме прямоугольника: в их мозгу еще не выработался информационный резонанс, не усвоены традиции среды.

Описанное выше математическое объяснение тайны золотого сечения требует дополнительного анализа. Появление пиков активности электрических колебаний мозга на средних геометрических частотах всех других волн есть не что иное, как резонанс на этих частотах. Почему же состояния мозга, при которых доминируют другие волны, не сопровождаются чувством приятного?

Для ответа на этот нелегкий вопрос необходимо исследовать алгоритмы всех остальных волн и затем сравнить их с алгоритмом волны бета, то есть, иными словами, с алгоритмом золотого сечения.

Существуют ли неизвестные волны мозга?

Природа не использует избыточных сущностей.

О к к а м

Каждая часть любой системы обладает некоторыми свойствами ее главной части и также обязательно имеет и индивидуальные отличия от всех остальных частей. Это справедливо и для системы алгоритмов мозга. Инвариант главной волны бета равен 1,618. Инварианты других известных волн можно вычислить из значений их граничных частот и из системного обобщения уравнений золотого сечения.

Отсюда для волн дельта, бета, альфа, гамма находим их инварианты: 1,221, 1,324, 1,272, 1,272. Алгоритмы волн альфа и гамма оказались одинаковыми, как свидетельствуют эксперименты. Важно, что обобщенный подход помогает теоретически открыть новые волны электрической активности «на кончике пера». Математическое исследование всех известных волн приводит к системе алгоритмов, которая подсказывает, что должны существовать еще не обнаруженные экспериментально волны ρ и σ с инвариантами 1,465 и 1,380.

Системный количественный анализ волн электрической активности мозга открывает интересные закономерности.

Оказывается, что уравнения алгоритмов всех волн, кроме волны бета, содержат нулевые слагаемые (не входящие в окончательные уравнения алгоритмов), которым соответствуют скрытые операции умножения. Трудно пока сказать, какой конкретный механизм мозга соответствует им при мыслительной деятельности. Однако выполнение дополнительных операций, соответствующих этим слагаемым, требует и соответствующих умственных усилий. Ясно, что лишние усилия при выполнении любой работы не могут вызвать радости.

Вот почему волна бета занимает особое место в системе волн мозга. Ей соответствует наиболее «краткий» алгоритм активности. И потому она чаще всего связана с успешной деятельностью, с приятным чувством, даже с радостью. И в этом секрет золотого сечения, ведь оно описывается той же закономерностью, что и волна бета.

Мне довелось участвовать в 20-е годы в ликвидации неграмотности. До сих пор отчетливо помню, какая искренняя радость светилась в глазах людей, впервые постигших грамоту, когда они писали: «Мы не рабы».

При успешном решении жизненных, учебных, производственных, научных задач всегда появляется мажорное на-

строение еще и потому, что успех как раз и основан на исключении лишних действий, мешающих работе.

Любое живое существо избегает неприятного, это главный мотив поведения живого организма. Инварианты волн α и β основные, остальные инварианты только производные от них. И это указывает на то, что волны этих типов связаны с наиболее важными параметрами мозга как адаптивной, самонастраивающейся системы.

Волна β возникает в состоянии восприятия золотого сечения при успешном выполнении умственной работы, волна α — при появлении неприятности. Приятное и неприятное противоположны: это не только состояния, но и процессы. Инварианты этих волн, как говорят математики, дуальны и представляют противоположные мотивации, или основные антагонистические эмоции.

Чем больше активация мозга, тем выше частота волн. Наиболее высокочастотная волна σ (еще не обнаруженная!) должна преобладать при творческом состоянии мозга. В процессе творчества мозг использует все свои возможности, все свои алгоритмы.

Можно предположить, что инвариант этой волны должен быть равен поэтому среднему геометрическому значению инвариантов всех шести алгоритмов мозга. И точные вычисления дают именно этот ответ!

Но пора вернуться к загадке давних опытов Фехнера. В 1898 году он установил, что отношения сторон картин, собранных в европейских музеях за 400 лет, не соответствуют золотому сечению. Мы обнаружили, что в работе Фехнера средние отношения сторон 1477 жанровых картин равны не произвольным числам, а инвариантам волн δ , α , β и σ . И равенства эти (каким бы удивительным ни казалось совпадение) выполняются с погрешностью менее одного процента.

На картинах с другими сюжетами отношения сторон были равны в ряде групп этим же инвариантам и также с малыми погрешностями. Особенно интересны высокая точность совпадения отношения сторон картин и инвариантов мозга и тот факт, что художники выбирали и отношение, равное инварианту волны σ . Эта волна и ее инвариант подсказаны теоретически системой алгоритмов мозга. Практически этот инвариант, оказывается, уже применялся интуитивно выдающимися художниками в течение четырех веков.

Совпадение отношений сторон картин с инвариантами волн мозга не только подтверждает точность интуиции художников, но и служит еще одним веским доказательством существования системы инвариантов волн мозга, в частности волн σ .

В процессе творчества художник стремится выразить определенное настроение (и сам переживает его), например, состояние покоя, умиротворенности или конфликта, тревоги. Естественно, что при этом он реализует в своей работе инварианты волн альфа и тета.

Когда художник полностью захвачен процессом творчества, вдохновением, он использует до предела все свои возможности; в его мозгу преобладает волна сигма, что и подтверждается статистикой Фехнера.

Системный количественный анализ раскрыл загадку восприятия золотого сечения, поставил на очередь экспериментальное обнаружение волн ро и сигма и выдвинул новые задачи, ведущие к дальнейшим обобщениям. Уместно вспомнить, что Д. И. Менделеев, расположив химические элементы по их атомным весам, обнаружил периодический закон, который стал крупным научным достижением и орудием для физических и химических исследований.

Из аналогии следует, что важно найти закономерность распределения реальных волн мозга на оси частот.

Здесь возникают новые вопросы и проблемы. Почему каждая волна мозга со своими конкретными математическими свойствами находится в определенном месте частотной очереди? Почему природа позаботилась, чтобы волны альфа и гамма, имеющие одинаковые алгоритмы, были расположены на оси частот по обеим сторонам диапазона волны бета? Существуют ли другие типы золотых сечений или известное золотое сечение единственное? Какую информацию несут волны электрической активности?

Каков еще неизвестный общий принцип самонастройки мозга? Как он определяет строгую упорядоченность частотного распределения его волн?

Почему инварианты мозга человека «содержатся» в формах живых организмов, живших 600 миллионов лет назад?

Ответы на эти вопросы даст научный поиск, исследования.

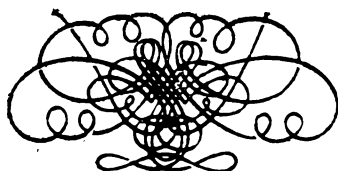
Природа полна тайн и загадок, раскрытие которых увлекательнее, чем приключения Мегрэ, Эркюля Пуаро и Шерлока Холмса. И тайна «мозговых волн» — одна из них.

К раскрытию этих тайн я и призываю молодое поколение неугомонных исследователей.

Записал ВАЛЕРИЙ РОДИКОВ

БИБЛИОГРАФИЯ

СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА *

(Опыт библиографии 1976—1977 гг.)

Абрамов С. Время его учеников. Повесть. — «Искатель», 1977, № 1, с. 34—37.

Агеев Л. Анюта. Рассказ. — В кн.: Кольцо обратного времени. Сборник. Л., Лениздат, 1977, с. 610—627.

Алексеев О. Ратные луга. Повесть. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 8—53.

Аматуни П. Требуется король. Повесть. — «Дон», 1976, № 7.

Амнуэль П. Далекая песня Арктура. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1977, № 2.

Арканов А. Кафе «Аттракцион». Рассказ. — «Юность», 1977, № 4, с. 128—131.

Ахметов С., Янтер А. Малек и Корсар. Рассказ. — «Сибирь», 1977, № 3, с. 87—91; Малек и «Эрика». Рассказ. — «Московский комсомолец», 1977, 18 января.

Бабенко В. Бег. Рассказ. — В кн.: Фантастика-75—76. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, с. 147—152; Проклятый и благословенный. Рассказ. — «Искатель», 1976, № 4, с. 130—160; Феномен всадников. Рассказ. — «Искатель», 1977, № 3, с. 21—34.

Балабуха А. Коктейль Декстера. Рассказ. — «Искатель», 1976, № 3, с. 80—87; Отзовись! Рассказ. — В кн.: Собеседник. Сборник. Вып. 3. Новосибирск, 1977, с. 150—154; Победитель. Рассказ. — «Искатель», 1977, № 3, с. 14—21; Пограничник. Рассказ. — В кн.: Кольцо обратного времени. Сборник. Л., Лениздат, 1977, с. 599—609; Попутчики. Рассказ. — «Социалистическая индустрия», 1976, № 74; Предтечи. Рассказ. — В кн.: Собеседник. Сборник. Вып. 3. Новосибирск, 1977, с. 144—150; Равновесие. Рассказ. — В кн.: Незримый мост. Сборник. Л., «Детская литература», 1976, с. 143—150; Усть-уртское диво. Рассказ. — «Аврора», 1977, № 6, с. 29—33.

Балашавичус Б. Знакомый солдат. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1977, № 8.

Биленкин Д. Гениальный дом. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1976, № 4; Исключение из правил. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1976, № 12; Они увидят. Рассказ. — «Социалистическая индустрия», 1976, № 74; Снега Олимпа. Рассказ. — «Искатель», 1976, № 2, с. 2—13.

Булывчев К. Градусник чувств. Мутант. Рассказы. — «Знание — сила», 1977, № 5; Журавль в руках. Рассказ. — «Химия и жизнь», 1976, № 3, с. 94—101; Заграничная принцесса. Повесть. — «Пионерская правда», 1976, № 82—85, 87—88, 91—97; Нужна свободная планета. Повесть. — В кн.: Мир приключений. Сборник. М., «Детская литература», 1977, с. 71—121; О любви к бессловесным тварям. Рассказ. — «Химия и жизнь», 1977, № 12, с. 110—115; Паровоз для царя. Рассказ. — «Знание — сила», 1977, № 2; Ретрогенетика. Рассказ. — «Химия и жизнь», 1977, № 1, с. 116—121.

Валентинов А. Планета гарпий. Повесть. — В кн.: Мир приключений. Сборник. М., «Детская литература», 1977, с. 124—225; Разорвать цепь... Рассказ. — «Техника — молодежи», 1977, № 3, с. 53—55.

Вачнадзе Г. Звездный парус. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1976, № 12.

* Продолжение библиографии, публикуемой с 1968 года.

Гагарин С. Разум океана. Повесть. — В кн.: Гагарин С. Разум океана. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1977, с. 6—139.

Гансовский С. Побег. Рассказ. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 54—76; Человек, который сделал Балтийское море. Рассказ. — В кн.: Фантастика-75—76. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, с. 119—133.

Голованов Я., Гусман Ю. Контакт. Повесть. — «Юность», 1976, № 6, с. 43—68.

Греков Ю. Случай с монтером Жуковым. Повесть. — «Юность», 1977, № 7, с. 54—98.

Грешнов М. Надежда. Рассказ. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 260—271; Экзамен по космографии. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1976, № 7.

Григорьев В. Реконструкция. Рассказ. — В кн.: Григорьев В. Рог изобилия. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 98—104 (Библиотека советской фантастики).

Гуляковский Е. Планета для контакта. Повесть. — В кн.: Мир приключений. Сборник. М., «Детская литература», 1976, с. 127—229.

Гуревич Г. Нелинейная фантастика. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1976, № 7; Открытие секунды. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1977, № 3; Троя. Рассказ. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 140—160.

Дадаян Х. И каждый год в начале марта... Рассказ. — «Литературная Армения», 1977, № 6.

Данных М. Планета Терра. Рассказ. — «Земля и Вселенная», 1976, № 4.

Демирчоглян Г. «Ростбиф» из солнечных лучей. Рассказ. — «Коммунист», 1976, 14 марта.

Де-Спиллер Д. Желтая электричка. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1976, № 5; Открытие математика Матвеева. Рассказ. — В кн.: Фантастика-75—76. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, с. 225—236; Планета калейдоскопов. Рассказ. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 129—139; Самосияющий экран. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1977, № 9.

Диланян С. Утро. Рассказ. — «Литературная Армения», 1977, № 6. Дмитрук А. Доброе утро, химеры! Рассказ. — В кн.: Фантастика-75—76. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, с. 283—301.

Другаль С. Тигр проводит Вас до гаража. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1977, № 1; У каждого дерева есть своя птица. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1977, № 11, с. 55—61.

Дручин И. Яд змеи. Повесть. — «Дружба». Альманах. Чебоксары, 1977, № 28, с. 45—73.

Ершов А., Зубков Б. Тайна «Центавры». Повесть. — «Звезда Востока», 1976, № 3, с. 198—221.

Житинский А. Эффект Брумма. Повесть. — В кн.: Незримый мост. Сборник. Л., «Детская литература», 1976, с. 369—400.

Забелло Ю. Пятеро на борту. Повесть. Киев, «Веселка», 1977, 64 с. Зейтунцян П. Неделя — семь воскресений. Сказка. — «Литературная Армения», 1976, № 3.

Калонайтис Р. На горизонте «Энигма». Рассказ. Пер. с лит. — В кн.: Фантастика-75—76. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, с. 274—282; Последний враг. Рассказ. Пер. с лит. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 226—235.

Карасев Д. Доказательство. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1977, № 9.

Карпова К. Парадокс ФЕОДАРА. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. Сборник. М., «Мысль», 1977, с. 353—366.

- Карпов И. Хрусталинка. Рассказ. Фрунзе, «Мектеп», 1977, 24 с.
- Катерли Н. Прохор. Окно. Озеро. Чудовище. Рассказы. — «Нева», 1977, № 8, с. 37—46.
- Колупаев В. Защита. Повесть. — «Уральский следопыт», 1977, № 5; Май. Лагерный сад. Рассказы. — В кн.: Колупаев В. Билет в детство. Новосибирск, 1977, с. 34—41, 93—97; Молчание. Рассказ. — В кн.: Фантастика-77. Сборник, М., «Молодая гвардия», 1977, с. 77—84.
- Комаров В. Если бы знать заранее. Рассказ. — «Земля и Вселенная», 1976, № 6; Круг. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1976, № 10.
- Кривенко Е. Танец перед похителем статуй. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1977, № 8, с. 59—63.
- Кривин Ф. Изобретатель Вечности. Повесть. — «Знание — сила», 1976, № 6, 7.
- Куранов Ю. Звучность леса. Рассказ. — В кн.: Фантастика-75—76. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, с. 153—175.
- Ланской М. Битые козыри. Роман. Л., Лениздат, 1977, 432 с.
- Лапин Б. Конгресс. Рассказ. — В кн.: Зеленый поезд. Сборник, М., «Молодая гвардия», 1976, с. 199—221.
- Ларин Е. Отвечает Земля. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. Сборник. М., «Мысль», 1977, с. 339—351.
- Ларионова О. Где королевская охота. Рассказ. — «Аврора», 1977, № 3, с. 30—41; Дотянуть до океана. Рассказ. — В кн.: Собеседник. Сборник. Вып. 3. Новосибирск, 1977, с. 130—143; Кольцо Фернсуортов. Повесть. — «Искатель», 1976, № 3, с. 125—160; Подсадная утка. Рассказ. — В кн.: Незримый мост. Сборник. Л., «Детская литература», 1976, с. 89—118; Сказка королей. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1976, № 3.
- Липатов П. Часы с браслетом. Рассказ. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 297—308.
- Лукьянов Л. Вперед к обезьяне! Повесть. — В кн.: Мир приключений. Сборник. М., «Детская литература», 1977, с. 504—623.
- Лукьянов О. Голос серебряной моли. Рассказ. — «Волга», 1977, № 7, с. 119—128; Эльдorado. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1976, № 1.
- Максимович Г. Если он вернется... Рассказ. — «Искатель», 1977, № 3, с. 35—53; Фраза из дневника. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1977, № 1; Шерше ля фам. Рассказ. — «Искатель», 1976, № 5, с. 122—141.
- Малов В. Рейс «Надежды». Рассказ. — «Искатель», 1976, № 5, с. 142—160.
- Мамонова М. Возвращение. Рассказ. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 286—296; Песня звезд АБЭВ. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1976, № 2.
- Мартынов Г. Незримый мост. Повесть. (Сокращ. вариант). — В кн.: Незримый мост. Сборник. Л., «Детская литература», 1976, с. 11—88.
- Мархабаев А.-Х. Ответное слово. Рассказ. Пер. с каз. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 318—322.
- Медведев Ю. Чертова дюжина «Оскаров». Рассказ. — «Техника — молодежи», 1977, № 2, с. 38—44.
- Мирер А. Дом скитальцев. Роман. М., «Детская литература», 1976, 416 с.
- Михайлов В. Сторож брату моему. Роман. Рига, «Лиезма», 1976, 374 с. (Приключения. Фантастика. Путешествия).
- Михановский В. Испытание. Рассказ. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 236—243; Робот Кис. Рассказ. — «Социалистическая индустрия», 1976, 26 сентября; Тобор первый. Повесть. — «Искатель», 1977, № 1, с. 88—126.

- Мынэскургэ И. Мужчины Вселенной. Рассказ. Пер. с молд. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 309—313.
- Немченко М. Мухомавт. Рассказ. — «Урал», 1976, № 11, с. 185.
- Никитин Ю. На Груманте. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. Сборник. М., «Мысль», 1976, с. 3—53.
- Обухова Л. Вечерние сказки на Водолее. Рассказ. Дочь Ноя. Яблоко этого года. Повести. — В кн.: Обухова Л. Диалог с лунным человеком. Калининград, Кн. изд-во, 1977, с. 83—128, 151—160.
- Олейникова Т. Лунатики. Рассказ. — В кн.: Фантастика-75—76. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, с. 183—184.
- Панасенко Л. Поливит. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1976, № 2.
- Панизовская Г. Выход из одиночества. Повесть. — В кн.: Кольцо обратного времени. Сборник. Л., Лениздат, 1977, с. 460—560.
- Панков В. Игры. Рассказ. — В кн.: Фантастика-75—76. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, с. 185—207.
- Пискунов В. «Гелиос» ищет планету. Эти мегелы... Повесть и рассказ. — Ростов-на-Дону, Кн. изд-во, 1977, 111 с.
- Попов Г. За тридцать планет. Повесть. Минск, «Мастацкая литература», 1976, 301 с.
- Прашкевич Г. Шпион против компьютера. Повесть. — «Уральский следопыт», 1976, № 6.
- Пухов М. Все цветы Земли. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1976; № 3; Картинная галерея. Рассказы. М., «Молодая гвардия», 1977, 223 с. (Библиотека советской фантастики); Цейтнот. Рассказ. — «Химия и жизнь», 1977, № 7, с. 88—91.
- Рич В. Вселенная по Кесареву. Рассказ. — «Химия и жизнь», 1977, № 4, с. 31—32.
- Романов А. Большая Медведица смотрит на город. Повесть. — «Сибирские огни», 1976, № 7.
- Романовский Д. Честь имею представить — Анна Каренина. Повесть. — В кн.: Кольцо обратного времени. Сборник. Л., Лениздат, 1977, с. 379—449.
- Росоховатский И. Командир. Рассказ. — В кн.: Фантастика-75—76. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, с. 302—306. Рассеянность Алика Семина. Рассказ. — В кн.: Незримый мост. Сборник. Л., «Детская литература», 1976, с. 433—442; Таможенный досмотр. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. Сборник. М., «Мысль», 1976, с. 365—372; Ураган. Повесть. — В кн.: Незримый мост. Сборник. Л., «Детская литература», 1976, с. 119—142.
- Рыбин В. Голубой цветок. Рассказ. — «Искатель», 1977, № 2, с. 2—15; Дверь в иной мир. Рассказ. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 161—175; Здравствуй, Галактика! Рассказ. — «Техника — молодежи», 1977, № 7.
- Сабиров Р. Шахия искусства. Рассказ. — В кн.: Фантастика-75—76. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, с. 237—255.
- Синицына Л. Пузыри Земли. Повесть. — «Памир», 1976, № 5—6.
- Смирнов И. Черный ромбоздр. Рассказ. — В кн.: Незримый мост. Сборник. Л., «Детская литература», 1976, с. 235—258.
- Смирнов С. Зеркало. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1977, № 12; Цветок в дорожной сумке. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1976, № 11.
- Советов Н. Дорожное происшествие. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1977, № 10, с. 66—74.
- Суркис Ф. Сова. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1976, № 11.
- Тарнарукский Г. Не разобрались. Рассказ. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 219—225.

Тищенко Г. Вампир Гейномиуса. Рассказ. — «Литературный Азербайджан», 1977, № 2, с. 94—101.

Тупицын Ю. Мезозой. Повесть. — В кн.: Тупицын Ю. На восходе солнца. Волгоград, Нижне-Волжское кн. изд-во, 1977, с. 3—74; Перед дальней дорогой. Роман. — «Искатель», 1976, № 5—6; Старт. Повесть. — «Искатель», 1977, № 6, с. 70—120; Эти тонкие грани риска. Рассказ. — В кн.: Фантастика-75—76. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, с. 134—146.

Фирсов В. Конец агрессора. Рассказ. — «Социалистическая индустрия», 1976, № 74.

Хачатурьянц Л., Хрунов Е. На Фобос! Глава из повести. — «Земля и Вселенная», 1977, № 4.

Хлебников А. Невероятный выдумщик. Рассказ. — В кн.: Незримый мост. Сборник. Л., «Детская литература», 1976, с. 401—410; Третья мировая война. Рассказ. — В кн.: Кольцо обратного времени. Сборник. Л., Лениздат, 1977, с. 450—459.

Чернов В. Сын Розовой медведицы. Роман. М., «Детская литература», 1976, 240 с.

Шайхов Х. Загадка Рене. Повесть. Пер. с узб. — «Звезда Востока», 1977, № 10, с. 176—204; Наследство. Рассказ. Пер. с узб. — «Искатель», 1977, № 3, с. 2—13.

Шашурин Д. Встреча в пансионате. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1977, № 3, с. 52—53; Сорочий глаз. Повесть. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 183—218.

Шпаков Ю. Генератор Ку-Ку. Детонатор. Испытание на прочность. Рассказы. — В кн.: Шпаков Ю. Испытание на прочность. Алмата, «Жалын», 1977, с. 5—18, 51—60, 81—122.

Щербаков А. Змий. Повесть. — В кн.: Незримый мост. Сборник. Л., «Детская литература», 1976, с. 309—368; Золотой куб. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1977, № 10; Рабочий день. Рассказ. — В кн.: Незримый мост. Сборник. Л., «Детская литература», 1976, с. 443—454; Сервис. Рассказ. — В кн.: Кольцо обратного времени. Сборник. Л., Лениздат, 1977, с. 628—637.

Щербаков В. Бolid над озером. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1976, № 10; Женщина с ландышами. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1977, № 4; Красные кони. Рассказы. М., «Молодая гвардия», 1976, 304 с. (Библиотека советской фантастики); Крылатое утро. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1976, № 1.

Эджубов Л. Ошибка. Рассказ. — В кн.: Фантастика-77. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1977, с. 244—259.

Юрьев З. Быстрые сны. Повесть. — «Юность», 1976, № 3—5.

Юферев В. «Тихая» планета. Рассказ. — «Искатель», 1976, № 2, с. 14—23.

Юшко А. Сто метров до Марса. Рассказ. — «Искатель», 1976, № 2, с. 144—159.

Ягупова С. Зеленый дельфин. Повесть. Симферополь, «Таврия», 1977, 144 с.

Якубовский А. Купол Галактики. Повести и рассказы. М., «Молодая гвардия», 1976, 239 с. (Библиотека советской фантастики).

Составил А. ОСИПОВ

ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВ Олег Алексеевич — член СП СССР, родился на Псковщине в 1934 году. В мальчишеские годы О. Алексеев вместе с родителями помогал партизанам громить фашистов — впечатления той поры постоянно оживают во многих его произведениях. Читатели хорошо знают О. Алексеева как поэта. В поэме «Осада» автор воссоздает картины легендарного прошлого родного края, пишет о мужестве русских людей — защитников древнего Пскова во время осады города польским королем Стефаном Баторием.

О. Алексеев — автор десяти книг стихов и прозы. Повесть «Горячие гильзы» трижды выходила в нашей стране, издана за рубежом. В сборнике издательства «Молодая гвардия» «Фантастика-77» опубликована его первая историко-фантастическая повесть — «Ратные луга». Открывающая этот сборник новая повесть О. Алексеева «Крепость Александра Невского» продолжает традиционную и дорогую для писателя тему героического прошлого нашей Родины.

ГРЕШНОВ Михаил Николаевич — член СП СССР, родился в 1916 году в Ростовской области. Работал слесарем в паровозном депо. С 1938 года студент Ленинградского университета. В годы войны учился в Прибайкалье, в Тункинской долине, завершил свое образование в Краснодарском педагогическом институте. В 1960 году в журнале «Уральский следопыт» был опубликован первый фантастический рассказ М. Грешнова — «Золотой лоток». Два года спустя в Ставрополе вышел сборник лирических рассказов «Три встречи», а в 1967 году в Новосибирске — сборник фантастических рассказов «Обратная связь». В 1974 году издательство «Молодая гвардия» познакомило читателей с новым сборником фантастических рассказов М. Грешнова — «Волшебный колодец». Рассказы М. Грешнова публиковались в журналах, сборниках «Фантастика», за рубежом.

ГУЛЯКОВСКИЙ Евгений Яковлевич, член СП СССР, родился в 1934 году, закончил геологический факультет Кишиневского университета, после чего работал начальником поискового геологического отряда в Северо-Восточном Казахстане. Е. Гуляковский начал свой путь в литературу с рассказов о геологах «Сломанный мост», «Песок», «Выше леса» и др. Потом были поставлены два художественных фильма по его сценариям: «Над пустыней небо» и «Горная станция».

Первый фантастический рассказ Е. Гуляковского опубликован в авторском сборнике «Высокий ключ» в 1964 году, вышедшем в издательстве «Молодая гвардия». Первая фантастическая повесть «Планета для контакта» опубликована в сборнике «Мир приключений» в 1976 году. Эта повесть переведена в Польше и Чехословакии.

Во втором, третьем и четвертом номерах журнала «Уральский следопыт» за этот год опубликована новая большая повесть писателя — «Сезон туманов».

ДМИТРУК Андрей Всеволодович родился в 1945 году в Киеве. Окончил исторический факультет Киевского университета. Работает в области научно-популярного кино, сценарист. Рассказы А. Дмитрука хорошо знакомы читателям по сборникам издательства «Молодая гвардия», «Фантастика», журнальным публикациям. Среди них «Доброе утро, химеры!», «Ответный визит», «Чудо», «Ауэнтэрия» и другие.

ЗИБЕРОВ Дмитрий Алексеевич родился в 1940 году в Москве. После окончания школы работал слесарем-сборщиком на московском машиностроительном заводе «Знамя труда», затем с 1965 года в многоотиражной газете этого предприятия «Заводская правда». После окончания исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова работает в центральной печати. Статьи, репортажи, очерки, рассказы Д. Зибера печатались в сборниках издательства «Молодая гвардия», журналах «Нива», «Спутник», «Неделя», «Молодой коммунист», «Техника — молодежи», за рубежом.

КАЗАНЦЕВ Александр Петрович — старейшина советской фантастики, родился в Акмолинске, ныне Целиноград, в 1906 году. После окончания Томского политехнического института в 1930 году работал главным механиком Белорецкого металлургического комбината, затем в Москве в научно-исследовательских и проектных организациях. Свой путь в литературу А. Казанцев начал с научно-фантастического сценария, за который был удостоен первой премии на Всесоюзном конкурсе молодых писателей. Свой сценарий А. Казанцев положил в основу ставшего широко известным романа «Пылающий остров», который вышел в 1940 году. Вторым крупным произведением писателя стал роман «Арктический мост», символизирующий интернациональное сотрудничество советского и американского народов. За годы Великой Отечественной войны А. Казанцев прошел боевой путь от солдата до полковника, руководил одним из крупнейших научно-исследовательских институтов. Послевоенные годы оказались наиболее плодотворными для писателя. За это время вышли такие его романы, как «Льды возвращаются», «Подводное солнце» («Мол Северный»), «Фаэты», «Сильнее времени», повести «Лунная дорога», «Планета бурь» (экранизирована) и много рассказов.

Произведения А. Казанцева переведены более чем на 25 языков в различных странах. На III Всеевропейском конгрессе писателей-фантастов в Познани в 1976 году А. Казанцеву была присуждена специальная международная премия по научной фантастике. В 1977—1978 годах в издательстве «Молодая гвардия» вышло трехтомное Собрание сочинений А. Казанцева.

КОРАБЕЛЬНИКОВ Олег Сергеевич родился в 1949 году в Красноярске. По профессии врач-анестезиолог, работает в Красноярской городской клинической больнице. Заочно учится в Московском Литературном институте имени А. М. Горького. Первые рассказы опубликованы в журналах «Енисей», «Сибирские огни»: «Мастер по свету», «Маленький трактат о лягушке и Лягушатнике», «Стол Рентгена», «Прикосновение крыльев».

ЛАРИОНОВА Ольга Николаевна хорошо известна читателям как автор научно-фантастического романа «Леопард с вершины Килиманджаро», целого ряда повестей и рассказов. Произведения О. Ларионовой неоднократно переиздавались в нашей стране и за рубежом.

МАКСИМОВИЧ Геннадий Васильевич родился в Москве в 1943 году. Окончил факультет журналистики МГУ. В печати работает с 1964 года. Главная тема творчества Г. Максимовича — человек и научно-технический прогресс.

Работы Г. Максимовича печатались в журналах: «Искатель», «Советский воин», «Техника — молодежи», «Радуга», «Техника и наука» и др. Его книга «Беседы с академиком Глушковым» вышла в издательстве «Молодая гвардия», переиздавалась в Советском Союзе, за рубежом.

МЕДВЕДЕВ Юрий Михайлович родился в 1937 году в Красноярске, учился в Новосибирске, Алма-Ате. После окончания школы работал на стройке, затем учился в военно-морском артиллерийском училище, окончил Московский Литературный институт имени А. М. Горького. Вот уже многие годы Ю. Медведев работает в молодежной печати.

Ю. Медведев — автор книг «Ночной аэродром» и «Капитан звездного океана», вышедших в издательстве «Молодая гвардия» и переведенных на языки народов СССР и за рубежом, очерков, переводов.

НЕЧИПОРЕНКО Валерий Петрович родился в 1946 году. По специальности инженер, окончил Ташкентский политехнический институт. Работает в отделе науки центральной республиканской газеты «Правда Востока» в Ташкенте. Выступает в печати с очерками, повестями и рассказами, переводами.

ПАНАСЕНКО Леонид Николаевич родился в 1949 году, живет и работает в Днепропетровске, член СП СССР. Публикуемый в сборнике рассказ «Мастерская для Сикейроса» был впервые напечатан в журнале «Техника — молодежи» в 1978 году.

РОДИКОВ Валерий Евгеньевич родился в 1939 году, окончил Московский электротехнический институт связи, кандидат технических наук. Выступает в печати с научно-популярными материалами, один из авторов сборника «Тайны веков», вышедшего в издательстве «Молодая гвардия» в 1977 году.

СОКОЛОВ Александр Александрович родился в 1905 году, кандидат технических наук, профессор. В настоящее время руководит лабораторией бионики Московского энергетического института, автор более ста научных работ.

САГАБАЛЯН Руслан Парнавазович родился в 1951 году в Ереване. Окончил Ереванский университет. Член СП СССР. Автор фантастических рассказов и статей о современной фантастике. Творчество Р. Сагабалиана проникнуто глубоким лиризмом, искренностью, гуманизмом. Его короткие рассказы «Аукцион», «Гвюлок», «Дракон», «За горизонтом», опубликованные в журнале «Литературная Армения», хорошо приняты читателями.

СМИРНОВ Сергей Анатольевич родился в 1958 году в Москве. После окончания школы поступил во 2-й Московский мединститут, сейчас учится на 4-м курсе. Первый рассказ — «Цветок в дорожной сумке» — опубликован в журнале «Техника — молодежи» в 1976 году, вошел в сборник издательства «Молодая гвардия» «Фантастика-77». В 1978 году его рассказ «Большая охота» опубликован в «Искателе».

СОВЕТОВ Николай Михайлович родился в 1929 году в Саратове, кандидат физико-математических наук, преподает в Саратовском педагогическом институте. Н. Советов — автор ряда научных монографий и статей. Рассказ «Дорожное происшествие» — первое фантастическое произведение автора — был опубликован в 1978 году в журнале «Уральский следопыт».

ХРОМУШИН Геннадий Борисович родился в 1930 году в Ростове-на-Дону, окончил Московский университет, доктор экономических наук, пре-

фессор. Перу Г. Хромушина принадлежит более двадцати монографий по исследованию современной буржуазной общественной мысли, проблемам социального прогнозирования и экологии, научные и научно-популярные статьи в периодической печати, многие его работы изданы за рубежом.

ШУКШИН Василий Макарович родился в селе Сростки Алтайского края в 1929 году. С раннего возраста стал самостоятельным. В суровую военную пору началась его трудовая биография. Затем служба на флоте. После армии В. Шукшин экстерном сдает экзамены на аттестат зрелости, учителем в школе — ведет русский язык, литературу, историю. В 1954 году поступает на режиссерский факультет ВГИКа, начинает свою работу в кино как актер («Два Федора»), а потом и как режиссер («Живет такой парень») и одновременно сценарист. С начала шестидесятых годов, помимо многочисленных журнальных публикаций, выходят из печати сборник рассказов В. Шукшина «Сельские жители» (1963), первый роман «Любавины» (1965).

Считая главной темой своего творчества крестьянство, В. Шукшин серьезно изучает историю России, историю крестьянских бунтов, Степана Разина — «самой поэтичной фигуры в нашей истории», по словам Пушкина. В. Шукшин видит в Степане Разине дорогие ему черты русского характера: ум, простоту, ясность, широту души, смелость. В 1967 году В. Шукшин пишет сценарий «Я пришел дать вам волю» и мечтает поставить фильм, сыграть в нем главную роль, мечтает, чтобы «...образ Разина был поднят до такой высоты, чтобы в его судьбе отразилась судьба всего русского народа, вконец истрадавшего и восставшего». В. Шукшин начинает работать над романом о Степане Разине. Одновременно выходят его книги «Там, вдали» (1968), «Земляки» (1970), герои его произведений выходят на экран и сцену — «Странные люди», «Печки-лавочки» и другие.

Уже на вершине зрелости В. Шукшин пробует себя в новых жанрах: повести — драматической, лирической, сатирической, притче, сказке, повести для театра. Из самых значительных — впоследствии экранизированных — знаменитая «Калина красная». Здесь проявилась особая грань редкого таланта В. Шукшина — он создал образ, обладающий зрелой собственной логикой, понятиями. Обширны были творческие замыслы писателя. Но они не сбылись. 2 октября 1974 года Василий Шукшин неожиданно умер от сердечного приступа.

ШАЙХОВ Ходжиакбар Исламович родился в Ташкенте в 1945 году, окончил энергетический факультет Ташкентского политехнического института имени А. Беруни. Дебют молодого автора — рассказ «Седьмой СЭР», опубликованный в журнале «Гульхан» в 1965 году. Затем вышли рассказы «Удивительные сны», «Пришельцы», «Пробуждение совести» и другие. В 1972 году издательство «Еш гвардия» выпустило первый сборник научно-фантастических рассказов «Седьмой СЭР». В 1976 году в издательстве художественной литературы имени Г. Гулама вышел сборник Х. Шайхова «Таинственные звезды» и, наконец, в 1977 году в издательстве «Еш гвардия» — новый сборник «Загадка Рене». Х. Шайхов работает ведущим инженером в одном из институтов АН УзССР, член СП СССР, участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей.

ЩЕРБАКОВ Александр Александрович родился в 1945 году, живет и работает в Ленинграде. Инженер и поэт, переводчик, он успешно осваивает жанр научной фантастики. Его перу принадлежит повесть «Змий», рассказ «Сервис» и другие произведения. Их характерная особенность — зримые приметы эпохи НТР и точные жизненные и психологические характеристики героев — творцов науки и техники.

ЩЕРБАКОВ Владимир Иванович родился в 1939 году в Москве, окончил радиотехнический факультет МЭИ, кандидат технических наук. Удостоен премии на Международном конкурсе молодых писателей-фантастов социалистических стран (Варшава, 1968). За книгу научно-фантастических рассказов «Красные кони» (1976 г.) награжден почетным дипломом и памятной медалью Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского.

ЯРОВОЙ Юрий Евгеньевич родился в Ленинграде в 1933 году, окончил Свердловский университет. В настоящее время живет и работает в Свердловске, профессиональный литератор, член СП СССР. Первое фантастическое произведение — рассказ «Хрустальный дом», опубликован в сборнике «Фантастика-78». Рассказ «Подарить вам город?», несмотря на необычность сюжета, продолжает реалистическую традицию в творчестве писателя.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Севастьянов. Лети, стрела времени! (Предисловие) . . .	5

Повести и рассказы

О. Алексеев. Крепость Александра Невского	10
Е. Гуляковский. Атланты держат небо	43
Х. Шайхов. Загадка Рене	120
В. Щербаков. «Могу рассказать вам...»	152
А. Дмитрук. Ночь молодого месяца	161
В. Савченко. Жил-был мальчик	176
А. Щербаков. Золотой куб	196
Ю. Медведев. Чертова дюжина Оскаров	203
Ю. Яровой. Подарить вам город?	222
Л. Панасенко. Мастерская для Сикейроса	242
О. Ларионова. Страницы альбома	249
М. Грешнов. Сны над Байкалом	259
Н. Советов. Дорожное происшествие	268
Г. Максимович. Призвание	281

Школа мастеров

В. Шукшин. До третьих петухов	290

Молодые голоса

О. Корабельников. Воля летать	336
Р. Сагабалин. Аукцион	347
С. Смирнов. Зеркало	355

Грани будущего

А. Казанцев. Приглашение к мечте	360
Д. Зиберов. Альбер Робидо — шутник и мечтатель	365
Г. Хромушин. Теории, прогнозы и фантастика	369
А. Соколов. Секреты золотого сечения	387

Библиография

Советская фантастика (1976—1977 гг.)	396
ОБ АВТОРАХ	401

Ф22 **Фантастика-79/Сост.: А. Козлов, А. Осипов; Предисл. В. И. Севастьянова. — М.: Мол. гвардия, 1979. — 406 с., ил.**

В пер.: 1 р. 90 к. 150 000 экз.

Главная тема традиционного сборника произведений советских писателей-фантастов — время, человек и его дело. В разделе «Школа мастеров» публикуется фантастическая сказка Василия Шукшина «До третьих петухов». Читатель познакомится также с творчеством молодых авторов, делающих первые шаги в большой литературе. В разделе «Грани будущего» выступают писатель А. Казанцев и известный советский специалист по прогнозированию профессор Г. Хромушин.

ББК 84(2)7
С62

Ф $\frac{70302-275}{078(02)-79}$ — 238—79. 4702000000.

ИБ № 70500

ФАНТАСТИКА-79

Редактор Д. Зиберов

Художник Р. Авотин

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор В. Пилкова

Корректоры Г. Василёва, Г. Трибунская, Е. Самолетова

Сдано в набор 02.02.79. Подписано в печать 17.10.79. А00229. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 25,5. Учетно-изд. л. 25,9. Тираж 150 000 экз. (1-й завод 75 000 экз.) Цена 1 р. 90 к. Заказ 2394.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 90 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ